ЧЕКИСТЫ

Сборник

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

В сборник вошли очерки о восьми героях-чекистах - И.К.Ксенофонтове, Я.Х.Петерсе, М.С.Кедрове, Е.Г.Евдокимове, Г.С.Сыроежкине, Н.А.Прокопюке, М.А.Трилиссере и С.А.Ваупшасове. Разные характеры, разные судьбы… Но есть у этих героев общее в главном: долг перед Родиной.

-
- А. ВЕЛИДОВ
- ВАЛЕНТИН ШТЕЙНБЕРГ
- М. КОЗИЧЕВ
- ВЛАДИМИР ЛИСТОВ
- А. КРАЮШКИН, Л. ПОЛЯНСКИЙ
- ИГОРЬ ДОРОНИН
- В. АНДРИАНОВ
- А. МОРОЗОВ
- notes
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20

Славную страницу в историю нашего государства вписали чекисты, в первые же дни Советской власти вставшие на защиту завоеваний революции. Сотрудники созданной по указанию

Владимира Ильича Ленина Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК) под руководством видного деятеля большевистской партии Феликса Эдмундовича Дзержинского в годы тяжелых испытаний, выпавших па долю нашей страны, ликвидировали заговоры и мятежи против молодой республики, вели неустанную борьбу с саботажем, спекуляцией и должностными преступлениями.

Среди тех, кто тогда стал защитником безопасности первого в мире государства рабочих и крестьян, были герои книги, которую ты, читатель, держишь в руках.

У каждого из этих людей своя яркая ж необычная биография, свой путь в революцию. Но всех их объединяла беззаветная преданность идеалам коммунизма, готовность в любую минуту пожертвовать собой, защищая завоевания трудящихся.

Они стали чекистами в трудное для страны время. Внутренняя и внешняя контрреволюция пыталась задушить молодую Советскую республику. Но на борьбу с врагами революция встали Солдаты Дзержинского, бесстрашные и преданные бойцы нашей партии. Герои этой книги были участниками разгрома контрреволюционных монархических и белогвардейских организаций, ликвидации анархистского подполья, а также других операций чекистов, ставших образцом мужества, героизма, самоотверженности.

О подвигах чекистов написано немало. Их славные дела послужили основой для многих литературных произведений, фильмов, спектаклей, которые увековечили в памяти народа имена тех, кто не щадил себя в жестокой схватке с врагами вашей Родины.

Но таков уж суровый закон жизни: прошедшего огонь и воду чекиста нечасто встречают с медными трубами. Иногда только через годы, а то к десятилетия люди узнают о его подвиге. Характер чекистской работы, требующий неукоснительного соблюдения конспирации, нередко заставляет долгое время хранить в тайне сведения о тех или иных операциях, о деятельности сотрудников. По этой причине до недавнего времени не так уж много было написано о замечательных советских чекистах И.К. Ксенофонтове, Я.Х. Петерсе, М.А. Трилиссере, Г.С. Сыроежкине, а имя Е.Г. Евдокимова, кавалера четырех орденов Красного Знамени, лишь эпизодически упоминалось на страницах произведений, посвященных истории органов государственной безопасности: СССР.

Основанный на документальных материалах, этот сборник серии «ЖЗЛ» знакомит читателей с жизнью и деятельностью видных чекистов — ветеранов, внесших заметный вклад в дело

обеспечения безопасности Советского государства. Это были честные, самоотверженные и бескорыстные люди, не искавшие для себя благ и привилегий. Многим из них после окончания гражданской войны пришлось бороться с бандитизмом на Украине и в Средней Азии, сражаться на стороне республиканцев в Испании, а потом в суровые для нашей страны годы войны с фашистской Германией участвовать в партизанском движении.

С тех пор прошло много лет, по подвиги героев-чекистов живы в памяти советских людей. Они всегда будут для нас достойным примером беззаветного служения Родине.

А. ВЕЛИДОВ
ИВАН КСЕНОФОНТОВИЧ КСЕНОФОНТОВ

— Бабушка, тятька с мамкой едут! — закричал Андрюша, с сияющими глазами вбегая в избу.

Бабушка, стоявшая у печи, бросила ухват в угол и устремилась к двери, на ходу вытирая руки о передник. Но раньше ее на улице очутились внуки Яша и Ваня.

К избе, поскрипывая колесами, подъезжала телега. В ней сидели радостно улыбавшиеся отец с матерью.

Приезд на пасхальные праздники Ксенофонта и Устиньи Крайковых, работавших на текстильной фабрике в Москве, нарушал монотонное однообразие деревенской жизни. После приветствий и поцелуев отец с матерью развязывали котомки, распаковывали узды и начинали раздавать подарки: бабушке — темный платок, ребятишкам — ситцевые рубашки, ботинки, леденцы и пряники. Потом садились за стол и начиналась неторопливая беседа. Затаив дыхание, Яша, Вася и Андрюша, как сказку, слушали рассказы родителей о первопрестольной Москве. Бабушка, в свою очередь, сообщала последние деревенские новости — кто умер в Савинках, кто женился, кто отделился от родителей.

Пасхальный отпуск проходил быстро, крестьяне-отходники уезжали в города. Жизнь в деревне возвращалась в обычную колею. Снова работали дотемна в поле, ухаживали за скотиной. Питались хлебом, квасом, щами, кашей.

Ваня, средний сын в семье Крайковых, всегда с нетерпением ждал приезда родителей, их вкусных гостинцев, рассказов о Москве. Он мечтал, как и многие его сверстники, пожить в этом городе. Хотя Ване было лишь 12 лет, однако он уже успел натерпеться всякого. Ему пришлось работать на кулаков, пасти деревенское стадо. Нередко в доме к весне не оставалось муки, и бабушка посылала мальчика просить милостыню. Чаще всего ему вежливо, с состраданием отвечали: «Бог подаст». Иногда давали корки хлеба, яйца.

Однажды, вскоре после отъезда родителей, бабушка подозвала к себе внука и, грустно глядя на него, сказала:

— Ваня, отец подыскал тебе место в Москве. Ты ужебольшой мальчик, пора работать. Будь умницей, ходи вцерковь, слушайся и уважай старших.

Долго бабушка еще говорила внуку о том, чтобы он боялся бога, не забывал родных, не тратил попусту деньги, которые будет зарабатывать.

Через несколько дней Ваню собрали в дорогу.

На станцию Батюшкове приехали к полудню. Вскоре с фырканьем и грохотом подошел поезд. Простились с провожатыми, сели в вагон. Раздался гудок паровоза, поезд тронулся, застучали колеса о рельсы, замелькали в окнах станционные постройки, дома, деревья.

Время в пути прошло незаметно. Ваня с интересом наблюдал за пассажирами, смотрел в окно на проносившиеся поля, леса и деревни. Оказалось, что его попутчики работали на фабрике Щекина, куда отец устраивал Ваню. Они много рассказывали о своей жизни, о фабричных порядках.

Вечером приехали в Москву. На перроне Ваню встречали отец с матерью.

Через знакомого мастера отец устроил Ваню на фабрику присульгдиком на прядильной машине. Мастер, усатый, невысокого роста мужчина в запыленной одежде, объяснил мальчику, что он должен делать:

— Будешь заправлять основы. В цех надо приходитьк семи утра. Конец смены в восемь часов вечера.

Мастер помог мальчику получить койку в фабричном общежитии и строго наказал не опаздывать на работу.

Жизнь в Москве на первых порах очень понравилась Ване. По воскресеньям и в праздничные дни он любил бродить по городу. С удивлением смотрел на многоэтажные дома, на красивые церкви, на фабрики с высокими дымящимися трубами, заходил в магазины и лавки, наполненные всевозможными товарами. Мальчик восхищался красивыми рысаками, запряженными в экипажи, поражался многолюдности улиц и площадей. Все это так отличалось от того, что он видел в деревне!

Работа вначале показалась Ване нетрудной и даже интересной. Жалованья хватало на то, чтобы ежедневно питаться в фабричной столовой, и даже оставались кое-какие деньги на сладости. Нищая, голодная деревня вспоминалась как кошмарный сон.

Любознательный, смышленый мальчик присматривался, как живут люди вокруг. Одни после окончания работы шли в кабак и около полуночи с пьяным шумом и криками возвращались в общежитие. Другие, поужинав, садились за стол и начинали с азартом играть в карты. Молодые рабочие, нарядившись в выходные костюмы, уходили гулять.

Большинство живших в общежитии были неграмотными. Только несколько человек умели читать. Часто по вечерам они доставали газеты и углублялись в чтение. Вокруг них сразу собирались рабочие, просили читать вслух, оживленно обсуждали новости.

Ваня, еще в деревне самостоятельно научившийся грамоте, тоже пристрастился к чтению газет. Сначала он читал их для себя, а потом для своих товарищей. Прошло немного времени, и мальчик стал в общежитии признанным чтецом.

Нередко читали романы Лажечникова, рассказы Успенского, произведения Пушкина, Лермонтова. Особенно любили слушать поэмы и стихи Некрасова.

Во время чтения часто возникали споры. Почему у разных пародов не одна и та же вера? Чем объяснить, что в одних странах правят цари и короли, а в других — президенты? Где простому народу лучше живется? Как появились богатые и бедные? Почему люди воюют? Много говорили о только что изданном новом фабричном законе. Радовались, что царь-батюшка установил рабочий день «всего лишь» в одиннадцать с половиной часов, ограничил сверхурочные работы, ввел обязательные перерывы на обед. Вместе с тем недоумевали, почему новый закон определил так мало праздничных дней.

Быстро летело время. Работа с раннего утра до позднего вечера перестала быть такой привлекательной, какой она показалась Вайе в первое время. Нудная, монотонная, она сильно изматывала мальчика. Заработной платы, которую Ваня вначале считал чуть ли не целым состоянием, едва хватало на питание. Поизносилась одежда, прохудились сапоги. А рядом с собой мальчик видел холеные, сытые лица конторщиков, мастеров.

Осенью 1897 года Ваня Крайков перешел на фабрику Сытина под Москвой, а затем — на фабрику Захарова в Сыромятниках. Здесь трудились по 10 часов в день и была выше оплата.

Проработав зиму у Захарова, Ваня в мае 1900 года устроился ставельщиком на фабрику Дюфурмантеля. Поступить на новое место удалось легко, так как весной многие крестьяне-отходники брали расчет и уезжали в деревню обрабатывать землю.

На фабрике часто можно было видеть студентов-практикантов из Технического училища. Во время обеденного перерыва молодые люди нередко вели беседы с рабочими, рассказывали им о порядках на других предприятиях Москвы и Петербурга.

Как-то Ваня подошел к группе возбужденно споривших рабочих. Один из них взволнованно доказывал своим товарищам, что надо бороться за увеличение расценок.

Почти везде рабочие добились повышения заработка, — говорил он. — Наш хозяин дерет с нас три шкуры. Если мы дружно выступим и потребуем прибавки жалованья — он уступит.

— А если не уступит? — раздались голоса.

— Тогда объявим забастовку. Вспомните, сколько стачек заканчивалось победой нашего брата.

Через несколько дней рабочие обратились к Дюфурмантелю с требованием повысить расценки. Хозяин отказался. Рабочие объявили стачку, но своего не добились.

После стачки порядки на фабрике ужесточились. Мастера и их помощники начали придираться ко всяким мелочам, увеличились штрафы. Администрация мстила рабочим.

…Прошло два года. Ваня вырос, возмужал, окреп. Любимым его занятием стало чтение книг. Он начал ходить в Политехнический музей, где была большая библиотека. Читал все подряд — книги по истории, физике, химии, биологии, астрономии, произведения русских и иностранных писателей. Юноша по-новому стал смотреть на окружавший мир. С улыбкой вспоминал он теперь о своей вере в бога, в рай и ад, в вечные муки грешников.

Однажды Ване довелось прочитать листовку, изданную социал-демократами. В ней рассказывалось о том, как хозяева фабрик и заводов наживаются на труде рабочих, как царь защищает капиталистов, используя против пролетариев полицию и солдат. Ване захотелось познакомиться с кем-нибудь из социал-демократов. Но на фабрике о них не было слышно. Правда, говорили, что существовала социал-демократическая группа, но ее арестовали еще в начале 1900 года, до прихода Вани на фабрику.

В читальне музея Ваня познакомился с рабочим завода Гужона Алешей Фуфлиндаревым. Юноши подружились. Однажды Алеша пригласил Ваню в гости. За разговором время пронеслось незаметно. На прощанье Алексей после некоторого раздумья произнес:

— Ваня, хочешь я тебя познакомлю с интересными людьми?

— Очень.

— Давай встретимся в воскресенье и пойдем вместе.

— Куда?

— Потом узнаешь.

Настало воскресенье. Ваня с нетерпением ожидал встречи. После обеда в читальню зашел Фуфлиндарев и позвал его с собой. Сели в конку, доехали до Лефортова. Какими-то незнакомыми Ване переулками вышли к Анненгофской роще.

Прошли запущенными дорожками старого парка на поляну, укрытую от любопытных глаз деревьями и густыми кустами. Там было человек 20 рабочих — одни сидели на траве, подстелив пиджаки, другие стояли, вполголоса разговаривая. Тихо играла гармонь. Осеннее солнце близилось к закату.

От группы разговаривавших отделился высокого роста человек и предложил собравшимся подойти поближе.

— Это Костин, с нашего завода, — шепнул Алексей Ване.

Рабочие окружили Костина. Он говорил просто и доходчиво. Хозяева уменьшают расценки, жить рабочим становится невмоготу. На многих фабриках и заводах происходят забастовки. В деревнях крестьяне поджигают барские именья. Власти посылают солдат на борьбу с «беспорядками». Царь, фабриканты, помещики — одна шайка, сосущая кровь из народа. У рабочих только один путь избавленья от кабалы — объединиться и прогнать царя и его приспешников.

Когда Костин кончил свою речь, посыпались вопросы. Рабочие говорили о порядках на фабриках, возмущались грубостью мастеров, произволом хозяев.

Уже ночью участники собрания стали расходиться — по одному, по два человека в разные стороны. Каждый уносил с собой по пачке листовок.

Ваня возвратился вместе с Фуфлиндаревым.

— Алеша, — обратился он к приятелю, — я тебя очень прошу, когда опять будет собрание вашего кружка, возьми меня с собой.

— Ладно, — пообещал Фуфлиндарев.

Всю зиму 1902/03 года Ваня посещал рабочий кружок на заводе Гужона. Собирались обычно на квартире одного из членов кружка. Читали книги, обсуждали события в стране, в городе, на заводе. Нередко занятия проводили студенты. Они разъясняли требования социал-демократов, рассказывали о жизни рабочих на Западе. Слушатели всегда задавали много вопросов, просили совета, что и как надо рабочему читать, где доставать нужные книги. Особенно их интересовали отношение социалистов к религии, программы других партий.

Ваня, словно губка, жадно впитывал в себя все новые и новые знания. Он начал осознавать, что путь к освобождению рабочего класса лежит только через политическую борьбу.

Занятия в гужоновском кружке так увлекли юношу, что он решил организовать такой же кружок на фабрике Дюфурмантеля. Желающие заниматься в кружке скоро нашлись — Казак, Помотаев, Мякотин, Сук и другие рабочие. Его руководителем стал Иван Крайков.

В Москве, недалеко от Данилова монастыря, жил земляк Крайкова Андрей Степанович Смоленский, савинковский крестьянин, работавший прядильщиком на фабрике Алексеева. Он был на пятнадцать лет старше Ивана, имел жену и детей. Несмотря на разницу в возрасте, Иван сблизился с ним, ходил к нему в гости. Каждую весну они вместе ездили в родную деревню, вместе возвращались в Москву.

Андрей Степанович был социал-демократом. Часто я подолгу расспрашивал он Ивана о положении на фабрике Дюфурмантеля, о настроении рабочих. Иван рассказывал все честно и откровенно.

Однажды Андрей Степанович, в упор глядя на Ваню, спросил:

— Ты социал-демократ?

Вопрос не застал юношу врасплох. Он уже давно догадывался, что Смоленский является марксистом, и па-тому прямо ответил:

— По убеждениям — да. Но в организации не состою.

Иван рассказал Смоленскому о своей учебе в кружка на заводе Гужона, о создании такого же кружка на фабрике Дюфурмантеля, об агитации среди рабочих.

— Давно я к тебе, Ваня, присматриваюсь, — сказал Андрей Степанович;. — Вижу, что ты ненавидишь самодержавие, желаешь бороться за дело рабочих. Но мне непонятно: почему ты не состоишь в партийной организации, хотя фактически ведёшь работу как член партии?

— Я очень хотел бы вступить в организацию, — ответил Иван. — Но не знаю, как это оформить.

— Хорошо, я подумаю, Надеюсь, сумею помочь.

Вскоре Смоленский ввел Крайкова в социал-демократическую группу на фабрике Алексеева. Ваня стал посещать собрания группы. Ему давали отдельные задания — провести беседу с рабочими, раздать им листовки. В мае 1903 года его приняли в социал-демократическую организацию. Поручились за юношу Смоленский и его товарищи — Андреев и Степанов, Смоленский тепло поздравил нового партийца и сказал ему в напутствие:

— Теперь ты, Ваня, член нашей партии. Ты знаешь, что деятельность социал-демократов запрещена в России. Тебе придется выполнять различные поручения комитета, часто опасные. Запомни: никто из знакомых не должен знать, что ты социал-демократ. Будь осмотрителен. Остерегайся провокаторов, никому не говори о связях организации.

По заданию ячейки Иван Крайков вступил в рабочий кружок на фабрике Алексеева, а также начал вести пропаганду на фабрике Щапова. Одновременно он продолжал руководить кружком на фабрике Дюфурмантеля и заниматься в гужоновском кружке. Революционная работа Ивана не ограничивалась

пропагандой — ему поручили распространение среди рабочих нелегальной литературы.

Начавшаяся в 1904 году война с Японией, поражения русской армии в Маньчжурии вызывали сильное недовольство рабочих и крестьян политикой царизма. Большевики старались использовать это недовольство для революционного воспитания масс.

Иван Крайков., сразу же после раскола в партии вставший на сторону В. И. Ленина, убежденно отстаивал большевистскую линию. В Маньчжурии, говорил он в беседах с рабочими, гибнут тысячи наших братьев, русских солдат. Народу не нужна эта война. Нам нужна другая война — против царя. Только уничтожение самодержавия откроет путь к свободной жизни.

О выступлениях Крайкова стало известно полиции. Однажды, в марте 1904 года, на улице к нему подошел пристав и негромко сказал:

— Пожалуйте следовать за мной!

Ивана доставили в полицейский участок, а затем в Московское губернское жандармское управление. Жандармский ротмистр, щеголеватого вида мужчина средних лет, с интересом взглянул на арестованного.

— Прошу садиться, — предложил он.

Иван сел на стул, привинченный к полу.

— Ваша фамилия, имя, отчество?

— Крайков Иван Ксенофонтович,

— Год и место рождения?

— Родился в 1884 году августа 28-го дня в Смоленской губернии Гжатского уезда Острицкай волости, деревня Савинки.

— Вероисповедание?

— Православное.

— Происхождение?

— Крестьянское.

— Народность?

— Великоросс.

— Звание?

— Крестьянин.

Ротмистр долго еще расспрашивал Ивана о его месте жительства, прописке, об отношении к воинской повинности, роде занятий, средствах к жизни, семейном положении, родственниках. Записав анкетные данные, он заявил:

— Вы обвиняетесь в принадлежности к преступному сообществу, именуемому Российской социал-демократической рабочей партией, в ведении революционной пропаганды среди

рабочих, в распространении недозволенной крамольной литературы.

— Вы ошибаетесь, господин ротмистр, — ответил Иван. — Произошло какое-то недоразумение. Ни к какой организации я не принадлежу,

— Но у нас имеются данные о вашей пропаганде среди рабочих.

— Неправда! Я читаю газеты рабочим, но ведь это не запрещено законом.

Жандармский офицер долго еще мучил Ивана допросами, но так ничего и не добился: арестованный отрицал принадлежность к РСДРП. В управление вызывались и рабочие, среди которых вел пропаганду Крайков, но те в один голос утверждали, что Иван лишь читал газеты и разъяснял события.

В конце концов ротмистр вынужден был освободить Ивана.

В начале 1905 года Крайков предложил рабочим фабрики Дюфурмантеля предъявить хозяину требования об улучшении условий труда и повышении заработной платы. Эти требования вскоре были составлены и после обсуждения одобрены в цехах. Но хозяин не пожелал вступить в переговоры с рабочими. В ответ они объявили забастовку, которая закончилась их победой. Однако Ивану Крайкову, организатору забастовки, пришлось расстаться с фабрикой. Администрация наотрез отказалась принять его после пасхи на работу. Ничего не оставалось, как на лето уехать в деревню.

И вот снова родные Савинки! Настороженные, иногда злобные взгляды старух. Брюзжащий шепот: «Политический! Ирод! Против царя идет!„…Приветливые улыбки молодых мужиков, рукопожатия, расспросы.

Ветер революции достиг и Савинок. До деревни доходили слухи о беспорядках на заводах, о волнениях среди солдат, о крестьянских бунтах. Мужики с гневом говорили о своей нищенской жизни, каторжном труде. Ивану без труда удалось создать кружок, в который вошли молодые крестьяне не только Савинок, но и соседних деревень — Семеновки, Белавок, Подъелок, Неквасова, Ку-выдина. Занимались по праздникам в саду или на лужайке. Иван читал крестьянам книги, которые с оказией пересылал Смоленский, разъяснял программу социал-демократов. Он призывал их захватывать помещичью и казенную землю, подниматься вместе с рабочими против царя. Агитация не прошла даром. Зимой крестьяне Острицкой волости захватили казенный лес и прогнали подрядчика, производившего заготовку леса.

В 1906 году Ивана Крайкова призвали на военную службу. На призывном пункте во время оформления документов писарь спросил у него фамилию. Иван ответил, что можно записать его Ксенофонтовым, по имени отца.

15-й полк 4-й пехотной дивизии, где Иван проходил службу, стоял в посаде Замброве Ломжинской губернии, верстах в 60 юго-западнее Белостока. К военному распорядку и дисциплине Ксенофонтов привык быстро. Он успешно изучал уставы, легко научился владеть оружием. Иван выделялся своими способностями и развитием из массы солдат — неграмотных, почти поголовно пришедших из деревень. На втором году службы его направили в учебную команду. По окончании обучения присвоили звание унтер-офицера.

Ксенофонтов легко сошелся с товарищами по службе. Среди них было немало надежных и восприимчивых к революционным идеям солдат. Новобранец Порфирий Козлов, например, в беседах с Иваном нередко с возмущением говорил о несправедливых порядках, царивших в России.

Порфирий, — обратился к нему однажды Ксенофонтов, — как ты смотришь на то, чтобы организовать в нашей роте кружок по изучению политики?

Дело стоящее, но опасное. В случае, если раскроют, — военный суд и может быть расстрел. Надо пригласить самых верных, испытанных ребят.

Вскоре в 11-й роте был создан нелегальный кружок. В нем занималось около десяти солдат. Установили связь с другими ротами. Помогли и там организовать кружки. В конце 1906 года объединили их в единую батальонную организацию. Избрали батальонный комитет во главе с Ксенофонтовым. В комитет вошли по одному представителю от каждой роты.

Работа среди солдат велась успешно. Осенью 1907 года большевики создали полковую организацию. Она насчитывала около 300 членов. Был образован полковой комитет. Председателем его стал солдат-музыкант, питерский печатник Иван Тихомиров. Его заместителем избрали Ивана Ксенофонтова, секретарем — Ивана Смирнова, московского рабочего. Эта тройка, которую в шутку называли „три Ивана“, была руководящим ядром организации.

Весной 1908 года 4-я пехотная дивизия выехала в лагерь. Здесь, в полевых условиях, появилось больше возможностей для проведения собраний, организации встреч. Ксенофонтову и его друзьям удалось объединить большевиков всей дивизии.

…Срок военной службы закончился в 1909 году. После армии

Ксенофонтов устроился на фабрику Лыжина, в 50 верстах от Москвы, а затем снова поступил на фабрику Дюфурмантеля. Рабочий кружок, которым он ранее руководил, распался. Одни его участники были арестованы, другие сменили место работы, третьи отошли от революционной борьбы. Ивану Ксенофонтовичу пришлось заново создавать кружок.

В стране нарастал революционный подъем, участились стачки рабочих. Большевики вели пропаганду своих программных требований в легальных организациях — профсоюзах, страховых кассах, культурно-просветительных обществах. Для укрепления связей с массами широко были использованы выборы в IV Государственную думу. Наряду с этим партия не прекращала подпольную работу.

Нелегальные собрания рабочих фабрики Дюфурмантеля устраивались обычно в лесу. Анненгофскую рощу, где собирались раньше, уничтожил ураган, и теперь приходилось выезжать за город. Но в лесу встречаться можно было только по выходным дням, притом лишь в теплое время года. Кому-то пришла мысль использовать для собраний большую курительную комнату. Там в перерывах стали ежедневно проводиться беседы на политические темы. На стенах вывешивались листовки и разного рода призывы. Рабочие с интересом читали их.

В начале апреля 1912 года до Москвы долетела страшная весть: солдаты по приказу жандармского офицера расстреляли на Ленских золотых приисках рабочих, требовавших улучшения условий труда. Новость потрясла, взбудоражила рабочий люд. Большевики фабрики Дюфурмантеля созвали собрание. В своих выступлениях они с гневом говорили о новом чудовищном преступлении царизма.

— Товарищи, братцы! — обратился Ксенофонтов к рабочим. — Царь снова, как и в пятом году, расстрелял рабочих. Двести семьдесят человек убито. Их вдовы и дети обречены на голод. Двести пятьдесят рабочих ранено. Сколько же может безнаказанно проливаться наша кровь? Министр Макаров нагло заявил в Думе: „Так было и так будет впредь!“ Эти бессовестные, циничные слова показывают нам, кто настоящий виновник расстрела. Царь и его камарилья!

Раздался гул возмущения. Ксенофонтов, с трудом успокоив присутствующих, продолжал;

— Рабочие многих заводов и фабрик Москвы решили провести стачки протеста против Ленского расстрела. Надо и нам объявить стачку, Кроме того, предлагаю отчислить однодневный заработок в пользу семей расстрелянных.

Предложения Ксенофонтова были одобрены. Тут же избрали

стачечный комитет для подготовки забастовки и руководства ею. Выделили несколько человек по одному от каждого цеха для сбора пожертвований.

Стачка протеста прошла успешно. Она подняла дух рабочих, повысила их готовность к продолжению борьбы.

В июле большевики фабрики организовали новую забастовку с требованием повысить заработную плату. Хозяин пошел на частичные уступки, но организаторов забастовки, в том числе и Ксенофонтова, выбросил за ворота.

Потянулись дни, недели, месяцы, полные лишений, голода, нужды. Найти работу долго не удавалось. Приходилось обходиться случайными заработками. Только через пять месяцев, в конце 1912 года, Ксенофонтов смог устроиться водопроводчиком в мастерскую Мейперта. Там он вступил в профессиональный союз рабочих по водопроводу и отоплению Московского промышленного района. Вскоре его избрали секретарем этого профсоюза.

Жил Иван Ксенофонтович более чем скромно. Питался скудно. По утрам пил чай, обедал в дешевой харчевне на пять-десять копеек. Вещей, кроме книг и одежды, не покупал. Большую часть жалованья отдавал стачечникам и безработным. Иногда товарищи укоряли его за это, говорили, что самоограничение до добра не доведет. Иван Ксенофонтович, мягко улыбаясь, объяснял им:

— Так нельзя же иначе! Я на себе испытал, что значит быть без работы. Притом я ведь один живу, без семьи. А у многих безработных есть дети, они голодают.

Секретаря профсоюза Ксенофонтова всегда можно было видеть среди рабочих. Он давал советы, разъяснял непонятные вопросы, снабжал водопроводчиков брошюрами и листовками. Часто Кеенофонтов выезжал на предприятия и в мастерские улаживать конфликты рабочих с хозяевами. В большинстве случаев удавалось добиваться решения спорных вопросов в пользу рабочих. „Наш Ксенофонтыч необыкновенный человек, — говорили они. — Голова!“

На одном из собраний правления Иван Ксенофонтович заявил:

— Мы немало сделали по сплочению рабочих, организации их экономической борьбы. Нам надо теперь подумать о привлечении их к борьбе политической.

По предложению Ксенофонтова в профсоюзе были созданы ячейки сочувствующих партии большевиков. На собраниях ячеек обсуждались вопросы текущей политики; многие рабочие стали выписывать большевистские газеты „Правда“, „Наш путь“.

Во второй половине 1913 года полиция обрушила жестокие удары на большевистские организации. Прошли массовые аресты. Подверглось разгрому и большевистское правление союза водопроводчиков и отопленцев. Ксенофонтову случайно удалось избежать ареста — он в это время был призван на учебные сборы.

Возвратившись со сборов, Ксенофонтов взялся за восстановление профсоюза. Было избрано правление, возобновлены связи, пополнили стачечный фонд. Снова начались занятия в кружках.

В апреле 1914 года профсоюз водопроводчиков и отопленцев впервые принял участие в политической демонстрации московских рабочих. Она проходила под лозунгом протеста против гонений правительства на рабочую печать. Иван Ксенофонтович много сделал для ее подготовки, хотя руководить ею не смог — он был арестован и затем выслан из Москвы.

…В начале марта 1914 года ночью на квартиру, где проживал Иван Ксенофонтович, ворвались полицейские. Предъявили ордер на обыск и арест. Перебрали книги, расшвыряли вещи, обшарили каждый угол, простучали стены, пол. Обыск, продолжавшийся почти пять часов, ничего не дал. Иван Ксенофонтович спокойно, с усмешкой наблюдал за полицейскими, выбивающимися из сил в надежде найти нелегальные материалы. Он знал — их потуги тщетны, потому что ни партийные документы, ни запрещенные книги, брошюры и листовки Ксенофонтов в квартире никогда не держал…

Выйдя на волю, Ксенофонтов задумался: куда уехать? Соболевский, секретарь профсоюза металлистов, тоже высланный из Москвы, предложил отправиться в Ригу — там крепкая организация, много промышленных рабочих.

В Латвию Ксенофонтов и Соболевский приехали в начале апреля. Погода стояла холодная, а вся одежда Ивана Ксенофонтовича — ватный пиджачок да кавказская папаха, накануне отъезда купленная за рубль на Сухаревке. Работу найти не удалось. Мест не было. Кое-как перебивались поденщиной. Не могли ничем помочь и социал-демократы из Рижской организации, с которыми Ксенофонтов и Соболевский установили связи по явкам, полученным в Москве.

Но зато сразу по приезде в Ригу Иван Ксенофонтович включился в партийную работу. По поручению Рижского комитета Социал-демократии Латышского края он часто выступал на собраниях рабочих.

Накануне 1 Мая полиция произвела массовые аресты. Она рассчитывала таким путем предупредить первомайские выступления. На одном из собраний был арестован и

Ксенофонтов.

Три недели отсидел он в тюрьме. В 20-х числах мая полиция освободила задержанных. Ксенофонтова обязали в течение трех суток покинуть Ригу. Снова встал вопрос: где жить, чем заниматься дальше?

При Рижской социал-демократической организации существовал легальный Русский культурный центр. Он устраивал для русских рабочих и их семей вечера, концерты, лекции, экскурсии. Руководил центром большевик М.С. Новов, член Рижского комитета СДЛК. Иван Ксенофонтович был знаком с ним и решил перед отъездом зайти попрощаться.

Новов расспросил Ксенофонтова о его дальнейших планах. Затем сказал:

— Иван Ксенофонтович, я хочу предложить вам остаться в городе для подпольной работы.

— Что я буду делать?

Нам в организации нужен профессионал. Главным образом для печатания на гектографе листовок и проведения нелегальных собраний. Кроме того, потребуется ваше участие в работе культурного центра. Нужно будет установить связи с наиболее подготовленными социал-демократами, обеспечить их выступления перед рабочими с лекциями и беседами. Вам тоже иногда придется выступать на вечерах и собраниях, разумеется, конспиративно, под вымышленной фамилией. Мы считаем, что вы вполне справитесь со всем этим.

— Михаил Сергеевич, а где же я буду жить? Пребывание в Риге мне запрещено.

— Пропишетесь в пригороде, а квартиру в Риге мы вам обеспечим. Надо придумать кличку. Как вы смотрите, если мы вас будем называть „товарищ Лука“?

— Что ж, пусть буду „Лукой“!

Так Ксенофонтов стал профессиональным революционером.

В июле 1914 года в России прокатилась мощная волна стачек и демонстраций. В Петербурге полиция открыла стрельбу по участникам митинга на Путиловском заводе. Два человека были убиты, 50 ранено. В знак протеста против расстрела путиловцев забастовали сотни тысяч рабочих в разных городах страны. Ксенофонтов чуть ли не сутки подряд печатал листовки Рижского комитета с призывом ко всеобщей стачке. В городе забастовало 54 тысячи человек.

А 1 августа 1914 года началась мировая война. Многие большевики, члены Рижской организации, были мобилизованы на фронт. Ксенофонтов решил легализоваться и уйти в армию, чтобы вести революционную работу среди солдат.

…Телеграфный батальон, в который попал Иван Ксенофонтович, обслуживал штаб 2-й армии Западного фронта. Телеграфистов поначалу разместили в центральной телеграфной станции Гродненской крепости, а в середине августа перевели под Витебск.

После окончания краткосрочных курсов унтер-офицера Кеенофонтова зачислили в кабельное отделение телефонистом на коммутатор. Служба была нетяжелой. Каждую свободную минуту Ксенофонтов использовал для агитации среди солдат. Он организовал для них чтение газет. Это не запрещалось командованием. Оно было уверено, что чтение монархической и буржуазной прессы укрепляет дух армии, повышает готовность солдат отдать свою жизнь за „веру, царя и отечество“. Офицеры, конечно же, не догадывались, что Ксенофонтов занимался не столько чтением, сколько объяснением прочитанного. Он говорил своим слушателям, что войну затеяли капиталисты, что она ведется ради захвата чужих территорий, что народам она приносит кровь и страдания, а хозяевам — доход, поэтому солдаты всех стран должны не сражаться друг против друга, а повернуть оружие против буржуев и помещиков, против своих правительств.

В свободное от службы время солдатам разрешалось посещать корчму, В большую грязную хату набиралось множество посетителей. Потягивая пиво и дымя цигарками, они не спеша делились различными новостями. Ксенофонтов тоже иногда заходил в корчму — пообедать, поговорить с товарищами. Там он познакомился со стройной светлоглазой буфетчицей Ириной Стефанович. Девушка рано лишилась матери и росла под присмотром тети. Отца видела редко — он целыми днями пропадал на свадьбах, развлекая гостей игрой на скрипке. Вскоре молодые люди поженились. В сентябре 1915 года у них родился крепкий здоровый малыш, которого назвали Колей. Ирина с сыном уехала в Савинки, к родителям Ивана Ксенофонтовича.

Зимой телеграфный батальон перевели в Парфьяново, Докшицы и Буцлав — глухие поселки на западе Витебской губернии. Газет здесь купить было негде, и солдаты очень сожалели об этом. Однако Ксенофонтов нашел выход. Он предложил своему непосредственному начальнику старшему унтер-офицеру И. В. Евстафьеву, человеку, близкому ему по убеждениям, обратиться за помощью в земство. Сходи к властям, говорил Ксенофонтов, попроси их выписать газеты через земскую палатку. Скажи, что это нужно для просвещения солдат. Надо, дескать, помочь защитникам отечества приобщиться к свету

знаний.

Чиновники земства, тщеславно и в то же время осторожно выставлявшие напоказ свой либерализм, согласились с доводами Евстафьева. Ксенофонтов возобновил чтение газет среди солдат.

Однажды случилось событие, которое могло иметь для Ксенофонтова самые печальные последствия, Из командировки в Петроград возвратился солдат Козлов. В столице ему удалось каким-то образом достать большевистские прокламации. Их сразу же распространили среди солдат батальона. Об этом стало известно командованию. Офицер, командир кабельного отделения, где служил Ксенофонтов, вызвал к себе Евстафьева и начал допытываться, кто в батальоне занимается крамольной пропагандой.

— В поселке, — говорил он, — слухи, что среди солдат ведется агитация против войны, распространяются большевистские листовки. Это делают враги престола. Они хотят нашего поражения в войне. Надо выяснить, нет ли в нашем отделении таких людей.

— У нас, ваше благородие, никакой агитации не ведется, — с простодушным видом ответил Евстафьев. — Правда, в роте читают солдатам газеты, но только дозволенные.

— В нашем отделении никаких чтений газет не должно быть, — приказал офицер. — Я категорически запрещаю.

Евстафьев сразу же сообщил о разговоре Ксенофонтову. Обсудив сложившуюся ситуацию, решили чтение газет продолжать, а конспирацию усилить.

Осенью 1916 года батальон расквартировали в местечке Кочановичи, в семи верстах от Несвижа, где размещался штаб армии. Здесь Евстафьев добился назначения Ксенофонтова телеграфистом ротной канцелярии. У Ивана Ксенофонтовича стало больше свободного времени. Евстафьев часто посылал его с различными служебными поручениями в Несвиж, а фактически — за газетами. Революционная агитация среди солдат не прекращалась ни на один день.

В феврале 1917 года Иван Ксенофонтович поехал в Оршу за получением инженерного имущества для телеграфной роты. Закончив дела, он уже собрался возвращаться в часть. Но его внимание привлекло необычное поведение солдат и офицеров, что-то взволнованно обсуждавших. На лицах многих офицеров была явная растерянность, солдаты же, напротив, не скрывали радости.

— Не знаешь, браток, что случилось? — спросил Ксенофонтов у одного из солдат. — Что-то офицеры, как бараны, толпятся?

— Как? Ты не слыхал? В Петрограде революция! Царь отрекся

от престола! Свобода, брат!

— А откуда тебе известно?

— Да я только нынче утром из Петрограда. Новость так обрадовала Ивана Ксеиофонтовича, что он не удержался и… заплакал.

Бросив все дела, Ксенофонтов немедленно выехал в Москву. Город было не узнать. Не дымились трубы фабрик и заводов. Стояли трамваи. Все улицы и площади заполнили толпы ликующих людей. Повсюду шли митинги, слышались лозунги: „Да здравствует революция!“, „Да здравствует свобода!“ По тротуарам свободно разгуливали солдаты с красными бантами на груди.

Ксенофонтов с трудом разыскал Московский комитет партии. Там тоже царило необычайное оживление. Все куда-то спешили, на ходу отдавая распоряжения или получая задания. Все же Ивану Ксенофонтовичу удалось расспросить о перевороте в Петрограде и о положении дел в Москве. Он получил директиву: возвращаться на фронт, сплачивать солдат на защиту революции.

— Сейчас главное, — сказали ему, — закрепить победу. Необходимо арестовать офицеров-монархистов, создать в армии выборные солдатские комитеты, ограничить офицерам доступ к оружию, послать делегатов от солдат в местный Совет.

Ксенофонтову вручили пачку только что выпущенных большевистских листовок, и он выехал в свою часть.

В начале марта Ксенофонтов провел собрание солдат несвижского гарнизона по выборам в Совет. Избрали исполком из девяти человек во главе с Ксенофонтовым. Все члены исполкома, кроме Ивана Ксенофонтовича, были беспартийными. Но они оказались надежными людьми. Исполком разместился в одной из казарм. Это позволяло поддерживать более тесную связь с солдатами, оказывать на них влияние, и вместе с тем гарантировало от провокаций со стороны офицерства.

Средств в исполкоме никаких не было. Руководители Совета со смехом вынули свои кошельки и внесли деньги в общий фонд — кто сколько мог. Заказали печать, штамп. Позже начали поступать отчисления из воинских частей.

В середине марта состав исполкома изменился. На общем собрании солдат и офицеров гарнизона в него было избрано несколько эсеров и меньшевиков. Однако Ивану Ксенофонтовичу удалось нейтрализовать их влияние. Опираясь на беспартийных солдат, он добился того, что Совет по всем важнейшим вопросам проводил линию большевиков.

После Февральской революции в русской армии были

созданы выборные солдатские комитеты. Они отвечали за соблюдение внутреннего распорядка в частях, осуществляли контроль за офицерством, организовывали собрания, митинги, демонстрации. Начали созываться армейские и фронтовые съезды, на которых избирались комитеты армий и фронтов. В мае по предложению Ксенофонтова в Несвиже собрался съезд представителей частей 2-й армии. Большинство на нем имели эсеры и меньшевики. Съезд избрал армейский комитет, в котором преобладали соглашатели, но были и большевики. Ксенофонтов вошел в состав комитета.

Армейский комитет разместился в замке Радзивиллов, в помещении штаба армии. Он всецело поддерживал политику Временного правительства, вместе со штабом старался сохранить „боевой дух“ армии, необходимый для продолжения империалистической войны. Первое время комитет имел большое влияние среди солдатских масс, находившихся в окопах, однако в Несвиже он доверием солдат не пользовался.

Единственной реальной силой в городе был Совет рабочих и солдатских депутатов, возглавляемый Ксенофонтовым. Он созывал собрания гарнизона, организовывал для солдат митинги, лекции, создал библиотеку. Совет получал по подписке много газет. Их распределяли среди подразделений, обслуживавших штаб, и посылали на позиции.

В исполкоме Совета с утра до вечера было полно солдат. Они обращались к Ивану Ксенофонтовичу с самыми различными просьбами — прислать докладчика на митинг, помочь достать литературу, особенно газеты „Правда“, „Солдатская правда“, „Известия“. Частыми гостями были курьеры, прибывавшие по различным делам в штаб армии и в армейский комитет. Из комитета они обычно уходили неудовлетворенными и направлялись за помощью в Совет. Ксенофонтов сердечно беседовал с ними, советовал, как лучше наладить работу солдатских комитетов. Связь с полками, находившимися на фронте, поддерживалась также через солдат, которые после лечения в госпиталях возвращались в окопы.

В начале июня Ксенофонтов в составе делегации 2-й армии выехал в Петроград для участия в 1-м Всероссийском съезде Советов. Столица бурлила. Страсти кипели и в актовом зале бывшего кадетского корпуса, где заседал съезд. Иван Ксенофонтович жадно слушал выступавших ораторов — и большевиков, и их противников. Вот на трибуну поднялся В.И. Ленин. С гневом говорил он об антинародной политике Временного правительства, неспособного управлять страной. И когда Владимир Ильич смело бросил в зал, что большевистская

партия каждую минуту готова взять власть, Ксенофонтов вместе с товарищами поднялся с места и долго аплодировал оратору.

Через две недели Иван Ксенофонтович шел в колонне демонстрантов, рабочих и солдат, заполнивших улицы Петрограда. Над морем голов плыли алые знамена и лозунги: „Вся власть Советам!“, „Долой десять министров-капиталистов!“

Перед отъездом в Несвиж Ксенофонтов получил четкие директивы „Военки“ (так называлась Военная организация при ЦК РСДРП (б) о развертывании революционной работы в армии. Особое внимание обращалось на создание в каждой роте, в каждом батальоне, полку партийных ячеек.

В Несвиже не было большевистской организации — ни в городе, ни в гарнизоне. Поэтому, вернувшись из Петрограда, Ксенофонтов первым делом взялся за ее создание. Он знал многих честных, преданных идеалам революции солдат. Они послужили ядром создаваемой организации. Секретарем ее стал Иван Ксенофонтович.

4 июля Временное правительство расстреляло демонстрацию рабочих и солдат в столице. Контрреволюция праздновала победу. По всей стране развернулась дикая травля большевиков. Их обвиняли в германском шпионаже, в разложении армии с целью облегчить немцам захват России, в попытке вооруженного восстания.

Контрреволюция подняла голову и в Несвиже. Офицерство сочло, что настал благоприятный момент для того, чтобы свести счеты с ненавистным Советом, изменить его состав. Оно рассчитывало вывести Ксенофонтова из исполкома и подорвать таким образом влияние большевиков в городе и гарнизоне. Офицеры потребовали срочно созвать Совет, заслушать на нем доклад исполкома, принять резолюции по текущему моменту и произвести перевыборы.

…Собрание Совета проходило в помещении городской думы. Зал был заполнен до отказа солдатами гарнизона и рабочими. Ксенофонтов рассказал о работе Совета, разоблачил грязную клеветническую кампанию против большевиков, призвал солдат бдительно следить за подозрительными действиями офицеров и генералов, стойко защищать завоевания революции. Собравшиеся дружно одобрили предложенные им резолюции. Выборы нового состава Совета опять дали большинство противникам войны. Иван Ксенофонтович снова был избран председателем Совета и его исполкома.

В конце августа генерал Корнилов, верховный главнокомандующий русской армией, поднял мятеж. Он двинул воинские части на Петроград. Цель мятежа состояла в том, чтобы

задушить революционные силы, уничтожить Советы, солдатские комитеты, добиться отставки Временного правительства, установить военную диктатуру. Рабочие и солдаты по призыву большевиков поднялись на борьбу с мятежным генералом.

Во время корниловского мятежа Ксенофонтов привел гарнизон в боевую готовность. Опасаясь провокаций со стороны контрреволюционных элементов, он установил круглосуточное дежурство в частях. Непосредственную охрану Совета несла бомбометная команда, насчитывавшая около 400 человек. Она была вооружена бомбами, минометами, пулеметами.

В сентябре в стране начался новый революционный подъем. Усилилась борьба рабочих против политики Временного правительства, участились выступления крестьян против помещиков, солдаты все настойчивее требовали заключения мира. Вышли из тюрем большевики, арестованные после июльских событий. Повсюду происходила большевизация Советов. В этих условиях В.И. Ленин снова выдвинул лозунг „Вся власть Советам!“, снятый после июльских дней, и поставил вопрос о практической подготовке вооруженного восстания.

Оживилась политическая жизнь и в Несвиже. Часто по вечерам и в выходные дни большевики устраивали в городском саду митинги и собрания, на которые приходили сотни людей.

— Временное правительство, — говорил Ксенофонтов, — продолжает империалистическую войну. Оно залило Россию кровью, завалило поля горами трупов убитых солдат, ввело смертную казнь на фронте. Правительство посылает войска против крестьян. Оно кормит народ обещаниями дать хлеб и землю и ничего не делает, чтобы выполнить свои обещания. Пора передать власть людям, более сильным умом и духом, которые всю свою жизнь посвятили борьбе за счастье народа. Только власть Советов даст измученным рабочим и крестьянам мир, хлеб, землю и свободу!

Военные оркестры исполняли „Интернационал“, „Марсельезу“, „Смело, товарищи, в ногу!“. С революционными песнями расходились рабочие по домам, а солдаты в казармы.

Революционный кризис в стране нарастал неудержимо. Влияние большевиков на массы становилось определяющим. Тысячи рабочих и солдат вступали в партию Ленина. Только с середины сентября по начало октября число большевиков и сочувствующих им в частях Западного фронта увеличилось более чем в пять раз. Самой многочисленной была большевистская организация 2-й армии.

В сентябре — октябре в Минске состоялись две конференции РСДРП (б): Северо-Западной области и Западного фронта, а также

армейская партийная конференция. Ксенофонтов принимал самое активное участие в их работе. Он установил связь с Минским Советом и с Северо-Западным областным комитетом РСДРП (б), наладил контакты с большевистскими организациями 3-й и 10-й армий.

Армейский комитет во 2-й армии полностью потерял влияние на солдатские массы. Его председатель штабс-капитан Титов и военный комиссар Гродский метались от одного полка к другому, призывая солдат сохранять верность Временному правительству. Но все было тщетно. Армия, уставшая от эсеро-меньшевистской демагогии, от бесконечных обещаний, отвернулась от оборонцев. Она требовала окончания войны, перехода власти к Советам.

Начал проявлять нервозность и штаб армии. Командование с тревогой наблюдало за „разложением“ фронтовых и тыловых частей. Его беспокоило соседство с большевистским Советом в Несвиже. В сентябре штаб принял решение переехать „по стратегическим соображениям“ в Слуцк. Он надеялся, что в этом городе, где Совет был эсеро-меныневистский, ему будет спокойнее. Однако командование крупно просчиталось. Оно не учло того, что вместе со штабом в Слуцк прибыли и обслуживавшие его части, распропагандированные большевиками. За несколько дней был большевизирован местный Совет. Оборонцев отстранили от руководства исполкомом. Председателем Совета стал Ксенофонтов. Одновременно он фактически возглавил партийную организацию, насчитывавшую около тысячи человек. Большевики развернули широкую пропаганду своей политики среди рабочих города и батраков окрестных имений.

…Вечером 25 октября в помещении Слуцкого Совета проходило заседание исполкома. Обсуждались вопросы, касавшиеся обычной, повседневной жизни города, — о подвозе продовольствия, подготовке к зиме. Внезапно резко распахнулась дверь и в комнату вихрем ворвался возбужденный, сияющий от радости телеграфист.

— Товарищи! — крикнул он, прерывая ход заседания. — Телеграмма из Петрограда! Правительство свергнуто! Власть в руках Советов!

Члены исполкома, взволнованные известием, вскочили с мест. Ксенофонтов выхватил телеграмму из рук солдата, пробежал ее глазами и прочитал собравшимся:

— „В Петрограде власть в руках Военно-революционного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Единодушно восставшие солдаты и рабочие победили без всякого кровопролития. Правительство Керенского низложено.

Комитет обращается с призывом к фронту и тылу не поддаваться провокации и поддерживать Петроградский Совет и новую революционную власть, которая немедленно предложит справедливый мир, передаст землю крестьянам, созовет Учредительное собрание. Власть на местах переходит в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов“,

Раздались возгласы:

— Да здравствует революция! Ура!

Ксенофонтов предложил изменить повестку дня заседания и немедленно заняться обсуждением полученного сообщения. Эсеры и меньшевики заявили, что они воздерживаются от участия в заседании исполкома и покидают собрание. Уходу нескольких оборонцев не придали никакого значения.

Ксенофонтов продолжил заседание. По его предложению в ту же ночь установили дежурство в частях, заняли телеграф, ввели контроль над всеми распоряжениями штаба армии. Члены исполкома направились в казармы, чтобы рассказать о событиях в Петрограде. Солдаты радостно восприняли известие о свержении Временного правительства.

Штаб армии попытался воспрепятствовать действиям Совета. Он отдал приказ арестовать и расстрелять Ксенофонтова и других большевиков — членов исполкома. Но об этом сразу же стало известно Совету. Офицеры, попытавшиеся привести приказ в исполнение, сами были арестованы.

28 октября собрался Слуцкий Совет. Он заседал несколько часов. Представители всех частей гарнизона в один голос заявляли, что они получили наказ от солдат всемерно поддержать власть Советов. Была намечена программа дальнейших действий. Совет постановил взять власть в уезде в свои руки, не пропускать ни одной части, направляющейся с контрреволюционной целью с фронта в Петроград, установить самую тесную связь с Минским Советом и областным комитетом РСДРП (б). Было также решено немедленно приступить к конфискации помещичьих имений и образованию крестьянских комитетов для управления ими.

В ноябре 1917 года Иван Ксенофонтович был избран членом Учредительного собрания по Западному фронту, Минскому и Могилевскому избирательным округам. Вскоре после этого он выехал в Минск для участия в работе 2-го съезда Западного фронта. Делегаты съезда избрали его членом ВЦИК второго созыва. В конце ноября Центральный Комитет РСДРП (б) вызвал И.К. Ксенофонтова в Петроград в распоряжение председателя ВЦИК Я.М. Свердлова.

Петроград, куда прибыл Иван Ксенофонтович, переживал

тревожные дни. Против молодой, еще не окрепшей Советской власти единым фронтом выступили кадеты, эсеры, меньшевики. Свыше месяца бастовали служащие бывших министерств, Государственного банка, казначейства, продовольственных и топливных органов городской управы. В результате остались без пенсий и пособий вдовы, сироты, пенсионеры, на некоторых предприятиях прекратилась выдача жалованья рабочим. Оказались без средств к существованию раненые и больные солдаты, а также инвалиды. Возникли трудности со снабжением предприятий топливом, создалась угроза остановки фабрик и заводов. Центр саботажников — „Союз союзов служащих государственных учреждений“ — принял решение объявить всеобщую политическую забастовку по всей России,

Положение осложнялось пьяными погромами, захлестнувшими Петроград. Неизвестные лица собирали на улицах толпы деклассированных элементов, несознательных рабочих и солдат, подбивали их на разгром винных складов, магазинов, лавок и аптек. Контрреволюционеры распространяли среди погромщиков листовки с призывом к аресту членов Совнаркома, „агентов Вильгельма“. В стихии пьяных погромов враги намеревались потопить революцию.

6 декабря Совет Народных Комиссаров принял решение создать особую комиссию во главе с Ф.Э. Дзержинским для принятия мер в борьбе с готовившейся всероссийской забастовкой служащих государственных учреждений.

На следующий день утром И.К. Ксенофонтова вызвал Я.М. Свердлов. Он сообщил о решении Совнаркома образовать комиссию по борьбе с контрреволюцией и саботажем и предложил Ивану Ксенофонтовичу войти в нее.

— Я согласен, Яков Михайлович, — ответил Ксенофонтов.

— В таком случае, — сказал Свердлов, — свяжитесь, пожалуйста, с Феликсом Эдмундовичем. Дело срочное. Комиссия, вероятно, соберется уже сегодня.

Дзержинского Иван Ксенофонтович увидел в одном из коридоров Смольного. Он разговаривал с Я.Х. Петерсом.

— Здравствуйте, товарищ Ксенофонтов, — обратился Дзержинский к подошедшему Ивану Ксенофонтовичу. — Товарищ Свердлов рекомендует вас в комиссию по борьбе с контрреволюцией. Встречаемся сегодня вечером, около восьми часов, в его кабинете.

В назначенный час в комнате № 39 на втором этаже Смольного собрались Ф.Э. Дзержинский, И.К. Ксенофонтов, В.К. Аверин, Г.К. Орджоникидзе, Я.Х. Петерс, К.А. Петерсон, Д.Г. Евсеев и В.А. Трифонов. Все они были профессиональными

революционерами, которых партия послала на передний край борьбы с врагами Советской власти. Некоторых из пришедших Иван Ксенофонтович знал по работе во ВЦИК, иных видел впервые.

Ф.Э. Дзержинский коротко рассказал о решении Совнаркома, принятом накануне, о полученной записке В. И. Ленина, в которой ставилась задача принять экстренные меры по защите революции. Феликс Эдмундович предложил назвать создаваемый орган Всероссийской чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Совете Народных Комиссаров.

— Задачи комиссии, — говорил Дзержинский, — пресекать преступные действия не только в Петрограде, но и по всей России. Мы должны выработать меры борьбы с контрреволюционерами и саботажниками. Комиссия будет наблюдать за антисоветской печатью, за кадетами и эсерами, за саботирующими чиновниками, а также за лицами, проникающими с преступными целями в советские учреждения. На нее возлагается предварительное расследование, а затем все дела и арестованные должны передаваться в Ревтрибунал.

Прений почти не было. Дзержинский торопился — он опаздывал на заседание Совнаркома, на котором должно было быть принято решение об утверждении состава комиссии. Договорились собраться на следующий день в 3 часа и решить организационные вопросы.

8 декабря члены ВЧК собрались, как было условлено. Из присутствовавших на прошлом заседании не было только Серго — он получил другое назначение и в работе ВЧК больше не участвовал. Зато комиссия пополнилась новыми людьми. Избрали президиум из пяти человек во главе с Ф.Э. Дзержинским. И.К. Ксенофонтов и Я.Х. Петере стали секретарями комиссии. Установили ежедневное дежурство в ВЧК — по очереди. Определили, что все распоряжения комиссии и ордера на обыски и аресты должны иметь подпись председателя ВЧК или его заместителя и одного из секретарей.

Так началась работа И.К. Ксенофонтова в ВЧК. Первое время приходилось заниматься всем — вести делопроизводство, ходить на обыски и аресты, производить дознание. Уже 9 декабря Ивану Ксенофонтовичу поручили арестовать ярого черносотенца, бывшего обер-прокурора синода Саблера. На следующий день, 10 декабря, в ВЧК поступило из Комитета по борьбе с погромами сообщение о том, что помощник командующего обороной Петрограда штабс-капитан Казанцев и комиссар гражданского отделения Петроградского военного округа левый эсер Фаерман занимаются шантажом и вымогательством. Коллегия ВЧК

поручила Ксенофонтову расследовать это дело. Фаерман, Казанцев и их сообщники были арестованы. В ходе следствия, проведенного Ф.Э. Дзержинским и И.К. Ксенофонтовым, выяснилось, что Казанцев и Фаерман терроризировали владельцев вечерних кафе и клубов. Угрожая закрыть заведения, они требовали от хозяев „откуп“. Шантажисты выдавали фальшивые документы на производство обысков и арестов. Клубу литературного общества „Вешние воды“, по существу представлявшему собой игорный дом, они за крупную взятку разрешили принимать посетителей до четырех часов утра, несмотря на то, что ресторанам, кафе и клубам города запрещалось работать после 23 часов. Дело Казанцева и Фаермана было передано в следственную комиссию Петроградского ревтрибунала.

Много времени уходило у Ксенофонтова на дежурства. Секретари ВЧК обязаны были постоянно находиться в ВЧК, в том числе и в ночное время. Ведь в ВЧК, помещавшуюся на Гороховой, 2, в здании бывшего градоначальства, непрерывно шли посетители. Они рассказывали о собраниях контрреволюционеров, готовящихся террористических актах, о фактах спекуляции золотом и платиной, распространении контрреволюционной литературы. Много сообщений поступало по телефону — как днем, так и ночью.

18 декабря Дзержинский и Ксенофонтов узнали о том, что контрреволюционный „Союз защиты Учредительного собрания“ созывает в здании Вольно-Экономического общества конференцию, в которой предполагается участие кадетов, эсеров, меньшевиков, представителей разных „демократических“ организаций. Враги Советской власти намеревались обсудить меры по скорейшему открытию Учредительного собрания, возможно, даже явочным порядком, без разрешения правительства.

Феликс Эдмундович немедленно вызвал комиссара ВЧК И.В. Успенского и выписал ордер на производство ареста и обыска тех, кто окажется в помещении общества. Ордер вместе с Дзержинским подписал Ксенофонтов. В тот же вечер чекисты арестовали всех явившихся на конференцию.

В декабре 1917 года было заключено соглашение между большевиками и левыми эсерами о вхождении последних в Совнарком. Войдя в правительство, левые эсеры потребовали включения своих представителей во Всероссийскую чрезвычайную комиссию, причем без утверждения предложенных кандидатур Советом Народных Комиссаров. Ф.Э. Дзержинский выступил решительно против такого порядка пополнения ВЧК. 8

января 1918 года Совнарком принял решение ввести в состав ВЧК левых эсеров, членов ВЦИК, но с обязательным утверждением кандидатов в Совете Народных Комиссаров. Левый эсер В. А. Александрович стал первым заместителем председателя ВЧК.

К весне 1918 года в ВЧК уже работало около 120 сотрудников. Две трети из них составляли большевики, остальные — левые эсеры. Кроме того, было несколько анархистов. В связи с увеличением аппарата ВЧК Ксенофонтов почти целиком сосредоточил свое внимание на организационной работе.

В марте 1918 года ВЧК вместе с Советским правительством переехала в Москву. Вначале она разместилась в доме на Поварской улице, а в апреле в ее распоряжение передали здание на Большой Лубянке, 11, где ранее находилось страховое общество „Якорь“.

В Москве Ксенофонтову с женой и сыном выделили небольшую комнату на втором этаже 1-го Дома Советов (гостиница „Националы)). Из окна открывался вид на Тверскую. По улице с лязганьем двигались трамваи, проносились редкие автомобили, мчались извозчики, непрерывным потоком шли люди. Отсюда было рукой подать и до Лубянки, и до Центрального Комитета партии на Воздвиженке, и до Кремля. На службу Иван Ксенофонтович выходил рано утром, а домой возвращался далеко за полночь.

Обстановка внутри ВЧК после переезда в Москву сильно осложнилась. Дружной, слаженной работы с левыми эсерами не получалось. Удавалось добиться единогласного решения только при рассмотрении дел о бандитах и спекулянтах. Но как только на заседании коллегии речь заходила о строгом наказании политических преступников, вставших на путь вооруженной борьбы против Советской власти, левые эсеры срывали принятие постановлений, ссылались на запрещающие директивы своего ЦК. Разногласия приняли особенно острый характер после ареста участников савинковского "Союза защиты родины и свободы". Дзержинский, Ксенофонтов, Петере, Лацис убеждали левых эсеров в необходимости расстрела наиболее активных членов этой крупнейшей военно-заговорщической организации, но все было тщетно. Александрович и его товарищи применяли право вето, мешали развертыванию борьбы с контрреволюцией.

В июне 1918 года была созвана 1-я Всероссийская конференция ЧК. Ее председателем избрали Ф.Э. Дзержинского, однако он не смог присутствовать на заседаниях. Феликс Эдмундович в эти дни вел расследование по делу эсеров и меньшевиков — организаторов антисоветских сборищ, так

называемых "собраний уполномоченных фабрик и заводов Москвы". Конференцией фактически руководили И.Н. Полукаров, И.К. Ксенофонтов, Д.Г. Евсеев.

В клубе ВЧК, где проходили заседания конференции, с утра и до позднего вечера не утихали споры. Не было ни одного вопроса, по которому не возникало бы резких разногласий с левыми эсерами. Их было меньшинство, но они использовали любой повод для нападок на большевиков. Особенно бурная дискуссия развернулась о принципах организации ЧК. Ксенофонтов и другие большевики говорили, что ВЧК должна быть строго централизованным учреждением, объединяющим ЧК всей страны. Вместе с тем они считали нужным сохранить подчинение ЧК местной власти, которая должна координировать работу всех органов, боровшихся с контрреволюцией на территории губернии. Левые эсеры категорически выступали против централизации чрезвычайных комиссий, поскольку она якобы противоречит демократии, «самодеятельности масс». Они заявляли, что ЧК должны подчиняться только местным Советам. Однако конференция отвергла полуанархистские предложения левых эсеров и утвердила принцип двойного подчинения чрезвычайных комиссий.

И.К. Ксенофонтов активно участвовал и в обсуждении проблемы создания контрольных коллегий при ЧК. В состав контрольно-ревизионного органа, считал он, следует включать члена коллегии ЧК и двух представителей партийного комитета. Цель такого органа — следить за тем, как сотрудники выполняют постановления чрезвычайной комиссии, не нарушают ли они прав граждан. Саму же комиссию могут контролировать другие учреждения, имеющие на то право, — исполкомы Советов, партийные комитеты.

Делегаты поддержали предложение Ксенофонтова. Оно вошло в принятое конференцией Положение о чрезвычайных комиссиях на местах.

Вскоре при всех губернских и уездных ЧК стали создаваться контрольно-ревизионные коллегии с участием представителей губернских и уездных комитетов партии. Они проверяли постановку следствия в чрезвычайных комиссиях, накладывали вето на те приговоры ЧК, которые были недостаточно обоснованы, принимали жалобы от населения. Эти коллегии являлись одним из эффективных средств партийного контроля за работой сотрудников ЧК.

Летом 1918 года классовая борьба в Советской России достигла небывалой остроты. С востока и запада, с севера и юга

наступали интервенты, белогвардейские войска и армии возникших на окраинах эсеро-меныпевистских правительств. Республика оказалась в огненном кольце фронтов. В глубоком подполье действовали заговорщические контрреволюционные организации — «Национальный центр», «Союз возрождения России», филиалы савинковского «Союза защиты родины и свободы». В ряде городов им удалось поднять мятежи. По всей республике полыхало пламя кулацких восстаний. Начался белый террор.

6 июля 1918 года левые эсеры убили немецкого посла Мирбаха. Они рассчитывали таким путем сорвать Брестский мир, спровоцировать войну с Германией. Убийцы — сотрудник ВЧК Блюмкин, незадолго до того отстраненный Ф.Э. Дзержинским от должности, и фотограф Андреев — проникли в помещение посольства по мандату, на котором были поддельные подписи Дзержинского и Ксенофонтова и подлинная печать ВЧК. Ее поставил Александрович. Совершив террористический акт, Блюмкин и Андреев скрылись в особняке в Трехсвятительском переулке, где находился основной боевой отряд ВЧК, которым командовал левый эсер Попов. Там же разместился штаб мятежников.

Ф.Э. Дзержинский, как только получил сведения об убийстве Мирбаха, немедленно поехал в германское посольство. Ему рассказали о случившемся, передали брошенный террористами портфель и забытое ими подложное удостоверение. После этого Феликс Эдмундович направился в отряд ВЧК в Трехсвятительском переулке, где, как он предполагал, могли укрыться Блюмкин и Андреев. Дзержинский хотел выяснить, является ли убийство посла личным делом преступников или же заговором партии левых эсеров. Мятежники арестовали Феликса Эдмундовича.

Совнарком, узнав об аресте Дзержинского, поручил члену коллегии М.И. Лацису временно осуществлять руководство комиссией. Однако вечером левые эсеры захватили здание, где размещалась ВЧК, арестовали Лациса и увезли его в свой штаб. Вскоре мятежники овладели московским телеграфом, разослали повсюду телеграммы с сообщением о восстании против большевиков.

После ареста Лациса Совнарком поставил во главе ВЧК на время задержания Дзержинского Я.Х. Петерса. Яков Христофорович первым делом решил очистить здание ВЧК от левых эсеров. Но как это сделать, чтобы избежать ненужных жертв? Решил прибегнуть к хитрости. Он снял телефонную трубку и позвонил дежурившему секретарю ВЧК. Им оказался

большевик Левитан. Петерс приказал ему передать командиру левоэсеровского отряда, захватившего ВЧК, «телефонограмму» штаба мятежников с предписанием немедленно выехать в Сокольники для «разоружения контрреволюционеров». Хитрость удалась. Большая часть левых эсеров покинула Лубянку, 11.

Один из отрядов ВЧК во главе с А. Поляковым без труда разоружил оставшихся в помещении мятежников.

Ночь с 6 на 7 июля Ксенофонтов провел в ВЧК. Вместе с Петерсом он произвел аресты сотрудников Чрезвычайной комиссии из числа левых эсеров, опечатал их бумаги, привел в боевую готовность верные правительству отряды ВЧК.

7 июля части Красной Армии и отряды ВЧК разгромили мятежников. Позорная авантюра левых эсеров провалилась. Дзержинский, Лацис и другие советские работники, арестованные мятежниками, были освобождены. Главари мятежа разбежались. Александровича и еще нескольких левых эсеров, организаторов восстания, задержали на Курском вокзале и по постановлению ВЧК расстреляли. Дзержинский подал заявление об освобождении его с поста председателя ВЧК, так как он должен был выступать свидетелем по делу об убийстве Мирбаха. Совнарком удовлетворил его просьбу и поручил Петерсу сформировать коллегию ВЧК из одних большевиков. В новый состав коллегии одному из первых было предложено войти И.К. Ксенофонтову.

В конце августа председателем ВЧК снова стал Ф.Э. Дзержинский, а Я.Х. Петерса назначили его заместителем. Ввиду частых отъездов Феликса Эдмундовича по заданиям ЦК РКП (б) Петерс до начала 1919 года осуществлял фактическое руководство Чрезвычайной комиссией. И.К. Ксенофонтов продолжал выполнять работу секретаря ВЧК. На всех приказах ВЧК его подпись была обязательной. Вместе с Я.Х. Петерсом и заведующим Иногородним отделом В.В. Фоминым Иван Ксенофонтович направлял директивы местным чрезвычайным комиссиям о необходимости бдительно следить за действиями белогвардейцев, эсеров, меньшевиков, левых эсеров, анархистов, подавлять попытки контрреволюционных мятежей.

30 августа эсерами был убит председатель Петроградской ЧК М.С. Урицкий. В тот же день эсерка Каплан совершила злодейское покушение на жизнь В.И. Ленина, тяжело ранила его. В ответ на это Совнарком принял постановление о красном терроре как временной чрезвычайной мере защиты революции. Его проведение возлагалось на ВЧК.

Выполняя постановление Совнаркома, ВЧК и местные чрезвычайные комиссии арестовали многих участников

контрреволюционных организаций, восстаний, мятежей, а также деятелей царского режима, виновных в кровавых репрессиях против народа.

Беспощадно подавляя сопротивление врагов, ВЧК осуществляла строгий контроль за тем, чтобы чекисты не нарушали законных прав и интересов граждан. Осенью 1918 года в губернские и уездные чрезвычайные комиссии были разосланы приказы и инструкции, подписанные Я.Х. Петерсом и И.К. Ксенофонтовым, которые требовали «при малейшем злоупотреблении привлекать виновных к строгой ответственности».

В конце 1918 года в связи с победами Красной Армии на Восточном фронте, аннулированием Брестского мира и поворотом среднего крестьянства в сторону Советской власти упрочилось политическое положение в республике. Казалось, что самый трудный момент гражданской войны позади. Некоторые партийные и советские работники стали ставить вопрос о необходимости распустить ВЧК и местные чрезвычайные комиссии или по крайней мере лишить их права на применение крайних мер к противникам пролетарского государства. В печати, на заседаниях Советов, на партийных собраниях развернулась жаркая дискуссия о ЧК. Партийные комитеты, воспользовавшись улучшением обстановки в стране, начали отзывать коммунистов из чрезвычайных комиссий, переводить их на советскую работу или направлять в освобожденные от неприятеля районы.

И.К. Ксенофонтов вместе с Ф.Э. Дзержинским и Я.Х. Петерсом выступал за сохранение чрезвычайных комиссий как органов борьбы с контрреволюцией. Он полагал, что пока гражданская война продолжается, Советской власти без ЧК не обойтись.

4 февраля 1919 года ЦК РКП (б) принял решение о том, что право вынесения приговоров должно быть передано из ЧК в ревтрибуналы. Вместе с тем ЦК указал, что чрезвычайные комиссии должны остаться как органы розыска и как органы непосредственной борьбы с вооруженными бандитскими и контрреволюционными выступлениями. За ними также сохранялось право на внесудебную репрессию, но лишь в местностях, объявленных на военном положении. Решение ЦК было положено в основу постановления ВЦИК от 17 февраля о реорганизации ЧК и ревтрибуналов.

Весна 1919 года принесла большие перемены в жизни Ивана Ксенофонтовича. На одном из заседаний коллегии ВЧК Дзержинский сообщил, что Петерс направляется на ответственную работу в Московский ревтрибунал, а заместителем председателя комиссии назначается Ксенофонтов.

— Иван Ксенофонтович, — сказал Феликс Эдмундович, — работает в ВЧК с момента ее основания. Все мы знаем его как человека принципиального, преданного революции, выдержанного, спокойного. Я советовался по этому вопросу в Центральном Комитете партии. ЦК поддерживает кандидатуру товарища Ксенофонтова.

В марте Иван Ксенофонтович приступил к исполнению своих новых обязанностей.

Назначение Ксенофонтова на должность заместителя председателя ВЧК произошло в условиях нового обострения военной и политической обстановки в стране. В начале марта начался поход Колчака, в апреле — мае осложнилось положение в Прибалтике, Белоруссии, под 1 Петроградом. Летом развернул наступление на Южном фронте Деникин. В тылу республики усилили шпионско-подрывную деятельность «Национальный центр», «Союз возрождения России», организация английского резидента Поля Дюкса. Эсеры, меньшевики, левые эсеры организовывали крестьянские восстания в Поволжье, в Курской, Воронежской, Рязанской, Саратовской и других губерниях. Под влиянием агитации антисоветских партий вспыхнули мятежи красноармейцев в Брянске, Гомеле; произошли забастовки рабочих на Путиловском заводе, на оборонных предприятиях Тулы. Контрреволюционеры перешли к диверсиям. На Украине поднял крупный мятеж атаман Григорьев. Эсеры и меньшевики открыто требовали передать власть Учредительному собранию. Они фарисейски обвиняли большевиков в развязывании гражданской войны, предлагали вернуться к «здоровому капитализму», распространяли антисоветские листовки.

Необходимо было принять решительные меры против поднявшей голову контрреволюции. На заседании коллегии ВЧК 12 марта Дзержинский, Петере, Ксенофонтов, Лацис, Аванесов, Валобуев, Мороз, Павлуновский взволнованно говорили об усилении подрывной работы врагов Советской власти. Феликс Эдмундович заявил, что ввиду сложившейся обстановки в районах, охваченных восстаниями, надо восстановить судебные права ЧК. Ксенофонтов поддержал Дзержинского. Нужно подумать, говорил Иван Ксенофонтович, и об усилении чрезвычайных комиссий коммунистами. ЧК ослаблена отзывами работников. Надо обратиться в ЦК с просьбой дать распоряжение губкомам партии возвратить в ЧК отозванных коммунистов и прислать новых людей.

14 марта ЦК РКП (б) по докладу Дзержинского «О серьезности переживаемого момента» принял решение объявить местности, где происходят контрреволюционные восстания, на

военном положении и восстановить там судебные права ЧК. На следующий день Центральный Комитет партии направил губкомам партии письмо, в котором обязал их вернуть в чрезвычайные комиссии лучших работников, отозванных ранее оттуда.

…Рабочий день Ивана Ксенофонтовича в ВЧК продолжался с раннего утра до поздней ночи, без выходных. Он координировал деятельность отделов комиссии, непосредственно отвечал за делопроизводство, соблюдение правил внутреннего распорядка, состояние служебной дисциплины. При его участии рассматривались вопросы приема на службу и увольнения сотрудников, их поощрения и наказания.

Наряду с работой в ВЧК Ксенофонтов занимался многими другими важными государственными и общественными делами. Он был членом ВЦИК, членом, а затем председателем Верховного революционного трибунала, депутатом Моссовета.

Как-то в конце апреля 1919 года председатель бюро партийной ячейки ВЧК Петере обратился к Ксенофонтову с просьбой выступить на открытом партийном собрании с докладом о текущем моменте. Иван Ксенофонтович согласился. 5 мая в клубе ВЧК собралось около двухсот человек. Уставшие от напряженной, беспрерывной работы чекисты с тревогой и одновременно с надеждой ожидали выступления заместителя председателя ВЧК: что он скажет о положении на Восточном фронте? Нет ли там перемен к лучшему? Как развивается революция в Европе?

Иван Ксенофонтович вначале коротко рассказал об обстановке в Европе. Вести оттуда приходили неутешительные. В Советской Баварии шли тяжелые бои между ее защитниками и контрреволюционными войсками. Венгерская Красная Армия мужественно отражала натиск румынских и чехословацких войск. Антанта продолжала разрабатывать планы вмешательства во внутренние дела Советской России. Зато на Восточном фронте наметился перелом.

— Вчера, — сказал Иван Ксенофонтович, — Красная Армия перешла в контрнаступление, освободила Бугуруслан. Она стремительно движется к Бугульме. Свыше тысячи солдат противника добровольно, при полном вооружении сдались в плен.

Дружными аплодисментами встретили чекисты эту радостную весть.

— …Однако, — продолжал Ксенофонтов, — успокаиваться мы не должны. Положение на фронте все еще тяжелое. Наша задача, задача Красной Армии — отстоять Волгу, мобилизовать

все силы и разбить противника. Мы, чекисты, тоже должны сделать все возможное, чтобы помочь красным бойцам выполнить эту задачу.

Ксенофонтов призвал коммунистов усилить агитацию среди масс. Он говорил, что надо донести до каждого рабочего правду о политике Советской власти, о текущих событиях.

В конце мая в связи с переходом в наступление войск Деникина обстановка в стране еще более осложнилась. В Москве левые эсеры широко распространяли нелегально отпечатанные листовки и воззвания. В них рабочие и крестьяне призывались к свержению «насильников-большевиков». У окон РОСТа и газетных витрин, где обычно собирались рабочие и красноармейцы, контрреволюционеры распространяли панические слухи о скорой гибели Советской власти.

28 мая 1919 года под председательством И.К. Ксенофонтова состоялось совместное заседание коллегий ВЧК, МЧК, НКВД и представителей Московского комитета РКП (б). В заседании участвовали Ф.Э. Дзержинский, Я.Х. Петерс, М.И. Васильев, В.М. Загорский, В.Н. Манцев и другие руководящие работники. Обсуждался вопрос об организации борьбы с контрреволюцией в Москве. Было принято решение образовать при МЧК оперативный штаб во главе с Петерсом, который объединил бы все органы, ведущие борьбу с контрреволюцией в столице, развернуть агитацию среди рабочих, усилить деятельность Особого отдела МЧК.

Сразу после совещания Всероссийская чрезвычайная комиссия, НКВД, МК РКП (б) и МЧК осуществили намеченные меры по обеспечению революционного порядка в столице. Под руководством оперативного штаба были произведены аресты контрреволюционных агитаторов, усилена охрана важных политических и военных объектов. МЧК провела массовые обыски в домах, где жили буржуазные элементы и бывшие офицеры, изъяла большое количество оружия, припрятанных драгоценностей, продовольственных товаров. Московский комитет партии направил десятки большевистских агитаторов на заводы и в казармы.

Одной из наиболее трудных проблем в работе Ксенофонтова весной и летом 1919 года было пополнение ВЧК кадрами. Несмотря на то, что в марте многие губкомы возвратили в ЧК ранее отозванных чекистов, сотрудников все равно не хватало. Более того, с усилением военных действий на фронтах партийные комитеты сплошь и рядом начали мобилизовывать коммунистов-чекистов в армию, никого не давая взамен.

Дзержинский и Ксенофонтов писали письма в ЦК РКП (б), в

местные партийные органы с просьбой не отзывать коммунистов из чрезвычайных комиссий. Центральный Комитет партии удовлетворил просьбу ВЧК и дал несколько директив губкомам РКП (б) с запрещением мобилизовывать чекистов и требованием усилить ЧК надежными работниками.

Заботясь об укреплении ВЧК честными, надежными работниками, Иван Ксенофонтович нетерпимо относился к сотрудникам, которые совершали должностные преступления, нарушали чекистскую этику, дискредитировали своим поведением звание чекиста.

…В середине июня Ивану Ксенофонтовичу позвонил Дзержинский и попросил зайти к нему. Когда Ксенофонтов вошел в кабинет председателя ВЧК, то заметил, что Феликс Эдмундович был чем-то крайне взволнован.

— Иван Ксенофонтович, нехорошие сведения из Казани, — сказал Дзержинский. — По постановлению губкома партии и коменданта укрепленного района арестованы двое ответственных работников губчека. Обвиняются в пьянстве и получении взяток. Карлсон, председатель ЧК, пытается защитить своих сотрудников, считает, что тут не обошлось без личной мести. Дело будет рассматриваться в Казанском ревтрибунале. Для участия в его работе ЦК назначил комиссию. Поедете вы и нарком юстиции Курский. Свяжитесь с ним, согласуйте время отъезда.

Ксенофонтов с Курским выехали в Казань. Они тщательно расследовали обвинения, предъявленные чекистам. Факты, о которых говорил Дзержинский, подтвердились. Ревтрибунал приговорил одного из обвиняемых к расстрелу, другого — к длительному заключению.

Иван Ксенофонтович резко осуждал употребление чекистами спиртных напитков. Поклонников Бахуса, говорил он, надо изгонять из чрезвычайных комиссий. Осенью 1919 года ему стали известны случаи пьянства среди сотрудников некоторых местных ЧК. Ксенофонтов немедленно издал приказ, в котором обязал председателей ЧК положить конец этому «позорнейшему явлению». «Чекисты стоят на страже законов республики, — говорилось в приказе, — требуют от других их исполнения, преступников наказывают, для чего требуется нам быть безукоризненными, мы должны быть для всех примером. Впредь все уличенные в пьянстве будут беспощадно наказываться».

21 октября 1919 года Совнарком принял декрет об образовании при ВЧК Особого революционного трибунала. Он должен был рассматривать дела о крупной спекуляции, о преступлениях должностных лиц, обвиняемых в хищениях, подлогах, неправильной выдаче нарядов, о взятках. Состав

Особого ревтрибунала определялся ВЧК.

Дзержинский предложил Ксенофонтову возглавить вместе с Я.Х. Петерсом Особый ревтрибунал.

Для работы в ревтрибунале, — сказал он, — нужны люди наиболее принципиальные и политически зрелые. Трибунал в своих приговорах должен руководствоваться исключительно интересами революции, он не будет связан какими-либо формами судопроизводства. Приговоры Особого ревтрибунала окончательны — их нельзя будет обжаловать в кассационном порядке. Поэтому суд не должен, не имеет права ошибаться при определении наказания. Нам, Иван Ксенофонтович, не найти лучших кандидатур на пост председателей трибунала, чем ваша и Якова Христофоровича. Председательствовать будете по очереди.

В трибунале будут одни лишь чекисты?

Нет, один член трибунала назначается по согласованию с профсоюзами. Кроме того, я хотел бы отметить еще одно обстоятельство: заседания будут гласными. Это важно. Рабочие лучше увидят врага, который обрекает их на голод, холод, нищету и разорение. Да и для буржуазных элементов и всякого рода советских бюрократов гласный характер суда будет полезен — пусть воочию убедятся в неотвратимости и беспощадности наказания за хозяйственные и должностные преступления.

Особый революционный трибунал при ВЧК, возглавляемый И.К. Ксенофонтовым и Я.Х. Петерсом, рассмотрел несколько дел о незаконных валютных операциях, о крупной спекуляции продовольствием, о хищениях товаров с государственных и кооперативных складов.

Ревтрибунал при ВЧК существовал до конца марта 1920 года. Благодаря его деятельности спекулянты и расхитители социалистической собственности понесли заслуженное наказание, государству было возвращено большое количество ценностей и денег.

В конце 1919 — начале 1920 года Красная Армия полностью разгромила армии Колчака, Деникина, Юденича. Прекратились боевые действия на Западном фронте. ВЧК нанесла сокрушительные удары по наиболее крупным заговорщическим центрам контрреволюции. Были ликвидированы «Национальный центр», «Штаб Добровольческой армии Московского района», заговор Поля Дюкса. Чекисты арестовали членов «Тактического центра» — общероссийского объединения наиболее крупных антисоветских организаций. Наступила мирная передышка. Перед республикой встала неотложная задача залечивания ран, нанесенных войной.

Новая обстановка потребовала изменения характера деятельности чекистских органов, методов их борьбы. Задачи чрезвычайных комиссий в условиях мирной передышки определила 4-я Всероссийская конференция ЧК, состоявшаяся в начале февраля 1920 года.

Конференцию краткой вступительной речью открыл Ф.Э. Дзержинский. Он отметил, что контрреволюция в основном разгромлена как на внешних фронтах, так и на внутреннем. Но враги не уничтожены совсем — они распылены, ищут новые пути для свержения Советской власти. Центр тяжести борьбы с контрреволюцией переносится в экономику. Здесь опасность может быть в 100 раз больше, чем была на фронтах, когда Юденич подходил к Пулковским высотам, а Деникин приближался к Туле.

И.К. Ксенофонтову поручили выступить на конференции с докладом «Общие положения». Иван Ксенофонтович говорил, что надо улучшать структуру ВЧК, методы ее деятельности. Он считал недопустимым частую сменяемость руководящих работников чрезвычайных комиссий.

— Необходимо, — говорил Иван Ксенофонтович, — аппарат ЧК сделать устойчивым и по своему составу более или менее постоянным. Особое внимание следует обратить на укрепление дисциплины среди чекистов. Некоторые руководители не всегда считают нужным выносить сор из избы. Поэтому надо записать в инструкцию, что в ЧК должна быть товарищеская железная дисциплина, и за порядок, работоспособность, а также за бездеятельность отвечает коллегия ЧК. Нужно, чтобы председатель ЧК нес личную ответственность за поведение чекистов, их отношение к службе.

Основные положения доклада Ксенофонтова вошли в разработанные конференцией инструкции.

6 февраля, в последний день работы конференции, произошло волнующее, незабываемое для всех событие: перед делегатами выступил В.И. Ленин. Все участники конференции в едином порыве встали с мест и долго приветствовали горячими аплодисментами Владимира Ильича.

— Товарищи, — обратился Ленин к делегатам, — вам придется вести теперь работу в условиях перехода к новой полосе деятельности Советской России. Вы, конечно, все знаете, что эти условия переходного времени вызваны одинаково и международными и внутренними условиями, то есть, вернее, переменой положения, как международного, так и внутреннего фронта…

Ленин отметил, что первый острый момент борьбы с

контрреволюцией, с белогвардейской вооруженной силой, как скрытой, так и явной, по-видимому, проходит. Однако не исключена опасность нового нашествия империалистов, новых контрреволюционных движений, восстаний, попыток террора.

Сохраняя боевую готовность, не ослабляя аппарата для подавления сопротивления эксплуататоров, говорил Ленин, мы должны учитывать новый переход от войны к миру, понемногу изменять тактику. Следует подумать над тем, как видоизменить деятельность чекистских органов в недавно освобожденных районах России, Сибири, Украины. В борьбе с разрухой органы ЧК должны стать орудием проведения централизованной воли пролетариата, орудием знания такой дисциплины, какую мы создали в Красной Армии.

Владимир Ильич призвал чекистов до максимума развить дисциплину и революционную энергию, опираться на коммунистические ячейки, на профсоюзы; объединить свою работу с пропагандой и агитацией, чтобы вызвать в массах сознательное отношение к борьбе.

Речь Ленина воодушевила чекистов. Она стала их боевой программой.

В конце апреля Дзержинский пригласил к себе Ксенофонтова.

— Иван Ксенофонтович, — сказал он, — Политбюро приняло решение о моем отъезде на Украину для проведения трудовой повинности и организации борьбы с бандитизмом. Руководство комиссией ложится на вас как на моего заместителя.

— Долго продлится командировка? — спросил Ксенофонтов.

— Думаю, две-три недели. Направления работы ВЧК остаются прежние. Поддерживайте связь с Центральным Комитетом. Когда придется принимать решения политического характера, обязательно советуйтесь с ЦК.

— Не беспокойтесь, Феликс Эдмундович, — сказал Ксенофонтов, — все будет в порядке.

Дзержинский выехал на Украину. Ксенофонтов принял руководство Всероссийской чрезвычайной комиссией, но не на две-три недели, как предполагалось. Свыше пяти месяцев он фактически возглавлял ВЧК, притом в сложных условиях. Началась война с Польшей. Снова подняли голову эсеры, меньшевики, анархисты. Они подбивали рабочих Москвы, Петрограда и других крупных городов на забастовки. В глубоком подполье готовились выступить против Советов белогвардейские организации на Дону, Кубани, Украине. Опасный характер принял политический бандитизм.

9 мая вспыхнул грандиозный пожар на артиллерийских

складах на Ходынке. Огромной силы взрыв почти полностью уничтожил их.

10 мая Совет Труда и Обороны создал специальную комиссию для выяснения причин взрыва и разработки мер по усилению охраны военных складов. На следующий день Ксенофонтов на заседании президиума ВЧК сообщил об этом решении. Президиум поручил Особому отделу ВЧК обеспечить наблюдение за охраной складов на всей территории республики. В течение двух-трех недель чекистские органы проверили личный состав всех военных складов, состояние их охраны, меры противопожарной безопасности. Были расследованы причины пожара на Ходынке — он оказался результатом преступной халатности ответственных работников Главного артиллерийского и Главного военно-интендантского управлений Красной Армии. Виновные понесли наказание по законам военного времени.

25 мая 1920 года Политбюро ЦК РКП (б) в своем решении отметило усиление подрывной работы польских агентов в Красной Армии и в тылу и постановило придать военному положению самый решительный и непреклонный характер. В тот же день Ксенофонтов собрал коллегию ВЧК. Она наметила конкретные мероприятия чрезвычайных комиссий и особых отделов по проведению военного положения в республике.

В конце мая И. К. Ксенофонтов издал приказ ВЧК «О принятии срочных мер борьбы с пожарами». В нем говорилось, что только за последние недели в республике пожарами уничтожено около двадцати заводов и фабрик, имеющих военное значение, и что эти пожары связаны с польским наступлением.

> «…Президиум ВЧК считает необходимым предписать и требовать от всех ЧК:
>
> 1. Сугубой бдительности, напряжения всех сил и принятия строжайших мер.
>
> 2. Выпуска специальных объявлений с призывом всему честному населению взять на себя обязанность выслеживать поджигателей, ловить их, доставлять в ЧК, с указанием ответственным лицам, что за преступную небрежность их ждет жестокая кара, за злой умысел — беспощадная расправа.
>
> 3. Установить усиленные и беспрерывные дежурства ответственных работников по комиссиям и разведке.
>
> 4. Немедленно ставить в известность президиум ВЧК о причинах возникающих пожаров и добытых следствием материалах.
>
> СТОЙТЕ ТВЕРДО НА СВОИХ ПОСТАХ, БУДЬТЕ

НАСТОРОЖЕ».

30 мая «Правда», «Известия» и другие газеты опубликовали «Предупреждение врагам пролетариата от Всероссийской чрезвычайной комиссии». Подписано оно было И.К. Ксенофонтовым и членом коллегии ВЧК С.Г. Ураловым.

«ВЧК объявляет всем предателям, поджигателям и шептунам из подворотни беспощадную борьбу.

…Жестокая расправа ждет всех за злой умысел.

Беспощадная кара будет за преступную халатность всем ответственным лицам.

То же ждет шептунов из социал-предательского лагеря и доносчиков Ллойд Джорджа.

ВСЕ НА СТРАЖУ! ВСЕ ПРОТИВ ПОДЖИГАТЕЛЕЙ!»

Прямые обращения ВЧК к населению умножали ее силы в сложной работе по защите завоеваний революции.

Ф.Э. Дзержинский, находясь на фронте, проявлял большой интерес к делам ВЧК, к работе И.К. Ксенофонтова. Феликс Эдмундович едва ли не каждый день присылал ему письма, направлял телеграммы, разговаривал по прямому проводу. Он сообщал о положении дел на Украине, о трудностях борьбы с Махно, просил прислать опытных чекистов, давал советы. Ксенофонтов, в свою очередь, регулярно докладывал Дзержинскому о наиболее значительных операциях Чрезвычайной комиссии. В июне он сообщил Феликсу Эдмундовичу, что Секретный отдел ВЧК располагает сведениями о существовании в Москве контрреволюционных групп, готовящих террористические акты против руководителей Советского государства. Одна из групп намеревается сделать подкоп под Кремль. Дзержинский сразу же написал Ксенофонтову, что нужно самым серьезным образом отнестись к этим сообщениям. Он предложил Ивану Ксенофонтовичу связаться с секретарем ЦК РКП (б) Н.Н. Крестинским и через него поставить в известность В.И. Ленина о намерениях врагов. Феликс Эдмундович сообщал далее, что посылает в распоряжение ВЧК для борьбы с террористами опытного разведчика Ф.Я. Мартынова. Дзержинский рекомендовал Ксенофонтову немедленно вызвать военных специалистов, чтобы прослушать, нет ли где шума от подкопов, осмотреть подвалы зданий, расположенных вблизи Кремля.

ЦК РКП (б) придал сообщению ВЧК серьезное значение и предложил ей осуществить экстренные меры по усилению охраны Москвы и очищению ее от подозрительных элементов.

2 июля Ксенофонтов созвал коллегию ВЧК для обсуждения вопроса о предупреждении терроризма. Он рассказал о своей переписке с Дзержинским по этому поводу, о директиве Центрального Комитета партии и обязал членов коллегии срочно представить в письменном виде свои предложения.

6 июля коллегия ВЧК утвердила план мероприятий по усилению охраны Москвы. В отделах ВЧК были назначены уполномоченные, ответственные за проведение этой работы. Коллегия приняла решение выслать из столицы всех лиц, ведущих паразитический образ жизни, проверить личный состав подразделений, осуществлявших охрану важных объектов города. Были намечены технические меры выявления возможных подкопов.

Проведение в жизнь разработанного коллегией плана помогло сорвать опасные замыслы врагов.

В середине июля Ф.Э. Дзержинский на короткое время приехал в Москву для участия в пленуме ЦК партии. Здесь он получил назначение выехать на Западный фронт в качестве члена Польского бюро ЦК РКП (б). До своего отъезда он провел через Оргбюро ЦК решение о новом составе коллегии ВЧК, который позже был утвержден Совнаркомом. Ксенофонтов снова вошел в нее в качестве заместителя председателя ВЧК. Дзержинский согласовал с Центральным Комитетом партии принципы работы коллегии. 23 июля, в день отбытия на Западный фронт, он изложил их в письме Ксенофонтову. Феликс Эдмундович разъяснял, что необходимо сделать ВЧК военным учреждением, улучшить учет и распределение ответственных работников, упрочить контакты ЧК с ревтрибуналами, чтобы они «составляли… в работе одно целое».

> «Для связи с ЦК по политическим вопросам, — писал Феликс Эдмундович, — предлагаю Вам назначить т. Менжинского — как постоянного представителя ВЧК, не лишая, конечно, права членов коллегии ВЧК непосредственно обращаться и сноситься с ЦК по частным вопросам — конечно, с Вашего ведома. Тов. Менжинскому предлагаю тоже поручить делать в ЦК систематические доклады о важнейших делах, имеющих политическое, экономическое и партийное значение…»

Письмо Дзержинского, проникнутое заботой о повышении эффективности деятельности ВЧК, явилось прямой директивой для Ксенофонтова. В соответствии с ней он осуществлял руководство чекистскими органами.

Весной и летом 1920 года ВЧК нанесла ряд новых

сокрушительных ударов по врагу. Чекисты раскрыли центры «Польской организации войсковой», осуществлявшей шпионаж и диверсии в Киеве, Одессе, Харькове, Житомире и других городах. В Ростове, Одессе, Киеве, Николаеве, Екатеринославе, Омске, Челябинске, Томске, Иркутске было разгромлено несколько белогвардейских организаций. За призывы к вооруженной борьбе против Советской власти чекисты арестовали группы правых эсеров в Москве, Петрограде, на Украине, на Алтае. В Ростове ими был арестован Донской комитет меньшевиков.

В июле ВЧК разоблачила группу врачей и служащих Центральной приемочной комиссии, бравших взятки за освобождение от военной службы здоровых людей. С начала поверочного сбора преступники признали негодными к службе 8 тысяч человек — одну треть осмотренных, получив за это около 50 миллионов рублей. Среди лиц, дававших взятки, были бывшие купцы, заведующие продовольственными магазинами, работники кооперации. Президиум ВЧК во главе с Ксенофонтовым приговорил 44 участника группы к высшей мере наказания.

Летом 1920 года Ксенофонтову пришлось много внимания уделять работе в Верховном революционном трибунале. С 16 по 20 августа он председательствовал на заседании, рассматривавшем дело участников «Тактического центра». Суду были преданы 28 человек — руководители центра Д.М. Щепкин, С.М. Леонтьев, С.Е. Трубецкой и С.П. Мельгунов, а также члены входивших в центр контрреволюционных организаций, ряд крупных деятелей царского режима. В процессе расследования ревтрибунал полностью доказал вину подсудимых. Они ставили своей целью свержение диктатуры пролетариата, уничтожение завоеваний Октябрьской революции и восстановление путем вооруженного восстания власти буржуазии, а также оказывали всемерную помощь Деникину, Колчаку, Юденичу и Антанте. Четверо руководителей «Тактического центра» были приговорены к расстрелу. Однако, приняв во внимание их чистосердечное раскаяние и желание сотрудничать с Советской властью, ревтрибунал заменил расстрел иными наказаниями. Остальные подсудимые были приговорены к различным срокам лишения свободы. Одного подсудимого суд оправдал.[1]

31 августа — 4 сентября И. К. Ксенофонтов руководил заседанием Верховного ревтрибунала, на котором слушалось «дело кооператоров». Суд приговорил четырех руководителей Центросоюза, виновных в контрреволюционной деятельности, к 15 годам лишения свободы. Несколько подсудимых были освобождены от наказания, некоторые были осуждены условно, двое — оправданы.

Оба процесса, которые вел Ксенофонтов, состоялись в условиях тяжелой войны с Польшей и отражения наступления войск Врангеля. Относительно мягкие меры наказания виновных показали всему миру, что Советская власть не намерена была мстить своим политическим противникам, давала им возможность честным трудом искупить то зло, которое они принесли народу, поднявшемуся на защиту революции.

В середине октября 1920 года Центральный Комитет партии демобилизовал Ф.Э. Дзержинского, поскольку военные действия на польском фронте заканчивались, и снова направил его на работу в ВЧК. И. К. Ксенофонтов целиком сосредоточился на исполнении своих прежних обязанностей заместителя председателя ВЧК.

В конце ноября Феликс Эдмундович предложил Ксенофонтову выехать на Кавказ для ревизии и инспектирования чрезвычайных комиссий.

— Чрезвычайные комиссии на Северном Кавказе еще не окрепли, — сказал он. — Им нужна большая помощь и кадрами и советами. Вам следует на месте выявить их проблемы и, если возможно, разрешить.

3 декабря коллегия ВЧК признала желательным образовать Центральное управление всеми органами ЧК на Кавказе. Ксенофонтов должен был изучить и этот вопрос. Кроме того, ему поручили договориться с особым отделом Кавказского фронта об организации особого отдела по охране границы.

Поездка была длительной. В Ростове-на-Дону Ксенофонтов провел ревизию районной ТЧК и Донской ЧК, затем посетил Новороссийск, Екатеринодар, Пятигорск, Владикавказ. Он внимательно анализировал работу чрезвычайных комиссий, интересовался состоянием дисциплины, взаимоотношениями ЧК с партийными и советскими органами.

Вернувшись в Москву, Иван Ксенофонтович доложил Дзержинскому о результатах поездки. Чрезвычайные комиссии Северного Кавказа, рассказывал он, в основном справляются с задачами. Кубано-Черноморская ЧК разгромила несколько законспирированных врангелевских организаций. Новочеркасская ЧК вместе с Донской ЧК ликвидировала белогвардейский «Штаб спасения России», арестовала его руководителя князя Ухтомского. Им удалось удачно внедрить в штаб своего человека. Чекисты раскрыли связи Ухтомского с белогвардейской бандой Назарова, с десантами Врангеля.

Дзержинский слушал внимательно, иногда что-то записывал в блокнот. О наиболее крупных операциях чекистов ему в общих

чертах было известно, но многое он узнал впервые.

— Скажите, Иван Ксенофонтович, какие трудности испытывают чрезвычайные комиссии? Какие недостатки в их работе? — спросил он.

— Основная трудность — это нехватка работников. Особенно это чувствуется в транспортных ЧК. Я им рекомендовал установить более тесный контакт с партийными комитетами, с профсоюзами, просить у них пополнение. Транспортные ЧК слабо связаны с территориальными чрезвычайными комиссиями. Серьезный недостаток в работе всех ЧК — неумение выбрать главное направление. Много занимаются борьбой с мелкой спекуляцией, регистрацией нетрудовых элементов вместо того, чтобы бросить все силы на выявление законспирированных белогвардейских групп.

В конце разговора Дзержинский поручил Ксенофонтову подготовить приказ, который бы обобщил деятельность чекистских органов на Кавказе и сформулировал задачи по улучшению работы чрезвычайных комиссий и особых отделов. В феврале 1921 года приказ был разослан на места.

По возвращении из командировки Ксенофонтов снова с головой ушел в повседневную работу. Почти ежедневно он проводил заседания президиума ВЧК. На них рассматривались самые разнообразные вопросы: об организации чрезвычайных комиссий в автономных республиках, охране границы, увеличении ставок сотрудников, обследовании мест заключения, о помощи Наркомпросу в борьбе с детской беспризорностью, награждениях отличившихся чекистов, о перемещениях сотрудников ВЧК и т. д.

Одной из неотложных и важных задач ВЧК в тот период была борьба с политическим бандитизмом, прежде всего с бандами Махно на Украине и антоновщиной в Тамбовской губернии. Центральный Комитет партии придавал быстрейшему разгрому банд первостепенное значение. Против них были посланы регулярные части Красной Армии и войска ВЧК, образованные в январе 1921 года.

6 февраля Ксенофонтов провел расширенное заседание президиума ВЧК. В нем приняли участие члены коллегии и заведующие отделами ВЧК. Ксенофонтов сообщил, что мятеж Антонова в Тамбовской губернии разрастается, его банды совершают опустошительные набеги в Воронежскую, Пензенскую, Саратовскую губернии:

— Центральный Комитет партии, товарищ Ленин, — говорил Иван Ксенофонтович, — требуют как можно быстрее покончить с

антоновщиной. Скоро наступит весна, и тогда, после полевых работ, бандитизм примет еще более опасные масштабы. Сейчас же, до весенней распутицы, имеется возможность сравнительно легкой переброски войск, окружения и уничтожения банд. Наша задача — обеспечить разведку. Мы должны знать состав и численность банд, их главарей, местонахождение штабов, источники снабжения оружием и боеприпасами, их планы и намерения. В этих сведениях крайне нуждается командование частей Красной Армии и войск ВЧК.

Президиум ВЧК принял решение послать в Тамбовскую и другие охваченные восстаниями губернии опытных чекистов, улучшить сбор разведывательной информации о мятежниках.

Ксенофонтов как заместитель председателя ВЧК координировал действия Секретного отдела ВЧК и местных чрезвычайных комиссий в разработке совместных мероприятий по проникновению в банды Антонова и разложению их изнутри, поддерживал постоянную связь с председателями губернских ЧК и с командованием частей ВЧК.

Весной 1921 года Секретный отдел ВЧК, возглавляемый Т.П. Самсоновым, совместно с Воронежской ЧК начал подготовку операции по внедрению в штаб Антонова бывшего левого эсера Е.Ф. Муравьева. Под видом члена ЦК левоэсеровской партии ему удалось проникнуть в логово мятежников. Муравьев получил важные сведения о дислокации бандитов, их командном составе, вооружении, связях и планах. С помощью Муравьева удалось вызвать нескольких руководителей банд в Москву якобы на «съезд повстанческих армий и отрядов» и арестовать их. Три группы боевиков Муравьев послал «за оружием» в Тулу, Воронеж и Москву, все они также попали в руки чекистов. Эти мероприятия способствовали дезорганизации политического и военного руководства мятежников накануне решающих операций Красной Армии и войск ВЧК по уничтожению банд Антонова.

Многие сложные вопросы приходилось решать И. К. Ксенофонтову на посту заместителя председателя ВЧК. Иногда жизнь ставила их совершенно неожиданно.

Однажды Ивана Ксенофонтовича пригласил к себе Дзержинский.

— Вы знаете, — обратился к нему Феликс Эдмундович, — что два дня тому назад, 8 февраля, умер князь Кропоткин. Комиссия по организации похорон послала телеграмму Ленину. Она просит освободить из мест заключения анархистов для участия в похоронах. С такой же просьбой обратилась к Владимиру Ильичу дочь Кропоткина. Анархисты грозятся, что они сбросят с гроба

покойного все коммунистические венки, если их требования не будут приняты. Ленин сообщил об этом в Президиум ВЦИК. Президиум предлагает ВЧК по своему усмотрению решить этот вопрос. Вчера Владимир Ильич звонил мне, спрашивал, можем ли мы что-нибудь сделать, чтобы удовлетворить анархистов. Похороны состоятся в воскресенье, в 11 часов.

— Насколько я понимаю, — заметил Ксенофонтов, — анархисты должны прибыть без конвоя для участия в траурной процессии. Какую гарантию они дают, что не совершат побег?

— Никакой. Только честное слово.

Да, рискованное дело, — сказал Иван Ксенофонтович-. — Тем более уже было несколько случаев побегов анархистов во время следования к месту заключения. Я думаю, что от окончательного решения мы пока воздержимся, посмотрим, как поведут себя легальные анархисты дальше. А тем временем наметим, кого можно, а кого нельзя отпускать под честное слово. Я думаю, что уголовников, выдающих себя за анархистов, никоим образом освобождать нельзя. Мигом разбегутся. Речь может идти только об идейных анархистах.

Утром следующего дня в кабинет к И.К. Ксенофонтову вошел секретарь Дзержинского В.Л. Герсон с сотрудником Секретного отдела ВЧК М.В. Бренером. Вид у них был озабоченный, растерянный.

— Что будем делать с анархистами, Иван Ксенофонтович? — спросил Герсон. — Завтра похороны, а вопрос с их освобождением все еще неясен. Феликс Эдмундович будет только после обеда, приедет на заседание президиума, Самсонов в отъезде. Только что звонили из Совнаркома, спрашивали, какое решение мы приняли по записке товарища Ленина.

— Какой записке? — удивился Ксенофонтов.

— Вот по этой. Вчера передали. Ксенофонтов взял записку. В ней говорилось:

> «Т. Дзержинский! Посылаю Вам, согласно нашему телефонному разговору, письмо дочери Кропоткина. Надеюсь, удастся освободить тех, за кого она просит. Найти ее через Управдел Н.П. Горбунова. Ваш Ленин».

— Ребята волнуются, — вступил в разговор Бренер. — Они хотели бы знать, как будут организованы похороны. Разрешат ли анархистам первыми идти за гробом Кропоткина, будет ли им позволено нести свои знамена? Сотрудники отдела опасаются, не произойдет ли каких-нибудь эксцессов во время панихиды. Ведь руководить похоронами будет член конфедерации анархистов-синдикалистов!

Вопрос был крайне сложный. Иван Ксенофонтович тут же попытался связаться по телефону с Дзержинским, находившимся на даче. Феликс Эдмундович оказался на месте. Было решено: анархисты отпускаются утром в воскресенье под честное слово до 12 часов ночи, к этому времени они обязаны вернуться в места заключения.

В воскресенье, 13 февраля, анархисты без конвоя прибыли в Колонный зал Дома союзов проститься с Кропоткиным. Траурная процессия медленно двинулась на кладбище. Вслед за катафалком шли колонны анархистов с черными знаменами, за ними со склоненными красными знаменами — трудящиеся Москвы. Похороны прошли организованно. Ночью все анархисты, отпущенные под честное слово, возвратились в места заключения.

В середине февраля 1921 года Центральный Комитет партии откомандировал Дзержинского на Украину с заданием выяснить причины и наметить пути преодоления топливного кризиса. Руководство Всероссийской чрезвычайной комиссией снова легло на плечи Ксенофонтова. Отъезд Дзержинского, как будто по иронии судьбы, опять совпал с резким, наибольшим за все годы существования Советской власти обострением внутриполитической обстановки.

В конце февраля в Петрограде и Москве начались спровоцированные эсерами и меньшевиками забастовки рабочих, уставших от войны, голода и разрухи. Они требовали ликвидации заградительных отрядов, вылавливавших мешочников на железных дорогах, свободы торговли, равного для всех распределения продуктов, «демократических свобод», перевыборов Советов. Начались волнения моряков на линкорах «Севастополь» и «Петропавловск» в Кронштадте. На заводах и улицах появились меньшевистские листовки.

Утром 1 марта в кабинете Ивана Ксенофонтовича раздался телефонный звонок. Дежурный секретарь В.И. Ленина передавала, что его, Ксенофонтова, и Менжинского вызывает Владимир Ильич, прием назначен на 3 часа 15 минут пополудни.

Ленин встретил руководителей ВЧК сдержанно, даже несколько сурово. Чувствовалось, что он сильно озабочен последними событиями.

— Вы знаете, товарищи, о волнениях в Петрограде, о попытке контрреволюционеров организовать демонстрацию в Москве, — сказал Владимир Ильич. — Я получил сообщение из Петрограда о «волынках» на заводах, о приезде к бастующим рабочим делегации кронштадтских моряков. За всем этим ясно видна рука эсеров и меньшевиков. Вчера состоялось заседание Политбюро

ЦК. Было принято решение прекратить освобождение меньшевиков из тюрем. ВЧК поручено произвести аресты эсеров и меньшевиков, возбуждающих рабочих против Советской власти. Вы должны срочно дать сведения о деятельности анархистов и других антисоветских партий, о причастности их к последним контрреволюционным выступлениям. ЦК срочно вызвал Феликса Эдмундовича в Москву, на днях он выедет из Харькова. Какими сведениями вы располагаете, что намерены предпринять, чтобы не допустить активизации действий врагов Советской власти?

Ксенофонтов и Менжинский коротко доложили Ленину об известных ВЧК фактах антисоветской деятельности эсеров, меньшевиков и анархистов, о важнейших процессах, происходящих во враждебном лагере, об участии чекистских органов в борьбе с политическим бандитизмом.

Беседа продолжалась двадцать пять минут.

После разговора с В.И. Лениным Иван Ксенофонтович послал во все чрезвычайные комиссии директиву ВЧК о повышении бдительности. В крупных городах были произведены аресты эсеров и меньшевиков, уличенных в антисоветской агитации, в подготовке восстаний. На подавление начавшегося Кронштадтского мятежа Ксенофонтов направил войска ВЧК, которые вместе с частями Красной Армии приняли участие в боевых действиях по разгрому мятежников.

В середине марта Ксенофонтов по заданию ВЧК выехал в Петроград. Он был наделен специальными полномочиями по расследованию причин Кронштадтского мятежа и ревизии Петроградской ЧК и особого отдела Петроградского военного округа. В Кронштадте он провел предварительное следствие по делам арестованных мятежников.

Выполнив поручение ВЧК, Ксенофонтов в конце марта возвратился в Москву.

Напряженная работа в ВЧК подорвала здоровье Ивана Ксенофонтовича. Сильно сказывались нервное переутомление и физическая усталость. Ксенофонтов обратился в Центральный Комитет партии с просьбой перевести его на партийную или хозяйственную работу. ЦК удовлетворил просьбу. Ксенофонтов сдал дела новому заместителю председателя ВЧК И.С. Уншлихту. В конце апреля Иван Ксенофонтович получил месячный отпуск для отдыха и лечения.

…Летом 1921 года на Воздвиженке, 5, в доме, где размещался Секретариат ЦК РКП (б), появился человек среднего роста, круглолицый, с наголо обритой головой. Суконная гимнастерка, подпоясанная офицерским ремнем, до блеска начищенные сапоги

придавали его коренастой фигуре подтянутый вид. Это был Иван Ксенофонтович Ксенофонтов, назначенный Оргбюро ЦК РКП (б) управляющим делами ЦК.

Перед Ксенофонтовым поставили задачу улучшить работу аппарата Управления делами, приспособить ее к условиям мирного времени. После окончания гражданской войны была восстановлена сеть партийных организаций на территории, освобожденной от белогвардейцев и интервентов. Возросли масштабы деятельности Секретариата ЦК. Больше внимания стало уделяться вопросам партийного строительства. Расширились связи между партийными организациями и Центральным Комитетом РКП (б). Увеличилось количество документов, проходивших через Управление делами ЦК. Усилился поток посетителей. Тысячи коммунистов, демобилизованных из армии, обращались в ЦК за содействием в решении бытовых вопросов. Многим нужно было помочь восстановить здоровье, подорванное годами тюрем и ссылок, залечить раны, полученные в боях. Все это требовало от Управления делами особой четкости и оперативности.

Организационное бюро ЦК РКП(б), назначая Ксенофонтова на должность управляющего делами ЦК, учитывало его большой опыт руководства ВЧК. Этот опыт Иван Ксенофонтович широко применил на новой работе. Он упростил и удешевил аппарат Управления делами, укрепил служебную дисциплину. Несколько работников, недобросовестно относившихся к делу, были уволены. Ксенофонтов ввел учет времени, занятого на службе каждым сотрудником. При Секретариате было создано бюро пропусков. Иван Ксенофонтович организовал четкую регистрацию входящей и исходящей корреспонденции, наладил строгий контроль за исполнением постановлений ЦК, поручений и заданий В.И. Ленина и других руководителей партии.

Нововведения Ивана Ксенофонтовича в Управлении делами ЦК встретили понимание со стороны сотрудников. В большинстве своем это были молодые люди, пришедшие из армии. Их быт носил на себе суровый отпечаток времени, только что закончившейся войны. Они ходили, как правило, в легких серых пальто, выданных со склада. Эта одежда лишь символически защищала их от холода. Жили впроголодь. Раз в месяц с шумом и шутками приносили продовольственный паек: мясо австралийских кроликов, пару ржавых селедок, пакет пшена, немного муки. Зарплаты с трудом хватало на пропитание. Однако «цекисты» были полны энтузиазма, бодрости и оптимизма. Часто после окончания рабочего дня они задерживались в кабинете Ксенофонтова, говорили о текущих делах, обсуждали положение

в мире, в стране. Товарищеские беседы затягивались иногда на несколько часов.

Ивана Ксенофонтовича сотрудники любовно называли «дед», «отец». Он был прост, приветлив, добр в отношении к подчиненным, но вместе с тем принципиален и тверд, нетерпим к любому нарушению служебной дисциплины и партийной этики. «Ксенофонтов, — вспоминал писатель Илья Кремлев, работавший в начале 20-х годов в Управлении делами ЦК, — был человеком кристаллической чистоты и беззаветной преданности партии… В нем, как в ценнейшем сплаве, слились воедино те чудесные черты, которые так присущи были чекистам… прямолинейность, неукротимая ненависть к проклятому прошлому, редкое бескорыстие, поразительное чувство товарищества и врожденная мягкость, уживающаяся с воспитанной опасной работой неумолимостью там, где этого требовали интересы революции».

Иван Ксенофонтович часто принимал посетителей, внимательно выслушивал их просьбы, жалобы, заявления, оказывал им помощь в устройстве на работу, в получении жилья, лечения. Однажды к нему в кабинет вошла невысокого роста женщина с орденом Красного Знамени на жакете.

— Товарищ Ксенофонтов, — обратилась она к Ивану Ксенофонтовичу. — Я красная сестра милосердия Фирковская, воевала в армии Буденного. Была тяжело ранена, получила инвалидность. Сейчас мне срочно нужна госпитализация. Очень прошу вашего содействия. Кроме того, нельзя ли получить единовременное пособие. Стыдно просить об этом, но другого выхода нет.

Иван Ксенофонтович помог Е.И. Фирковской лечь в больницу, распорядился выдать ей денежную ссуду.

Ксенофонтов проявлял постоянную заботу о быте красноармейцев отряда особого назначения при ЦК РКП (б). Он помог благоустроить казарму, где жили бойцы, интересовался их довольствием, организовал обучение грамоте, наладил регулярные политические занятия. Красноармейцы отряда единодушно избрали Ивана Ксенофонтовича депутатом Московского Совета. Весной 1922 года на общем собрании отряда, посвященном увольнению с действительной службы, бойцы приняли резолюцию, в которой отмечали большое внимание к ним со стороны Ксенофонтова. «Вы с отеческой заботливостью, — писали красноармейцы, — старались улучшить наше положение, благодаря чему серая казарма превратилась для нас в уютный дом».

Слова искренней благодарности в адрес Ивана Ксенофонтовича звучали и в выступлениях красноармейцев,

увольнявшихся в запас в 1924 году. 4 апреля на общем собрании бойцов и командиров была принята резолюция, в которой говорилось: «Имя, которое мы, красноармейцы, тебе дали, — „дедушка“, „отец“ — будет долго сохранено в нашей памяти, и мы там, на своих местах, рассыпавшись по всему СССР, будем в лице твоем чтить и уважать Российскую Коммунистическую партию, как единственную защитницу мирового пролетариата и крестьянства».

Три с половиной года пробыл Ксенофонтов управляющим делами ЦК. Аппарат работал четко, хорошо. В конце ноября 1924 года Иван Ксенофонтович обратился в ЦК РКП (б) с просьбой перевести его на советскую работу, где в то время была большая нужда в опытных партийных кадрах.

С грустью расставались сотрудники Управления делами со своим руководителем. В день его ухода из аппарата ЦК они составили благодарственный адрес Ивану Ксенофонтовичу. Его подписали 80 человек. Они обещали Ксенофонтову работать с неутомимой энергией, как он их учил.

23 февраля 1925 года Ксенофонтов приступил к новой работе: его назначили заместителем наркома социального обеспечения РСФСР. Задачи, стоявшие перед наркоматом, были необычайно сложны. За годы империалистической и гражданской войн в стране погибло в боях и умерло от ран и болезней свыше двух миллионов солдат и офицеров. Более двух миллионов человек стали жертвами эпидемий в тылу. Сотни тысяч семей остались без кормильцев. Война искалечила четыре с половиной миллиона человек, многие из них полностью потеряли трудоспособность. Все они нуждались в питании, лечении, материальных средствах.

С первых дней пребывания в НКСО И.К. Ксенофонтову пришлось осуществлять фактическое руководство наркоматом — нарком В.Г. Яковенко был тяжело болен. Иван Ксенофонтович начал с улучшения работы центрального аппарата. На ответственные должности были выдвинуты опытные коммунисты. Удельный вес членов партии в коллективе увеличился за год почти в два раза. Коммунисты стали составлять около трети всех служащих наркомата. Повысилась интенсивность работы сотрудников, началось внедрение научной организации труда. Губернские органы соцобеспечения были укреплены выдвиженцами, преимущественно беспартийными рабочими и крестьянами.

Ксенофонтов повел решительную борьбу с бюрократизмом в аппаратах собеса, за сокращение бумажной отчетности.

Несколько ответственных работников были наказаны за казенное отношение к инвалидам и волокиту. На места стали регулярно направляться инспекции, возглавляемые членами коллегии НКСО. Они ревизовали работу губернских и областных отделов собеса, оказывали им помощь, обобщали и распространяли передовой опыт. Ксенофонтов требовал от сотрудников неуклонного повышения дисциплины, добросовестного отношения к труду.

— Там, где товарищи не спят, — говорил он на IV Всероссийском совещании заведующих губернскими и областными отделами собеса, — удается много сделать. Но там, где работают спустя рукава или недостаточно активно проявляют себя, там дело не двигается с места. Трудиться надо не за страх, а за совесть.

— Каждый работник, — подчеркивал Иван Ксенофонтович, — начиная с курьера и кончая ответственным должностным лицом, должен проявлять максимальную инициативу, работать не бюрократически, а творчески.

Одним из важнейших направлений деятельности НКСО Ксенофонтов считал всемерное содействие укреплению и развитию крестьянских обществ взаимопомощи. Они играли основную роль в социальном обеспечении деревни. Ксенофонтов рассматривал крестьянские общества взаимопомощи как «школу советской государственности».

Другим важным направлением являлось трудовое устройство инвалидов. Всероссийское кооперативное объединение инвалидов (ВИКО) при наркомате образовывало производственные, торговые, потребительские артели. Благодаря посильному труду в артелях инвалиды обеспечивали себя и свои семьи средствами, необходимыми для жизни. Создавались различные техникумы, где они могли получить специальность.

Ксенофонтову удалось добиться удвоения пенсионного фонда. В результате повысился средний размер пенсий. Расширилась работа по пенсионному обеспечению инвалидов в деревне. Были увеличены нормы снабжения в домах инвалидов и престарелых. В 1925 году при прямом участии Ивана Ксенофонтовича образовалось Всероссийское общество слепых, увеличены пенсии незрячим и глухонемым.

Предметом особой заботы Ксенофонтова было пенсионное обеспечение лиц, имевших особо выдающиеся заслуги перед советским народом: участников революционного движения, крупных деятелей науки, техники, литературы и искусства. Иван Ксенофонтович возглавил Комиссию по назначению персональных пенсий.

Однажды, вскоре после вступления Ксенофонтова на должность замнаркома, ему позвонила Н.К. Крупская.

— Иван Ксенофонтович, — сказала она, — нужнопо мочь Александре Михайловне Калмыковой. Она очень много сделала в свое время для нашей партии. Александра Михайловна была вдовой тайного советника. Все свое состояние отдала на дело революции. Сейчас ей уже 75 лет, живет одна, бедствует.

— Хорошо, Надежда Константиновна, — ответил Ксенофонтов, — что-нибудь придумаем.

Калмыкова была беспартийной и потому не имела формального права на получение персональной пенсии. Ей оказали единовременную материальную помощь. Но эта помощь не решила проблемы обеспечения ветерана-революционерки. 23 мая 1925 года Крупская послала Ксенофонтову письмо, в котором говорилось: «Тов. Ксенофонтов, большое спасибо за меры, принятые в отношении Калмыковой. Но хорошо бы урегулировать этот вопрос также на будущее время — и выдавать ей пенсию в размере 75 рублей. Жить ей уже недолго. Она содержала старую „Искру“ целиком на свои средства. К ней очень хорошо относился всегда Владимир Ильич — писал ей как-то (кажется, в 21-м году) горячие приветы». Крупская сообщала, что Калмыкова привлекалась к суду еще по делу «Народной воли», она помогала группе «Освобождение труда» издавать марксистские произведения, имела до революции склад популярной литературы, где была явка социал-демократов, большую роль сыграла в развитии народного образования, сама читала лекции в воскресных рабочих школах. «Пожалуйста, урегулируйте уж это дело, — писала Надежда Константиновна. — Конечно, я тут больше всех виновата, что не проследила, не позаботилась».

Ксенофонтову удалось добиться назначения Калмыковой персональной пенсии в виде исключения, учитывая ее заслуги перед революцией.

Случай с А.М. Калмыковой подсказал Ксенофонтову мысль о том, что следует более активно выявлять ветеранов революции, не имевших средств к жизни, нуждавшихся в увеличении пенсий и в лечении. В июле 1925 года он от имени коллегии НКСО обратился к секретарям губернских и областных комитетов партии с письмом, в котором просил их содействия в решении этого вопроса. «В ожесточенной гражданской борьбе и в тяжелые годы нелегальной борьбы с царизмом, — писал Ксенофонтов, — многие старые большевики подорвали свои силы и стали инвалидами. Многие из них по причине инвалидности крайне нуждаются материально. Многим из них партия в советском порядке уже помогает (Комиссия по выдаче персональных пенсий

при НКСО), но многие, к сожалению, об этом еще не знают, хотя имеют неоспоримое право на обеспечение по своим заслугам». Ксенофонтов просил губкомы выяснить, кто из заслуженных партийцев нуждается в материальном обеспечении, помочь им оформить документы на получение персональной пенсии.

Работая в НКСО, Ксенофонтов выдвинул предложение об упорядочении законодательства о социальном обеспечении. Многие законы и инструкции, считал он, устарели. Некоторые из них были опубликованы только в газетах, и это затрудняло пользование ими. Коллегия НКСО образовала комиссию по кодификации законодательства о назначении пенсий и пособий, подготовила проекты положений о социальном обеспечении и внесла их на рассмотрение Совета Министров РСФСР.

Ксенофонтов часто выступал в печати по проблемам социального обеспечения. В 1925 году он опубликовал брошюру «Состояние и развитие социального обеспечения в РСФСР», две статьи в журнале «Взаимопомощь». В газете с таким же названием было напечатано несколько речей Ксенофонтова, его бесед с корреспондентами. Он написал большую программную статью для вновь организованного журнала «Вопросы социального обеспечения».

Еще во время работы в Управлении делами ЦК у Ксенофонтова появились признаки болезни, которая потом привела к трагическому концу. Он с трудом мог принимать пищу: беспокоила боль в желудке и пищеводе. Никто из товарищей по работе не знал о недуге. О нем было известно лишь жене, Ирине Филипповне.

В конце 1925 года болезнь резко обострилась. Однажды, во время работы XIV съезда партии, по пути из Кремля домой, в гостиницу «Националь», Ксенофонтову стало плохо. С трудом дошел до квартиры. Ирина Филипповна вызвала доктора. В тот же день Ивана Ксенофонтовича поместили в больницу.9 февраля 1926 года Ксенофонтов вышел из больницы и сразу же включился в активную работу. Он провел заседание коллегии НКСО, составил докладную записку в ЦК ВКП(б) о положении дел в наркомате, принял участие в подготовке законодательных актов и инструкций по социальному обеспечению. Начал работать над статьей «Назревший вопрос», посвященной пенсионному обеспечению и трудоустройству инвалидов.

2 марта Иван Ксенофонтович почувствовал себя совсем плохо. Язва желудка обострилась. Его снова положили в больницу, сделали операцию, но она не помогла. Болезнь продолжала прогрессировать. Силы таяли с каждым днем. Ирина

Филипповна часто навещала Ивана Ксенофонтовича. Он подробно расспрашивал о семье, о здоровье сыновей — десятилетнего Коли и двухлетнего Бориса.

Ребята чувствуют себя хорошо, — сообщала жена, — Боря непоседа, за ним нужен глаз да глаз. Бегает по квартире, тащит все в рот, вечно в синяках — то об один угол ударится, то о другой. Деньги, правда, почти кончились, но вчера приходили из наркомата, интересовались, как я живу, не требуется ли помощь. Я честно сказала им, что мы два месяца не платили за квартиру, задолжали шестьдесят четыре рубля. Обещали дать ссуду.

— Никоим образом не бери, — разволновался Иван Ксенофонтович. — Завтра же сходи в наркомат и откажись от денег. Выйду из больницы, напечатаю пару статей, и расплатимся с долгом. Обязательно зайди в наркомат, — повторил он.

Ксенофонтов не знал, что дни его сочтены.

23 марта в 8 часов утра Иван Ксенофонтович скончался. Похороны состоялись через два дня. Тысячи людей провожали И.К. Ксенофонтова в последний путь.

…На Новодевичьем кладбище стоит гранитная стела. Золотыми буквами на ней начертано:

КСЕНОФОНТОВ

ИВАН КСЕНОФОНТОВИЧ

1884–1926

заместитель председателя ВЧК член КПСС с 1903 года

Ксенофонтов прожил недолгую, но яркую жизнь. Вся она была отдана революции, победе социализма.

ВАЛЕНТИН ШТЕЙНБЕРГ
ЯКОВ ХРИСТОФОРОВИЧ ПЕТЕРС

…Революция 1905 года, которая захватила его двадцатилетним парнем, обернулась неожиданным поражением. Погибали товарищи, ломались судьбы. Он на время укрылся в Англии в приниженном бытии эмигранта.

Англия терпела его. Россия, куда он вернулся в 1917 году, создала ему имя, сделала его настоящим революционером, сильным и благородным.

Яков Петерс…

На старых картах можно найти Бринкенскую волость, втиснутую южнее городка Кулдиги (Газенпотский уезд Курляндской губернии), — здесь Петерс родился. Из затерянного неладной судьбой уголка Латвии вышел человек, который высоко чтил заветы предков, обязательные **для** каждого: куда бы ни ушел человек из отчего дома, он должен вернуться. Но во времена Петерса взбудораженный мир людской весь переиначился: Петерс не вернулся, он ввязался в такую битву, для которой одной жизни оказалось мало.

…В селении Никраце, на месте бывшей волости, заложили камень, освященный памятью выдающегося человека. В самой Кулдиге, которую теперь и не узнать, протянулась улица имени Екаба Петерса…[2]

Из детства мало что запомнилось: «С восьми лет я должен был искать себе пропитание и стал пасти скот у соседей-хуторян». Философия жизни в деревне была проста: если нет своей скотины, иди нанимайся к хозяевам. Родители Екаба явились на свет батраками, батраками и остались.

Екаб учится в министерском училище, там же, в Бринкенской волости. «Министерское» звучит громко, школа, однако, двухклассная, а учеба растянулась на четыре года. Опять та же жестокая необходимость зарабатывать кусок хлеба. Есть хотелось каждый день.

Три года Екаб батрачил в баронских имениях. Осознанный мир юноши становился шире; Екаб все более осознает то, к чему тянулись все обездоленные. Он вспомнит потом: «Уже в школе я стал интересоваться борьбой против помещиков, но никакого представления о социалистах и социал-демократии у меня не было».

Парни из Курземе тянулись в Либаву. Город небольшой, но в

нем была другая жизнь. Не слаще был там хлеб, может быть, даже горше батрацкого, но в Либаве можно было отыскать работу на фабрике или в мастерской. Многие становились моряками, плыли в далекие земли, в другие миры… Екаб не стал моряком. «С переездом в Либаву в 1904 году я встретил бывших школьных товарищей, которые уже состояли в организациях, и в мае я вступил в кружок Латышской социал-демократии в гавани, где я работал на элеваторе».

В Либаве революционная социал-демократия жила бурной жизнью. Разумеется, глубоко скрытой. Действовали такие известные подполью личности, как Я. Лютер-Бобис, Я. Ленцман, брат и сестра Янсоны — Карл и Анна. Организация была связана с теми, кого сослали в глубины России, — П. Стучкой, Я. Райнисом; с теми, кто вынужден был выехать в эмиграцию, — Фр. Розинь-Азисом, Э. Ролавом. Не сразу молодой социал-демократ Екаб Петерс был приобщен к наиболее значимым делам. «В течение 1904 года активного участия в партийной работе и революционной борьбе не принимал, а посещал лишь кружки и был на одном массовом собрании», — вспоминал позднее Петерс.

Выбор, однако, был сделан, и рано или поздно Екаб должен был оказаться в самом центре, гуще революционной борьбы. «В 1905 году я перешел работать на маслобойный завод и попал в кружок, который возглавлял товарищ Лук. Здесь моя работа уже стала гораздо более активной. Назревала революция; надо было часто ездить в деревню вместе с пропагандистами, на самом заводе распространять листовки, собирать средства в помощь арестованным».

Сдержанно и просто в своих воспоминаниях повествует Петерс о себе. Но в революции не было мелочей, в ней зрело великое. Решалась судьба тысяч и тысяч. Решалась судьба народа!

Молодой Петерс воспринимал события всем своим сердцем и с особой чуткостью. В самоотверженности, преданности революции, в желании победить старался идти вровень с самыми опытными и активнейшими, с теми, кто уже был тесно связан с русским рабочим движением (что имело немалое значение для революционной борьбы в Латвии), был знаком с В.И. Лениным, знал его труды, ленинскую «Искру», изучал Г.В. Плеханова.

Весь 1905 год Латвия живет под знаком непрекращающихся забастовок и демонстраций, частых вооруженных столкновений с жандармерией и полицией. Горят помещичьи имения, в лесах Латвии собираются и совершают вылазки «лесные братья» — так народ называл тогда своих защитников, скрывавшихся в лесных чащобах. Царское правительство вводит осадное положение. Были развязаны руки карателям, отрядам помещичьей «самообороны»

— попросту говоря, контрреволюционным бандам. Начало 1906 года оказалось особенно жестким и жестоким. Выявляется неравенство сил борющихся классов. Революционные отряды терпят поражение. «Лесные братья» отступают. Хозяевами положения становятся царские каратели, учрежденные властью военно-полевые суды…Работали, скрипели виселицы, эти «галстуки смерти». Многих ссылали в Сибирь на каторгу. Латвия оказалась во власти массового кровавого террора.

Так как революции, партии пришлось отступать, то многие видные ее деятели из Латвии вынуждены были уехать в эмиграцию. Там создается Заграничный комитет СДЛК.

В.И. Ленин в статье специально для латышской газеты «Циня» («Борьба») напишет: «Во время революции латышский пролетариат и латышская социал-демократия занимали одно из первых, наиболее видных мест в борьбе против самодержавия и всех сил старого строя».

Екаб Петерс оставался в Латвии. В том факте, что Екаб не покинул Латвию в этот момент, явно проявились его характер, его смелость, готовность и умение рисковать, без чего, он уже понимал, ему не прожить. Работал на маслобойном заводе. Осторожно, но продолжал начатое: «Меня тянуло к активной революционной работе в Либавской организации, а также после поражения революции потянуло меня к активной фракционной борьбе, и толкнуло на позицию большевистской фракции».

В марте 1907 года Петерса арестовывают и помещают в либавскую тюрьму. Обвинение: «Покушение на жизнь директора завода во время забастовки». С учетом того, что Петерса взяли на квартире двух известных партийцев, это обвинение могло вылиться в совершенно четкий смертный приговор, В лучшем случае — ссылка в Сибирь. Полтора года провел Петерс в тюрьме с чувством надвигающегося финала. Его пытают, вырывают ногти из пальцев на руках. Он сопротивляется — участвует в голодовке. Видимо, все же обвинение против него было полностью построено на песке, что вообще по тем годам лихолетья было делом обычным. Петерс предстал перед рижским военным судом и… был оправдан. Счастье революционера? Удивительная случайность? Что было гадать! Полученную свободу он сразу же употребил на дело, которое надо было продолжать.

Петерс отправился в деревню — подальше от городской полиции, жандармерии, не спускавшей глаз с таких, как он. Работал на лесопилке — там были революционные кружки, поддерживавшие связь с Либавой. Один сезон он подался в лесорубы. Рубил стройные сосны в курземских лесах, работал до исступления.

Жандармерия стала добираться и сюда. И Петерс подумал, что неразумно еще раз испытывать судьбу. Партия дала ему совет, и он покинул своих товарищей-лесорубов, у которых — этих рабочих парней — научился терпению и выдержке, умению рассчитывать силы и многому-многому другому….

Выброшенный в эмиграцию, не найдя точки опоры в Германии, Петерс перебирается в Англию. Карманы его были пусты, поэтому он, повинуясь случайному совету, подумал, что надо искать место, чтобы на ночь глядя не оказаться на набережной Темзы, где-нибудь в ночлежных домах лорда Райтона (Совета местного самоуправления) или же в ночлежках так называемой Армии спасения, в самом бедном и обездоленном районе Лондона Уайтчепл. Екаб ткнулся в одну из таких ночлежек, думая, что это вроде дешевых гостиниц. Пристроился в небольшую очередь у двери. Впереди его стоял человек в изрядно потрепанном костюме. Другой человек, в не менее яркой своей бедностью одежде, но несущий службу у входа в ночлежку, спросил бродягу:

— Кровать или нары?

— За три пенса.

— Значит, нары. По лестнице вниз, — и обратился с удивлением к Екабу:

— Ты тоже сюда? Судя по твоему костюму, ты еще можешь ночевать на Риджент-стрит.[3] Советую тебе: уходи.

Так Петерс миновал и трехпенсовую преисподнюю, куда спускались по грязной и оплеванной лестнице, и так называемый «спальный зал», размещенный над подвалом, где собирались «богачи» лондонского дна, обладатели пяти пенсов…

Первую ночь в Лондоне Петерс провел на ногах, обозревая центр диковинного города. Но к концу ночи он все-таки вернулся в Уайтчепл, ибо другого места пока не знал. До рассвета подремал на штабелях леса в доках, куда незаметно пробрался, минуя стражу и подвергая себя опасности быть схваченным полицейскими.

На другой день он нашел товарищей.

Партия использовала эмиграцию как базу, где накапливались революционные силы для дальнейшей борьбы. Создавались революционные эмигрантские организации. В них велась оживленная работа.

Петерс вступил в лондонскую группу латышской социал-демократии, был избран членом бюро этой группы, стал также членом Коммунистического клуба и Шордигеского отделения Британской социалистической партии. Так как в Лондоне

собрались и представители меньшевистской эмиграции, то рано или поздно начались столкновения. Произошло дальнейшее размежевание с меньшевиками. В противовес меньшевикам, скажет потом Петерс, «мы добились организации бюро объединенных заграничных групп» латышской социал-демократии, куда вошли все большевики. В 1915 году Петерса избирают членом бюро Европейской эмигрантской группы латышской социал-демократической партии.

Петерс частенько заглядывал в Коммунистический клуб, где у него было немало друзей среди молодых англичан. Они называли его Джейком. В этом клубе он познакомился и с живой, симпатичной леди. Мэй (так ее звали) происходила из захудалого рода, представленного теперь бородатыми стариками, смотревшими одиноко и гордо с домашних портретов. Дитя нового времени, Мэй по уши влюбилась в Джейка-Екаба, парня крови другого народа, коренастого, невысокого, плотно сбитого. Родственники Мэй находили, что Джейк ничего общего не имеет с англосаксами, лучшие из которых были бледные, высокие и худые. Мэй, однако, все это было ни к чему.

Прошло время, Джейк и Мэй поженились.

Потом Мэй родила Джейку дочь. Назвали ее тоже Мэй, и ее мать превратилась в старшую Мэй. Узы семьи, теплота двух соединившихся душ приносили Джейку удовлетворение, добрые чувства. Он не бросался по этому поводу сочинять стихи, но любил их читать. Устраивались у камина, и под треск горевших поленьев Джейк читал жене Некрасова. Там были чужие для слуха Мэй слова, но они разливались музыкой, щемящей сердце. Он читал и менее понятного Мэй Райниса — латышского революционного поэта.

Среди товарищей Петерса его женитьба вызвала разные толки. Кое-кто поговаривал, что он, мол, теперь погружен в «британское довольство», что у него жена англичанка и ребенок, которого он обожает. Употребляли и более резкие выражения — у него, мол, «мысли о революции стали расплывчатыми».

Не устраивало что-то в Джейке и новоявленных английских родственников, объявившихся после женитьбы Петерса. Так как он о своих партийных, эмигрантских делах не любил распространяться, то у тех складывалось мнение, что у Джейка есть тайна, и может быть, даже не все чисто… А в Англии, в стране невиданного богатства, эгоизма и страдавшей от язв нищеты и душевного опустошения, происходило всякое. Однажды в Лондоне на Сидней-стрит группа анархистов захватила особняк; их еле выбила полиция — в схватке одни были убиты, другие бежали. Прошло какое-то время, и новое столкновение

анархистов с полицией, в трамвае в Тоттенхеме. Где-то в Лондоне бросили еще бомбу. Властям было выгодно случившееся свалить на эмигрантов, особенно на тех, что стекались из России.

И вот однажды полицейские явились к Джейку, взяли его. Мэй, встревожившись, обратилась в полицию Метрополитен.[4] Ей объяснили, что Англия — свободная страна и самая справедливая, и если ее мужа арестовали, то для этого были веские причины, иначе быть не может.

Джейку предъявили обвинение — участие в террористических актах, убийствах. Над ним нависла опасность смертной казни.

В неведении шли недели и месяцы. Джейк уповал на алиби, он считал, что им располагает. Хозяин, на которого работал Джейк, мог многое засвидетельствовать, но шел на это неохотно, не желая ни с чем связываться. Тогда те, кто трудился на этого хозяина, заявили, что Джейк невиновен, пригрозили забастовкой. Это подействовало.

В какой-то вечер отворилась дверь в доме Мэй, и она увидела Джейка; испугалась то ли от внезапного его появления, то ли от того, что сразу заметила у него полоску седых волос, которой у Джейка раньше не было. Она упала на его плечо. Джейка освободила высшая судебная инстанция, доказавшая тем самым, что-де в Англии ни один человек не может умереть без вины. Он вырвался из одиночества предсмертной камеры, одиночества самого невыносимого и жестокого.

Казалось, все уладилось. Примолкли даже товарищи, не одобрявшие его женитьбы: они узнали, как страстно он защищал себя на суде, отмежевавшись от анархистов и с гордостью заявив, что он российский революционер, противник царского самодержавия, а не убийца. Казалось, все уладилось… Только что-то не давало покоя душе Петерса… Власти тем временем собирали разные документы и сведения о Екабе-Джейке, складывали их в досье, возможно, искали реванша.

…Как-то Джейк, расположившись у камина, раскрыл газету — чаще всего он покупал «Геральд» — и наткнулся на броское сообщение о деле запертого в Тауэр необычного узника. Лорд Кейсмент, загадочный лорд Кейсмент! Для англичан он был действительно загадочным — лорд и вдруг мятежник!

Сэра Роджера Кейсмента приговорили к казни за измену родине. Это было тем более неожиданно, что незадолго перед этим он получил титул лорда. В возрасте сорока восьми лет он, известный дипломат, избрал отставку, удалился от дел, уехал на свою родину, в Ирландию. А позже лорд Кейсмент присоединился к тем, кто готовил во время войны, в 1916 году, дублинское

восстание против Англии за независимость Ирландии. Кейсмента выследили, схватили. Лорд мужественно держался на суде, произнес сильную и яркую речь, призывал в свидетели народ с его правом на свободу,

Судьба Кейсмента встряхнула чувства Петерса. Пробудились, прояснились дремавшие мысли: очень разные люди могут стать близкими по духу.

Отправившись на работу, которая ему давно опостылела (но хлеб надо было зарабатывать), Екаб встретил на улице взволнованных людей, направлявшихся к Тауэру, многие из них плакали и не стыдились своих слез. Это были ирландцы, влачившие жалкое, проклятое существование в Лондоне.

Екаб приостановился. Да — в этот день ведь должен умереть Роджер Кейсмент. Он не затруднил себя вопросом, почему надо повернуть обратно и последовать за бедно одетыми ирландцами, оплакивавшими своего соплеменника. Он так сделал… Опомнился он уже у Тауэра, где перекликалась стража, вооруженная алебардами. Сам он в царской России ощущал себя своеобразным ирландцем. Толпа ирландцев, жаждущая свободы и справедливости, напоминала ему латышских крестьян, готовых молиться и бороться…

Петерс оказался свидетелем казни Роджера Кейсмента. Он воочию не увидел казни, акт глубокой несправедливости совершился за толстыми стенами Тауэра (в Англии дается возможность несчастным оставаться в последние минуты жизни наедине с собой). Но когда за стеной крепости-тюрьмы смолкли звуки трубача и душа лорда вознеслась в небо, Петерс был потрясен. И все потом произошло, как в романе. В наш век парадоксальных судеб действительно больше чудес настоящих, чем придуманных, а человек порой является сгустком свойств самых странных и удивительных. О случившемся с Екабом-Джейком расскажет позже американская журналистка, приехавшая в Россию в 1917 году вместе с Джоном Ридом, Луиза Брайант, которая непосредственно слышала все из уст Петерса о его перипетиях крутой лондонской жизни. «Самая романтическая революционная история, которую я знаю, была рассказана мне самим Петерсом о его возвращении в Россию, связанном с казнью сэра Роджера Кейсмента».

Переполненный новыми острыми чувствами, Петерс не пошел на службу, которую в Лондоне найти нелегко, — она потеряла для него всякий смысл. Он бродил по улицам Уайтчепла, по запутанным и грязным подъездам к Темзе. Никто из охраны доков не решался спросить, что ему здесь надо. Возможно, внешне он выглядел ужасно. Он впивался жадным взором в огромные

корабли с русскими именами, от них веяло духом России! Все мечты юности (к счастью, он их не растерял) возвращались к нему в новом, возвышенном значении.

Домой Джейк вернулся к полуночи. Камин давно потух…

Жене Петерс сказал, что он должен вернуться на родину. Разумеется, Мэй придется остаться пока в Лондоне. Придется Джейку расставаться и с маленькой Мэй.

Решимость Петерса была велика, он почувствовал готовность вернуться в Россию, не считаясь с писаными законами, нелегально. Конечно, он понимал, что такая попытка была бы отчаянной и рискованной — где-нибудь на границе Петерса могли схватить те же английские «бобби» или русские жандармы. Но таков был Петерс: когда внутри его все было на пределе, он мог достичь многого.

Петерсу недолго пришлось ломать голову, чтобы отыскать способ тайно возвратиться в Россию; обстоятельства сложились так, что лучше и придумать было нельзя.

В Россию холодной зимой, словно две зимы намело вместе, ворвалась Февральская революция. Все перевернулось, закрутилось, понеслось по фронтам и городам, по деревням и весям.

Предупрежденная русскими дипломатами, Англия не торопилась выпускать из страны таких людей, как Петерс. Революционное же братство товарищей по эмиграции сразу склонилось к тому, что одним из первых разрешением на выезд должен воспользоваться Петерс. Он, считали они, имел на это право. И он был настойчив. И вот разрешение в его руках! Пароходы, которые уходили в Россию, были безоружны и беззащитны перед немецкими субмаринами. Петерс решил плыть на любом судне. Будь что будет!

Путешествие завершилось благополучно. Петерс был снова на российской земле. В столице ликовали толпы, приветствуя Февральскую революцию. Политические лидеры и те, кто себя таковыми представлял, бросались лозунгами — умными, замысловатыми: о прогрессе, о благе, о добре, о свободе. В социал-демократических организациях ждали возвращения из эмиграции В.И. Ленина. Петерс с особой радостью ощущал, как никогда раньше, что является членом самой революционной партии.

В трясущемся поезде из расшатанных бурого цвета вагонов (на каждом надпись: «40 человек и 8 лошадей») он покатил на Северный фронт. Война была ему не по духу, тревожно обжигала сознание несправедливость проливаемой крови. Партия, к

которой он принадлежал, считала, что народ надо вырвать из кровавой бойни.

Когда он добрался до окопов среди гнилых болот под Ригой, там стояла неестественная тишина. Еще недавно с такой жестокостью и яростью велись бои (потери исчислялись девятью тысячами раненых, убитых, пропавших без вести), а вот теперь — белый иней по утрам повисал на елях, мертвые лежали в медленно оттаивающей земле. Петерс отыскал солдатский комитет латышских стрелков, нашел большевиков; те смотрели на него как на чудо — прямо из Лондона!.. Там — Гайд-парк, Трафальгар, гуляют лорды, здесь еще недавно пировали бесы, сущий ад…

После революции фронт впал как бы в раздумье; ждали — подуют ветры солдатских надежд, ждали конца войны, ждали мира.

Вспыхивали на позициях митинги, как и вшивые эпидемии. На фронт приезжал военный министр Керенский. Выходил на импровизированную трибуну. Короткий жест, и рубленые фразы: «Я с вами, чтобы спасти Россию от бессовестнейшего предательства, готов всегда вернуться к вам на фронт, чтобы защищать свободу от внешних и внутренних врагов». Голос министра возвышался, переходил в крик. Солдаты расходились раздраженными, называли министра «трепло» или «штабная макарона». Высокопарной речи Керенского хватало на час разговоров на позициях, потом оставались лишь опустошавшие чувства.

Петерс говорил с солдатами просто, преподносил им не фантазии или смутные мечты. И его слушали — о немедленном мире, о возвращении домой, о земле. Внимали ему и уже сами начинали разбираться — империалисты душат всех, без разбора языка, расы, веры… Он открывал для них угнетенную Ирландию, поведал, как умер ирландский патриот Кейсмент. Эта война народам не нужна! Оружие надо повернуть против своих правительств. Солдаты плевались матерными словами, ворошили чубы свои: вроде и так — жесткая жизнь подсовывает и жесткие идеи…

Петерс становился самым популярным фронтовым оратором. Никто с ним не мог тягаться — ни упитанные буржуа-краснобаи, ни крикуны-эсеры, то и дело появлявшиеся с депутациями. Он умел заражать, он был весь страстность, неистовство.

В Англии он думал о России, теперь же он все чаще мысленно возвращался в Лондон, к старшей Мэй и к малышке Мэй. Нетрудно было найти этому психологическое объяснение. Семья тоже была частью его жизни.

В июле 1917 года Петерс избирается в состав ЦК Социал-демократии Латвии. Он участвует в издании большевистских газет, становится одним из редакторов органа ЦК СДЛ «Циня».

В августе корниловцы сдали Ригу немцам, угрожая создать контрреволюционный кулак против революционных сил в центре России. Петерс отошел с войсками, работал в деморализованных отступлением частях 12-й армии: важно было сплотить революционно настроенных солдат, их комитеты, большевистские организации.

Во время выборов на Демократическое совещание[5] Петерс был послан на них как представитель крестьян Лифляндской губернии. Вернулся из Петрограда в Латвию, не дождавшись окончания Демократического совещания, оказавшегося парламентской и эсеро-меньшевистской говорильней. В Латвии, в революционизирующейся армии дел было невпроворот; «надо было готовиться ко Второму съезду Советов и готовить войсковые части для Октяб[рьской] револ[юции]» — так он напишет потом в своей биографии об этих трудных днях.

…Городки и селения северной части Латвии были переполнены войсками, теснимыми немецкими армиями. Всюду солдаты, обозы, беженцы. Поэтому удивительно было увидеть в городке Цесисе вдруг откуда-то появившихся двух американцев в цивильной одежде. Их, сопровождаемых штабным капитаном, всюду пропускали в прифронтовой полосе. Они остановились перед только что вывешенной афишей.

> «Товарищи солдаты!
>
> Совет рабочих и солдатских депутатов Цесиса 28 сентября в четыре часа организует в парке митинг. Товарищ Петерс выступит от Центрального Комитета Латвийской Социал-демократии и будет говорить о Демократическом совещании и кризисе власти».

Военный с повязкой Искосола[6] на рукаве кричал;

— Этот митинг запрещен! Комендант его запретил! Столпившиеся у афиши солдаты бросали ему;

— Твой комендант… (прилагательным служило непечатное слово) буржуй!

Капитан, сопровождавший американцев, сорвался:

— Этот Петерс большевик! А митинги в полосе военных действий запрещены. Это закон! И Искосол тоже этот митинг запретил.

Солдаты ничего не отвечали. Один, уходя, бросил капитану:

— Искосол тоже из непотребных буржуев, а мы, солдаты,

хотим слышать о «Демократическом совещании.»

Обругавший открыто Искосол ушел, а на его место встал другой в солдатской форме и твердо, тоном, не терпящим возражений, объявил штабному капитану:

— Митинг будет, как здесь написано. Я — Петерс!

А американцы — это были Дж. Рид и А.Р. Уильямс. Они приехали с разрешения властей на фронт, чтобы собрать материал для американской прессы. Они и познакомились тогда с Петерсом, одним из наиболее известных большевиков на Северном фронте и в Латвии. Американцы вернулись в Петроград, полные впечатлений и с толстыми, почти сплошь исписанными блокнотами. Живо рассказывали другим, что видели там, на фронте, слышали от тех, кого называли большевиками, а также от штабных офицеров, от солдат, повстречавшихся им на разбитых дорогах.

Когда Петерс снова появился в Петрограде, американцы тут же перехватили его и взяли обещание, что он за «глянет к ним. Встречу назначили в итальянском ресторанчике, в котором, правда, не было ничего итальянского, заказали чай с леденцами. Американцы надеялись проверить с помощью Петерса слухи о вооруженном восстании, готовящемся большевиками. Петерс появился вместе с Восковым, большевиком, тоже побывавшим в эмиграции. Оба говорили свободно по-английски, поэтому обошлись без переводчиков.

Петерс в тот вечер был взбудоражен, просто в ударе.

— Да, некоторые товарищи в России боятся даже слова „восстание“, обвиняют Ленина в бланкизме и прочей чепухе. А положение действительно, — Петерс еще более загорелся, — совсем не то, что в апреле. Тогда в Советах большевиков была лишь небольшая кучка, а теперь за ними большинство в обеих столицах. В течение всех этих шести месяцев Советы служили скорее подпоркой для буржуазной власти… Ну а теперь, — сделал ударение Петерс, — Советы — это революция. И вооруженное восстание все равно произойдет. Но произойдет ли оно вовремя — вот вопрос. Или Керенскому удастся вызвать достаточное количество верных ему войск. Он не может убрать из города войска Петроградского гарнизона: они подчиняются только Военно-революционному комитету. Но он может открыть ворота Гогенцоллернам, как это сделали с Ригой.

Петерса поддерживал Восков. Американцы с корреспондентской настырностью пытались узнать во что бы то ни стало о письме Ленина относительно восстания, о нем шли разговоры среди партийцев. В ответ они услышали такую сильную фразу: „История не простит нам, если мы не возьмем

власти теперь“. Произнесена она была Петерсом с большим значением, и американцы предположили, что эти необычные слова, возможно, принадлежат Ленину. Рид, воодушевившись, почти распевал эти слова, как строку стихов.

Петерс и Восков заспешили, ушли.

Рид решил любыми путями раздобыть ленинское письмо. Дело было не в любопытстве — Уильямсу и Риду казалось, что большевики могут вообще пропустить момент вооруженного восстания и Керенский их подавит.

Когда они снова поймали Петерса, они буквально взяли его за горло:

— Послушай, — сказали они ему, — мы, конечно, не разбираемся в вопросах тактики, но ведь нам известно, что Ленин в эти дни ни о чем больше не пишет, кроме как о вооруженном восстании. Почему же вы медлите? Неужели вы не боитесь, что рабочие и вас сочтут такими же болтунами, какими они считают меньшевиков и эсеров?

Петерсу американцы показались строптивыми, но он полагал, что это у них от нетерпения и наивности. По словам Уильямса, на сей раз разговор закончился так. „Петерс наконец взорвался: „Чего вы от меня хотите? Чтобы я передал вам копию нашего секретного плана?! Составляйте сами свои прогнозы. Могли бы, кстати, сообразить, что сейчас только восстание сможет обеспечить победу Советской власти. И Ленин надеется, что члены партии это поймут. Мы снова поднимаем, лозунг: "Вся власть Советам!" И это в настоящих условиях означает именно власть Советов". Слова Петерса несколько отрезвили нас, но удовлетворить не смогли", — заметил А.Р. Уильяме.

Петроград жил кануном великих дней, когда стихия борьбы все более подчинялась твердому руководству. В.И. Ленин прибыл в Смольный.

…Владимир Ильич увидел молодого, небольшого роста солдата, плотно сбитого — такие всегда внутренне упруги. У солдата было доброе лицо, немного курносый нос и вьющиеся волосы. Он назвал себя Петерсом, и Ленин сразу сказал:

— Наслышан о вас. Говорят, что если бы вы ходили в атаки на фронте, то получили бы Георгиевский крест наверняка. Наш момент требует не меньшей смелости. Мы ведь делаем еще неведомое…

Потом в кутерьме революционных жарких дней они встречались еще и еще, и Ленин убеждался, что Петерсу были чужды поза, напускная революционность, которой страдали шумные, крикливые радикалы. Ленину нравилась такая

непохожесть, он не любил выровненное, точно пригнанное, шаблонное, в своих симпатиях склонялся к людям неординарным. Сам Ленин по годам приближался к пятидесяти, говорили о нем «Старик», но произносили это имя уважительно, потому что «Старик» думал и судил обо всем удивительно молодо, в глазах многих казался выдумщиком, фантазером, с удивительно притягательной той же молодой силой. От всего этого рядом с Лениным было совсем не просто. Петерс признавался: «Часто на закрытых заседаниях партии Ленин вносил определенные предложения, основанные на своем анализе положения дел. Мы голосовали против. Позже оказывалось, что Ленин был прав, а мы нет».

Такие промашки изрядно выбивали Петерса из колеи. Ленин относился ко всему этому по-другому: опыт ему подсказывал, что в революции даже умные ошибаются. И в этом понимании не было какого-либо снисхождения, попустительства. Ленин твердо стоял на одном — ни одна революция не побеждала без того, чтобы учиться. Поэтому всех, кто способен учиться тонкому искусству «лепить» историю, надо учить и учить.

Октябрь застал Петерса в Петрограде делегатом 2-го Всероссийского съезда Советов. Его избирают в состав ВЦИК; с 29 октября он член Военно-революционного комитета Петроградского Совета; является представителем ЦК СДЛ в Центральном Комитете РСДРП (б).

Петерс как бы вошел в большой разлом, в который теперь смещалась Россия. Казалось, все ломалось и рушилось. Петерс несся в потоке революции, он сам был этим потоком. Он делал дело. Возможно, незначительное, но в силу законов человеческого космоса оно могло вызвать могущественные последствия, когда этот развернутый космос пришел в движение.

В ноябре — декабре 1917-го контрреволюция схватилась с только что заявившей о себе новой Советской властью. В. И. Ленин особо указывает Г.И. Благонравову[7] и В.Д. Бонч-Бруевичу[8] на то, что аресты контрреволюционеров, «которые должны быть произведены по указаниям тов. Петерса, имеют *исключительно* большую важность, должны быть произведены с большой энергией. *Особые* меры должны быть приняты в предупреждение уничтожения бумаг, побегов, сокрытия документов и т. п.».

В ВРК Петерс завален работой, допрашивает бывших министров Временного правительства. В середине декабря он спешит в Латвию. В Валмиере собирается 2-й съезд Советов Латвии, провозгласивший установление Советской власти на неоккупированной территории Латвии. Сохранилось его

выступление. Он звал к поддержке революции 25 октября, к созидательному труду, чтобы «на развалинах старого строя построить новый строй, который выражал бы волю широких масс». «Я надеюсь, что вы, товарищи, также героически возьметесь за этот созидательный труд. Я призываю все массы поддерживать Советскую власть на местах так же крепко, как в Петрограде»,

Петерс возвращается в Питер.

К концу 1917 года создание ВЧК — Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем — стало неизбежным. Центральный Комитет партии с особой тщательностью подбирает людей в комиссию.

..В дом бывшего градоначальства на Гороховую улицу пришел Ф.Э. Дзержинский. Объявил — начинаем работу. Канцелярия нового учреждения вместилась в его портфеле; касса с мизерной суммой (вначале — 1000 рублей, потом еще 10 000 для организации ВЧК) — у казначея Петерса в столе. В аппарате считанные люди. Кроме Дзержинского и Петерса, Ксенофонтов, Фомин… А ВЧК уже несет невосполнимые потери: при ликвидации «черной гвардии» анархистов погибли 12 чекистов; Дзержинский, руководивший вместе с Петерсом операцией, получил ранение…

К марту сотрудников набралось около 120 человек, а в конце 1918 года, по словам Петерса, их было не более 500. ВЧК возникала, не имея ни достаточных сил, ни умения, ни солидности. В первых стычках чекисты держали в руках только наганы, а встречали и пулеметные очереди…

Империалисты от угроз Советам перешли к интервенции, к поддержке поднявшихся с оружием белых генералов. Борьба в России приобрела небывало острый характер, судьба страны повисла на волоске — враги были сильные, гибкие, коварные.

А молодая революция смотрела на мир романтическими глазами, он ей часто являлся в идеализированном обличье. Убежденная, и не без основания, что несет истинный гуманизм (это была социалистическая революция!), она хотела сразу проявить свои качества. Трибуналы приговаривали контрреволюционеров к смехотворным наказаниям. Постановляли включать их имена в список врагов революции, «осуждали» их перед лицом всемирного пролетариата… Этим пользовались враги революции.

Но ничто так не учит, как беды. Таяли, рассеивались иллюзии. Революция взрослела. Она выходила из своего отрочества, все более осознавая истинное положение вещей.

Петерс был прикован к Гороховой улице — располагался на самом верхнем этаже. Часто приходилось бросаться со своими товарищами-чекистами в лабиринты города, который, казалось, был опутан какой-то сетью, скрытой, колючей. Эпизоды вроде итальянского ресторанчика стали далекими и ныне фантастически несбыточными, а чай с леденцами в кругу друзей — ушедшей идиллией. Он завел теперь чайник — металлический, горячий. Пересыхало горло — отпивал глоток.

Приходила на Гороховую американская журналистка Бесси Битти, он охотно с ней беседовал, отвечал на ее вопросы.

— Правда ли, что будет введена смертная казнь на гильотине? — спрашивала она.

— 25 октября было свергнуто Временное правительство. 26 октября была отменена смертная казнь, — отвечал ей Петерс. — И мы никогда ее не восстановим… разве только, — поколебавшись, добавил он, — разве только нам придется применить ее к предателям из наших собственных рядов. А как иначе можно поступать с предателями? Нас так мало для выполнения стоящих задач…

Рид и Уильямс к этому времени подключились к работе Наркоминдела и уже с полным правом заходили в ЧК.

Однажды они застали Петерса особенно усталым и чем-то расстроенным. Он рассказал им об одном офицере, который под видом советского комиссара «оперировал» по дорогим отелям, изымая ценности и кошельки. Это был просто грабитель.

— И что же с ним сделали? — спросил Рид. — Вынесли суровое порицание перед лицом международного рабочего класса? Или, может быть, включили его имя в списки врагов революции?

— Пожизненное заключение, — лаконично ответил Петерс.

Потом были события вокруг Брестского мира. В партии возникли трудности, даже в Центральном Комитете, где не все поддерживали В. И. Ленина. Некоторые выступили против принятия условий Брестского мира. Петерс думал иначе, говорил: «Ленин всегда честен с рабочими. Он не вертится, как флюгер на ветру. Ленин, защищая Брестский мир, откликнулся на изменение объективных условий».

Петерс проявлял себя все настойчивее и определеннее. Враги ругали его «охранником». Он знал, откуда это несло. Сюда, в Россию, доходили «почтенные» газеты Запада, такие, как «Таймс», именно там называли его «кровожадным тираном», «безнравственным», бросил свою семью в Лондоне и пр. На обвинения в безнравственности можно было махнуть рукой (к таким обвинениям прибегает бессильная злоба или глупость), но

Петерс боялся за Мэй. Устоит ли она под напором такой клеветы на ее мужа? А письма тогда почти не доходили, и Петерс мог посылать их лишь изредка, с оказией. Мэй, наслышавшись всякого о своем муже, терялась в догадках, бросалась к газетам. Родственники приносили ей ту же «Таймс». Мэй нервно шептала: «Какой ужас!» И все реже и короче отвечала на письма Джейка.

Когда правительство во главе с В.И. Лениным переехало в Москву, перевелась туда и ВЧК. В Москве чекистов ждали новые трудные испытания…

Когда в конце мая 1918 года был разгромлен организованный Савинковым контрреволюционный «Союз защиты родины и свободы» с его разветвлениями в Казани, Рязани и других местах, в ВЧК задумались, по словам Петерса, о «причастности к деятельности русской контрреволюции иностранного империализма». В странах Запада, правда, в тот момент в открытую высказывалось лишь следующее: великие державы стали бы помогать России, но при условии, если в ней самой найдутся «деятельные» люди и попросят помощи в борьбе со своими противниками, то есть большевиками. Однако по многим признакам можно было полагать, что Запад уже начал собирать этих «деятельных» людей, дает им деньги и советы.[9] Больше того, ВЧК получила данные, что контрреволюция замышляет арестовать Советское правительство, В.И. Ленина, ликвидировать Советскую власть. Неизвестно было, кто стоит во главе заговора, кто материально поддерживает заговорщиков. И когда заметили, что к латышским стрелкам, латышам-солдатам, собиравшимся вечерами в своем клубе в Питере, некими лицами был проявлен интерес, то в ВЧК этому придали значение. Полки латышей охраняли в Петрограде и Москве некоторые ключевые пункты. Это были молчаливые, дисциплинированные, исправно несущие службу солдаты. В своей массе они верили в революцию и надеялись каким-то образом вернуться на свою родную землю — в Латвию.[10]

В ВЧК стали ломать голову: с какой целью и кому именно понадобились стрелки?

…Собрались в комнате у Дзержинского. Кингисепп слегка постукивал пальцами по столу. Петерс думал молча. Скрыпник, потрудившись над самокруткой, закурил. И лучшей кандидатуры, чем Петерс, они не нашли; как бы то ни было, он правая рука Дзержинского. На Петерса и взвалили задачу добыть материал, «характеризующий приемы и способы, которыми не гнушаются союзные правительства, все время лживо уверяющие русский народ в дружбе, в уважении к его национальной свободе».

Не откладывая, Петерс вызвал к себе начальников отделов и

ближайших помощников. Все они были в галифе и с начищенными голенищами. Петерс никогда так и не полюбил эти галифе — от них, полагал он, отдавало чем-то напускным, бравым, но чекистская молодежь была не прочь выглядеть действительно бравой и современной.

Разговор был кратким, вошедшие даже не успели сесть на стулья, как уже им предложили приступить к выполнению задачи — работать изо всех сил, день и ночь. Подчиненные улыбнулись: ведь и до сих пор был такой порядок, и никто не высыпался. Однако поняли — работать еще напряженнее и спать еще меньше! Петерс объявил также: никаких длинных заседаний, только дело, каждый делает свое, тщательно, честно, оперативно, и помнит, что свое — часть большого, общего! К поискам привлекать честных рабочих, милиционеров…

Люди ЧК жили просто и скромно. В комнатах на Лубянке тусклые лампы едва освещали голые стены, обклеенные приказами, воззваниями и эмблемами рабочей республики. У самого Петерса все отдавало аскетизмом: несколько венских стульев, телефон с разговорной трубкой на двух металлических рычагах (теперь такие показывают в фильмах о гражданской войне), простой стол, на нем чистые листы бумаги, вскрытые пакеты, на некоторых из них крупные надписи: «Весьма срочно», «По военным обстоятельствам»… Неизменно — чайник и стаканы, и единственная «роскошь» — кожаный диван со сложенным на нем солдатским одеялом — на этом диване приходилось и спать.

Да, все дышало аскетизмом, а сами обитатели таких кабинетов на Лубянке, пусть и были подтянутыми и выглаженными, удовлетворялись сдержанностью в одежде, разве только галифе, да успевали начистить до блеска голенища. «Если бы Дзержинского и Петерса, — писала Луиза Брайант, — завтра уволили с работы, то они не имели бы ничего, с чем можно начинать новую карьеру, кроме одетой на них одежды, да подорванного здоровья».

…События раскручивались, в поле зрения что-то происходило, калейдоскопически менялись лица, иные фиксировались. Но были ли они те, которых искал Петерс?

…Латыш по имени Шмидхен приехал из Петрограда в Москву, нашел Эдуарда Берзиня, тот служил командиром дивизиона латышских стрелков кремлевского гарнизона, и друзья вечер провели вместе.

14 августа Шмидхен и Берзинь пришли на Арбат в частную квартиру (дом 19 по Хлебному переулку, квартира 24). Английский дипломат Роберт Брюс Локкарт как раз в это время заканчивал обед. Локкарт не был снобом — он отложил салфетку,

вышел к гостям.

Тот, кто назвался Берзинем, выдался ростом, выглядел подтянутым, у него были интеллигентное лицо и редкая бородка, был он несколько бледноват. Берзинь осторожно намекал, что многие в гарнизоне Кремля разочарованы Советской властью и не хотели бы воевать с английским десантом, высаженным в Архангельске, — а латышей, Берзинь полагает, готовят послать на Север. И вообще латыши в России мечтают вернуться домой. В освобожденную Латвию.

Шмидхен (или Смитхен, никак не мог понять консул), такой же бледный, но в отличие от Берзиня небольшого роста, привез письмо от Френсиса Кроми, военно-морского атташе, обосновавшегося в бывшем английском посольстве в Петрограде. Письмо было написано от руки. Локкарт легко опознал почерк бравого Кроми, его стиль, которому отвечала, в частности, фраза о том, что он готовится покинуть Россию и собирается при этом сильно хлопнуть за собою дверью. В подлинности письма особенно убедила Локкарта орфография. Он улыбнулся: ах, бравый Кроми, он подобен принцу Карлу Эдуарду и Фридриху Великому — все они тоже были не в ладах с наукой правописания. Кроми рекомендовал подателя письма как человека, услуги которого могут быть полезны.

Консул отвечал уклончиво, сказал, что он отлично понимает нежелание латышей сражаться против союзников, но с Архангельском у него нет сношений, и вообще он, консул, собирается вот-вот покинуть Россию. Все же Локкарт согласился, чтобы Берзинь пришел еще раз. Завтра.

«Не поспешил ли?» — подумал Локкарт, когда гости ушли. Он всегда исповедовал осторожность. Консул, как истый англичанин, считал, что кушанье должно томиться на медленном огне, пока не поспеет; в России, правда, говаривали иначе: не ждать, пока фрукт созреет полностью и упадет к ногам — иногда надо и потрясти дерево…

Вечером английский консул совещался с французами — генеральным консулом Гренаром и генералом Лаверном. Пили кофе, курили, улыбались довольные. Хорошо сказал старина Кроми: уезжая из России, надо так хлопнуть дверью, чтобы на большевиков посыпалась штукатурка — не мешало бы, чтобы обрушилась и крыша.

15 августа Локкарт в компании с Гренаром принял Берзиня и дал понять ему, что он может чувствовать себя как их старый знакомый. Пошутили, затем с воодушевлением заговорили, почувствовав действительно прилив близости. Берзинь сидел прямо, едва касаясь спинки стула, изредка поглаживал свою

негустую бороду. Гренар обратился к нему со словами, прозвучавшими весьма проникновенно:

— Судя по вашему вчерашнему разговору с господином консулом, что подтвердилось и сегодня, вас очень интересует судьба Латвии после войны и свержения большевиков. Я директив от своего правительства не имею, но уверен, что Латвия получит самоопределение за ваше содействие.

Французскую осторожность мысли Локкарт ценил высоко. Но тем не менее ему хотелось быть более определенным, он сказал прямо:

— Латыши должны порвать с большевиками, предавшими их родину германскому империализму… От лица союзных правительств могу обещать: после победы — немедленное восстановление свободной Латвии.

Глаза Берзиня засветились мягким светом.

Незаметно перешли на деньги. Берзинь, строевик, гордившийся своей службой, ответил, что его лично материальная сторона интересует мало, он вообще старается не ради денег, а ради разрешения латышской национальной проблемы. Он поведал также охотно слушавшим его дипломатам, что из представителей полков создан «латышский национальный комитет» для обсуждения вопросов (при глубокой конспирации!) «о противосоветском перевороте». Возможно, некоторые суммы понадобятся комитету.

Локкарт улыбнулся с долей скепсиса: он слышал о приверженности латышей к организациям. И здесь комитет! Лучше бы эти туземцы свою энергию обратили в действия… Но в общем Берзинь Локкарту понравился. Латыш безбоязненно откровенный. Служил в царской армии. Служит большевикам. Но в их партию не вступил. Значит, надо понимать, особыми обязательствами не связан. Свободен и свободолюбив. Возможно, большевики и не очень доверяют бывшему офицеру.

…Тайная машина набирала скорость… В Лондон, Париж аппараты отстукивали телеграфные шифровки…

Дипломаты старались продумать все до мелочей. Утром Локкарт заметил — глаз его был достаточно наметан, — что невдалеке от дома то появлялся, то исчезал молодой человек с чем-то чекистским — то ли упорством, то ли самоуверенностью. Опоздали, господа чекисты, констатировал Локкарт, гостей и след простыл! Нас не проведешь, и, как говорят в России, мы не лыком шиты! Предполагая и не без основания, что за его домом может быть установлена слежка, Локкарт вчера, расставаясь с Берзинем, сказал ему, что следующие встречи (просто ради удобства!) будут в другом месте и к тому же «ангелом-

хранителем» Берзиня отныне будет один славный малый но имени Константин, отличающийся энергией и обаянием, нравится женщинам и не лишен честолюбия. Он, Локкарт, полагает, что Берзинь с Константином отлично поладят.

Берзинь согласился найти «своих людей», чтобы связаться с англичанами, высадившимися на Севере. Локкарт подготовил три экземпляра удостоверения. «Британская миссия, Москва, 17 августа, 1918. Всем британским военным властям в России. Предъявитель сего… из латышских стрелков, имеет важное поручение в британскую штаб-квартиру в России. Просьба обеспечить ему свободный проход и оказывать всемерное содействие. Р.Б. Локкарт. Британский агент в Москве».

На куске белого коленкора был отпечатан шифр, и шифр надлежало доставить в штаб-квартиру.

В тот же день, 17 августа, Константин и Берзинь встретились на Цветном бульваре. Они зашли в кафе «Трамбле». В залах с потускневшими зеркалами за столиками шумела публика, пили чай с булками, здесь же купленный самогон. Константин представился:

— Зовите меня Константином, а я вас буду величать Эдуардом. В Латвии, я слышал, часто даже не помнят отчества человека, а уважения от этого не меньше…

Действительно, это был славный малый, общительный, прекрасно говорил по-русски. Рассказал о себе. Окончил философский факультет в Гейдельберге, потом Королевский горный институт в Лондоне по профилю инженера-химика. Он скорее человек дела, нежели политики, и если он сейчас взял на себя несколько несвойственную ему роль, то лишь потому, что не пренебрегает услугами для своих друзей. А больше всего он любит коллекционировать; и сказал Берзиню-бородачу, приложив палец к губам — мол, под большим секретом, — у него в Лондоне крупнейшее собрание книг воспоминаний о Наполеоне. Да, в Лондоне. Но он сам в душе русский, хотя и иудей, сын ирландского капитана и одесситки. А до войны жил в Петербурге.

Константин посвятил Берзиня в детали разработанного плана: латышские части, находящиеся в Кремле, арестуют Исполнительный Комитет вместе с председателем Совнаркома Лениным, захватят Государственный банк, Центральный телеграф. Над Лениным и его ближайшими соратниками будет устроен законный суд, а до того латыши отконвоируют арестованных в тюрьму.

— Под замочек! — обаятельно улыбнулся Константин. — Некоторые считают, — добавил он, — что Ленина надо отправить в Архангельск к англичанам. Я не разделяю этого. Ленин

обладает удивительной способностью подходить к простому человеку. Можно быть уверенным, что за время поездки в Архангельск он сумеет склонить на свою сторону конвойных, и те освободят его. Поэтому было бы наиболее верным Ленина после ареста расстрелять…

Берзинь рассудительно, спокойно обратил внимание Константина на всю сложность плана и на то, что замысел, по мнению Берзиня, страдает серьезным изъяном — в нем преувеличиваются возможности латышских полков. Даже в случае успеха латыши не смогут удерживать стратегические пункты против той силы, которая будет стоять за большевиками. Константин возражал, приводил доводы. Важно, кто начнет антибольшевистское восстание. По мере его успеха на сторону восставших начнут переходить другие соединения Красной Армии. Главное, вначале проложить дорогу… Константин не мог, не хотел и не имел права рассказывать все, что он знал о тайном плане. Он не сказал о том, что союзники предполагали сами взять Москву, залогом этого была высадка англичан в Архангельске. Как о решенном военные и дипломаты западных стран говорили: «Пустив в ход надлежащую военную силу, мы сумеем овладеть Москвой». Константин понимал, что неразумно было все это передавать Берзи-ню. Он заботился о другом: создать у латышей мнение, что именно они основная военная сила заведенной машины заговора. Константин сказал Берзиню, что латыши — это настоящие солдаты. Как они четко сработали, когда пленили левых эсеров в Большом театре 6 июля!

Кафе «Трамбле» Берзиню не понравилось: можно ли вести здесь безопасно такие разговоры, даже если в них много иносказательного? Константин согласился и предложил снять для деловых встреч частную квартиру. Они расстались со взаимным доверием. Берзинь получил 700 тысяч рублей. Константин извинился, что сумма не округлена до полного миллиона, но все это из-за того, что из банков деньги получить невозможно, агенты собирают деньги у русских богачей.

Потом по взаимному согласию они встречались еще и еще. Константин был прекрасно настроен, с удовлетворением воспринимал известия, приносимые Берзанем. Шмидхен с локкартовским удостоверением отправился на Север. Командир 1-го латышского полка уже получил соответствующую сумму для ведения агитации среди стрелков. На днях приедет представитель «национального комитета» 5-го полка, и Берзинь передаст ему инструкции и деньги. Все шло по плану! Константин дал Берзиню еще сумму денег — 200 тысяч рублей.

Встретившись 28 августа, Константин предложил Берзиню

совершить поездку в Петроград и, чтобы более заинтересовать его, сказал, что после Петрограда он получит сразу добрый миллион. Константин добавил, что на Неве его, Константина, знают как господина Массино, и «Массино» театрально поднял руки — де, мол, бывает и так: приходится пользоваться разными именами. Конечно, неудобств при этом много. А впрочем, Массино — это имя его прелестной супруги. «Массино» мог бы назвать себя еще и «сэром Рейзом», как это он сделал, когда во время мятежа левых эсеров ему пришлось, покидая Большой театр, предъявить документы на «сэра Рейза». Но «сэр» был сдержан и умен.

Берзинь получил петроградский адрес — Торговая, дом 10, подъезд 2, квартира 10, спросить Елену Михайловну и сказать, что от господина Массино.

Берзинь выехал в Петроград. Елены Михайловны дома не оказалось, но в квартиру его впустили…

А что же в ВЧК? Здесь считали, что обстоятельства несколько проясняются. Нечетко, смутно, как это происходит с фотографической пластинкой в проявителе, вырисовывались детали. Самое важное было то, что обнаруживался, как сказали бы сегодня, источник возмущения. Петерс достаточно твердо сказал Дзержинскому:

— Мы узнали определенно — лично я это подозревал давно, — что следы ведут нас в иностранные посольства. При ликвидации заговора в Вологде мы нашли бумаги, и они нам снова сказали, что штаб заговора находится в союзных миссиях. За дверями английской миссии!

— Англичане? Вы достаточно в этом убеждены, Петерс? — спросил Дзержинский, не спуская глаз со своего заместителя.

— Решаюсь сказать «да», Феликс Эдмундович. Мы уже не менее месяца ведем секретную слежку. Нам удалось войти в связь с некоторыми агентами миссий. Кажется, это они и охотятся за латышами.

Петерс подробно рассказал Дзержинскому, чего уже достигли неутомимые парни из отделов ВЧК. Дзержинский слушал сосредоточенно, лицо его было серьезно.

— Положение тем не менее не облегчается, — медленно проговорил он. — Допустим, закручивает английская миссия. Но как мы проникнем за двери английских покоев и офисов? Существует международный закон об охране прав дипломатов. Мы до сих пор даже при переезде границы не позволяли себе вскрывать дипломатические саквояжи. А здесь надо вламываться в помещение миссий. С обыском. А если ничего не обнаружится,

вы представляете себе, Екаб, — уже мягче продолжал Дзержинский, — какие могут быть осложнения для нашего правительства? Мы дадим Западу повод для криков об анархии в России, о нарушении международных законов, святых прав личности.

— Я тоже об этом думаю. Понимаю, дело непростое… — согласился Петерс.

Было решено более внимательно присмотреться к Локкарту. Кто он? Что он? Многое о нем было известно. В юные годы Локкарт готовил себя к роли кальвинистского проповедника — ел крысиное мясо. Затем намерения юности оставил. Писал рассказы и статейки. Правда, почтовые расходы превышали размер полученных гонораров. Сдал экзамен на дипломата. После этого в высоком белом воротничке и в обязательной короткой визитке с полосатыми брюками он каждый день ровно в одиннадцать появлялся на службе. Видел знаменитых «молчальников» ведомства иностранных дел: Эдуарда Грея, Эйра Кровса, Джона Малькольма. Впервые прибыл в Россию еще при царе, выпил, как он сам признавался, «первую рюмку водки и поел икры так, как ее полагается есть, а именно — на теплом калаче». Обладая способностями, Локкарт быстро совершенствовал свой русский язык. Отправился в Киев: взял извозчика, поехал на Владимирскую горку, взобрался на вершину, полюбовался видом, потом принял участие в крестном ходе богомольцев. Составлял и отправлял в Лондон конфиденциальные сообщения. Получил от посла «благодарность и предложение регулярно представлять политические доклады». Своими сведениями послужил военному министерству. Получил репутацию «особенно искусной ищейки». Осенью 1917 года его подвели связи с женщинами, вынужден был отплыть домой, и мог теперь уже мечтать «только о рыбной ловле».

Это все в ВЧК было известно. ВЧК не знала других обстоятельств и подробностей. Не знала, что в декабре 1917 года лорд Мильнер, один из самых стойких «молчальников» английского МИДа, которого Россия стала все более раздражать, извлек Локкарта на свет божий и представил его Ллойд Джорджу. Премьер-министр удовлетворенно похлопал новую надежду по спине, что-то невнятно пробормотав о молодости: Локкарту был тридцать один год. Лорд Хардинг и Роберт Сесиль, не менее великие «молчальники», внушили Локкарту, что его истинная миссия «должна оставаться в секрете». Как вспоминал позже Локкарт, в день его отъезда из Англии «стояла дивная погода — великая авантюра началась…»

Прибыл в Россию Локкарт как неофициальный представитель

Англии, но, к его вящему удовлетворению, его называли консулом. Его принял заместитель наркома Г.В. Чичерин, только недавно перед этим покинувший Брикстонскую тюрьму в Лондоне. Локкарта шокировало — человек, сидевший в тюрьме, у большевиков почти министр. К тому же еще Чичерин был в каком-то желто-рыжем костюме, что никак, по локкартовским представлениям, не соответствовало дипломатическому протоколу. Нанес визит Троцкому. Тот долго и высокопарно говорил о революционной войне с империализмом, о мировой революции и, отпустив Локкарта, дал распоряжение выписать ему пропуск со льготными правами передвижения по стране. Был два раза на официальном приеме у В.И. Ленина.

Локкарт вел себя свободно, уверенно, создавал широкий круг знакомств. Забыв о прошлых неприятностях по женской части, особенно ценил свои связи с баронессой Бекендорф.

…Заговор послов вступал в свою заключительную фазу. За несколько дней до того, как эсерами был убит председатель Петроградской ЧК М.С. Урицкий и было совершено покушение на В.И. Ленина, 25 августа американский генконсул Пуль собрал у себя в Москве закрытое совещание. Присутствовали, кроме Пуля, французы Гренар и Лаверн; английские, французские, американские офицеры, люди в штатском. Локкарт, который еще более тщательно стал заботиться об осторожности, предусмотрительно к Пулю не прибыл; людей его миссии там было предостаточно. На совещании оказался французский журналист Ренэ Маршан. К нему благоволил сам президент Франции Пуанкаре, поэтому никто не мог препятствовать журналисту присутствовать в этом кругу и слушать, что говорилось на закрытой встрече.

Журналист покинул кабинет Пуля до того, как там закончился «обмен мнениями», и словно после холодного душа. Он сразу решил, что президент должен знать правду о перипетиях в России. То, что он услышал, его взволновало и встревожило. В тот же вечер Маршан засел за письмо Пуанкаре: «Я считаю себя одним из тех, кто боролся, руководимый глубокими убеждениями, против большевизма. Я с горечью констатирую, что за последнее время мы позволили увлечь себя исключительно в сторону борьбы с большевизмом. На совещании за время беседы не было сказано ни одного слова о борьбе с Германией. Говорили о другом… я узнал, что один английский агент подготовил разрушение железнодорожного моста через Волхов недалеко от Званки… Разрушение этого моста равносильно обречению Петрограда на полный голод… Один французский агент

присовокупил, что им уже сделана попытка взорвать Череповецкий мост. А это означает полный голод Петрограда, ибо отрезаются пути доставки основной массы продовольствия. Я глубоко убежден, что дело не в изолированных починах отдельных агентов. Разумеется, я спешу это подчеркнуть, — продолжал Маршан, — что присутствовавшие генеральные консулы от своего имени не сделали ни малейшего намека на какие бы то пи было тайные разрушительные намерения».

Письмо оказалось длинное — оно писалось на одном дыхании. Президент, полагал Ренэ, извинит своего друга за многословность — вопросы, поднимаемые им, не могут регламентироваться количеством строк.

Закончив письмо и вздохнув облегченно, Ренэ Маршан задумался над тем, каким образом надежно передать конфиденциальное письмо в Париж. Он понимал, что французский генконсул не одобрит его поступок. Пуль и Локкарт возмутятся. Надо опасаться и агентов ЧК…

Если бы Маршан не был столь впечатлительным и не оказывался бы так легко во власти своих чувств, а главное, досидел бы до конца на совещании в американском консульстве, то он мог бы узнать куда больше. Среди неизвестных ему лиц там находился и Константин — «Массино» — «сэр Рейз», правда, здесь он был одет в форму английского офицера и назвал себя Сиднеем Рейли. Он держал гневную речь против большевиков. Маршан мог бы удивиться и присутствию у генконсула Пуля Ксенофонта Каламатиано, смешанного грека, представителя коммерческой американской конторы, который, однако, ничего не говорил. Закрытая встреча пришла тогда к единодушному мнению действовать в трех направлениях,

Дезорганизация Красной Армии подкупом, саботажем, задержкой продовольственных транспортов, следующих в Москву, а также путем разрушения транспорта. Это поручалось Рейли и его сообщникам — капитану Хиллу, полковнику Берзиню из Кремля, агентам из Управления военных сообщений Красной Армии. В Петрограде эту часть плана должен был выполнять капитан Кроми.

Диверсионно-подрывная работа — взрывы, поджоги, аварии. За подготовку и осуществление ее отвечали полковник французской армии Вертамон и его помощники.

Шпионаж. Он был поручен тихому и малозаметному американскому коммерсанту Каламатиано.

…Заговор набирал новую скорость и повышенную мощь. Предполагалось, что основные действия совершатся после отъезда дипломатических представителей союзников из России.

ВЧК тем временем все более убеждалась, что заговор есть, хотя ни день «икс», ни размах заговора не отражались в чекистской версии происходящего. ВЧК добыла почти достоверные данные о том, что Константин, «Массино», «сэр Рейз» — это имена-прикрытия хитроумного английского разведчика Сиднея Рейли. В конце августа узнали одну из его московских явок — конспиративную квартиру по Шереметьевскому переулку. Агента можно было арестовать, но в ВЧК решили: «Пусть у ящерицы вырастет хвост, тогда и отрубим!»

Петерс продолжал со своими сотрудниками продираться сквозь сеть заговора, стараясь завладеть документами полной достоверности, фактами неопровержимыми. Его сотрудники все более внедрялись в лабиринт заговорщических хитросплетений. Действовали активно. «…Опасность предательских выступлений в отдельных местах пришлось устранить, не выжидая раскрытия всего… Мы ликвидировали местные заговоры в Вятке и Вологде», — отмечал Петерс.

Но все же случилось так, что сотрудники ВЧК свою работу не довели до конца. Наступила неожиданная развязка: 30 августа в Петрограде был убит М.С. Урицкий. В.И. Ленин, проницательно оценив смысл этого убийства как белый террор, позвонил по телефону в президиум ВЧК и предложил Дзержинскому немедленно выехать на место и принять должные меры. Урицкий стал не последней жертвой белого терроризма. В тот же день было совершено покушение на В.И. Ленина…

…Дзержинский, бледный и худой, с запавшими глазами, уезжал в Питер. Подошел к Петерсу, остававшемуся в Москве:

— Лишь тот достоин жизни и свободы, кто каждый день идет за них на бой!

Он сказал это скорее себе, не Петерсу.

— Феликс Эдмундович, мне сейчас очень нужны, очень нужны ваши советы, инструкции. Надо освежить голову, понять, что происходит…

Дзержинский взглянул в глаза Петерсу, сказал тихо:

— …Это из Гёте, но лучшего сейчас не придумать.

Странным был Петерс, но еще более странным казался Дзержинский; человек с запавшими глазами, всегда бесстрашный, беспощадный к себе, он в скупое время, оторванное от скупого сна, читал «Фауста».

…ВЧК исчерпала время, предоставленное обстоятельствами. Медлить было нельзя. Петерс бросился искать Рейли. Нагрянули на его московскую конспиративную квартиру, но там никого не

обнаружили. Рейли, почуяв запах горелого, накануне перебрался к артистке Художественного театра А.А. Оттен. Она считала его офицером английской миссии, и, как заявила потом на суде, Рейли ухаживал за ней, и он ей нравился. (Суд оправдал артистку.) В ночь с 3 на 4 сентября Рейли ночевал у другой «знакомой» — у машинистки ВЦИК Ольги Стражевской, которая впервые встретилась с Рейли в фойе Большого театра во время работы 5-го съезда Советов. Рейли представился тогда служащим советского учреждения. За взятку в 20 тысяч рублей она выписывала Рейли пропуска в Кремль. Теперь, ночуя у Стражевской, Рейли сознался, что он вообще не русский, а англичанин. (Суд приговорил Стражевскую к трем годам тюрьмы.) В общем, как ни искали люди Петерса «обольстителя женских сердец», шпиона-хамелеона, его не нашли. И лишь потом убедились в том, что Рейли из Москвы бежал. Но куда? Знал бы Петерс в тот момент, сколько лет еще придется чекистам искать этого шпиона, находить его след и терять.

…Стрелявшую в В.И. Ленина террористку допрашивали Свердлов и Петерс. Она опустилась на стул, блуждающим взглядом водила по лицам. Ей задавали вопросы, она хваталась за волосы, истерично глотала ртом воздух. Потом ее судили, расстреляли. Приговор революционного суда был оформлен, записан рукой Петерса. Документ остался в архиве навсегда, покрывая черным забвением имя террористки, опозорившей себя в вечности.

…31 августа чекисты вошли в здание бывшего английского посольства на Дворцовой набережной в Петрограде. На шум на лестнице вышел атташе Френсис Кроми и, не слушая, что говорят вошедшие (а те предъявили документ на право обыска), выхватил револьвер. Выстрел — и был убит чекист Иосиф Стадолин. Два его товарища свалились тяжело раненные. Раздались еще выстрелы; Кроми, близкий друг Локкарта, тяжело опустился на ступени лестницы. Врач, появившийся через 10 минут, пульса не обнаружил — мертв!

Почувствовав «подземный гул», Локкарт принял решение немедленно сжечь «опасные документы». Над трубой английского консульства заструился дымок. Петерс, приехавший к консульству с двумя вооруженными чекистами, увидев странный дымок (был жаркий день!), приказал немедленно подняться на верхние этажи. На первом этаже уже находились ранее прибывшие сюда люди Петерса, но они дали маху — не обратили внимания на дым.

Все же при обыске удалось кое-что добыть, например, подготовленную к публикации фальшивую «тайную переписку»,

которую якобы вело Советское правительство и Германия, подложные тексты «секретных договоров». Все это Англия предполагала использовать во имя одной цели — столкнуть РСФСР с Германией.

Жаркие августовские дни в конце месяца сменились прохладой. Задул осенний ветер. По улицам понеслись первые желтые листья. Приподняв воротник легкого пальто, Локкарт перед закатом солнца проделывал моцион! стал замечать, что полнеет, намекала на это ему и Мура — баронесса Бекендорф. Он вышел на улицу в сопровождении своего молодого коллеги Гикса. Встретившийся патруль не остановил консула, красноармейцы его узнали, посторонились и проводили долгим взглядом. Локкарт, вернувшись к ужину, пришел к заключению — можно не волноваться. Локкарт, однако, ошибался. Ночью его разбудили и привезли на Лубянку.

Беседовать с Локкартом решил сам Петерс. ВЧК уже имела в своих руках текст письма Локкарта в штаб-квартиру на Севере и копию шифровки с коленкора, документа, который заговорщики доверили Шмидхену, отправленному ими в Архангельск. У Петерса лежали также и бумаги, которые удалось заиметь при обыске в английском консульстве в тот августовский день, когда англичане спешно жгли наиболее компрометирующие их документы.

…Петерс, отложив все дела, ждал, а Локкарта почему-то долго не приводили. Петерс позвонил дежурному конвою. Ответили, что дипломат попросился в отхожее место. Наконец Локкарта привели, он показался Петерсу довольно спокойным. Локкарт представился — он консул его величества. Петерс сказал, что не имеет права допрашивать представителя английской миссии, но не был бы господин Локкарт столь любезным помочь добровольно разрешить некоторые вопросы. Это необходимо, так как ВЧК располагает данными, связанными с деятельностью миссии. Локкарт великодушно согласился, присовокупив свое недоумение по поводу нарушения дипломатического иммунитета.

«Ворвавшись в мой дом, ваши люди вели себя далеко не любезно».

«Но почему вы не предъявили дипломатических документов при аресте?»

«Это было почти невозможно. Они меня просто уволокли в машину, и вот я перед вами…»

«О, если это подтвердится, я накажу виновных, им надо знать, с кем они имеют дело».

Лицо Локкарта выразило понимание и удовлетворение.

Петерс сказал, что дело очень серьезное, и от ответов господина Локкарта многое зависит в установлении истины, облегчится и положение самого дипломата. Он спросил англичанина, кто приходил к нему в середине августа от латышей? Локкарт подтвердил, что действительно, кто-то приходил, кажется, некий Смидхен, разве всех упомнишь; в России принято свободно ходить в дома, и он, Локкарт, хотел бы не противоречить этому доброму обычаю взаимоотношений…

— Это ваш почерк? — Петерс указал на бумагу, лежавшую на столе, подвинув ее ближе к дипломату. Локкарт подумал, что это, вероятно, единственная бумага, написанная его рукой и попавшая к чекистам — удостоверение, выданное Шмидхену, — и, сопровождая свои слова легким жестом, пояснил:

— Не вижу в этой бумаге никакого криминала: латыши попросили пропуск к англичанам, я и написал. И только всего.

Локкарту было задано еще несколько вопросов, и разговор как бы иссяк. Петерс попросил Локкарта подписать данные им показания. Тот словно опомнился, сделать это категорически отказался, сославшись на свое положение дипломатического представителя.

Петерс улыбнулся.

— Знали ли вы Каплан? — спросил он Локкарта. Тот ответа не дал, потребовал избавить его от «незаконного и унизительного» допроса.

— Где Рейли? — Англичанин удивился, что это имя известно ЧК, но одновременно обрадовался: вопрос «где?» означал, что «Лисица» (этой кличкой Локкарт любил называть Константина) скрылась. Локкарт не ответил.

Какой-то момент Петерс и Локкарт пристально рассматривали друг друга. Локкарт запомнит Петерса: белая косоворотка, грива волос с проседью аккуратно зачесана. Потом в своей «Исповеди» Локкарт напишет: «Он не пытался заставить меня отвечать угрозами, а только уставился на меня взором».

— Господин Локкарт, не могли бы вы сказать, что было темой разговора 25 августа в американском консульстве?

«Оказывается, чекисты пронюхали и это», — подумал теперь уже несколько тревожно консул. Но и этот вопрос, как представлялось Локкарту, он легко мог повернуть в свою пользу.

— О совещании в американском консульстве вам проще спросить у самого консула Америки Пуля. А впрочем, встречи дипломатов дружественных стран — это обычная практика. Если вам известно, как вы сказали, о встрече 25 августа, то вам должно быть известно и то, что консул его величества там не

присутствовал, что, откровенно скажу, означает, что совещание было малозначительным, рутинным.

Петерс ничего не сказал, лишь посмотрел на торжествующе вздернутый подбородок консула. Кое-какое алиби предъявлено — говорила поза дипломата. В комнате Петерса повисла тишина, и было такое впечатление, что хозяин этой комнаты все свои аргументы выложил. Все так бедно и так тщетно! Впечатление Локкарта, по правде говоря, было обманчиво — не все предъявил Петерс; заместитель Дзержинского уже был достаточно опытен, ему важно было проверить, на что способен этот дипломат, насколько он уверен в своих действиях. ВЧК интересовала не только анатомия свершавшегося преступления, но и то, как оценивает события один из его участников.

В общем, разговор закончился. Локкарта увели. Англичанин смог кое-что подытожить: Рейли следы замел, дай бог, основательно; о Шмидхене чекист спросил, но, можно думать, что и тот ускользнул из рук ВЧК. Особенно Локкарт был доволен своей находчивостью. Ведь когда его привезли на Лубянку, он вдруг обнаружил, что с ним, в его кармане, оказалась так некстати записная книжка с тайными шифрами и пометками о различных выплаченных суммах. Локкарт мгновенно тогда решил, что делать. Попросился в отхожее место. Воды в московской канализации вследствие всеобщей разрухи часто не бывало, но Локкарт, как он считал, был везуч, и, словно подтверждая это, свершилось воистину чудо — он потянул ручку, и порванный, сброшенный в унитаз компрометирующий материал был моментально смыт. (Потом консул даже печатно будет расписывать свою догадливость как подвиг).

Петерс, пережив еще одну бессонную ночь, был далек от воодушевления, особенно потому, что утро началось с того, что ему пришлось объявить Локкарту, что тот свободен. (На освобождении настояли Я.М. Свердлов и Г.В. Чичерин, учитывая право англичанина на экстерриториальность. Петерс возражал, но спорить было напрасно…) Дипломат криво усмехнулся и сказал Петерсу:

— Господа чекисты — мастера насилия, но далеко не мастера своего дела.

Дул мокрый ветер. Локкарт отыскал извозчика и поехал к себе. На улицах было немноголюдно, на перекрестках выделялись вооруженные патрули. Он вернулся вроде бы и победителем, но усталым и в отвратительном настроении. Побрился, принял ванну, сменил белье. Подошел к столику, отобрал большевистские газеты, стал их читать, а прислуга приготовила

консулу кофе. От прислуги он узнал, что арестовали Муру. Настроение испортилось окончательно.

А 3 сентября рано утром Москва прочла сенсационное сообщение, выделенное жирными буквами в «Известиях»: «Ликвидирован заговор англо-французских дипломатов против Советской России, организованный под руководством начальника британской миссии Локкарта, французского ген. консула Гренара, французского генерала Лаверна и др. Подготавливался арест Совета Народных Комиссаров, фабрикация поддельных договоров с Германией».

Сообщение шокировало Локкарта. Сдерживая внутренний гнев, он все же понял, что большевики не решились бы на такое открытое обвинение, ничего не имея в своих руках. Удивительным было и то, что Локкарта после этого заявления вроде бы и не спешили арестовать, снова допросить.

Локкарт отправился на разведку. Он внезапно нанес визит в ВЧК на Лубянку. Англичанина принял заместитель председателя.

Не повышая голоса, Ложкарт оказал Петерсу:

— Обвинения не имеют никакого основания. Прошу дать мне возможность объясниться и представить исчерпывающий материал.

— Исчерпывающий материал уже имеется в распоряжении ВЧК в достаточном количестве, а следствие будет продолжаться…

Никто не воспрепятствовал Локкарту покинуть ВЧК, и он насчитал, что так называемое «разоблачение заговора» — блеф. Он мог перевести дыхание…

Но Локкарт опять ошибся.

Чекисты предприняли попытку арестовать Гренара, Вертамона и других официальных лиц из французского консульства, о которых было известно как о заговорщиках. Те удрали в посольство нейтралов-норвежцев. Через его порог чекисты решили не переступать. В самом помещении французов, известном как особняк Берга, сотрудники ВЧК тем временем завершили обыск. Проверены были столы, книжные этажерки, брошенные саквояжи, тщательно были осмотрены картины, платяные шкафы. Набралось довольно много бумаг, их загрузили в автомобиль, отвезли на Лубянку. Здесь был просмотрен каждый лист, тщательно, скрупулезно, как учил чекистов Ф.Э. Дзержинский. Петерс потом напишет: «И нетерпеливые комиссары и следователи учились у него, как, работая над расшифровкой мелких бумажек, можно найти ценнейшие нити для дальнейшего раскрытия контрреволюционных заговоров».

Так как Гренар, Пуль и Вертамоо скрылись у норвежцев, то на всякий случай близ здания скандинавов чекисты оставили

несколько своих людей; спрятавшиеся не показывали носа. Предосторожность чекистов оказалась кстати: какой-то человек пытался незаметно войти в посольство, его остановили. Он назвался Сергеем Николаевичем Серповским, но в нем опознали американца Ксенофонта Каламатиано.

Каламатиано задержали. Он возмущенно размахивал тяжелой тростью, гордо напоминал о своем американском гражданстве. Его обыскали, отправились к нему на квартиру, сделали и там самый тщательный обыск. Но все безрезультатно. В ВЧК разговор с Каламатиано начал Кингисепп. Каламатиано вел себя так, словно не понимал, чего от него хотят, от всего отнекивался, изображал из себя обычного коммерсанта. Глубокой ночью Кингисепп поднял с постели Петерса — тот забылся в нервном полусне на своем кожаном диване под солдатским одеялом. Петерс сразу пришел. Допрашиваемый стучал недовольно тростью, требуя, чтобы ЧК прекратила покушаться на свободу честного гражданина другой державы. Петерс сказал Кингисеппу, что Каламатиано недавно ездил в Самару, хотя американская контора «Вильям Кембер Хиттс энд К°», в которой он служит, никаких дел в этом городе не имеет. Это подозрительно. Обыск на квартире ничего не дал? Тогда что-нибудь может быть обнаружено при нем. Тоже ничего? Имеет тайник где-то на стороне? В подошвах ботинок? Бывает и такое.

Петерс и Кинписепп еще и еще раз окинули взглядом: несколько успокоившегося Каламатиано. Тайник в трости? Но она скорее отличается изяществом, нежели толщиной. В ней вряд ли можно было что-либо спрятать. Когда взялись за трость американца, тот позеленел, как утопленник, по замечанию Кингисеппа. Красивая трость оказалась хитрым тайником. В ней нашли более тридцати расписок в получении денег — вместо подписей стояли номера; обнаружили в трости и шифры, тайные документы.

Оперативно расшифровав фамилии шпионов, скрытые под номерами, ВЧК смогла выяснить, кто уже был схвачен, а кто еще «гулял»; сразу же были даны приказы о необходимых арестах.

Каламатиано пришлось во всем сознаться. В апреле текущего года американский консул Соммерс завербовал Каламатиано, служащего американской коммерческой конторы по поставке в Россию автомобилей, тракторов, и поручил ему организовать возможно широкую агентурную сеть для сбора важных данных. Соммерс создал в Москве и явочный пункт по Театральному проезду, 8. Прикрываясь делами фирмы, Каламатиано ездил по стране, отбирал агентов. В Москве он завербовал бывшего подполковника генштаба Голицына, работавшего как старый спец

в трех военных ведомствах. Став агентом № 12, Голицын собирал различные сведения и обильно снабжал ими представителя американской фирмы. Через агентов Каламатиано получал данные о количестве винтовок и патронов, производимых на тульских заводах, сведения о формировании Красной Армии, о положении в прифронтовой полосе. Экономические данные якобы необходимы были фирме для выяснения платежеспособности России, данные о прифронтовой полосе — чтобы знать, насколько Красная Армия способна защищать склады фирмы (!).

Состоявшийся в конце 1918 года суд все это терпеливо выслушал и вынес приговор: шпиона Каламатиано расстрелять. Петерс: «С арестом Каламатиано шпионской организации был нанесен непоправимый ущерб».

То, что Локкарт так быстро оказался на свободе, дипломатами Запада вовсе не оценивалось как победа. Опыт им подсказывал, что за этим могли скрываться большие неприятности — Советы со всей решительностью показывали свой характер. Настораживало и то, что власти не требовали, например, высылки Локкарта из страны, что в международных делах было терпимой практикой.

Дипломаты пребывали в нервозности. По имевшимся данным, Шмидхен не был арестован, но и установить связь с ним в этой кутерьме не удавалось. О Берзине достоверно было известно только то, что он на свободе и, кажется, вне подозрений. Это заговорщиков воодушевляло — сохранилась такая ключевая фигура! Локкарт рассуждал вполне логично: ввиду начавшихся арестов Берзинь операцию отложил, и Берзинь еще не сказал своего слова, еще покажет припасенную им потенциальную силу! Локкарт, Гренар и другие не снимали со счетов и то, что националист Берзинь получил от «друзей» почти два миллиона рублей (100 000 — от Англии, 200 000 — от США и 500 000 — от Франции), при этом дал слово чести, что этой суммы при определенных условиях будет достаточно, чтобы ликвидировать правительство Советов.

По правде говоря, Локкарта в тот момент гораздо в большей мере озадачивало совсем другое — арест Муры. Он не хотел бы впутываться в это дело (поймут ли его правильно в Лондоне?), но и не мог согласиться, чтобы большевики действовали на него (а он считал, что суть в этом) путем «бесчеловечного» отношения к молодой даме, которая ему, чувственному Роберту Брюсу, совсем не безразлична. После размышлений рыцарь возобладал в Локкарте. Он отправился в Комиссариат иностранных дел. Его приняли, были вежливы, но развели руками, ссылаясь на ВЧК.

Тогда Локкарт прибегнул к крайнему средству: явился снова на Лубянку и попросил доложить о себе Петерсу. Не исключено, что этот «отъявленный чекист», полагал Локкарт, согласится поговорить с ним как «мужчина с мужчиной».

Из воспоминаний Ломкарта: «Я обратился на Лубянку к Петерсу и просил проявить гуманность к женщине которая ни в чем не виновата».

Из воспоминаний Петерса: «Войдя ко мне в кабинет, он был очень смущен, потом сообщил, что находится с баронессой Бекендорф в интимных отношениях и просит ее освободить».

Консул апеллировал к чувствам приличия. Петерс был спокоен, обещал взвесить все аргументы, приведенные консулом в пользу невиновности его приятельницы. Но вдруг Петерс изменился, сурово сказал англичанину:

— Вы облегчили мне работу, придя сюда. Мои люди ищут вас уже более часа. Мы вас должны арестовать.

Так 4 сентября Локкарта арестовали. Это было ответной мерой на события в Лондоне. Там в Брикстонскую тюрьму посадили представителя Советской России в Англии М.М. Литвинова, повесив на дверях его камеры издевательскую надпись: «Гость правительства его величества».

Локкарта поместили в странную квадратную комнату. Удобств никаких: простой стол, четыре деревянных стула, истертая и расшатанная кушетка; два окна комнаты выходили во двор. У простого умывальника с соском повесили для англичанина чистое полотенце, что вызвало надменную улыбку консула. Откуда было знать этим необразованным русским, что истинный сакс, подобно Седрику,[11] вымыв руки, не обтирает их полотенцем, а сушит, помахивая ими в воздухе.

Странность квадратной комнаты была в том, что в ней чекистские чиновники писали бумаги, караульные проводили минуты отдыха, покуривая. Ходили, хлопали дверью, с интересом рассматривали англичанина.

Консул был удручен. В деле Муры он ничего не достиг, сам же угодил под стражу, и неизвестно, чем все это закончится — ответную меру большевики постараются использовать, чтобы отомстить ему, был убежден консул. В газетах, которые ему давали, он не находил ничего утешительного. Большевики расставляли точки над «и». 5 сентября Локкарт прочел в «Правде» интервью заместителя председателя ВЧК. Петерс изложил часть подробностей раскрытого заговора, которые считали целесообразным обнародовать к тому времени. Выяснилось невероятное. Берзиню, оказывается, ЧК предложила притворно

принять приглашение западных дипломатов. Берзинь на время превратился в покладистого «буржуазного националиста», члена мнимо созданного «латышского национального комитета», которого не было и в помине. Все это «проделки ЧК»! Впору было впасть в отчаяние.

Громы и молния разразились в дипломатических кабинетах «друзей» России. Все клокотало благородным гневом, который выплеснулся на страницы газет. Берзинь нарушил «правила игры», и ему следовало дать ниже пояса. «Таймс», махнув рукой на свою респектабельность, строчила: «Этот красный авантюрист запустил руку в нашу государственную казну, и теперь потешается над нами с видом невинного младенца». (Конечно, английская казна при этом не страдала — большую часть денег собирали в самой России среди имущей публики, ненавидевшей большевиков. Вначале этим энергично занимались французы, потом одна английская фирма в Москве. Деньги доставлялись американскому ген-коосулу, приходил Гике, подручный Локкарта, брал их и заботился о дальнейшем их назначении.)

…Издерганный консул вдруг поймал себя на мысли — неожиданной и такой, что его даже передернуло: а не является ли Мура также агентом ЧК? После случившегося можно допустить все. Прием, когда арестовывают на время и своих агентов, не нов. Он живо вспомнил, как Мура неожиданно уехала из Москвы в Эстляндию якобы повидать своих родителей. Преодолела строгий контроль в поездах, пограничную полосу между Россией и Эстляндией, занятую армией Германии. Только ли дочерние чувства были здесь? Он «принял» Муру от Гикса и не навел справок относительно нее; никогда не поинтересовался, например, была ли она вообще баронессой; сама Мура всегда говорила о себе, что она русская. Он вспомнил, как встретился с ней после ее возвращения из Эстляндии: она бросилась к нему, крепко прижалась; люди проходили, оглядывались… Возможно ли, чтобы такие чувства были мистификацией?! И все же Локкарт не знал теперь, как ему быть со своей просьбой об освобождении Муры: настаивать? забыть? Но ведь он уже признался этим варварам, что связан с Мурой.

…Петерс вызывал к себе Локкарта обычно ночью. Он советовал консулу, чтобы тот «в своих же собственных интересах» рассказал полную правду. Консул по-прежнему упорствовал — отказывался говорить или заявлял, что весь этот так называемый заговор — выдумка. Локкарт ожидал, что Петерс заговорит о Муре, и тогда англичанин надеялся что-нибудь выведать, сориентироваться. Но Петерс даже не вспоминал имя его приятельницы. Наживка повисла в воздухе. Хуже того, Локкарт

стал все настойчивее думать, что Мура была настоящей наживкой для любителей женского пола, к которым англичанин не без гордости себя причислял. Оказаться таким ослепленным! Пусть баронесса (баронесса?) была, несомненно, привлекательной и красивой, и все-таки Локкарт не мог простить себе этого. С женщинами Локкарту явно не везло…

Консулу разрешили пользоваться чернилами: и бумагой, и он завел себе нечто вроде «тюремного дневника». Если его, мрачно рассуждал Локкарт, расстреляют, то пусть мир узнает правду!.. Странно, но первую запись он посвятил своему «мучителю-фанатику» Петерсу: «Я не могу оказать, что он обращался со мной некорректно… он не был ни груб, ни даже нелюбезен, и наши взаимоотношения были вполне корректны… Он заходил в мою комнату и справлялся о том, как меня кормят. Я не жаловался, хотя пища, состоявшая только из чая, жидкого супа и картошки, была очень недостаточна».

Локкарт попросил дать ему книги. Петерс принес роман Герберта Уэллса. И вторую — Ленина: «Государство и революция».

Караульные аккуратно давали ему «Правду» и «Известия». Больше всего его коробило от жирных заголовков статей. Большевики писали прямо: «англо-французские бандиты». Он читал резолюции фабричных комитетов, требовавших предания его, консула, суду и вынесения смертного приговора. Расстреляли бывшего царского сановника Белецкого. Локкарт лично знал его. Пути господни неисповедимы!..

Спустя некоторое время Локкарта перевели с Лубянки на территорию Кремля. Помещение было чистое, удобное — три комнаты: спаленка, ванная, небольшая кухонька. В ванной бросающиеся в глаза чистые полотенца, но образованный сакс, помыв руки, по-прежнему помахивал ими в воздухе, смешно растопырив пальцы. Однако помещение и здесь показалось Локкарту странным. Самым неприятным было то, что он снова оказался не один вопреки тому, что ему обещали власти. К своему удивлению, он увидел здесь Шмидхена. «Виновник всех наших бед!» — негодующе думал Локкарт. Судя по газетам, Шмидхен не уподобился притворщику Берзиню и угодил в тюрьму, но англичанин не мог простить Шмидхену, что удостоверение, выданное ему Локкартом, каким-то образом попало в ВЧК. 36 часов Локкарт и Шмидхен провели вместе, не проронив ни слова. Потом Шмидхена увели. Однако спокойнее от этого не стало. Локкарт узнал от часовых, что именно отсюда несколькими днями раньше отправился в последний путь

Белецкий. Локкарта бросало и в жар и в холод; знать, что ты живешь в комнате, откуда предшественника повели на смерть, — что может быть страшнее! Как правы те, твердил себе Локкарт, что говорили: из Кремля еще никто живым не выбирался!

Локкарт часто впадал в меланхолию — сник, как птица с подрезанными крыльями. Страхи и панику консула заметил Петерс. Как бы чего с этим героем не случилось до суда! Локкарта приходилось беречь, как берегут того, кто набрал долгов и не прочь был скрыться даже в небытие, не расплатившись…

Петерс повидал консула. Старался быть мягким. Стояли у окна, говорили о разном. В тот же день Локкарт внес в свой «дневник» свежие впечатления. Петерс «охотно беседовал об Англии, о войне, о капитализме, революции. Он рассказывал мне об удивительных переживаниях своего революционного прошлого. Показывал мне на своих ногтях следы пыток, которым его подвергали в тюрьме при царском режиме. Ни одна черта его (характера не свидетельствовала о том, что он был таким бесчеловечным чудовищем, каким его много раз описывали».

Когда в следующий раз Потере открыл двери временной обители консула, Локкарт услышал, что баронесса освобождена и ей разрешены свидания с ним. В первый момент Локкарт даже не обрадовался (чекисты вполне могли ее освободить, если она работает на них!).

— Моя весть, как вижу, не вызвала у вас энтузиазма. Мы сделали все, что могли. Сомнения в отношении Бенкендорф выяснились. Порадуйтесь с нами, господин Лоикарт.

А консул все не мог отделаться от мысли, что этот «странный человек» (лексикой локкартовского «тюремного дневника»), второе лицо в Чека, а какое-то время даже первое, освободил Муру лишь для того, чтобы затеять новые козни.

Тот день оказался богат событиями. Вечером Локкарт записал в свой «дневник»: «Я получил вещественное подтверждение освобождения Муры в виде корзины с платьем, книгами, табаком и такими предметами роскоши, как кофе и ветчина, а кроме того, длинное письмо… Джейк лично запечатал его печатью ЧК и пометил на конверте своим размашистым почерком: „Прошу передать адресату, не вскрывая. Я читал письмо“. Этот странный человек!..»

Письмо Муры, немногословное, было написано с таким чувством, что Локкарт устыдился своих былых подозрений.

Допросы консула прекратились, и он почувствовал облегчение. Большевистские же газеты не унимались и раздражали его по-прежнему. Он их не брал бы в руки, но им овладевал страх перед неуверенностью, и с помощью газет он

пытался представить свое будущее. Оно выглядело отнюдь не радужным. Локкарт, полагавший в свое время, что Россия может стать частью цивилизованной Европы, теперь был уварен — это сорвавшийся с цепи колосс азиатчины.

В Локкарте просыпался суеверный кельт. После завтрака он брал колоду карт, усаживался и раскладывал пасьянс. Если пасьянс не выходил, ждал всяких ужасов.

Ему разрешили гулять по территории Кремля. Раньше си здесь никогда не был. Большевики сделали Кремль одной из своих цитаделей. Локкарт вступал в разговоры с караульными, которые конвоировали его в этих прогулках. Это были разные люди: русские, латыши, венгры. Однажды Локкарт спросил конвойного, что тот думает о его, Локкарта, участи, и услышал, что в караульной команде держат пари из расчета два против одного, что он будет все же расстрелян… Локкарт потерял охоту к дальнейшим расспросам.

…Были мрачные осенние дни с дождями. Локкарт не гулял, предпочитал раскладывать пасьянс. За этим занятием и застал его Петерс, Он снова заговорил о собрании в американском консульстве 25 августа. Не пожелал бы Локкарт во имя истины прояснить характер собрания?

Локкарт посчитал этот в спрос не чем иным, как стремлением загребать шар чужими руками, добыть нужные сведения от самого Лаккарта! Как видно, чекисты ничего конкретного о совещании у американцев не знают. И откуда им знать? Кто мог что-либо им сообщить? Ни один из присутствовавших на том совещании не пошел бы на содействие «красным», а чужих ушей у Пуля не было. Такова была логика Локкарта. На всякий случай он сделал нечто вроде хода конем.

— По-дружески скажу вам, Петерс, с тех пор, как Россия бросила своих союзников перед лицом военной силы Германии, нам осталось одно — обороняться самим. Поэтому мы и собираемся…

Локкарт был слишком уверен в себе. Он и не мог предположить, что Петерс задает ему вопросы скорее всего от желания проверить себя, проверить и Локкарта — не изменяется ли в нем что-либо?

Петерс посоветовался с Дзержинским, и им ничего не оставалось, как припереть Локкарта к стене.

Когда из особняка Берга привезли изъятые во французской миссии бумаги, при первом же осмотре обнаружили письмо Маршана к президенту Франции. До сих пор ВЧК не имела такого прямого свидетельства творимого союзниками в России!

Пригласили Маршана на Лубянку. В допросе не было никакого резона — с ним хотели просто поговорить. Но не вышло и разговора. На коллегии ВЧК Петерс так доложил о встрече с французским журналистом:

— Он был взволнован до безумия, почти плакал от возмущения, что союзники, и особенно французы, призванные спасти Россию (!), строили предательские планы о взрывах мостов и поджоге продовольственных складов.

Петерс добавил, что, конечно, журналист большой ребенок, наивен, он «думал, что Пуанкаре не знает, что делают его представители в России; в своей наивности он не понял того, что все поджоги, подрывы — все это делается под непосредственным руководством Пуанкаре и Ллойд Джорджа».

Подлинник письма передали в следственную комиссию, фотографию письма — в газету «Известия». Газета напечатала письмо Маршана.

Локкарт долго перечитывал этот номер. Несомненно, письмо французского журналиста — не подделка, согласился он. Однако француз переступил все границы дозволенного. «И это писал бывший редактор „Фигаро“! — возмущался Локкарт. — … Маршан, эта истеричка, перешел на сторону большевиков, — решил он — ЧК Оплатила ему больше, чем „Фигаро“. Скотина!..» Вечером Локкарт записал в свой «дневник»: «Мною овладел приступ пессимизма».

На Западе не стихал шум в связи с арестом Локкарта Писали о «тяжелой участи английского дипломата», которого «подвергают пыткам». В ВЧК прибыл шведский генеральный консул Аскер.

Я уполномочен своим правительством — нейтральным, не поддерживающим ни одну сторону, — заявил он Петерсу, — обратиться к вам с просьбой проявить гуманность к арестованному английскому дипломату господину Локкарту и его коллегам, претерпевающим превратности в застенках вопреки всем международным законам. Позволяю себе огласить ноту министра иностранных дел Англии сэра Бальфура, направленную в адрес вашего правительства. «…Если русское Советское правительство не даст полного удовлетворения или если по отношению к подданным Великобритании в будущем будет применено насилие, то правительство Великобритании сочтет каждого из членов русского правительства ответственным и примет все меры к тому, чтобы… считали их вне закона, а также к тому, чтобы для них не было убежища, где они могли бы скрыться».

— Вы обратились не по адресу, — ответил Петерс. — ВЧК не является правительствам, она лишь охраняет революционный порядок от преступных заговоров, кто бы их ни пытался осуществить. А впрочем, нота сэра Бальфура опубликована в «Известиях» с ее получением, и вы напрасно затруднялись, читая ноту.

В тот же день господин Аскер встретился с Локкартом и вынужден был признать, что слухи о тяжелой участи Локкарта ни на чем не основаны. А сам Локкарт инею в свой «дневник»: «Он убедится в том, что я не голодаю и не подвергаюсь никаким мучениям; сообщил мне, что в моих интересах делается все возможное, и простился».

Ничего другого он записать и не мог, ибо за день до этого в его блокноте уже были такие слова о Петерсе: «Он относился ко мне с чрезвычайной любезностью, справился несколько раз о том, как себя держит стража, доходят ли до меня регулярно Мурины письма и нет ли у меня каких-либо жалоб».

Когда же на следующий день после посещения Аскером ВЧК англичанин прочитал в газетах о том, что он, Локкарт, лично опроверг дикие слухи, распространяемые буржуазной печатью, и подтвердил шведскому генеральному консулу, что обращение с ним не оставляет желать лучшего, Локкарт был в бешенстве: большевики ловко все разыграли — обвели его вокруг пальца и что не могли сделать сами, за них сделал английский дипломат. «Я тупица, — терзал себя Локкарт, — дал все данные о том, что вовсе не нахожусь в опасности…»

Локкарт оставался в своем «кремлевском заточении», как это он любил записывать в свой «тюремный дневник». С формальной точки зрения, делю клонилось к суду над дипломатом. Казалось, ничто не может спасти главного заговорщика от открытого суда, от смертной казни. Но Петерс со своей проницательностью не разделял такие мнения, хотя никому и не говорил о своих сомнениях. Да и строго говоря, Петерс свое делю сделал — консул может в любой день быть предан суду; дать несколько конвойных, и Локкарт предстанет перед революционным правосудием. Была, однако, своя сложность — Локкарт был дипломатом, в Англии продолжат держать в тюрьме М.М. Литвинова. Как обернется судьба Максима Максимовича, если что-то случится с Локкартом?

…Этот разговор произошел в одну из последних встреч Петерса с консулом. Петерс пришел с пакетом, простым свертком. Локкарт слегка покосился на сверток, ибо Петерса видел обычно с пустыми руками, свободными, чтобы, как считай Локкарт, в

любой момент схватиться за наган.

— Зашел к вам узнать, господин Локкарт, — обратился к консулу Петерс, — нет ли у вас каких-либо просьб, жалоб. Мы готовы содействовать вам, что в наших силах.

— Спасибо. Вы очень внимательны. Действительно, если имеется возможность, хотелось бы изменить меню…

— Улучшить питание — дело наиболее трудное. Рабочие Москвы и Петрограда неделями не получают восьмую фунта революцией им назначенного хлеба. Мои люди питаются тоже не лучше. На Лубянке у нас вообще перевелись мыши.

Я могу вас понять, — вздохнул Локкарт, — и тех кто не получают хлеба. Однако сделайте для меня хотя бы минимум — не держите меня в невыносимых условиях. Жестоких… Я пребываю в комнатах, где до меня находился господин Белецкий и откуда ваши люди повели его на расстрел… Даже из газет вашего направления я узнаю, что таких несчастных, как Белецкий вы уничтожаете десятками и называете все это красным террором. Помните, на первом допросе я вам сказал, гражданин Петерс, что господа чекисты — мастера насилия, но далеко не мастера своего дела. Ваш красный террор не имеет ничего общего с человечностью, гуманизмом. Какое же общество вы хотите построить? Я с ужасом смотрю в будущее России…

— Не собирался дискутировать с вами о гуманизму — серьезно проговорил Петерс. — Здесь мы расходимся полностью. Террор большевики всегда осуждали, и не они изобрели гильотину, и у них нет ничего подобного Тауэру, к виселицам которого Англия «на законном основании» приводит всех неугодных, называя их преступниками. Я вам рассказывал, что был свидетелем казни лорда Кейсмента. У нас нет линчевания — этого изобретения «американской демократии». Большевики, когда они взяли власть, проявили удивительную мягкость, снисходительность даже к тем, кто им желал погибели, кто был уличен в преступлениях против власти Советов. Я тогда так же был настроен, как все, и не мыслил, что в новой России придется вводить смертную казнь, за которую так ухватился Керенский и которая была отменена Вторым Всероссийским съездом Советов. Мы, большевики, еще вчера смотрели на мир через розовые очки, полагая, что снисходительность и есть гуманизм, человечность. Нас проучили… Схваченный на месте преступления генерал Мельников дал нам письменное обязательство («честное слово»!) больше не выступать с оружием против Советской власти. Его освободили. Был освобожден под «генеральское слово» и другой генерал, Краснов. А где они теперь? Воюют против нас! Словно и не было их «честных обязательств». Расскажу вам об одном

«секрете» ВЧК. С ее созданием в течение нескольких месяцев мы в своей среде обсуждали вопрос о смертной казни и твердо отклонили ее как средство борьбы с врагами. Бандитизм же в Петрограде рос ужасно. Мы арестовали князя Эболи, этого «короля бандитов». В итоге решили, что применение смертной казни неизбежно, и расстрел Эболи был произведем по единогласному решению. А потом против Советской власти двинулись белые генералы, «союзники», они стали уничтожать рабочих и крестьян, начались взрывы и убийства. Нас свои же товарищи стали обвинять в «расхлябанности пролетарской диктатуры». Я располагаю достаточно точными данными о числе расстрелянных так называемых «честных людей» России. За первое полугодие восемнадцатого года мы поставили к стенке двадцать два контрреволюционера — все они были схвачены на месте преступления с оружием в руках. В июле события стали нарастать… В двадцати двух губерниях России за один месяц было совершено четыреста четырнадцать террористических актов против учреждений власти, их представителей. В августе, помнятся мне, около трехсот пятидесяти, а вот в сентябре, в еще не закончившемся месяце, мы их учли уже более пяти тысяч… Кульминацией была попытка убить нашего вождя товарища Ленина…

— Мы здесь ни при чем! — вставил Локкарт.

— Возможно, вы и ни при тем. Но ваши поощрительные действия политическому бандитизму, поддержка белых генералов, прямая интервенция в Россию создали обстановку для усиления террора, который наши трудящиеся люди назвали белым террором. Мы сняли розовые очки, поняли, что наша мягкость погубит нас и нашу революцию. Мы кончаем с «добренькими дядями» из монархистских кругов. Это царь Николай с вашими Ллойд Джорджем и Пуанкаре заварил бойню между народами, государствами. Война стоила нам миллионы жертв — убитых, оправленных, умерших от тифа и голода. И разве честь нации не требует, чтобы министры, повинные в кровавом союзе с царизмом, союзе, вызвавшем столько жертв, были привлечены к ответственности?! Красный террор вылился из глубокого возмущения не столько верхушки советских учреждений, сколько наших рабочих на фабриках и заводах, которые потрясены жестокостями врагов. Мне запомнилась одна телеграмма, в которой говорилось, что собрание стольких-то тысяч рабочих, обсудив вопрос о покушении на товарища Ленина, постановило расстрелять десять буржуев. Массовое возмущение подействовало на органы ВЧК, на ее местный аппарат, и красный террор начался без директив из центра, без указаний из Москвы.

Мы не расправляемся с кем попалю, расстреляли явных белогвардейцев, царских палачей, которые уже сидели в тюрьмах в ожидании народного суда… Я все больше думаю о том, что имению наши противники, класс капиталистов болезненно одержимы желанием любыми средствами сохранить тот порядок, который им так угодео и обеспечивает им «сладкую жизнь»…

— О вас не скажешь, что вы — мягкий человек, — воспользовавшись паузой, прервал Петерса Локкарт. — А ведь вы имеете семью, у вас есть маленькая дочь, и, думаю, вы мечтаете о дне, когда она будет с вами…

— Не время сантиментам. Но мечтаю. А пока ваша гуманная Англия заваливает прихожую дома моей семьи в Лондоне газетами, в которых меня описывают неким чудовищем (газеты доставляют бесплатно!). Моя дочь не может даже показаться на улице. Там веяние типы кричат ей: «Маленькая Мэй, убирайся в Россию к своему отцу-палачу!» Вот так, господин Локкарт!

Не случайно, совсем не случайно повел этот разговор с Локкартом Петерс. Он мог припомнить немало еще аргументов и доводов. «Правда», «Известия» почти в каждом своем номере помещали некрологи — тяжелые свидетельства кровавой работы вражеских сил в России. Но и то, что было приведено Петерсом, Локкарт не смог опровергнуть… И Петерс прямо сказал англичанину, что революция в России заставляет каждого задуматься: что делать, куда идти — с народом или покинуть народ? Локкарт, вероятно, понимает, что его карьера закончилась. Он в России провалился. И почему бы Локкарту не поразмыслить над тем, чтобы остаться в России, начать новую жизнь, счастливую. Предстоящий суд, безусловно, учел бы положительно такое желание. Работа для Локкарта найдется. Время капитализма все равно прошло.

Локкарт, сидевший полубоком к Петерсу, повернулся к нему всем корпусом, с некоторым удивлением стал почти рассматривать Петерса.

— …Вы не ослышались, господин Локкарт, я сказал то, что сказал: зову вас сжечь мосты к прошлому, у которого нет будущего. Перед вами есть добрые примеры.

Петерс назвал капитана французской армии Жака Садуля, который в сентябре 1917 года прибыл в Россию в составе французской миссии, а вот теперь объявил что поддерживает Советскую Россию. Назвал достойным гражданина поступок Ренэ Маршала…

Локкарт молчал, как молчат глухие, сосредоточившиеся в себе. Поднял голову, спросил:.

— В самом деле суд может сделать в таком случае для меня

снисхождение?

— За суд ничего не могу сказать, — Петерс развел руками, — но за свои слова отвечаю, они не нонсенс, над ними на вашем месте я подумал бы. Советская власть принимает к себе каждого, кто хочет жить по справедливой мерке и честно…

Петерс взял свой пакет в блекло-желтой бумаге, так и оставив англичанина в неведении относительно свертка. А все было просто. У Петерса был банный день: в пакете чистое белье, полотенце и мыло. Была бы только горячая вода! Петерс зашагал к Сандуновским баням. За ним следовал порученец-страж, отвечавший за жизнь Петерса. Порученец тоже с бельем, мылом и полотенцем в свертке…

Странным показалось Локкарту предложение Петерса — англичанин не мог себе даже представить, что он способен перейти на сторону красных. И все же Локкарт задумался. Запись Локкарта в его «тюремном дневнике»: «Я размышлял над предложением Джейка остаться в России с Мурой. Оно вовсе не было так бессмысленно…»

Но в конце концов Локкарт понял, что не имеет сил перейти Рубикон. Он потерял решительность, когда вдруг представилась возможность свободно распорядиться собою, свободно ответить на предложение Петерса, на доверие Муры. Превратное понимание свободы стало для Локкарта оковами его воли, оставляя ему простор лишь для жалких мечтаний.

Тем временем правительству РСФСР приходилось считаться с фактом задержания в Англии М.М. Литвинова, и оно раздумывало над тем, не разумнее ли будет путем высылки английского дипломата-заговорщика спасти Литвинова от дальнейших унижений и заключения в английской тюрьме.

Дело кончилось тем, что Локкарта выслали. Перед оставлением страны он написал властям специальное письмо с благодарностью относительно своего почти почетного содержания под арестом, указав в нем, что ему, представителю Англии в России, не на что жаловаться. Если в этом не было искренности, то справедливость, безусловно, себя обнаруживала.

Было справедливым и то, что суд по делу Локкарта и его сообщников подробно разобрался в обстоятельствах и сказал свое веское слово. Пять дней (с 28 ноября по Я декабря 1918 года) шло разбирательство, были вызваны многие свидетели, в том числе Э. Берзинь, Е. Петерс, которые твердо и определенно подтвердили преступные деяния дипломатов, попытки подкупа (Берзинь три раза относил Петерсу суммы, полученные от заговорщиков) В приговоре указывалось, что действия западных дипломатов были

связаны с «циничным нарушением элементарных требований международного права и использованием в преступных целях права экстерриториальности». Локкарт, Грейар, Рейди и Вертамон были объявлены врагами трудящихся, стоящими вне закона РСФСР и при первом обнаружении в пределах Советской России они подлежали бы расстрелу. Три дипломата-заговорщика еще до суда были высланы из страны.

Петерсу можно было бы торжествовать, но время никому тогда такой возможности не давало. Обычно в ту нору говорили: одно сделано, займемся другим…

Положение оставалось сложным. В январе 1919 года Петерс напечатал статью «К борьбе с бандитами»: *«…Бандитские налеты опять учащаются, и в связи с этим поднимается вопрос: неужели опять приближается март и апрель прошлого года, когда с наступлением темноты нельзя было почувствовать себя в безопасности на улице?»* Бандитизм, уголовный и политический, оставался настоящим бедствием. В Москве, например, действовало более 30 банд, хорошо вооруженных и организованных, которые буквально терроризировали город.

В.И. Ленин вынужден был дать особое указание ВЧК, обращенное прямо к Петерсу;

> «Зам. пред. ВЧК т. Петерсу.
>
> Ввиду того что налеты бандитов в Москве все более учащаются и каждый день бандиты отбивают по нескольку автомобилей, производят грабежи и убивают милиционеров, предписывается ВЧК принять срочные и беспощадные меры по борьбе с бандитами».

Тактика бандитов во многом отличалась от тактики контрреволюция. Законспирированные и нагло действующие большие шайки в Москве вмели свои центры, заставы на окраинах, умело приобретали оружие. Так, в одном случае наганы, револьверы и патроны бандам поставлял некий портной Гросс, добывая «имущество» у некоторых государственных служащих, на плохо охраняемых окладах. Банды нередко захватывали автомобили, используя их потом для внезапных налетов. ВЧК выяснила, что основу шаек составляют уголовники, социальные отбросы старого режима. К бандам часто примыкали анархисты и белогвардейцы. Были совершены наглые ограбления предприятий «Богатырь», «Главсахар», «Главкожа». Убивали кассиров, которые везли деньги для рабочих, стреляли в милиционеров, обстреливали самокатчиков ВЧК. Задержанные бандиты: Васька Черный имел девять судимостей, Конек — семь,

Лягушка — три, Абрам Лея — пять. В шайках процветал культ «дам-королев», которых бандиты одаривали награбленным.

За дело взялись Петерс, начальник уголовного отдела московской милиции Трепалов, комиссар милиция Розенталь. Петерс как заместитель председателя ВЧК выступил с обращением к населению Москвы, заявил, что «Чрезвычайная комиссия считает себя обязанной повести самую решительную и беспощадную борьбу с бандитами, вплоть до шитого уничтожения их». Петерс предложил населению активно участвовать в борьбе с бандитизмом, в наведении социалистического порядка.

Сложным оказалось ликвидировать банду, главарем которой был Козуля, жестоко расправлявшийся с помощью оружия даже со своими «конкурентами» из бандитского мира. Он был виновником гибели девяти милиционеров. В начале февраля 1919 года Козулю все-таки схватили, но ночью он сумел бежать из-под стражи из Московской ЧК. Петерс приказал Розенталю во что бы то ни стало бандита изловить. 14 работников уголовного розыска, милиционеров и боевых дружинников отправились по следам бандита. Тот скрывался в районе станции Апрелевки, под Москвой. Чекисты под видом людей, отправившихся покупать хлеб у крестьян, настигли Козулю в деревне Кудинооке и задержали его.

Были схвачены и расстреляны бандиты Степка-солдат (выдавал себя за красноармейца), Сенька Косой, Костяк, занимавшиеся вооруженными нападениями и ограблениями квартир. Была ликвидирована и банда Кошелькова — самая крупная, насчитывавшая более 100 головорезов, которой фактически подчинялся добрый десяток менее крупных банд, орудовавших в городе.

В Москве стало тише, спокойнее. А Петерс получает новое задание. В июне В.И. Ленин подписывает документ о назначении Петерса чрезвычайным комиссаром для принятия мер по очистке Петрограда и всей прифронтовой полосы от белогвардейцев и шпионов. Петерс становится начальником штаба внутренней обороны Петрограда.

…Над Балтикой и Петроградом переваливались низкие тучи, в их разрывах прорывалась солнце; обрушивались дожди, частые и холодные, словно, и не началось лето. Обманчиво тихо было в гарнизонах фортов Красная Горка, Серая Лошадь, Обручево. Свинцовой тяжестью налился горизонт на море, а за горизонтом стоял «союзный» флот. Петрограду угрожали Юденич, белофинны и белоэстонцы, широко разветвленный белогвардейский «Национальный центр». Его члены скрывались под видом простых

обывателей и ждали, когда раздадутся в фортах предательские выстрелы.

Ленин 3 июня 1919 года отправил телеграмму Сталину: «Петерс должен остаться в Питере по решению Цека…»

Петерс в кожаной куртке, на ногах солдатские обмотки (он никогда не надевал голенища-краги), в свой кабинет приходил лишь поздней ночью, остальное время проводил в городе, в фортах. Мятежи вспыхнут, предотвратить их не удастся, понял он. Но они будут подавлены во что бы то ни стало. Петерс, сотрудники ЧК, а главное 20 тысяч привлеченных к операции питерских рабочих в те дни изъяли 6625 винтовок, 664 револьвера, огромное количество пулеметов и гранат. Отдельную книгу можно составить из рассказов об этих удивительных по смелости и тонкости операциях, в результате которых «Национальный центр» был так подорван, что вскоре прекратил свое существование, а главные его участники были схвачены.

Осенью 1919 года ЦК партии перебрасывает Петерса в Киев, предоставив ему высокие полномочия. Петерс, был назначен особым уполномоченным ВЧК на Украине и военным комендантом Киевского укрепленного района. Здесь он увидел своими глазами один из номеров контрреволюционной газеты «Свободная молва», которая издавалась в Киеве при буржуазно-ннационалистической власти, с «потрясающим» заголовком: «Почему в Москве расстреляли Петерса?» Ответ следовал четкий и «документированный». Ссылаясь на попавшего на Запад свидетеля, только что покинувшего Россию, газета поведала, что Петерс — не кто другой, как бывший рижский охранник старого режима (!), и, разоблаченный, расстрелян. Прочитав заметку, Петерс рассмеялся: «Без авторитета белогвардейских свидетелей нельзя теперь обойтись ни одному клеветнику!» А в памяти всплыло другое, одно из угрожающих подметных писем, полученное им во время работы в Москве: «О том, что вы есть на земле вообще, мы узнали недавно. Эту ошибку — ваше существование — мы исправим».

Нет, не удавалось убить Петерса. Но под Киевом его ранили. Слег на несколько дней. Сестрой милосердия приходила к нему учительница, которая, когда контрреволюционные банды сожгли школу, стала работать в воинском штабе. Она приносила ему яблоки, соленые огурцы. Он отдавал девушке конфеты, которые стал получать к чаю. Когда в связи с наступлением Деникина Киев эвакуировали, он, Петерс, проводил учительницу ша уходивший на Север поезд.

После Киева партия направляет Петерса в Тулу. Он член

военного совета укрепленного района Тулы, который создают для защиты республики: с юга надвигался Деникин. Необходимо было напряжение всех сил и дружная работа ответственных людей, а этого как раз и не было. Обеспокоенный Ленин шлет письмо в Тулу: («Крайне жалею о трениях ваших и Зеликмана[12] с Петерсом… и думаю, что виноват тут Зеликман, ибо, если была заметна негладкость, надо было сразу уладить (и не трудно это было сделать), не доводя до конфликта. Малейшую *негладкоетъ* впредь надо улаживать, доводя до центра, *вовремя,* не допуская разрастаться конфликту». В этом письме — слова, полные доверия Петерсу: «работник крупный и преданнейший».

…Терпит поражение Деникин. Жесткий вал Красной Армии катится на юг, тесня, давя деникинских генералов. В этом вале где-то и Петерс.

В начале 1920 года из Ростова долетает до Москвы олух о том, что он убит деникинцами. Ленину не хочется в это верить, си пережил уже много потерь, но не мог тяжкие известия принимать обычно, сделать их привычными Ленин шлет шифровку в реввоенсовет Кавказского фронта, просит выяснить истину — что же произошло?

Нет. Петерс не был убит деникинцами. Он умирал от тифа Умирал от болезни, которая тогда косила тысячи и десятки тысяч.

…Вокруг людей ВЧК уже тогда складывались легенды одной из самых легендарных личностей, несомненно был Екаб Петерс. И личность романтическая к тому же Ленин восхищался тонко проведенной операцией по поимке Локкарта, когда смелые и расчетливые действия чекистов позволили обмануть хитрого и опасного противника заставить его действовать так, как это было выгодно ВЧК. А А.Р. Уильямс, не раз встречавшийся с Петерсом, окажет: «За ординарной внешностью Петерса скрывались огромные способности, яркое воображение, сила воли, непреклонность и изобретательность. В жестокой схватке с тайными силами контрреволюции он одолел самых опытных…»

В.И. Ленин был тем, кто своим умом распознал выдающиеся качества Петерса, поверил в него. В Петерсе была частица нового, создаваемого мира, как в том таинственном гене, в котором, как считает ныне наука, запрограммировано будущее развитие.

Петерс удивительно легко (легко ли?) мог находить нужных ему людей, способных сотворить чудо. Когда ему, «разоблачителю Локкарта», понадобился верный, с особыми качествами помощник (офицер царской армии, а ныне человек революции), он, посоветовавшись с Дзержинским, быстро нашел его, «неподкупного солдата революции, благодаря способностям и

высокому сознанию долга которого был раскрыт гнусный заговор империалистов.

Имя командира — тов. Берзинь», — так писали «Известия».

Петерсу понадобился человек и на еще более сложную роль. И он его тоже нашел — Шмидхена. Сложность роли Шмидхена состояла в том, что, когда разоблачались один за другим заговоры контрреволюции и западных агентов, Шмидхен все еще клеймился на страницах газет как «иностранный шпион», внося дезориентацию в умы западной разведки. По ряду соображений тайна Шмидхена не раскрывалась долгие годы. Эту тайну знали немногие, среди них были Дзержинский и Петерс. Немало пришлось пережить исполнителю тяжелейшей роли, роли-подвига, на всю жизнь верному чекисту, никогда не сомневавшемуся в том, что ему пришлось делать, Яну Яновичу Буйкису-Шмидхеиу. Только в 70-е годы мы смогли узнать всю историю человека из окружения Петерса, необычного и редкого по своей уникальности.[13]

Тайну же самого Екаба Петерса, его мощной и неординарной личности можно выразить формулой Гегеля: «Ничто великое в мире не совершалось без страсти». А Л.Н. Толстой писал: «Чтобы жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и вечно бороться и лишаться». Так жил Екаб Петерс,

…На смену одним слухам — Петерс умирает от тифа — пришли другие: Петерс встал на ноги. Долго был еще слаб: обострилось ранение, полученное под Киевом. Но он уже был нужен партий. ВЧК получила тревожные сообщения с Востока. По предложению Дзержинского в неблизкий путь направляется кавалерийский полк ВЧК во главе с членом коллегии комиссии Петерсом. К далекому фронту двинулась вереница теплушек, увешанных снаружи красными полотнищами-лозунгами о социалистической революции и единении пролетариев веек стран. Под Верный (ныне Алма-Ата), захваченный контрреволюцией, полк прибыл вовремя. Выгрузился и бросился в жаркий бой. Верный был отбит, возвращен Советской власти.

В августе 1920 года Петерс принял ташкентского корреспондента ТуркРОСТА: «Моя задача как полномочного представителя Всероссийской чрезвычайной комиссии на территории Туркреспублики заключается в том, чтобы объединить борьбу с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности, и дать ей правильное направление».

В Ташкенте Петерс попал словно в другой мир — город, где стояли дома из глины, замешенной на соломе и моче верблюдов;

сновали женщины с закрытыми лицами; грязные дети, сплошь страдавшие от глистов, копошились в пыли узких улиц, у арыков с неспешно текущей водой.

Ташкент вроде бы пребывал в спокойствии. Но вокруг него в немеренных пространствах земли под белым солнцем на каждом шагу можно было столкнуться с парадоксами, противоречиями. В кишлаках сидели баи, которые, как и при эмире, держали батраков, собирали налоги с бедняков за аренду земли и за воду, которая здесь ценилась необычайно. Те, что ненавидели Советы, делали все, чтобы Советам не было житья: распускали всякие слухи, будоражили население наветами на официальную власть. Нищие дехкане, вместо подписи умевшие приложить только отпечаток пальца, слушали брюзжащих баев и их недоброжелательные тривиальности, почерпнутые из Корана. По кишлакам шныряли подозрительные люди, внушали, что басмачи — истинные защитники веры…В далекой Азии шла война. Война ожесточенная, со скоротечными боями…

В этом сложном мире человеческого бытия, в мире с такими особенностями, которые ранее Петерс даже не мог и предполагать, приходилось ориентироваться по-новому. Не все это понимали.

…Первое столкновение произошло на заседании Совета, которое закончилось поздно ночью. Накаляли обстановку оппозиционные элементы, выступавшие с самыми «революционными» речами, обвиняя других в «нереволюционности». Петерсу досталось от этих «революционеров» (он называл их «левыми», они его — консерватором). Страсти разгорелись вокруг истории с базарами. В Ташкенте были закрыты все базары. Кое-кто полагал, что этим проводится «революционная линия». Однако забыли, что мусульмане не живут без базаров, где чайхана и многолюдье — средоточие правды, сомнений, слухов; на базар стекается все, чем живет община. Петерсу же была известна мудрость Востока: «Хочешь узнать душу города — иди на базар». И он спрашивал: «Почему бы не соединить эту старую мудрость, помогающую людям жить, с мудростью большевистской правды?» Своей властью он отменил нелепое решение. «Едва ли людей можно назвать контрреволюционерами просто за то, что они так живут».

Партийные и советские работники, чекисты, присланные на работу в Ташкент, жили в доме более или менее сносном по виду. Дом раньше принадлежал какому-то купцу, бежавшему к басмачам. У входа стоял часовой — время было неспокойное. Жили коммуной. В просторной прихожей была свалена большая

куча яблок, душистый запах их разносился по всему дому. Яблоками пользовались все, как положено в коммуне.

…В то утро Питере в общей комнате, рядом с кухней, стирал свои чулки и портянки. Дверь открылась, заглянула женщина в какой-то невообразимой шашке, в татарских сапогах. Он ее не сразу узнал. Это была Луиза Брайант.

Петерс живо вытер мокрые руки, они поздоровались. Если бы Луиза увидела первую леди Белого дома за штопкой своих кружевных платьев, менее удивилась бы. А здесь советский шеф за стиркой! Петерс ответил просто:

— Это у меня старая привычка, от фронта и времен работы в Москве. Рубашки мне стирает жена; чулки, портянки — я сам. Мужчина к женщине должен относиться с достоинством, — и добавил еще что-то о любви.

Глядя на американскую журналистку, появившуюся так неожиданно, Петерс удивляйся не менее чем Луиза. Как она могла оказаться здесь, в такой дали — почти край света?! Петерс знал обстановку и не мог поверить, чтобы Наркоминдел разрешил поездку в Среднюю Азию, далеко не безопасную, иностранному корреспонденту, да еще женщине. Но, хотя он давно уже знал Луизу Брайант, однако, вероятно, не все ее возможности были ему известны. Действительно, после того, как Наркоминдел наотрез отказался дать разрешение Брайант на эту поездку, Луиза попросилась на прием к Ленину. Вопрос был решен.

…Когда Петерс сказал о жене (которая ему стирает лишь рубашки), американка в душе несказанно обрадовалась — какие сюжеты преподносит ей Россия: Мэй и Джейк снова вместе! Вместе со своей дочерью, встречи с которой он всегда так жаждал!

Петерс сказал Луизе:

— Приглашаю вас вечером. Угощу зеленым чаем, кок-чай — лучшее средство против жажды. Здесь говорят: чай не пьешь, где будет сила?

Американка рассмеялась, достала блокнот, что-то записала.

— …Кстати, думаю, что и жена уже пришла… — продолжил Петерс.

— Мэй? — осторожно спросила Луиза. Он как-то нехотя ответил:

— Мэй прислала бумагу королевского суда — развод. Напиоала — не желает сидеть в России на мерзлой картошке. Этим и кончились наши отношения со старшей Мэй! Подозреваю, что Локкарт, когда вернулся в Лондон, приложил здесь немало усилий…

Он подумал еще о чем-то и добавил:

— Маленькая Мэй пока в Англии. Жду ее приезда к лету, вероятно, после школы. Какая она там, эта малейшая Мэй?!

Жена Петерса Антонина (Петерс обращался к ней: Антонина Захаровна) — хорошенькая рыженькая русская женщина, та учительница, котирую он встретил в Киеве. Они тогда расстались, ничего не слышали друг о друге более года. Но они нашли друг друга, хотя жили в мире, в котором многие дороги перепутались, потерялись… Антонина занималась в Ташкенте с неграмотными взрослыми, радела о скромном быте своей семьи, о процветании коммуны. Пройдет время, и Брайант скажет Петерсу, что теперь у него семья идеальная, о таких в России говорят: классовая любовь! Петерс возразит:

— Зачем же классовая? Любовь не нуждается ни в каких прилагательных, если она любовь…

А пока, приглашенная в гости на кок-чай, Луиза прежде всего оглядела жилище Петерсов. Спросила:

— Неужели вам действительно нужно жить в такой маленькой комнате?

— Условия жизни в Ташкенте далеко не легкие, часто ужасные, — согласился Петерс. — Так почему же я могу ожидать нечто большее? Есть некоторые советские чиновники, пытающиеся делать из себя неких привилегированных лиц, но их никто не уважает, и они не держатся долго. Я полагаю, что если вы требуете от других мириться с лишениями, то вы сами должны подавать в этом пример.

Люди жили в России без претензий. Это Луиза понимала. Она не могла понять другого — были ли эти люди счастливыми? Если что-то делаешь, то ведь для — счастья…

— Вы, Джейк, вероятно, испытываете большое удовлетворение от того, что своей борьбой, работой делаете людей счастливыми?

Он решительно покачал головой:

— Самое главное, я хотел бы принести людям свободу. Их счастье — это не в моих силах, его нельзя никому дать. Наша революция дает свободу, а все остальное каждый должен делать сам!

…Внезапно появилась американская корреспондентка в Ташкенте, так же внезапно, поспешно стала собираться в обратную дорогу — в Москву, а потом и домой, в Америку. На прощание сказала Джейку:

— Жаль, что сэр Роджер Кейсмент так и не смог узнать, что среди множества людей, которые пришли оплакивать его смерть, был человек, потом каким-то образом преобразовавшийся в одну из тех личностей, что торопят, ускоряют теперь русскую историю.

О виденном и слышанном американская корреспондентка много думала на обратном пути. Мимо вагона медленно проплывали станции, поврежденные дома, строения. Поезд часто останавливался, даже в степи, где не было ни домов, ни людей… Поезда ходили плохо, тысячи паровозов стояли неисправными, обледенелыми, без топлива. В набитых вагонах курили самокрутки и без конца шли разговоры. О России и о доме, о войне и о мирной жизни, которая вот-вот наступит. Страна жила на колесах. Писала же в те дни Лариса Рейснер: «Железнодорожный вагон — это Россия в миниатюре. Постойте одну ночь в коридоре… послушайте все эти случайные разговоры, густо завернутые в пелену табачного дыма, вглядитесь в белые бессонные маски, свешивающиеся с верхней полки, тяжело покачивающиеся над грудой чемоданов и узлов, — и перед вами раскроется страница за страницей вся жизнь, все наше общество, сверху донизу, до самых обыденных и зловещих расщелин».

«…Удивительная страна!» — думала Брайант и мысленно возвращалась к Джейку в Ташкент…Он пригласил ее на какое-то большое собрание, «достал револьвер из своего стола и остановился на мгновение, рассматривая его». Потом повернулся к Луизе и, как бы раздумывая, произнес: «Использовали ли вы когда-нибудь такую штуку?» Она сказала: «Конечно, я знаю, как им пользоваться, но мне не приходилось, не нужно было стрелять!» И, как сожаление, в ответ услышала: «Как бы я хотел, чтобы мне никогда не приходилось стрелять!»

Объясняя себе эпизод с револьвером, Брайант записала в свой испещренный блокнот такую мысль: «В конце кондов, какая еще история может быть сконцентрирована в одном-единственном предложении! Они хотели бы чтобы им никогда не приходилось стрелять? Пусть так, это недурно!»

Потом эту мысль, не меняя, она использует в своей книге о России — «Зеркала Москвы». Книга стала памятником близости людей Америки и России,

…А Туркестан, Ташкент еще долго будут жить в напряжении нечеловеческих сил. Сотнями верст протянутся тропы Петерса по Ферганской долине. С верными товарищами он будет идти по пескам и бездорожью, ночами над ним будет висеть тяжелая тишина тревоги, днем — раскаленное небо, фантастическое марево пустыни. Будут нанесены сокрушительные удары по контрреволюционерам в Семиречье, разгромлены банды Бакича и атамана Дутова, разорваны контрреволюционные сплетения в Чарджоу. Петерс — в Москву: «Мы раскрыли контрреволюционный заговор в Амударьинской флотилии… Мы

сделали все, чтобы предотвратить восстание. Из Ташкента посланы туда лучшие работники чрезвычайной комиссии». Будут схватки с басмачами, ведомыми безжалостными курбаши (командир) или английскими офицерами, которых выдавали длинные белые пальцы и бледные лица, в какие бы одежды ни облачались эти вышколенные офицеры его величества. Басмачи отчаянно вступали в сабельную рубку, берегли только головы, считая, что Аллах не принимает жертву без головы…Местный житель, освобожденный от произвола басмачей, широко улыбался и простодушно, искренне говорил: урус кызыл (красный русский) — его друг и защитник, это не тот урус, царский аскер, возводивший так много обид… И будет сообщать Петерс в Центральный Комитет партии: «Если кто-нибудь скажет, что жители Ферганы хотя бы в какой-то степени симпатизируют басмачам, знайте — это глупейшая ложь».

Возвращался Петерс из далеких поездок весь пропыленный и просмоленный солнцем и ветрами Азии, а в Ташкенте его ожидали неприятности. Ушла в Москву жалоба на «линию Петерса». В дело вмешались Политбюро, Ленин. Владимир Ильич пишет:

«Для всей нашей Weltpolitik[14] дьявольски важно завоевать доверие туземцев; трижды и четырежды завоевать; *доказать,* что мы *не* империалисты, что мы *уклона* в эту сторону *не* потерпим.

Это мировой вопрос, без преувеличения мировой.

Тут надо быть архистрогим.

Это скажется на Индии, на Востоке, тут шутить нельзя, тут надо быть 1000 раз осторожным».

Кончилось все тем, что Туркбюро, а в нем не всегда считались с местными условиями, подверглось реформированию. Петерс отстоял свои позиции. Он испытывал нечто вроде счастья от сознания того, что идет по правильному пути, остается верным партии.

Из Средней Азии Петерс вернулся в Москву. ВЧК к тому времени прекратила существовать. Перед Петерсом встал второе: что же дальше? Петерс пишет письмо Ленину — говорит в нем о непорядках на железной дороге, в торговле, в кооперации, в советских учреждениях, о взяточничестве. Справится ли с этим новая организация — Государственное политическое управление? Петерс просит назначить встречу. Ленин ему ответил:

> «Тов. Петерс!
>
> От свидания должен, к сожалению, по болезни отказаться». Ленин считал, что требуется новый взгляд

на вещи. «Со взяткой и пр. и т. п. Государственное политическое управление может и должно бороться и карать расстрелом по суду. ГПУ должно войти в соглашение с Наркомюстом и через Политбюро провести соответствующую директиву и Наркомюсту и всем органам.

С ком. приветом *Ленин».*

…Впереди у Петерса были еще многие годы…

На десятилетие создания ВЧК Петерс получил и прикрепил к костюму орден Красного Знамени. Интересующимся говорил: «За активную борьбу с контрреволюцией». Поговаривали, что награда запоздала, но ведь так бывает часто: истинная награда приходит позже…

А еще ранее этих событий в какой-то чудесный день приехала к отцу в Москву малышка Мэй. Представилась всем, как это в обычаях Англии: «Мисс Мэй», — но ее сразу же стали называть «Маечка». Она запрыгала и захлопала в ладоши: гак понравилось ей новое имя. Мэй впервые увидела и своего явленного на свет брата, братика (Антонина родила Петерсу сына Игоря). Игорек по малолетству своему только лепетал, приводя в восторг сестричку.

Мэй была еще совсем ребенком, но многое уже воспринимала серьезно, по-взрослому. Она рассказала отцу, как однажды в Лондоне к ним приходил господин, который произвел большое впечатление на маму, то есть старшую Мэй. Потрепав щечки маленькой Мэй, игравшей перед домом, он не то спросил, не то констатиротировал: «А мне говорили, что ты не гуляешь, потому что нехорошие дяди стоят напротив вашего дома и выкрикивают разные скабрезности». — «Нет, я хорошо гуляю. А те дяди с плакатами давно ушли. Больше не приходят. Я гуляю», — с детской непосредственностью просветила тогда маленькая Мэй неожиданного гостя.

Петерс легко догадался, кто приходил в Лондоне в дом, где он когда-то был мужем и отцом. То был экс-консул Локкарт. И можно было лишь гадать, что преобладало тогда в разговоре Лоннарта со старшей Мэй: участливость, стремление постичь правду, истину?…Стерлось все, размылось во времени!

Как и раньше, Петерс работал нелегко, любил трудное, все, что не ораву давалось. Жил и работал, не давая себе спуску: вставал рано, ложился поздно, действовал смело.

Та давняя серебристо-белая полоска, которая выделялась в мягких волосах, как бы разошлась, мелко рассыпалась в поседевшей копне. Он становился старше, но не старился, продолжал удивлять окружающих — никогда не утомлялся!

Полюбив охоту, мог десятки километров прошагать с ружьем по чащобам Подмосковья, поспевая за шустрой и проворной легавой. Лесной воздух струился, Петерс пил его жадно и ненасытно…

Люди с удивительной силой, никогда не впадающие в слабость, не думают о последнем дне своем. Такие мысли лишь для духовно дряхлых. Умирать? К чему это? Незачем!.. И несправедливо, когда человек кончает свой путь до срока, предназначенного ему природой. Не весь век вышел у Петерса, и обидно — никто в тот момент не защитил его, хотя закон преступили. Петерса не стало 25 апреля 1938 года.

Но в перипетиях того непростого времени имя Петерса не было забыто, его помнили, даже если имя его не называлось, помнили упрямо, верили: придет время, и сила справедливости встанет на защиту человека, носившего партийный билет за номером 0000107.

…Игорь, сын Петерса, повзрослев, отдался архитектуре. Дочь Петерса, Мэй, так любившая Лондон, где она родилась, будет тянуться в Россию, найдет себе на какое-то время занятие в Москве. Ближе к отцу, которого она так мало знала. Для нее отец навсегда остался загадкой, как и страна, которой он служил так страстно и самозабвенно!..

Страна внутренней немереной силы! Кто однажды повернулся к ней с надеждами и чаяниями, тот уже никогда не сможет остаться самим собой без нее. Колдовские чары? Внутренняя магическая сила? Кто может все это объяснить и надо ли объяснять? Любовь и ненависть в своей высшей точке не требуют никаких объяснений.

Даже чуждые души, боровшиеся с Россией, не могли избавиться от российского феномена. Историки скажут: «В 1942 году Черчилль, учитывая большой политический опыт разведчика-дипломата Локкарта, назначил его на ответственный пост генерального директора департамента по ведению политической войны. Локкарт координировал всю английскую пропаганду в годы второй мировой войны». Что это, простой парадокс? А может быть, у Локкарта пробудилось запоздалое (нет, не раскаяние) сознание, что когда-то он мог избрать путь вместе с Россией, путь, о котором ему говорил Петерс? Одно было ясно — Англия во второй мировой войне действительно не могла обойтись без России, чтобы выжить, существовать. И, думаем, Локкарт все это понимал.

…Жизнь в наши дни меняется быстро. Время увлекает в прошлое даже то, что нам так дорого и хотелось бы, чтобы оно всегда оставалось с нами. Мало, как мало мы знаем о Екабе Петерсе, о человеке, который выкроил из сложностей нашего века

свою жизнь. Где-то было написано: «…Буйные ветры сшибались над благосклонной его жизнью, а он, несмотря на опасность, продолжал жить, бестрепетно и стойко». Увы, этим словам — полторы тысячи лет,[15] а кажется, сказаны они о Петерсе.

Ниточка жизни не прерывается…

М. КОЗИЧЕВ
Михаил Сергеевич КЕДРОВ

Хмурым осенним днем 1918 года по немноголюдным московским улицам торопливо шел от Охотного ряда в сторону Лубянки стройный, подтянутый военный. Его энергичная походка и сквозившая во всем облике суровость привлекали внимание редких прохожих. Военный направился в здание ВЧК. Назвал себя дежурному. Это был Михаил Сергеевич Кедров.

В течение тех нескольких минут, пока секретарь Ф.Э. Дзержинского докладывал Феликсу Эдмундовичу о прибытии посетителя, Кедрову припомнилось немало его встреч с Дзержинским. Они знали друг друга еще со времени эмиграции. После победы Октября не раз встречались на различных заседаниях, участвуя в обсуждении неотложных партийных и государственных вопросов. Совсем недавно М.С. Кедров советовался с Ф.Э. Дзержинским, разрабатывая меры борьбы с подрывными действиями контреволюционного офицерства и меньшевистко-эсеровских элементов на Севере республики во время отражения англо-американского вооруженного вторжения. Теперь же, в связи с состоявшимся решением ЦК РКП (б)о переводе ряда работников военного ведомства на чекистскую работу, предстоящая встреча приобретала иной характер.

Дзержинский без промедления принял Кедрова. Как врач Михаил Сергеевич обратил внимание на крайне утомленный вид председателя ВЧК, но высказать свое суждение воздержался.

С первых слов начавшегося разговора выяснилось, что Феликс Эдмундович рад состоявшемуся в Центральном Комитете решению об укреплении ВЧК опытными военными кадрами. После взаимных приветствий председатель ВЧК перешел к делу.

— ЦК РКП (б), лично Владимир Ильич направили вас к нам, — несколько приглушенно говорил Дзержинский, — для укрепления наиболее ответственного в данный период участка, каким является работа чекистских органов по ограждению от контрреволюционных элементов Красной Армии. Вы, Михаил Сергеевич, причастны к работе в военной среде со времени Военной организации большевиков в предреволюционный период, знаете солдатскую массу по работе с ней на Кавказском фронте во время империалистической войны. В партии хорошо известно о вашем участии в разрешении сложнейшей социально-политической проблемы демобилизации старой армии. Для нас очень ценен ваш личный опыт в формировании частей Красной

Армии и укреплении их боеспособности на Северном фронте.

Выдержав небольшую паузу и внимательно посмотрев на Кедрова, Феликс Эдмундович продолжал:

— В ВЧК создается новое подразделение — Военный отдел, призванный взять на себя руководство деятельностью фронтовых и армейских ЧК, возглавить эту линию работы в масштабе страны, наладить ее координацию с Реввоенсоветом Республики и реввоенсоветами фронтов и армий. Помня установку Владимира Ильича на создание трехмиллионной Красной Армии, коллегия ВЧК считает, что Военному отделу предстоит решать сложные задачи и ее руководитель должен быть нетолько преданным, проверенным партийцем, но и опытным военным. Как вы посмотрите, Михаил Сергеевич, если мы предложим вам возглавить Военный отдел ВЧК? Ваш опыт профессионального революционера, участника трех революций, опыт военной работы, особенно в последние месяцы, имел бы большую ценность для ВЧК.

— Феликс Эдмундович, — задумавшись на короткое время, ответил Кедров, — Центральный Комитет направил меня в распоряжение ВЧК. Этим все сказано. Хотя должен признаться, что ваше предложение является для меня неожиданным и сложным. Но раздумывать некогда, я согласен. Буду просить помощи на первое время у коллектива чекистов.

Так началась работа Михаила Сергеевича Кедрова в чекистских органах.

Военный отдел ВЧК, руководство которым было ему поручено, фактически еще не существовал. В условиях обостренной критики деятельности ВЧК и местных ЧК, развернувшейся в тот период на страницах печати, среди некоторой части партийных, советских работников и командно-политического состава в центральных учреждениях Красной Армии, разобраться в чекистской работе по военной линии было непросто. Кедров понимал, что публиковавшиеся в печати левацкие заявления некоторых ответственных работников о необходимости упразднения ВЧК не только глубоко ошибочны, но и крайне опасны, так как играют на руку классовому врагу.

Вспомнилось выступление В.И. Ленина на митинге-концерте сотрудников ВЧК 7 ноября 1918 года, со стенограммой которого Кедрова ознакомили в Центральном Комитете партии. В нем была дана высокая оценка тяжелой, самоотверженной борьбе чекистов с врагами революции. Владимир Ильич говорил и об отдельных ошибках, которые допустила ВЧК, объяснявшихся отсутствием у пролетариата необходимого опыта управления страной. Он решительно отметал нападки на ВЧК, как обывательские, ничего

не стоящие толки. Запомнились заключительные слова этой замечательной речи: «Для нас важно, что ЧК осуществляют непосредственно диктатуру пролетариата, и в этом отношении их роль неоценима. Иного пути к освобождению масс, кроме подавления путем насилия эксплуататоров, — нет. Этим и занимаются ЧК, в этом их заслуга перед пролетариатом».

Опытный политический боец, большевик-ленинец М.С. Кедров воспринял эти слова как выражение политики партии в борьбе с контрреволюцией и как партийную установку для себя в его новом положении. Ему знакомы были трудности, которые приходилось преодолевать чекистам. Из собственного опыта решения многих военно-организационных вопросов во время пребывания на посту командующего Северным фронтом Кедров знал особенности и своеобразие борьбы с контрреволюцией в армейских условиях. На ход этой борьбы влияли многие факторы: трудности революционного процесса создания армии нового типа, ее комплектования, вооружения и обеспечения, недостаточная опытность комиссаров и политорганов, незначительность прослойки коммунистов в воинских частях, штабах и военных учреждениях, большой удельный вес командных кадров из числа бывших офицеров старой армии, среди которых было немало враждебно относившихся к Советской власти, выжидавших удобного момента для перехода на сторону белогвардейцев и интервентов. У Михаила Сергеевича еще свежи были в памяти переживания, связанные с принятием им, будучи командующим Северным фронтом, решения о расстреле бывшего командира 1-го Советского полка Иванова, перешедшего на сторону интервентов.

Кедров был достаточно информирован, особенно после разоблачения и ликвидации органами ВЧК так называемого заговора Локкарта, о том, что разведки капиталистических стран, прежде всего Англии, Франции и США, опираясь на внутреннюю контрреволюцию, развертывали против Республики Советов интенсивную шпионско-подрывную работу, одним из главных объектов которой была молодая Красная Армия.

Общаясь с членами коллегии ВЧК, руководителями ее подразделений, оперативным составом (комиссарами) Чрезвычайной комиссии, Кедров с первых дней своей работы в ВЧК внимательно знакомился с правомочиями чекистских органов, организацией и опытом их боевой работы, практикой руководства фронтовыми и армейскими чрезвычайными комиссиями, решением текущих оперативных вопросов. При этом главное внимание он уделял изучению организации борьбы с военным шпионажем и контрреволюционными элементами,

проникшими в Красную Армию. Для того чтобы определить место и роль Военного отдела ВЧК в этой борьбе, необходимо было, как учил В.И. Ленин, «поставить вопрос в большом' масштабе».

Так сложилось к тому времени, что борьбой со шпионажем против Красной Армии занималось военное ведомство. Военные специалисты из Всероссславштаба и его регистрационного управления вопросы борьбы с иностранным военным шпионажем пытались решать по аналогии со старой армией. Именно поэтому в мае 1918 года в Красной Армии была создана специальная служба, получившая название Военного контроля. В короткий срок в системе этой службы были развернуты довольно многочисленные подразделения, как в центральном аппарате военного ведомства, так и во фронтовом, армейском звене. Эти подразделения возглавляли, как правило, коммунисты, но привлекались в качестве специалистов и сотрудники старой контрразведки.

Органы Военконтроля в ряде случаев успешно боролись с военным шпионажем. Вместе с тем проникшие в них под видом специалистов бывшие царские офицеры превращали отдельные подразделения Военконтроля в очаги контрреволюции. Так, раскрытая осенью 1918 года тайная белогвардейская организация в Вологодском отделе Военконтроля занималась шпионажем в пользу англичан, вербовкой и переброской в Архангельск бывших офицеров для пополнения белогвардейских отрядов.

Михаила Сергеевича настораживало то обстоятельство, что некоторые сотрудники Военного контроля рассматривали борьбу с иностранным шпионажем против Красной Армии как чисто военно-техническую задачу, не придавали должного значения его классовой природе, не усматривали в нем враждебного политического содержания, часто не связывали организуемый контрреволюцией и иностранными военными интервентами военный шпионаж с их действиями по свержению Советской власти. Кедров понимал, что это происходит от того, что кадровый состав ряда отделов Военконтроля не имел необходимой прослойки коммунистов. Среди военных специалистов в Военконтроле были даже сторонники «беспартийной», стоящей «вне политики» военной контрразведки.

Центральный Комитет РКП (б), В.И. Ленин, коллегия ВЧК, Реввоенсовет Республики и реввоенсоветы фронтов видели слабости Военконтроля и настоятельную необходимость обеспечить более надежное ограждение красных частей от вражеского шпионажа и усилившихся тайных подрывных действий против них белогвардейской контрреволюции и антисоветских партий меньшевиков и эсеров. По предложению

В.И. Ленина вся система подразделений Военного контроля была подвергнута строгой ревизии.

Была еще одна проблема, которая волновала М.С. Кедрова, — подотчетность подразделений Военконтроля. Они существовали при соответствующих штабах и подчинялись командованию и начальнику штаба. Из-за специфики деятельности Военконтроля военные комиссары соответствующих штабов не имели достаточной возможности осуществлять действенный политический контроль за этими подразделениями, В силу этого создавалась опасность использования столь острого средства в ущерб интересам революции. Ряд вскрытых злоупотреблений в системе Военконтроля подтверждал обоснованность таких опасений.

Между тем своевременное пресечение шпионажа и решительная борьба с тайными происками контрреволюции в частях и учреждениях Красной Армии становились все более жизненно важными вопросами военного строительства. В некоторых частях и штабах, как это было, например, в штабах командовавших объединениями Красной Армии предателей Сорокина и Муравьева, накапливались группы контрреволюционных офицеров, которые путем организации предательства должны были отвлечь силы с фронта и распылить их.

Михаил Сергеевич хорошо понимал политическую остроту ситуации. Ведь предательство состоявших на службе в Красной Армии некоторых бывших офицеров, шпионаж и вредительство неблагонадежных элементов, разложение и переход на сторону белогвардейцев отдельных воинских подразделений и даже частей наносили 'огромный вред боеспособности советских войск, подрывали моральный дух красноармейских масс, усиливали трудности строительства вооруженных сил молодого пролетарского государства, вооруженной защиты завоеваний революции.

Разобравшись в обстановке, Кедров убедился, что все то, что не мог сделать и не делал Военконтроль по защите Красной Армии от тайных происков контрреволюции, вынуждены были брать на себя органы ЧК. Вот почему на наиболее опасных участках фронтов, где заговоры и мятежи контрреволюционных элементов наносили особенно ощутимый ущерб, Центральный Комитет РКП (б) и Советское правительство разрешили создание фронтовых, а позже и армейских ЧК. Так была образована, например, чрезвычайная комиссия на Восточном фронте. В постановлении Совета Народных Комиссаров, специально принятом по этому вопросу 16 июля 1918 года, говорилось:

«Для успешной борьбы с возрастающей контрреволюцией на Восточном внутреннем фронте в связи с чехословацким выступлением Совет Народных Комиссаров поручает товарищу Лацису организовать при Совете Народных Комиссаров Чрезвычайную комиссию по борьбе с контрреволюцией на Чехословацком фронте.

Все комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Советах прифронтовой полосы непосредственно подчиняются ей».

Этот чекистский орган провел в короткий срок большую и полезную работу, способствовавшую стабилизации фронта, повышению боеспособности войск. Благодаря активным действиям чрезвычайной комиссии Восточного фронта были нанесены ощутимые удары по белогвардейской и меньшевистско-эсеровской контрреволюции, разгромлен и обезглавлен ряд ее подпольных организаций, устранены последствия предательства Муравьева.

Осенью 1918 года фронтовые и армейские чрезвычайные комиссии стали создаваться и на других фронтах. На эти комиссии возлагалась борьба с контрреволюцией в войсках и прифронтовой полосе, борьба со шпионажем, преступлениями по должности и ведение разведки в тылу противника. Армейские чекисты ограждали Красную Армию от контрреволюционных заговорщиков, предателей и изменников, белогвардейских шпионов, антисоветских агитаторов, спекулянтов, расхитителей военного имущества, саботажников, мародеров, дезертиров, злостных нарушителей воинской дисциплины и других преступников, которые приводили или могли привести к ослаблению боеспособности красноармейских частей. При этом фронтовые и армейские чрезвычайные комиссии пользовались всеми правами, которые были предоставлены чекистским органам Положением о ВЧК.

Состоявшаяся в конце ноября 1918 года 2-я Всероссийская конференция чрезвычайных комиссий уделила особое внимание защите Красной Армии от контрреволюционных элементов и шпионажа. Конференция приняла резолюцию о создании чрезвычайных комиссий во всех объединениях Красной Армии. Этим подчеркивалось возраставшее значение чекистской работы в армейских условиях и необходимость ее дальнейшего развертывания.

Возглавить этот сложный и специфический участок государственной деятельности Центральный Комитет партии,

В.И. Ленин поручили М.С. Кедрову не случайно. Для выполнения столь ответственного поручения Михаил Сергеевич был подготовлен всей своей предшествовавшей революционной деятельностью, отдав борьбе за идеалы коммунизма в рядах большевистской партии свыше 18 из 40 прожитых к тому времени лет. Он был непосредственным участником трех революций, прошел суровую школу профессионального революционера-большевика, имел многогранный опыт партийной, советской и военной работы, обладал глубокими знаниями марксистской теории, широкой эрудицией, владел несколькими европейскими языками. Кедров был известен в партии своей энергией, большими организаторскими способностями, скромностью, бесстрашием и исключительной честностью.

Выходец из богатой семьи московского нотариуса, потомственного дворянина, реакционера по своим взглядам, М.С. Кедров с юношеских лет встал на путь борьбы с буржуазно-помещичьим строем. В автобиографии он писал: «Семье и школе в известной мере обязан моей ненавистью к буржуазии».

В 1899 году за участие в студенческих волнениях Кедров был изгнан из Московского университета. В 1900–1901 годах он один из организаторов и активных членов подпольного социал-демократического студенческого комитета, проведшего в марте 1901 года забастовку в Демидовском юридическом лицее в Ярославле. С 1901 года член Российской социал-демократической рабочей партии. До 1905 года Кедров работал в Ярославской (избирался членом ярославской группы Северного. комитета РСДРП), Нижегородской, Одесской и Симферопольской организациях РСДРП. Выполнял партийные поручения как пропагандист и ответственный за печатание большевистских листовок, подбор конспиративных квартир. В этот период неоднократно подвергался репрессиям, трижды сидел в тюрьмах, состоял под особым надзором полиции, находился в административной ссылке в Вологодской губернии. Один из арестов (февраль 1902 года) и месячное заключение в ярославской губернской тюрьме завершились освобождением после пятидневной голодовки.

В конце 1904-го — начале 1905 года Кедров содержал конспиративную квартиру — дачу под Москвой. На этой квартире хранились оружие, взрывчатые вещества, проводились явки и обучение стрельбе и бомбометанию участников боевых рабочих дружин. Используя имевшийся у него разрешительный билет на покупку револьвера и личные средства, полученные в наследство от родителей, Михаил Сергеевич участвует по заданию партии в приобретении оружия для пролетарских дружин. Несколько

десятков пистолетов и винчестеров было переправлено им в распоряжение боевой дружины большевистской организации в Костроме.

Кедров активно участвовал в революции 1905 года. В августе 1905 года по постановлению ЦК партии он организовал подкоп в баню Таганской тюрьмы в Москве для освобождения Н.Э. Баумана и других членов Северного бюро Центрального Комитета партии, арестованных царской охранкой. В октябре 1905 года входил в состав Костромского комитета РСДРП, был организатором его боевых дружин и руководил их дерзкими действиями в схватках с казаками и полицией.

В январе 1906 года Кедров был вынужден перейти на нелегальное положение. Он проживал в различных городах с поддельным паспортом на имя Иванова Михаила Сергеевича, 28 лет, мещанина города Рогачева Могилевской губернии, по профессии приказчика. Несмотря на ненадежность такого прикрытия, в условиях разгула реакции «Иванов»-Кедров, пренебрегая опасностью ареста, организовал в Твери концерты для пополнения кассы партии и участвовал в них как пианист.

В 1906 году, удачно используя документы на имя приказчика, М.С. Кедров на собственные средства открывает в Петрограде книжный магазин, а затем через подставное лицо организует по заданию партии издательство под названием «Зерно». Вскоре оно стало довольно крупным по тому времени коммерческим предприятием, имевшим свои представительства в других городах. «Зерно» позволило издать и легально распространить наряду с популярными брошюрами ряд капитальных марксистских трудов, и в первую очередь сочинения В.И. Ленина, большинство которых ранее появлялись лишь на страницах нелегальной заграничной прессы. В работе издательства, кроме Кедрова, участвовали другие ответственные работники партии, в том числе Н.С. Ангарский, Н. И. Подвойский и М.С. Ольминский. Большой заслугой «Зерна» явилось издание первого собрания сочинений В.И. Ленина под названием «За 12 лет». Центральный Комитет партии успешно использовал возможности издательства «Зерно» для укрепления связей с большевистскими организациями на периферии.

Оказавшись на подозрении у охранки, издательство неоднократно подвергалось полицейским налетам, завершавшимся конфискацией «запрещенных» книг. В 1908 году оно было разгромлено полицией. Кедрова арестовали и отдали по суд. До конца 1911 года он сидел в Доме предварительного заключения в «Крестах».

Характерная для Михаила Сергеевича постоянная забота об

интересах партии ярко проявилась в том, что, выйдя из тюрьмы, он прежде всего принял меры к сохранению уцелевшей от конфискации напечатанной «Зерном» партийной литературы, и в дальнейшем, в революционные дни 1917 года, она сыграла свою роль. «В марте — апреле 1917 года, когда в революционной литературе ощущался колоссальный голод, — вспоминал М.С. Кедров, — всю эту литературу, в том числе и сочинения Владимира Ильича, я передал в распоряжение ЦК нашей партии и ее военной организации. И в течение каких-нибудь двух-трех недель все брошюры и книжки были расхватаны».

В 1912 году после непродолжительной службы присяжным поверенным в Москве Кедров с семьей эмигрировал за границу. В швейцарском городе Берне состоялась его личная встреча с Владимиром Ильичем Лениным, с которым до этого он был лишь в деловой переписке. Русским политическим эмигрантам нужны были средства, поэтому Михаил Сергеевич, будучи прекрасным музыкантом, стал выступать на концертах в качестве пианиста. На одном из них, устроенном кассой взаимопомощи русского студенчества, присутствовал Владимир Ильич. Позднее он, не раз бывая в семье Кедровых, слушал в исполнении ее главы произведения Бетховена, Шуберта, Шопена, Шумана.

В 1912–1915 годах М.С. Кедров участвует в работе большевистской организации русских эмигрантов в Берне. Одновременно занимается изучением медицины, заканчивает медицинский факультет Бернского университета.

В 1916 году по заданию В.И. Ленина как специальный доверенный Центрального Комитета партии Кедров возвратился на Родину. Он был мобилизован в царскую армию и некоторое время работал главным врачом военного госпиталя в Кашине, в Тверской губернии. В том же году он был направлен военным врачом-эпидемиологом на Кавказский фронт. Здесь включился в партийную работу среди солдат-фронтовиков.

После Февральской революции Михаил Сергеевич возглавил революционную борьбу солдат местного гарнизона и рабочих-транспортников города Шерифхана (ныне Иран). По его инициативе в этом городе был создан большевистский Совет (в то время единственный в Закавказье) рабочих и солдатских депутатов. Председателем Совета депутаты избрали большевика Кедрова. Михаил Сергеевич участвовал в работе Кавказского краевого съезда Советов.

С мая 1917 года Кедров в Петрограде: Решением, Центрального Комитета партии он был введен в бюро Военной организации при ЦК РСДРП(б), призванной вести революционную работу в армии, разоблачать империалистическую политику

Временного правительства. Кедров участвовал в подготовке состоявшейся в июне 1917 года в Петрограде Всероссийской конференции фронтовых и тыловых военных организаций РСДРП (б). На этой конференции он был избран в состав Всероссийского центрального бюро военных организаций, возглавлявшееся соратником М.С. Кедрова Н.И. Подвойским. Активно участвуя во всей работе «Военки», Кедров разъяснял солдатским массам подлинные цели контрреволюции, особенно в дни корниловского мятежа, был одним из организаторов большевистских газет «Солдатская правда» и «Рабочий и солдат».

В сентябре 1917 года М.С. Кедров был командирован в Западную Сибирь с поручением от демократической организации «Союз городов и земств» провести работу по размещению беженцев из центральных губерний страны. Фактически же в результате этой поездки он должен был по заданию партии установить контакты с большевистскими организациями Омска, Ново-Николаевска, Томска и других сибирских городов, оказать им помощь.

Великая Октябрьская социалистическая революция застала Кедрова в Омске. Вместе с омскими большевиками, рабочими промышленных предприятий и железнодорожниками, солдатами местного гарнизона он активный участник революционных событий, борьбы за установление Советской власти. Был выдвинут одним из кандидатов на пост председателя Омского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

По возвращении в Петроград Михаил Сергеевич был назначен в Народный комиссариат по военным делам в качестве комиссара по демобилизации армии. Возглавляя этот сложнейший участок, М.С. Кедров в полную силу проявил свой большевистский характер, талант крупного организатора, подлинно государственный размах деятельности, обеспечив организованное проведение за четыре с половиной месяца демобилизации 10 миллионов солдат.

При поддержке В.И. Ленина и с помощью своих товарищей по Наркомвоену, прежде всего таких деятелей партии, как Н.И. Подвойский, В.И. Невский, К.С. Еремеев, членов комиссии по демобилизации армии, так называемого Демоба, Кедров сумел определить и осуществить соответствовавшие обстановке того периода четкий план, формы и способы организованной демобилизации рвущихся домой солдатских масс. Для решения этой важнейшей для развития революции политической задачи при активном участии Кедрова и аппарата Демоба, его комиссаров на фронтах и железнодорожных узлах были сосредоточены усилия большевистских армейских, корпусных,

дивизионных, полковых, гарнизонных комитетов, представителей Советов и военно-революционных комитетов на местах. Благодаря их согласованным и целеустремленным действиям был преодолен стихийный процесс массового ухода солдат с фронта. В труднейших условиях обеспечивался контроль за проведением демобилизации по возрастам, за порядком и сроками продвижения демобилизованных солдат к месту жительства, их питанием и обеспечением в пути.

Контрреволюция стремилась сорвать организованную демобилизацию, рассчитывала на то, что большевики не справятся со стихийным уходом солдат с фронта, а это приведет к разгулу контрреволюции и анархии, к краху Советов. Однако враги просчитались. Четкая, планомерная, оперативная работа партийных организаций в армии и аппарата Демоба, направляемого Кедровым, способствовала повышению авторитета большевиков, ускорению революционных преобразований на местах, решению непростых вопросов формирования частей Краевой Армии, создававшихся по принципу добровольности.

После завершения работы Демоба М.С. Кедров получает новое задание партии, не менее сложное. В соответствии с постановлением Совета Народных Комиссаров от 18 мая 1918 года он был направлен в качестве руководителя комиссии, известной в истории под названием «Советская ревизия», по обследованию Архангельской, Вологодской, Костромской, Ярославской и Иваново-Вознесенской губерний. Цель комиссии была такая — укрепление позиций Советской власти на Севере, организация обороны в связи с усиливавшейся военной опасностью этому региону со стороны Антанты. В небольшой аппарат комиссии вошли проверенные и опытные сотрудники ряда центральных ведомств и ближайшие соратники Кедрова из упраздненного Демоба.

Опираясь на местные партийные организации и массы трудящихся, Кедров развернул энергичную работу по укреплению партийных и советских органов в Архангельске, Вологде и других городах, Распускались старорежимные городские думы и управы, налаживалась хозяйственная деятельность. Принимались решительные меры к контрреволюционерам и саботажникам. Особое внимание уделялось решению военных вопросов. Оказывалась помощь в формировании, вооружении и подготовке воинских частей и военных комиссариатов, в борьбе с иностранным шпионажем. Большую работу Кедров и его комиссия провели по разгрузке Архангельского порта и организации обороны Архангельска. В результате были сорваны планы английских интервентов по захвату этого города и

развертыванию наступления в глубь советской территории.

Яркой страницей боевой работы Кедрова летом 1918 года явилась его деятельность на посту командующего Северным фронтом. Располагая крайне ограниченными силами, действуя в сложной военно-политической обстановке, в лесисто-болотистой местности, почти без артиллерии против хорошо вооруженного противника, Михаил Сергеевич обнаружил недюжинные способности военного руководителя, умело проводил в жизнь указания В.И. Ленина, благодаря чему удалось сорвать первый наступательный порыв английских интервентов. Как писал о развертывании оборонительных мероприятий в районе Архангельска в этот период один из ближайших помощников командующего А.А. Самойло, «…трудно переоценить заслуги, оказанные Кедровым республике в годы северной интервенции».

Находясь в самой гуще послереволюционных событий, являясь их активным участником, М.С. Кедров приобрел опыт государственной деятельности. Этот опыт помог ему с первых шагов его на чекистском поприще.

Комплектование Военного отдела ВЧК проходило не без трудностей. Сказывалась нехватка надежных и опытных кадров. Потребовалась помощь Центрального Комитета партии. В состав Военного отдела был направлен ряд сотрудников ВЧК — членов РКП (б), имевших опыт чекистской работы. В ноябре — декабре 1918 года получили назначение в этот отдел несколько коммунистов, прибывших из военного ведомства и из фронтовых и армейских чрезвычайных комиссий. В своем большинстве это были образованные, знакомые с военным делом молодые люди как, например, А.Х. Артузов, инженер-металлург по образованию, который не без основания считал себя учеником М.С. Кедрова, ибо был знаком с ним с гимназической поры, под его личным влиянием пришел в революцию и в ряды партии. Работали в отделе и сотрудники с дореволюционным партийным стажем. Так ветераном был заведующий следственной частью А. В. Эйдук, член партии с 1905 года, прибывший в ВЧК с должности начальника политотдела 6-й армии.

Для М.С. Кедрова было очевидно, что Военный отдел ВЧК не сможет выполнить возложенных на него задач, не завершив своевременно, как предусматривалось резолюцией 2-й Всероссийской конференции ЧК, создания чрезвычайных комиссий во всех объединениях Красной Армии. Кроме того, активный процесс формирования и подготовки новых ее частей и армейских учреждений, развертывание всевобуча трудящихся, осуществлявшиеся по всей стране, обуславливали необходимость

иметь военные отделы в губернских чрезвычайных комиссиях. В конце декабря 1918 года по предложению Военного отдела был издан приказ ВЧК о формировании военных отделов при всех губчека. Они должны были вести борьбу с контрреволюцией, шпионажем и должностными преступлениями в частях и учреждениях Красной Армии, располагавшихся на территории губернии.

В результате принятых мер заметно ускорился процесс становления чрезвычайных комиссий в объединениях Красной Армии. Они стали практически действовать на всех фронтах и во всех армиях.

Сложным был вопрос о формах и методах деятельности Военного отдела ВЧК и чрезвычайных комиссий в войсках. Военные чекисты не могли механически переносить на армейскую среду методы работы, применявшиеся сотрудниками губчека. К тому же в ходе дискуссии о ВЧК некоторые из этих методов были поставлены под сомнение. Поэтому М.С. Кедров по рекомендации Ф.Э. Дзержинского стремился разработать такие методы действий военных чекистов, которые вытекали из специфики обстановки в частях и учреждениях Красной Армии, особенностей их комплектования и тактики подрывной работы в военной сфере контрреволюционных организаций и классово чуждых элементов.

Безотлагательного решения требовала и проблема ограждения Красной Армии от проникновения в ее ряды враждебно настроенных к Советской власти бывших офицеров. Не раз обсуждал ее Кедров с сотрудниками Военного отдела. Выход из трудных ситуаций искали вместе.

— Своеобразие данного момента, — говорил однажды в беседе с сотрудниками Михаил Сергеевич, — состоит в том, что в последнее время активность контрреволюционных элементов заметно спала и на первый взгляд они перешли к выжидательной тактике.

— Возможно, что это и так, — поддержал его Эйдук. — Но мне вспоминаются эпизоды, нередко случавшиеся на Северном фронте, когда к англичанам пробивались тайными тропами такие вот сторонники «выжидательной тактики». На поверку оказывалось, что это или ненавидевшие Советскую власть бывшие офицеры, или английские шпионы. И даже после того как их задерживали с поличным, трудно было не только их разоблачить, но даже проверить по месту жительства.

Артузов, пристально рассматривавший карту европейской России, повернулся к Кедрову и как бы про себя произнес:

— Конечно, война, послевоенная разруха и неустроенность сорвали с насиженных мест не только привычных к переездам

бывших офицеров, но и более оседлые слои населения. — А затем с некоторой заинтересованностью предложил: — Не настало ли время, пользуясь затишьем на фронтах, навести с позиций ВЧК определенный порядок в учете активной части населения?

— Твоя мысль мне нравится, — заметил Эйдук. — Но реальна ли такая затея? Помнится, что военное ведомство пыталось провести кое-где регистрацию призывных контингентов старого офицерства.

— По этому поводу можно навести справки во Всероссславштабе. — Артузов прошелся по кабинету и, остановившись перед Кедровым, продолжал: — Если бы удалось осуществить поголовную регистрацию бывших офицеров и законодательно закрепить запрещение им менять местожительства без соответствующих отметок в документах, удостоверяющих личность, чекистские органы получили бы большой выигрыш.

М.С. Кедров задумался, внимательно посмотрел на своих собеседников и предложил:

— Давайте прикинем, какую пользу может принести такое мероприятие. Должен, однако, заметить, помня опыт проведения учета, а по существу той же регистрации личного состава фронтовых частей представителями Демоба в период демобилизации, что регистрация бывших офицеров на всей территории республики дело архисложное и потребует больших сил.

— Я разделяю ваши сомнения, Михаил Сергеевич, — согласился Эйдук. — Не привлечь достаточные силы для этого можно. Регистрацию должен возглавить авторитетный государственный орган. К тому же проводить ее особенно в первое время, не потребуется сразу во всей стране. Можно ограничиться центром России или даже Москвой, Петроградом и их окрестностями. Что касается пользы от этого мероприятия для организации борьбы с контрреволюцией, да и с преступностью вообще, то польза будет, и немалая.

Прежде всего этим будет создаваться определенный режим, ограничивающий возможность бесконтрольного проживания и передвижения наиболее подвижной, маневренной части контрреволюционных элементов. В дело вступит их учет по месту жительства, контроль выезда и въезда, возможность внезапной проверки сомнительных лиц представителями органов власти и т. п. Все это будет их сковывать.

— Но вы же сами говорили, что попытки регистрации офицеров уже были, — возразил Кедров, — и раз они не возобновлялись, то существенного результата, видимо, не дали.

— Верно, попытки были, ~ продолжал А.В. Эйдук, — но прошлая регистрация, как мне известно, преследовала частные цели. Если же ее организовать фундаментально, на основе специально принятого декрета Советского правительства, силами такого авторитетного учреждения, каким является ВЧК, с привлечением местных органов Советской власти, включая милицию, то предлагаемая мера, на мой взгляд, будет эффективной.

Беседа прервалась из-за продолжительного телефонного разговора М.С. Кедрова.

Положив трубку, он обратился к Артузову:

— Что-то, вы, Артур, против обыкновения не высказываете свое мнение до конца. Согласны ли вы с товарищем Эйдуком?

— Михаил Сергеевич, надо подумать. Количество доводов в пользу регистрации можно добавить. Ведь при этом, например, будет выявлено среди бывших офицеров немало хороших, честных людей из числа колеблющихся, чей военный опыт очень пригодился бы при формировании и обучении частей Красной Армии. Вместе с тем и трудностей не счесть. Да и людей у нас пока еще мало.

После этой беседы Михаил Сергеевич не раз и не два прикинул в уме все высказанные соображения и доводы. Безусловно, его очень привлекала очевидная политическая и организационная значимость предлагаемой акций. Ее проведение могло ускорить и становлений Военного отдела ВЧК.

Кедров решил посоветоваться с Феликсом Эдмундовичем Дзержинский тут же оценил суть предложения и безоговорочно поддержал его, порекомендовав не затягивать практические действия.

Во второй половине декабря в Военном отделе ВЧК было создано Военно-регистрационное бюро, которое приступило к регистрации всех бывших офицеров, проживавших в Москве или приезжавших в Москву. Регистрироваться они должны были и в том случае, если меняли место жительства. Одновременно при Московском окружном военном комиссариате создавалось особое бюро, которое возглавил А.Х. Артузов. Это чекистское подразделение участвовало в проверке бывших офицеров до зачисления их на службу в части и учреждения Красной Армии. Работа особого бюро способствовала укреплению связей ВЧК и МЧК с частями Московского гарнизона.

Деятельность чрезвычайных комиссий на фронтах и в армиях встречала подчас возражения со стороны комиссаров, командиров и работников создававшихся в тот период армейских

политических органов. В таком реагировании сказывались в определенной мере последствия и отзвуки необъективных суждений о чекистской работе в ходе дискуссии о ВЧК. Но главное было в другом: создание чрезвычайных органов в армейских условиях вело к параллелизму и дублированию их деятельности с Военным контролем.

Нужны были практические шаги со стороны Военного отдела ВЧК, которые бы позволили устранить нетерпимый более параллелизм. Это хорошо понимал М.С. Кедров. Он не раз обсуждал сущность возникшей проблемы с Ф.Э. Дзержинским, М.Я. Лацисом, другими членами коллегии ВЧК, советовался и с военными работниками, в частности с Н.И. Подвойским.

Острота ситуации усиливалась тем, что конец 1918 года являлся периодом интенсивного формирования новых частей и соединений Красной Армии. Благодаря благоприятным социально-политическим изменениям в стране, вызванным успехами Советской власти и поворотом в ее сторону среднего крестьянства, в красноармейские ряды вливались сотни тысяч бывших солдат и унтер-офицеров, большинство из которых ясно осознавало, что дело защиты социалистическою Отечества — это их кровное дело. Но наряду с ними в армию попадали социально чуждые элементы из кулацких слоев и многие тысячи военных специалистов из бывших офицеров. Через этот поток контрреволюция стремилась внедрить и внедряла своих людей в штабы, учреждения и части Красной Армии. Контрреволюционные элементы, особенно проникшие на командные должности, создавали тайные группы и организации в войсках, устанавливали контакты с контрреволюционными группировками в Москве, Петрограде и других городах, пытались выходить на связь со штабами белогвардейцев и интервентов.

Оценивая происходящее, Михаил Сергеевич понимал, что кадровая, хорошо организованная Красная Армия должна быть надежно защищена от тайной подрывной деятельности контрреволюции и иностранных разведок в любых ее формах и проявлениях, будь то тайные заговоры, саботаж, вредительство, диверсия, террор, измена, предательство, контрреволюционный мятеж, антисоветская пропаганда и агитация и даже неповиновение и дезертирство. Нужно было обеспечить государственную безопасность Красной Армии. Иными словами, стояла практическая задача создания в Красной Армии не чрезвычайного органа, каким фактически были фронтовые и армейские чрезвычайные комиссии, и не узковедомственного учреждения борьбы со шпионажем, каким был Военный контроль, а стабильных органов советской военной контрразведки, по

своему составу и функциям соответствующих духу пролетарской кадровой армии.

Однако, что должна представлять собой военная контрразведка в системе пролетарского государства, в чем ее принципиальное. отличие от аналогичных органов буржуазных государств, какие задачи и функции она должна выполнять, какими правами ее следует наделить?

Эти вопросы решались совместными усилиями руководителей ВЧК и Реввоенсовета Республики при активной помощи Центрального Комитета партии и лично В.И. Ленина,

В результате вырабатывалось общее мнение. Военная контрразведка рассматривалась как необходимый и ˆважный элемент военной организации диктатуры пролетариата, как самостоятельный специальный орган, приспособленный к борьбе с тайными, законспирированными действиями противников Советской власти в армии. Ее появление было вызвано не классовыми противоречиями П Красной Армии, ибо красноармейские массы и преобладающая часть командного состава являлись представителями трудового народа и имели общие классовые интересы а подрывной деятельностью внутренней контрреволюции и иностранных разведок, усиливавшейся по мере укрепления и развертывания вооруженных сил Республики Советов. Развивая мысль о природе военной контрразведки Красной Армии, Ф.Э. Дзержинский не раз подчеркивал, что это должен быть самостоятельный политический орган, связанный в своей повседневной работе по борьбе со шпионажем и контрреволюцией с органами ВЧК в центре и на местах.

Идея устранения двойственности аппаратов по охране государственной безопасности Красной Армии активно пробивала себе дорогу в предложениях с мест. Так, после поездки на фронт с инициативой объединить Военный контроль и чрезвычайные комиссии в армии обратился во ВЦИК, СНК, Реввоенсовет и коллегию ВЧК член ВЦИК, член партии с 1906 года В.Э. Кингисепп. Обосновывая свое предложение, он писал: «Контрреволюция и шпионаж, направленные против Советской республики, лежат в одной плоскости. В вопросе о шпионаже признак подданства должен быть заменен признаком классовой принадлежности к пролетарской или антипролетарской ориентации…» В ноябре 1918 года на Южном фронте после проверки отделов Военного контроля реввоенсоветом фронта он был слит с фронтовой чрезвычайной комиссией. Образовавшийся новый орган был назван особым отделом.

О целесообразности слияния органов Военконтроля и ЧК

фронтов и армий вели жаркие споры военные специалисты и особенно сотрудники Военного контроля, трезво мыслящая часть которых, прежде всего из числа коммунистов, была против дублирования своей работы с армейскими чрезвычайными комиссиями. Но были и сторонники (главным образом из военных специалистов) сохранения и укрепления подразделений Военного контроля и полного упразднения чрезвычайных комиссий в Красной Армии.

М.С. Кедров был знаком с этими взглядами. Ему было известно также, что в результате многократных обсуждений Реввоенсовет Республики высказался за слияние органов Военного контроля, фронтовых и армейских чрезвычайных комиссий. Был подготовлен проект положения о едином органе военной контрразведки. В этом проекте Реввоенсовет указывал, что военная контрразведка должна быть органом командования. Какое бы то ни было организационное и оперативное участие ВЧК в работе военной контрразведки проектом не предусматривалось.

В своих дискуссиях с членами Реввоенсовета Республики но принципиальным вопросам создания военной контрразведки М.С. Кедров исходил из того, что идею образования этих органов на основе объединения армейских чрезвычайных комиссий и Военного контроля полностью одобрил Ф.Э. Дзержинский. Феликс Эдмундович считал при этом, что необходимо установить двойное подчинение военной контрразведки: по линии Реввоенсовета Республики (соответственно реввоенсоветов фронтов и армии) и Всероссийской чрезвычайной комиссии.

13 декабря 1918 года в Серпухове, где в тот период находилась ставка Главкома, состоялось заседание Реввоенсовета Республики, созванное, как сообщалось, «для окончательного рассмотрения вопроса о военной контрразведке РВСР», на которое был приглашен М.С. Кедров.

К заседанию был подготовлен работниками Военного контроля и РВСР еще один проект положения о военной контрразведке. В нем намечалось: органы Военного контроля переименовать в особые отделы; Военный отдел ВЧК, фронтовые, армейские и пограничные ЧК должны были слиться с органами Военного контроля; общее руководство контрразведкой предполагалось возложить на члена РВСР, входящего постоянным членом с правом решающего голоса в коллегию ВЧК; непосредственное руководство всеми сухопутными и морскими особыми отделами предполагалось сосредоточить в управлении особого отдела при РВСР.

Проект являлся не просто отражением продолжавшейся борьбы мнений о подчиненности органов военной контрразведки,

он свидетельствовал о стремлении некоторых его составителей не допустить организационной связи военной контрразведки с ВЧК.

Центральный Комитет РКП (б) пристально следил за ходом работы, связанной с рождением военной контрразведки. 19 декабря 1918 года вопрос о создании военной контрразведки в Красной Армии рассматривался на заседании Бюро ЦК РКП (б) под председательством В.И. Ленина. В протоколе этого заседания было записано: «Слушали: 2. Военный контроль. Постановили: 2. По вопросу об объединении деятельности ВЧК и Военного контроля решено согласиться с положением, выработанным при Реввоенсовете. Заведующим Военным контролем назначить т. Кедрова, если не встретится возражений со стороны Реввоенсовета…»

Это постановление положило конец трудным поискам организационной формы, места и роли советской военной контрразведки, ибо Центральный Комитет Коммунистической партии фактически закрепил принципиальное положение о том, что военная контрразведка Красной Армии — это прежде всего боевой орган диктатуры пролетариата в системе его военной организации, призванный во взаимодействии с ВЧК обеспечить государственную безопасность вооруженных сил Страны Советов.

Для Кедрова принятие постановления Бюро ЦК РКП (б) от 19 декабря 1918 года стало началом большой организаторской работы по созданию системы особых отделов в Красной Армии и на Флоте.

Понадобилось некоторое время, чтобы подготовить закрепление этого акта в правовых документах, определить конкретные задачи, функции и права нового государственного органа, разработать его структуру.

С участием М.С. Кедрова был подготовлен проект постановления Реввоенсовета Республики и ВЧК, подписанного 1 января 1919 года, которым во исполнение постановления Бюро ЦК РКП (б) вместо Военного контроля Реввоенсовета и Военного отдела ВЧК был образован Особый отдел республики.

Это постановление оставило открытым вопрос о подчиненности и характере взаимоотношений Особого отдела (с 15 января 1919 года — Управления особого отдела) как с ВЧК, так и Реввоенсоветом. На первых порах этот орган формально был автономным и независимым от них ведомством, которое могло самостоятельно давать директивы на места.

Однако начальник Особого отдела М.С. Кедров вполне осознавал, что практическая оперативная деятельность военной контрразведки немыслима без непосредственной связи с ВЧК и ее органами на местах, нельзя было также обеспечить

эффективность борьбы с военным шпионажем, саботажем и преступлениями по должности в Красной Армии без постоянной помощи командования, военных комиссаров, политических органов, армейских партийных организаций.

Повышенная сложность решения стоявших в повестке дня вопросов вызывалась тем, что Троцкий, бывший в тот период председателем Реввоенсовета Республики, всячески препятствовал не только прямому подчинению Особого отдела Всероссийской чрезвычайной комиссии, но даже совместному решению ими некоторых конкретных частных вопросов.

В выработке и реализации правильной, подлинно большевистской линии в этом и без того не простом, но внезапно усложнившемся деле большую помощь М.С. Кедрову оказывали постоянное общение с Ф.Э. Дзержинским, его советы и поддержка.

— Прежде всего, — говорил Феликс Эдмундович, — военная контрразведка Красной Армии предназначена для защиты революции, диктатуры пролетариата, ее детища — первой в мире подлинно народной вооруженной организации пролетарского государства. Военные контрразведки буржуазных армий представляют собой наиболее реакционное звено этих армий и государств, стоят на защите враждебной народу вооруженной силы господствующего класса.

Военная контрразведка Красной Армии призвана вести борьбу со всеми формами подрывной деятельности классового противника, прежде всего буржуазно-помещичьей контрреволюции и ее агентуры, направленной против красных войск, причем проводимой тайно и от этого являющейся особо опасной. А поскольку замаскированные контрреволюционные элементы и тайные шпионы, проникшие в армию, как правило, связаны в своей подрывной работе с тайными контрреволюционными организациями и заговорщиками, орудующими среди населения, то отсюда вытекает, что военная контрразведка Красной Армии может успешно решать свои задачи только в тесной связи с органом защиты диктатуры пролетариата, каким является ВЧК. Создаваемая нами военная контрразведка будет коренным образом отличаться от органов военной контрразведки любой буржуазной армии, которые выполняют задачи подавления в армейских условиях прогрессивных, революционных, демократических элементов и сочувствующих им народных масс, одетых в солдатские шинели. Это особенно ярко продемонстрировали в последние месяцы контрразведывательные службы оккупационных войск бывшей кайзеровской армии.

Мы должны создать такую военную контрразведку, — подчеркивал Дзержинский, — которая бы помогала большевистской партии, командованию, политическим органам в создании сильной кадровой армии, в укреплении ее звеньев, в решении поставленной Владимиром Ильичей задачи иметь Красную Армию в три миллиона человек. Партия потому и осудила как в корне неверные рассуждения статьи Лациса в «Известиях» о том, что якобы ВЧК через особые отделы должна осуществлять надзор за армией. Такое толкование роли военной контрразведки в рабоче-крестьянской армии ошибочно. Оно ведет к противопоставлению одного органа власти пролетарской диктатуры другому. Военная контрразведка должна оказывать в пределах своих полномочий практическую помощь командованию, а не стоять над ним.

М.С. Кедров полностью разделял эти соображения.

— Я согласен с вами, Феликс Эдмундович, — говорил он Дзержинскому. — Хотел бы добавить, что наша военная контрразведка должна действовать рука об руку с военными комиссарами и политическими работниками, с партийными организациями в армии в работе по воспитанию красноармейских масс в духе классовой сознательности, преданности пролетарскому Отечеству, бдительности к происка контрреволюции.

3 января 1919 года начальник Особого отдела республики М.С. Кедров подписал приказ № 1 об организации и задачах особых отделов. Он был адресован начальникам отделов Военного контроля и военкомам округов, председателям реввоенсоветов фронтов, фронтовым и армейским ЧК, губчека и губвоенкомам. Приказ определял основные задачи особых отделов: «Фронтовые и армейские отделы предназначаются для борьбы с контрреволюцией и шпионажем в частях и учреждениях, действующих на фронте. Окружные и губернские для той же работы — в тылу». Приказом предписывалось немедленно приступить как на фронте, так и в военных округах, в губерниях к слиянию отделов Военконтроля, фронтовых и армейских ЧК и военных отделов местных ЧК и организации на их основе особых отделов фронтов и армий, военных округов и губерний. При организации особых отделов рекомендовалось использовать лучшие силы коммунистов и сотрудников военных ЧК и Военного контроля.

На должности начальников особых отделов фронтов и армий назначались на первое время начальники отделов Военного контроля фронтов и армий. Начальники особых отделов военных

округов и губерний назначались по согласованию чрезвычайных комиссий с соответствующим партийным комитетом и утверждались в должности начальником Особого отдела республики. Начальники особых отделов являлись в то же время членами ЧК.

Самостоятельные следственные части при особых отделах не создавались. Все уголовные дела после производства предварительного опроса предлагалось передавать в следственные части чрезвычайных комиссий. На фронтах производство следствия передавалось революционным военным трибуналам. Аресты и обыски разрешалось производить как по ордерам следственных частей ЧК, так и по ордерам начальников особых отделов. При этом каждый раз должно было составляться мотивированное постановление.

В пограничных железнодорожных и шоссейных пунктах предлагалось организовать пропускные пункты особых отделов, возложив на них обязанность по досмотру лиц, следующих через границу или демаркационную линию.

Приказ М.С. Кедрова № 1 сыграл большую организующую роль. Он определил общее направление деятельности и принципиальную организационную структуру особых отделов, сохранявшиеся в своей основе довольно длительное время.

Михаил Сергеевич остро осознавал свою личную ответственность перед Центральным Комитетом партии за создание в кратчайший срок стройного, работоспособного боевого чекистского аппарата в армии и на флоте как одного из условий укрепления Красной Армии и подготовки ее к длительной и напряженной гражданской войне. Чтобы избежать ошибок, Кедров в максимальной мере опирался в решении практических вопросов на опыт ВЧК и помощь Реввоенсовета Республики, а с середины января 1919 года работа особых отделов осуществлялась под непосредственным руководством ВЧК.

При живейшем участии Кедрова были разработаны организационная структура и штаты аппаратов особых отделов сверху донизу, определены функциональные обязанности основных должностных лиц, порядок финансирования и денежной отчетности. По всем этим вопросам были подготовлены разъяснения, которые уже в середине января 1919 года были направлены на места,

18 января 1919 года М.С. Кедров сделал доклад на яседании коллегии ВЧК о ходе работы по формированию особых отделов фронтов, армий и губчека. Коллегия Побрила сделанное и поручила Кедрову и заместителю председателя ВЧК Лацису разработать окончательный проект положения об особых отделах

и представить его на рассмотрение и утверждение.

Этот проект разрабатывался в обстановке вновь возобновившейся в январе 1919 года дискуссии о ВЧК, когда некоторыми партийными, советскими и военными работниками снова ставился вопрос об упразднении этого учреждения. Сторонники этой точки зрения ошибочно полагали, что наиболее тяжелый период гражданской войны уже миновал, и недооценивали возраставший размах и остроту тайной подрывной деятельности контрреволюции, которая усиливалась по мере укрепления органов Советской власти на местах и развертывания Красной Армии. В числе таких сторонников были и некоторые военные комиссары, что порождало кое-где ненужные трения при создании особых отделов. Их преодолению мешала негативная позиция Троцкого.

Несмотря на все эти трудности, проект положения все же был подготовлен и согласован с заинтересованными органами военного ведомства, в аппарате Совета Народных Комиссаров и в ЦК партии. В этом проекте получили воплощение принципиальные установки, выработанные Ф.Э. Дзержинским и М.С. Кедровым. В нем четко формулировалось, что военная контрразведка Красной Армии представляет собой политическое, партийное учреждение, замыкающееся на ВЧК. В проекте указывалось, что Особый отдел входит в состав ВЧК, что общее руководство борьбой с контрреволюцией и шпионажем в армии и на флоте возлагается на Всероссийскую чрезвычайную комиссию, которая через свой Особый отдел руководит работой местных особых отделов, что заведующим Особым отделом назначается один из членов коллегии ВЧК но согласованию с Революционным Военным Советом Республики.

Положение об Особом отделе ВЧК было принято на заседании Президиума ВЦИК 6 февраля и опубликовано в газете «Известия» 21 февраля 1919 года. При этом документ сохранился в редакции, представленной ВЧК по согласованию с РВСР.

В военных кругах, однако, вопрос о подчиненности особых отделов в войсках и на флоте продолжал оставаться предметом обсуждения. Он затрагивался и на VIII съезде РКП (б), проходившем в марте 1919 года который признал «необходимым подчинение „особых отделов“ армии и фронтов соответственно комиссарам армии и фронтов, оставив за „особым отделом“ республики функции общего руководства и контроля над их деятельностью».

В соответствии с решением VIII съезда РКП (б) Совет рабочей и крестьянской обороны принял 13 мая 1919 года постановление, которое определило, что особый отдел фронта или армии

подчиняется одному из членов соответствующего революционного военного совета по назначению последнего. При этом указанное назначение должно было утверждаться РВСР и ВЧК. За Особым отделом ВЧК сохранялось общее руководство работой особых отделов фронтов и армий и контроль над их деятельностью. Зная о встречавшихся еще сложностях во взаимоотношениях работников особых отделов и военных комиссаров, В.И. Ленин направил проект этого постановления на согласование Ф.Э. Дзержинскому и М.С. Кедрову и подписал его только после подтверждения ими своего согласия.

Постановление законодательно закрепило решение VIII съезда РКП (б) о двойном подчинении особых отделов фронтов и армий. За ВЧК в лице ее Особого отдела сохранялись функции общего оперативно-чекистского руководства особыми отделами фронтов и армий, подбора и подготовки кадров, получения информации об обстановке, контроля за состоянием их работы. Принятие постановления позволило постепенно устранить наслоения во взаимоотношениях армейских чекистов с политорганами армии и флота, повысить ответственность военных комиссаров за работу с особыми отделами, улучшить их использование с учетом военно-политической обстановки на местах, особенно в ходе боевых действий с белогвардейцами и иностранными интервентами.

Итак, в дебатах, прениях, дискуссиях завершался период напряженных поисков наиболее приемлемого решения о военной контрразведке Рабоче-Крестьянской Красной Армии как армии нового типа. Неоценимая роль вэтой работе принадлежала первому руководителю советской военной контрразведки Михаилу Сергеевичу Кедрову.

Еще в процессе подготовки Положения об Особом отделе ВЧК Кедров, несмотря на наплыв большого количества организационных, кадровых и других неотложных дет мобилизовал аппарат отдела на разработку руководящих документов о направлениях, средствах и методах работы особых отделов. Они готовились на основе опыта ВЧК, органов Военного контроля, фронтовых и армейских чрезвычайных комиссий.

Одним из первых документов стала инструкция о работе особых отделов, подготовленная с участием М.С. Кедрова и подписанная им в январе 1919 года., В ней был дан краткий анализ изменений в тактике подрывной работы контрреволюции в отношении Красной Армии и содержались исходные установки по борьбе с тайными действиями контрреволюционных элементов и шпионов. Инструкция давала право военным чекистам решать частные тактические вопросы на местах в зависимости от

обстановки, исходя из задач особых отделов. В документе уделялось большое внимание соблюдению социалистической законности и обоснованности действий особых отделов при производстве обысков и задержании подозреваемых лиц, определялся порядок юридического оформления этих действий! Отдельным пунктом в документе указывалось: «За превышение власти, необоснованное производство обыска или ареста виновные в указанных поступках сотрудники особых отделов предаются суду военных революционных трибуналов по месту совершения проступков».

М.С. Кедров с первых шагов деятельности особых отделов отводит подобающее место правовым вопросам, он стремится к максимально возможному в условиях гражданской войны использованию права для борьбы с контрреволюционным подпольем и шпионажем. Так, при участии Кедрова были подготовлены и в феврале 1919 года приняты специальные документы Реввоенсовета Республики, Наркомвнутдела, НКПС и Особого отдела ВЧК об организации контроля за лицами, следующими в пределы и из пределов прифронтовой полосы, в которых предусматривались конкретные административно-правовые меры прифронтового режима. В частности, для борьбы с проникновением и свободным передвижением лиц, преследующих контрреволюционные цели, и работающих в пользу неприятеля шпионов, в пределах армейской прифронтовой полосы устанавливался контролируемый режим проживания и передвижения.

Организовывались особые пункты, на которые возлагалась проверка документов лиц, следующих в указанную полосу и из нее в тыл. Место расположения этих пунктов, а также границы (тыловая и передовая) прифронтовой полосы, разграничительные линии между армиями определялись особыми отделами фронтов и армий.

Как показали последующие события, эти режимные меры оказали большую помощь в задержании в прифронтовой полосе белогвардейских и иностранных шпионов, эмиссаров контрреволюционных организаций разных мастей, проникавших через линию фронта со стороны противника или намеревавшихся пробраться к врагу. В 1920 году этот опыт установления прифронтового режима был блестяще использован Ф.Э. Дзержинским в бытность его начальником тыла Юго-Западного фронта для борьбы не только с вражескими шпионами, но и с многочисленными вооруженными бандами.

В сочетании с проводившейся Особым отделом ВЧК перерегистрацией бывших офицеров (она, напомним, была начата

в декабре 1918 г. Военным отделом ВЧК и дала неплохие оперативные результаты по раскрытию контрреволюционных гнезд антисоветски настроенных старых офицеров) создание режима прифронтовой полосы помогало особым отделам владеть обстановкой, контролировать ее, сковывать наиболее активные элементы контрреволюции и тем самым содействовать правовыми средствами решению основных задач военной контрразведки.

М.С. Кедров с первых дней существования особых отделов придавал большое значение принципу централизации их деятельности. Для успешной реализации этого принципа Особый отдел ВЧК должен был организовать четко действующую систему информирования о разведывательно-подрывных действиях контрреволюции и используемых ею лиц, чрезвычайных происшествиях в войсках, преступлениях по должности и иных деяниях уголовного характера. Нужно было наладить поступление информации снизу и своевременно ориентировать из центра в связи с изменениями обстановки особые отдели на местах. Без этого была немыслима сколько-нибудь успешная работа военной контрразведки.

Большое значение регулярному информированию партии и правительства со стороны особых отделов о борьбе с тайной подрывной деятельностью контрреволюции на фронтах придавал ЦК РКП (б). В.И. Ленин в марте 1919 рода потребовал от Особого отдела ВЧК направлять на его имя оперативные сводки. Оргбюро Центрального Комитета на своем заседании 3 мая 1919 года приняло постановление, обязывавшее Особый отдел ВЧК еженедельно делать доклады в Оргбюро об изменениях обстановки и деятельности особых отделов. Рассмотрение этих докладов в ЦК РКП (б) было одной из форм контроля за работой особых отделов в Красной Армии.

Под непосредственным руководством М.С. Кедрова были заложены основы деятельности особых отделов по накоплению, систематизации и учету оперативно значимой информации о шпионских, диверсионно-повстанческих, террористических и иных контрреволюционных организациях, их построении, активных участниках, приемах и способах подрывных действий. В инструкции Особого отдела ВЧК, разработанной в марте 1919 года, особо подчеркивалось, что правильно поставленная информационная работа является важным вспомогательным средством активной борьбы с контрреволюцией и шпионажем, проводимым врагами Советской власти против Красной Армии.

Большое внимание Центральный Комитет РКП (б), коллегия ВЧК и начальник Особого отдела ВЧК М.С. Кедров уделяли укреплению кадрового состава особых отделов. В них влилось

значительное число коммунистов из упраздненных фронтовых и армейских ЧК и органов Военного контроля. Не заслуживавшие доверия лица отсеивались. Зная военные кадры, Кедров с помощью Центрального Комитета партии привлек в особые отделы часть из них с командной и политической работы. По решению Политбюро ЦК и Оргбюро Центрального Комитета РКП (б) на ответственную работу в Особый отдел ВЧК и особые отделы фронтов были направлены коммунисты с дореволюционным стажем. Кадровые большевики-подпольщики внесли в работу особых отделов дух высокой коммунистической идейности, революционной страстности и самоотверженности. Они проявляли большую деловитость, настойчивость в решении поставленных задач, бескорыстие и исключительную честность. Они цементировали ряды военных чекистов и служили прекрасным примером для молодых военных контрразведчиков, комплектовавшихся преимущественно из революционной пролетарской молодежи.

ЦК РКП (б), как мы уже отмечали, осуществлял постоянный контроль за созданием и первыми шагами деятельности особых отделов. О внимании к этому участку работы говорит, например, тот факт, что на пленуме ЦК РКП (б) 25 марта и на заседании СНК 27 марта 1919 года М.С. Кедров был утвержден членом коллегии ВЧК, а в апреле того же года Совет Народных Комиссаров на заседании, проходившем под председательством В.И. Ленина, утвердил М.С. Кедрова членом коллегии Народного комиссариата внутренних дел. Центральный Комитет партии и Советское правительство возложили, таким образом, на Михаила Сергеевича всю полноту ответственности за положение дел в особых отделах.

Неустанное внимание ЦК РКП(б), Ф.Э. Дзержинского и коллегии ВЧК, энергия, большая настойчивость, компетентность и организаторские способности М.С. Кедрова позволили менее чем в трехмесячный период осуществить в основном создание особых отделов в центре и на местах и включить их в многогранную работу по борьбе с контрреволюцией и шпионажем, укреплению частей и соединений Красной Армии. Это была в большинстве своем кропотливая, неброская черновая работа, помогавшая военным комиссарам, политическим органам соединений, частей и кораблей. Как писал М.Н. Тухачевский, «работа особых отделов неизменно отсекала в армии контрреволюционные организации и помогала тому отбору советского командного состава, с которым Красная Армия вышла победительницей из войны».

Налаживая практическую деятельность особых отделов, М.С.

Кедров внимательно следил за военно-политической обстановкой в стране, за положением на фронтах гражданской войны и развитием военного строительства.

На первый план борьбы с Советской властью к этому времени, к весне 1919 года, выдвинулись наиболее реакционные круги контрреволюции — монархические и кадетские организации. При политической, военной и материальной поддержке империалистов Антанты на территории Советской России оформилось несколько крупных антисоветских военно-политических объединений контрреволюции под управлением военных диктаторов — генералов-монархистов. На востоке это были силы во главе с «верховным правителем России» вице-адмиралом Колчаком, на юге — во главе с «главнокомандующим вооруженными силами юга России» генералом Деникиным в районе Петрограда — во главе с генералом Юденичем Агенты Колчака, Деникина, Юденича создавали подпольные контрреволюционные организации в Москве, Петрограде, в тылу Красной Армии. Они занимались организацией военного шпионажа, диверсий, контрреволюционных заговоров и мятежей, вели антисоветскую разложенческую работу среди личного состава Красной Армии.

Наиболее активной частью тайных контрреволюционных сил по-прежнему являлись враждебно настроенные к Советской власти офицеры. В связи с этим начальник Особого отдела ВЧК обращал внимание военных чекистов на усиление проверки бывших офицеров, проведение контрразведывательных мероприятий, направленных на предупреждение контрреволюционных выступлений, шпионажа, изменнических действий, выявление заговорщиков и шпионов.

Для предупреждения проникновения в войсковые части антисоветски настроенных бывших офицеров, предотвращения назначения их на ответственные посты Особый отдел ВЧК использовал очередное переосвидетельствование офицеров, проходившее весной и летом 1919 года. По мнению М.С. Кедрова, задача военных контрразведчиков в этой акции была двоякой: своевременно выявить и не допустить на ответственные участки военного строительства контрреволюционное офицерство; выявить уклоняющихся от военной службы бывших офицеров и помочь мобилизационным органам поставить их в строй в соответствии с их специальностью и квалификацией.

Речь шла прежде всего о реализации постановления Совета обороны от 7 апреля 1919 года, подписанного В.И. Лениным, о переосвидетельствовании бывших офицеров и военных чиновников, проживавших в Москве и ее окрестностях.

Проведение этой работы возлагалось непосредственно на Особый отдел ВЧК. Кедрову поручалось образовать комиссию, в состав которой сверх назначенных им лиц из Особого отдела ВЧК вводились один член комиссии по назначению начальника Всероссийского главного штаба и два члена комиссии — врачи по назначению начальника Главного военно-санитарного управления. При этом Кедрову давались широкие полномочия по установлению сроков и последовательности вызова на переосвидетельствование и утверждению заключений комиссии, которые признавались окончательными. Переосвидетельствованию подлежали бывшие офицеры всех специальностей и бывшие военные чиновники находившиеся на службе в других ведомствах либо не состоявшие на службе вообще.

Одновременно во исполнение постановления Совета обороны, принятого 7 апреля, проводилось переосвидетельствование врачей, лекарских помощников, зубных врачей и фармацевтов, ибо на фронтах создалось исключительно тяжелое положение санитарного дела в связи с увеличивавшейся эпидемией и большими потерями медицинского персонала в ходе военных действий. Общее руководство по переосвидетельствованию медицинских работников Совет обороны возлагал лично на М.С. Кедрова. Тому причин, вызванных чрезвычайной обстановкой в стране, было много. Об одной из них писал позднее Михаил Сергеевич: «Высшая призывная комиссия, состоявшая сплошь из матерых белогвардейцев, освобождала за скромную мзду от службы в армии весь врачебный персонал. Наглость дошла до того, что на Сухаревском рынке почти открыто продавались чистые бланки этой высшей комиссии, за печатями и подлинными подписями всего состава комиссии, удостоверявшие, что врач или лекарский помощник… такой-то признан вовсе негодным для военной службы, фамилию вписать могло любое лицо, уплатившее всего сто рублей…»

В результате проведенного переосвидетельствования в Красную Армию было призвано значительное число не связанных с контрреволюцией бывших офицеров и медицинских работников.

В конце марта 1919 года ВЧК получила данные о контрреволюционном заговоре в Петрограде. В связи с этим В.И. Ленин в телефонограмме в ВЧК писал: «…агенты Колчака, Деникина и союзников пытались взорвать в Петрограде станцию водопровода. В подвале были обнаружены взрывчатые вещества, а также адская машина…

В отдельных пунктах делаются попытки взрыва мостов и попытки к приостановке железнодорожного движения…

…Совет Обороны предписывает принять самые срочные меры для подавления всяких попыток взрывов, порчи железных дорог и призывов к забастовкам».

Для оказания неотложной помощи петроградским чекистам в Петроград был направлен заместитель председателя ВЧК Я.Х. Петерс, вскоре возглавивший штаб Утренней обороны города. М.С. Кедров же дал необходимые указания руководителям особых отделов 7-й армии и Петроградского гарнизона. Военные контрразведчики, действуя согласно этим указаниям совместно с сотрудниками Петроградской ЧК, приняли срочные меры для выявления и подавления попыток диверсий и контрреволюционных выступлений.

В связи с возраставшей угрозой Петрограду Совет обороны объявил город, Петроградскую, Олонецкую и Череповецкую губернии на осадном положении. Был усилен режим в прифронтовой зоне, в пределах которой работники особых отделов совместно с представителями местных органов власти подвергали тщательной проверке подозрительных лиц.

Быстрое продвижение белогвардейцев и интервентов к Петрограду заставляло предполагать наличие в тылу советских войск и на фронте организованного предательства. Только этим можно было объяснить осведомленность противника о планах советского командования, продвижение белых при наличии у них небольших сил, контрреволюционные мятежи, взрывы мостов.

Партия призвала коммунистов, красноармейцев, краснофлотцев, весь советский народ всемерно повысить революционную бдительность. В.И. Ленин и Ф.Э. Дзержинский обратились к гражданам республики со знаменитым воззванием «Берегитесь шпионов!», в котором говорилось:

> «Все должны быть на посту.
>
> Везде удвоить бдительность, обдумать и провести самым строгим образом ряд мер по выслеживанию шпионов и белых заговорщиков и по поимке их».

Ф.Э. Дзержинский направил в Петроград группу работников Особого отдела ВЧК во главе с его начальником М.С. Кедровым и вновь назначенным заместителем начальника отдела И.П. Павлуновским, чтобы укрепить тыл 7-й армии и оказать практическую помощь ее особому отделу. В сложных переплетениях событий в Петрограде в июньские дни 1919 года, когда подстрекаемая Антантой все более наглевшая контрреволюция как на фронте, так и в тылу советских войск

готовилась к решающему броску для овладения колыбелью революции со стороны органов Советской власти нужны были смелые, решительные и внезапные действия. Это хорошо понимали начальник штаба внутренней обороны города Я.Х. Петерс и петроградские чекисты. На первой же встрече М.С. Кедрова с Я.Х. Петерсом в Петроградской ЧК на Гороховой, 2, этот вопрос рассматривался как главный.

— Дела на фронте вам, товарищи, известны, — говорил Петерс. — Пока они с каждым днем усложняются. Принимаемые сейчас меры по укреплению Седьмой армии, штаб которой переместился в Петроград, пополнением и вооружением из Москвы, питерскими рабочими отрядами, мобилизованными коммунистами и комсомольцами, проведение оборонительных работ на ближайших подступах к городу, его окраинах и основных магистралях, несомненно, приближают перелом. Несмотря на большие трудности с продовольствием, в настроениях трудящихся Петрограда благодаря решительным действиям Ленина, ЦК партии, Советского правительства по оказанию помощи городу и фронту такой перелом уже происходит. Однако контрреволюционные элементы, а их в Петрограде много, по-прежнему активизируются. Поступившие в последние дни данные говорят о том, что опасность шпионажа и контрреволюционных мятежей, несмотря на введение осадного положения, не устранена. Есть признаки подготовки некоторой части бывших офицеров к активным вооруженным действиям в случае приближения фронта к окраинам города.

Петерс говорил спокойно, обдумывая каждое слово. Но его неторопливая речь усиливала чувство тревоги и внутреннего напряжения у всех присутствовавших.

— Требование Центрального Комитета партии, Ленина о том, что Петроград должен быть защищен во что бы то ни стало, а борьба с заговорами и шпионажем должна быть самой решительной, — это в предстоящий период для всех нас главное. Организуя свою работу, мы должны учитывать, что в Петрограде скопилось много лишившихся своих богатств помещиков и капиталистов, чиновников старого режима, бывших офицеров, буржуазной интеллигенции, дезертиров, различных деклассированных элементов. В городе сохранились посольские особняки, пользующиеся правом экстерриториальности. Вокруг них группируются подозрительные элементы. Многие дипломаты причастны к шпионажу, оказанию помощи заговорщикам. Усилилась предательская роль меньшевиков и эсеров. Они пытаются вести подстрекательскую враждебную деятельность на некоторых фабриках и заводах, спекулируя на трудностях,

переживаемых населением Вот коротко о самом главном.

Петерс внимательно посмотрел на Кедрова и добавил:

— О положении в войсках пусть доложит начальник особого отдела Петроградского военного округа Комаров.

Николай Павлович Комаров, несколько смутившись из-за внезапного обращения к нему, продолжил характеристику обстановки.

— В Седьмой армии, в войсках которой в начале наступления Юденича были факты измены и предательства, в последнее время положение выправляется. Боеспособность частей, особенно после пополнения их партийцами, мобилизованными в Петрограде, значительно повысилась. Случаи перехода на сторону врага носят единичный характер. Однако факты шпионажа не изжиты. Чувствуется, что противник продолжает получать достоверную информацию о расположении советских войск и планах командования. Еще более напряженная обстановка в Кронштадте. Мы располагаем данными о связях некоторых командиров с контрреволюционными группами в Петрограде. Однако каналы этих связей пока раскрыть не удалось.

— Как видите, — подвел черту Петерс, — на внутреннем фронте в Петрограде обстановка тревожная. Петроградские чекисты стараются следить за ней бдительно. Однако обычными проверочными мероприятиями ограничиваться уже нельзя.

— Планируется ли в ближайшее время проведение крупных операций против контрреволюционных элементов в городе и в войсках? — спросил Кедров. — Есть ли необходимые данные для этого?

— Военные чекисты и сотрудники Петроградской ЧК проводят в эти дни большое количество проверочных мероприятий, в основном контролируют обстановку, — ответил Комаров. — Очень серьезная информация о готовящихся контрреволюционных проявлениях проверяется в Кронштадте.

— Обстановка действительно чревата серьезными осложнениями, — вступил в разговор И.П. Павлуновский. — Нужны крупные превентивные меры.

— Как справедливо подчеркнули Ленин и Дзержинский, — Петерс посмотрел на текст обращения «Берегитесь шпионов!», укрепленный на стене, — Юденичу помогают шпионы и предатели, засевшие в некоторых военных учреждениях и в ближайшем тылу, их надо быстрее вылавливать. Этим мы занимаемся. Но в данной обстановке наибольшую опасность представляет вооруженная часть контрреволюции, скрывающейся в Петрограде. По имеющимся у нас данным, оружия в городе припрятано немало. Наши предупреждения в самой строгой

форме о сдаче оружия и ответственности за незаконное его хранение воздействия почти не оказали, хотя только в последние недели мною издано от имени штаба внутренней обороны и доведено до всего населения несколько приказов по этому вопросу. Значит, чтобы предотвратить возможный вооруженный мятеж, нужно выбить оружие из рук контрреволюции, изъять его силой революционной власти.

Михаил Сергеевич, помнится, у вас в этом отношении имеется прошлогодний опыт. Я имею в виду Архангельск и Вологду. Вы занимались изъятием оружия у населения, ограничивали возможности контактов дипломатов, засевших в вологодских особняках, с контрреволюционными элементами. Нельзя ли, основываясь на этом опыте, предпринять нечто подобное в Петрограде?

Кедров встал, прошелся по кабинету и, как бы взвешивая каждое слово, медленно заговорил:

— Действительно, летом 1918 года в Архангельске мы вынуждены были, и небезуспешно, проводить некоторые мероприятия по изъятию оружия у населения, прибегая к обыскам в домах у буржуазии. Но масштаб был не тот. Что касается дипломатов, засевших в тот период в Вологде, то мы главным образом разъясняли им необходимость возвратиться в свои посольства в Москву, правда, оказывали на них в этом направлении определенное давление. Попытки контроля связей их с местной контрреволюцией носили ограниченный характер.

Как юрист должен сказать, что помещения, занимаемые дипломатами в Петрограде на правах собственности соответствующих стран, в обычных условиях досмотру не подлежат. Но ведь сейчас-то идет война, и война необычная — революционная, гражданская. Дипломаты нарушают международное право, участвуя в ней хотя бы в косвенной форме, путем укрывательства контрреволюционеров и их оружия. К тому же многие из представляемых дипломатами стран являются прямыми участниками военной интервенции против пролетарского государства. Дипломатические представители воюющих стран согласно международному праву могут быть интернированы Советской Республикой. Наше правительство проявляет большой гуманизм, не прибегая к подобному шагу.

Теперь об изъятии оружия. Совет обороны в середине мая принял постановление, предписывающее военному ведомству и ВЧК принять самые энергичные меры к тому, чтобы извлечь у населения оружие и использовать на нужды обороны. Заботясь о выполнении этого постановления, я направил на днях телеграмму В.И. Ленину и Ф.Э. Дзержинскому с предложением реквизировать

у населения охотничьи ружья. Это предложение возникло в связи с тем, что участники контрреволюционного мятежа, ликвидированного недавно в Псковской губернии, были вооружены охотничьими дробовиками. Реквизированным охотничьим оружием можно было бы вооружить в тылу караульные и конвойные команды, а находящиеся в их распоряжении винтовки использовать для нужд Красной Армии. Мне известно, что В.И. Ленин одобрительно отнесся к этому предложению и поручил подготовить этот вопрос на Совет обороны.

Как я понял вас, Яков Христофорович, — продолжал Кедров, — вы за то, чтобы провести обыски в помещениях, где может находиться оружие, спрятанное контрреволюционерами, в том числе и в зданиях, занимаемых дипломатическими представительствами. Я поддерживаю эту идею. Но нам надо знать точные адреса. Надо подумать также о силах и способах действий. Для изъятия оружия в Петрограде потребуются большие силы.

— Провести операцию такого масштаба, — поддержал Кедрова Павлуновский, — конечно, непросто, тем более что она должна начаться внезапно и проходить одновременно во всем городе. Но подумайте, товарищи, какой большой результат она может дать даже в смысле морального воздействия на контрреволюционные элементы. Лучшей демонстрации силы и крепости Советской власти в Петрограде в условиях осадного положения не придумаешь.

Все присутствовавшие как бы встрепенулись, почувствовали облегчение, спад напряжения и тревоги, возникших в самом начале совещания. Это уловили Петере и Кедров.

— Как я понимаю, товарищи, — снова заговорил Кедров, — у нас складывается общее мнение о целесообразности проведения в Петрограде операции по изъятию оружия у буржуазии и прочих враждебных элементов.

Ставлю вопрос: не ускорим ли мы такими действиями начало вооруженного мятежа контрреволюции в Петрограде, если он в городе действительно готовится? Хотелось бы знать мнение по этому вопросу петроградских чекистов.

— Я за решительные действия, — после короткой паузы сказал Комаров. — Опасность ускорить нежелательное развитие событий полностью отбросить нельзя. Здесь многое зависит от положения на фронте. Но оно постепенно стабилизируется. По-моему, в ближайшие дни операцию проводить можно. Для того чтобы избежать каких бы то ни было осложнений, нужно обеспечить полную внезапность и одновременность действий по

всему городу.

— Ну что же, — Кедров в душе похвалил Комарова за определенность и логичность суждений, — мне представляется, что у нас вырисовывается в общих чертах приемлемый план действий. Несомненно, что при дальнейшей разработке его возникнет немало организационных трудностей, но они преодолимы. Некоторые моменты можно обсудить сейчас. В частности, надо ли проводить обыски во всем городе? Думаю, что можно без ущерба для дела рабочие районы из проверяемой зоны исключить. Я хорошо знаю Петроград и считаю, что нужно проверить буржуазные кварталы, центр, обязательно все помещения дипломатических представительств, общественные (включая церковные) здания, различные складские и безнадзорные помещения. Поддерживаю высказанное мнение о том, что проверка должна начаться внезапно, одновременно во всех зданиях и сопровождаться ужесточением режима передвижения по городу.

— Согласен с вами, Михаил Сергеевич, — подвел итог встречи Петерс. — В результате обмена мнениями мы пришли к решению: в Петрограде в ближайшие дни провести операцию по изъятию оружия у буржуазии и других враждебных элементов путем одновременного обыска в квартирах этих лиц и осмотра помещений. Проработаем детали с руководством Петроградской ЧК. Надо как следует подумать, с учетом имеющейся в чекистских органах и милиции информации, где проводить обыски и проверки. Размах этой операции будет зависеть от сил, какими мы будем располагать. Наши чекистские подразделения малочисленны. Части войск ВЧК заняты на охране объектов и патрулировании в городе. Они смогут выделить небольшое число бойцов. Армейские части привлекать проверке не следует. В решении этой задачи можно будет использовать петроградскую милицию. Тут уж придется сказать свое слово вам, Михаил Сергеевич, как члену коллегии Народного комиссариата внутренних дел. Основную и решающую помощь в операции могут оказать нам петроградские большевики и революционный пролетариат.

В предварительном порядке будем считать вопрос решенным. Сегодня я доложу наше мнение Феликсу Эдмундовичу. После одобрения им операции согласую время ее проведения и выделение необходимых сил с уполномоченным Совета обороны товарищем Сталиным, руководством Петроградского комитета РКП (б) и Петроградского Совета.

Чтобы не потерять время, прошу вас, Михаил Сергеевич, поручить прибывшим с вами товарищам из Особого отдела ВЧК и

специально выделенным петроградским чекистам разработать детальный план операции. Необходимо рассчитать реальную потребность в людях, исходя из того, что в каждом намеченном к проверке доме для проведения обыска и осмотра должна быть назначена группа во главе с ответственным товарищем.

Ближайшие события, прежде всего мятеж на Красной Горке, потребовали ускорения подготовки чекистской операции. Через районные ревтройки и партийные ячейки петроградских предприятий для участия в обысках были выделены отряды и группы наиболее подготовленных рабочих, из их состава созданы и проинструктированы досмотровые группы, возглавлявшиеся чекистами, работниками милиции и партийными активистами. Каждая такая группа получила объект для проверки. К обыскам было привлечено до 20 тысяч рабочих. «С целью конспирации, — вспоминал член президиума Петроградского совета профсоюзов, заместитель начальника штаба внутренней обороны города Н.М. Анцелович, — их предупредили, что предстоит провести учет имущества на фабриках и заводах… Представители штаба обороны в последний момент объявили, что по районам отряды будут заниматься не учетом имущества, а пойдут в квартиры буржуазии для того, чтобы реквизировать спрятанное оружие… Никто из рабочих и работниц не отказался выполнить свой революционный долг».

В ночь на 14 июня, то есть как раз тогда, когда белогвардейские мятежники активизировали свою подрывную Деятельность на фортах береговой обороны Петрограда и в Кронштадте, чтобы помочь Юденичу в захвате города чекисты с помощью петроградских коммунистов и многочисленных вооруженных рабочих отрядов произвели одновременно по всему городу массовые обыски в буржуазных кварталах, в помещениях, занимавшихся различными иностранными представительствами, в пустующих зданиях, подвалах и на чердаках. Операция была неожиданной для контрреволюционных заговорщиков, что и способствовало ее успеху.

М.С. Кедров и его ближайшие помощники также участвовали в обысках. Чуть позднее Михаил Сергеевич, вспоминая, рассказывал И.П. Павлуновскому:

— Так получилось, что моя группа стала производить обыск в доме номер четыре по Строгановской улице, в особняке швейцарской миссии, ранее принадлежавшем князю Салтыкову. В кладовых у «нейтральных» швейцарцев оказалось шестьдесят девять револьверов разных систем, один маузер, четыре охотничьих ружья, много опечатанных в ящиках патронов и снаряженных обойм… Кроме того, мы обнаружили, уже в другом

месте, замурованные в подвале двести с лишним ящиков и сейфов с серебряными изделиями фирмы Фаберже и несметное количество часов разных марок, сданных на хранение питерскими капиталистами.

— Что с ними думаете делать? — спросил Иван Петрович.

— Оружие и боеприпасы пошли на дело обороны. То, что принадлежит местным коммерсантам, передадим Госбанку, а все остальное — на усмотрение Народного комиссариата иностранных дел.

Проверка задержанных во время обысков, расследование дел участников офицерской заговорщической организации в Кронштадте дали массу ценных данных о подрывной работе контрреволюционеров на Петроградском фронте, что способствовало последующему разоблачению петроградского отделения монархической контрреволюционной организации «Национальный центр».

Успешное проведение задуманной чекистами операции, приведшее к ликвидации ряда шпионских гнезд, означало провал замысла белогвардейцев и интервентов взорвать петроградскую оборону изнутри. Немаловажно и то, что в ходе обысков было изъято 6825 винтовок, 644 револьвера, станковые пулеметы, более 140 тысяч патронов, большое количество ручных гранат и взрывчатых веществ. Операция получила положительную оценку В.И. Ленина. Он рекомендовал чекистам провести подобные массовые обыски в Москве и других городах.

Характер обстановки в те напряженные дни 1919 года, тактика вражеских шпионов требовали усиления контроля за передвижением в прифронтовой зоне. На это М.С. Кедров обращал особое внимание военных чекистов Петрограда. Все подозрительные лица задерживались, тщательно проверялись с участием сотрудников особых отделов, а при необходимости и обыскивались.

Это давало свои результаты. Так, в середине июня недалеко от Луги близ линии фронта красноармейский наряд обнаружил неизвестного в военной форме, который пробирался в сторону противника. При попытке задержания неизвестный не только не подчинился красноармейцам, а, отстреливаясь, бросился бежать. Наряд открыл огонь. Беглец был убит. В результате обыска убитого красноармейцы обнаружили револьвер, документы на имя Александра Никитенко и пачку дорогих папирос, при тщательном осмотре которых была найдена в мундштуке папиросы записка с зашифрованными шпионскими сведениями, адресованная одному из сподвижников Юденича, белогвардейскому генералу Родзянко. Записка имела подпись

«Вик».

Через несколько дней близ линии фронта севернее Петрограда были задержаны двое, пытавшихся нелегально пробраться в Финляндию. При обыске у них нашли два шпионских донесения с аналогичной подписью «Вик».

Материалы следствия по этим задержанным, а также данные, полученные от арестованных заговорщиков в Кронштадте и Петрограде и в ходе расследования по делу Никитенко, позволили чекистам конкретизировать свои действия по розыску «Вика». Через несколько недель он был разыскан. Им оказался довольно крупный деятель кадетской партии, бывший член городской думы, глава патентной фирмы «Фосс и Штейнингер» Вильгельм Иванович Штейнингер. Будучи членом руководства петроградского отделения контрреволюционного «Национального центра», он направлял действия шпионов и заговорщиков, при этом ловко заметал свои следы.

М.С. Кедров лично руководил розыском «Вика», а на ранней стадии принимал в нем непосредственное участие.

Во всей своей напряженной боевой работе в Петрограде М.С. Кедров выполнял установки Центрального комитета партии, Совета обороны, В. И, Ленина, чьи помощь и контроль имели неоценимое значение для разгрома Юденича и выкорчевывания внутренней контрреволюции в тылу.

Во второй половине июня 1919 года Михаил Сергеевич был отозван из Петрограда в Москву и сразу был командирован в качестве особоуполномоченного ВЧК в Вологду. К концу июня 1919 года здесь резко усложнилась обстановка в связи с переходом в наступление. В южном направлении большой группировки англо-американо-французских интервентов и белогвардейцев из района Архангельска и оживлением контрреволюционных элементов в тылу войск нашей 6-й армии.

На этом участке фронта правящие круги США, Англии и Франции в течение нескольких месяцев усиливали группировку своих войск, доставляя морем все новые людские пополнения, боевые самолеты и военные корабли, вооружение, боеприпасы, снаряжение и продовольствие. Была создана военная флотилия интервентов на Северной Двине, переформированы, заново оснащены и укреплены белогвардейские части генерала Миллера. По замыслу англо-американского командования, эта группировка должна была развернуть наступление в двух направлениях: из района Архангельска на Котлас и Вятку, чтобы соединиться с войсками Колчака и, переместив базу снабжения колчаковского фронта в Архангельск, совместными силами наступать на Москву

с северо-востока; другая часть войск предназначалась для наступления вдоль железной дороги Архангельск — Вологда.

Особый отдел ВЧК, Кедров располагали проверенными данными о том, что внутренняя контрреволюция, будучи хорошо осведомленной о намерениях и действиях правительств Англии, США и Франции, возлагала немалые надежды на интервентов. Еще с осени 1918 года отмечалось проникновение на Север бывших офицеров, участников разгромленных в центре страны контрреволюционных мятежей, туда же тянулись и деклассированные элементы. Различными тайными путями они просачивались через фронт и вливались в белогвардейские части. С помощью буржуазии и меньшевистско-эсеровских предателей ими создавались в Вологде, Котласе, Великой Устюге и других северных городах тайные очаги контрреволюции, занимавшиеся накапливанием оружия, подготовкой контрреволюционных мятежей к моменту приближения войск интервентов и шпионажем в их интересах.

Хорошо зная местные условия, а также командование 6-й армии: командующего А.А. Самойло, членов реввоенсовета Н.Н. Кузьмина, М.К. Ветошкина, местных партийных и советских работников, Кедров быстро разобрался в обстановке в этом обширном регионе и с помощью особого отдела 6-й армии, опираясь на партийные организации, развернул активную и решительную работу по ликвидации очагов контрреволюции.

Так с прибытием М.С. Кедрова в Великий Устюг в городе был собран партийный актив, на котором он разъяснил коммунистам остроту и опасность сложившейся обстановки, призвал их к бдительности и изложил подготовленный при его участии план действий по разгрому контрреволюции.

Этим планом предусматривалась и практически осуществлялась усиленная охрана прифронтовой зоны, устанавливался строгий режим передвижения в ее пределах. В городах и селах, примыкавших к фронту, проводились обыски и облавы в домах местной буржуазии, кулаков, в монастырских помещениях, лесных укрытиях. В результате было задержано большое число подозрительных лиц, найдено и изъято оружие и боеприпасы. Прибежищем контрреволюционных элементов оказались многие монастыри. В частности, в Михайло-Архангельском мужском монастыре, в Троицком, Ивано-Предтеченском и Янковском женских монастырях были обнаружены скрывавшиеся белогвардейцы. В этих церковных обителях было спрятано большое количество винтовок, станковых пулеметов, револьверов, гранат и патронов.

Рассказывая об этом кратковременном периоде деятельности

М.С. Кедрова на Севере, бывший член реввоенсовета 6-й армии и председатель Вологодского исполкома М.К. Ветошкин в своих воспоминаниях писал: «…надо указать, что Кедров быстро организовал в районе Вологды перехват белогвардейских офицеров и эсеров, стремившихся прорваться в Архангельск. Так была прервана связь белогвардейского „правительства“ (в Архангельске. — *М.К.*) и интервентов с контрреволюционными центрами внутри страны. Заслугу Кедрова нельзя не отметить».

В результате упорных боев 6-й армии, самоотверженной, активной борьбы красных партизан в тылу противника, успешных действий чекистов продвижение интервенционистских и белогвардейских войск было остановлено. Эта победа явилась началом их полного изгнания с захваченных северных территорий нашей Родины,

Выполнив задание Ф.Э. Дзержинского в Вологде М.С. Кедров возвратился в Москву, Здесь во всем чувствовалось возрастающее напряжение, вызванное началом нового похода Антанты, прежде всего наступлением ее главной ударной силы — мощной белогвардейской группировки Деникина, заново вооруженной и всесторонне оснащенной буржуазией Англии, США, Франции других империалистических стран. Организаторы похода требовали от белых армий в короткий срок достигнуть решающих успехов, захватить Москву, что в так называемой «московской директиве» Деникина, подписанной 3 июля 1919 года, рассматривалось как конечная цель начавшегося наступления белых армий.

В Москве М.С. Кедрову не удалось лично встретиться с Ф.Э. Дзержинским. Феликс Эдмундович был занят на проходившем в те дни пленуме Центрального Комитета партии, обсуждавшем важнейшие вопросы, которые встали перед страной в связи с началом наступления врага на юге. О результатах поездки в северные города Кедрова заслушал заместитель председателя ВЧК, один из ближайших помощников Феликса Эдмундовича Иван Ксенофонтович Ксенофонтов.

После обсуждения оперативной информации, привезенной с Севера, Ксенофонтов передал Кедрову новое поручение Дзержинского — в ближайшие дни сформировать поезд ВЧК для поездки на Южный фронт, который являлся тогда главным. При этом Иван Ксенофонтович пошутил, что Михаилу Сергеевичу, видно, выпал жребий вести кочевую жизнь до конца гражданской войны.

— …А теперь скажу коротко о причинах этого решения, — Иван Ксенофонтович вновь стал серьезным. — Главная из них —

острота и сложность оперативной обстановки. Для обеспечения нового похода Антанты на Советскую Россию белые бросили наряду с вооруженными полчищами все наличные тайные силы и средства. Интервенты и белогвардейцы активизировали деятельность своей агентуры в тылу Красной Армии. Есть Данные о том, что при участии резидента британской военной разведки готовится крупный вооруженный мятеж в Москве, Заговорщики из многочисленных подпольных организаций и групп намереваются с приближением войск Деникина начать вооруженное выступление в окрестностях столицы, рассчитывая отвлечь на себя силы московского гарнизона, а затем выступить в центре Москвы захватить Кремль, овладеть радиостанцией и телеграфом, чтобы разослать повсюду провокационную телеграмму о падении Советской власти и тем самым обеспечить белым армиям успех решения конечной задачи.

По последним данным из Петрограда, там возобновили действия по подготовке мятежа остатки «Национального центра» и иностранная агентура. ВЧК располагает сведениями о том, что белогвардейские заговоры подготавливаются в Киеве, Херсоне, Харькове, Орле, Пензе, Саратове и в ряде других городов. Агенты Антанты с помощью подпольных групп из белогвардейцев, эсеров, меньшевиков, анархистов, буржуазных националистов организуют вредительство и диверсии на транспорте. В последние дни был совершен ряд взрывов мостов, водокачек, крушений поездов. В тылу войск Южного фронта начали действовать вооруженные кулацкие банды, созданные с помощью эсеров, иностранной агентуры и украинских буржуазных националистов.

Для чекистских органов, — продолжал Иван Ксенофонтович, — начинаются особо горячие дни. Партийной директивой для нас является решение июльского пленума Центрального Комитета РКП (б). В этом решении и в письме «Все на борьбу с Деникиным!» определена стратегия действий Красной Армии по разгрому нового похода Антанты. ЦК призвал рабочий класс, всех трудящихся, воинов Красной Армии повысить бдительность и усилить борьбу с контрреволюционными элементами. Создавшаяся обстановка, генеральная линия партии на подчинение всей деятельности страны интересам разгрома белогвардейских армий Деникина требуют от ВЧК, ее Особого отдела сосредоточить все усилия на борьбе с тайными гнездами контрреволюции на этом участке фронта.

Учитывая все эти обстоятельства, коллегия ВЧК по согласованию с Политбюро ЦК приняла решение сформировать поезд ВЧК с бригадой опытных чекистов и в ближайшие дни

отправить его на Южный фронт с двойной задачей. Во-первых, оказать помощь особому отделу Южного фронта, особым отделам армий и чрезвычайных комиссий прифронтовых губерний в сложных условиях отхода и маневренных действий войск. Во-вторых, необходимо организовать оперативную деятельность по очистке и укреплению тыла фронта. Поезд должен возглавит авторитетный руководитель. Выбор пал на вас. По решению ЦК вы, Михаил Сергеевич, наделяетесь чрезвычайными правами уполномоченного ЦК РКП (б) по Южному фронту и полномочного представителя ВЧК.

М.С. Кедров, внимательно выслушав И.К. Ксенофонтова, поблагодарил за доверие, уточнил, какие организационные вопросы по формированию поезда еще не решены, справился о сроках выезда.

Несколько дней, остававшихся до отъезда на Южный фронт, ушли на то, чтобы выяснить с помощью сотрудников Особого отдела ВЧК, как обстоят дела в особых отделах фронтов и армий, в частях и военных учреждениях Московского гарнизона; были уточнены и обобщены данные об оперативной обстановке на Южном фронте. Отдав необходимые указания, М.С. Кедров известил телеграммой своего заместителя И. П. Павлуновского, находившегося в Петрограде, о своем убытии во фронтовую поездку.

Первоначально поезд ВЧК отправился в Козлов, где находился штаб Южного фронта. Ознакомившись с обстановкой, с работой особого отдела фронта, Кедров потребовал активизировать всю работу фронтовых чекистов, особенно розыск вражеской агентуры. По его указанию из сотрудников поезда ВЧК были сформированы оперативные группы из двух-трех человек, которые вместе с местными чекистами прочесывали населенные пункты прифронтовой зоны, проводили проверку документов, Задерживали подозрительных лиц, помогали в наведении строгого порядка в тылу войск. В одной из таких групп действовал шестнадцатилетний сын Кедрова Бонифатий, ставший позднее известным философом, академиком, автором крупных научных трудов.

С повышенной требовательностью Михаил Сергеевич проанализировал работу особого отдела Южного фронта по охране секретов, контролю за военспецами в штабе фронта, на фронтовом узле связи, располагавшемся близ Козлова, за прибывавшим на фронт пополнением. Особое внимание чекистов он обращал на важность сохранения в тайне мероприятий командования по проведению пере' группировки войск и планов

контрнаступления фронта

Из Козлова поезд ВЧК проследовал в Тамбов, который являлся важным железнодорожным узлом. Через него осуществлялись воинские перевозки для Южного фронта Здесь же располагалась фронтовая база материально-технического снабжения. Состояние железнодорожных коммуникаций, их охрана — эти вопросы прежде всего интересовали Кедрова в Тамбове. Кроме того, сотрудники поезда ВЧК участвовали в проверках документов у подозрительных лиц, охране коммуникаций и ликвидации мелких бандитских шаек из дезертиров и местных кулаков. Была подвергнута тщательной проверке работа особого отдела Тамбовской губчека.

Далее поезд ВЧК направился в Воронеж, затем в Курск и Орел. В каждом из этих городов военные чекисты оказывали максимальное содействие особым отделам армий, местным чрезвычайным комиссиям. В Воронеже, например, М.С. Кедров помог начальнику особого отдела 9-й армии организовать работу с поступавшим пополнением и контроль прифронтовой зоны. Эта помощь, эти мероприятия имели большое значение, так как на участке этой армии отсутствовал сплошной фронт и существовала угроза безнаказанного прорыва противника.

Как уполномоченный ЦК РКП (б) М.С. Кедров следил за ходом подготовки контрнаступления, вместе с членами реввоенсоветов фронта и армий участвовал в проведении разъяснительной работы в войсках, особенно среди нового пополнения, в выявлении «узких мест», в устранении недочетов в обеспечении войск. От Кедрова регулярно поступала ценная информация в ЦК РКП (б) и ВЧК о положении дел на Южном фронте.

Тем временем обстановка на фронтах гражданской войны продолжала усложняться. Военные действия приобрели крайне широкий масштаб. Страна находилась в кольце фронтов, общая протяженность которых достигла 8 тысяч километров. В.И. Ленин, выступая на пленуме ЦК РКП (б) в июле 1919 года, говорил о том, что наступил один из самых критических моментов социалистической революции, когда опасность грозит всем завоеваниям рабочих и крестьян. От имени ЦК он призвал партию перенести главные усилия на непосредственные задачи войны. «Советская республика осаждена врагом. Она должна, — подчеркивал Владимир Ильич, — быть *единым военным лагерем* не на словах, а на деле».

Четкие партийные директивы июльского пленума ЦЬ. РКП (б) предъявляли новые высокие требования к деятельности всего советского государственного аппарата, а органов ВЧК и ее

Особого отдела в первую очередь. Было признано целесообразным назначить начальником Особого отдела ВЧК члена ЦК РКП (б), председателя ВЧК Ф.Э. Дзержинского. Решение ЦК о назначении состоялось 18 августа 1919 года. Совмещение постов председателя ВЧК и начальника Особого отдела ВЧК в самый напряженный период гражданской войны явилось важной политической и организационной мерой способствовавшей сосредоточению для контрразведывательной работы в интересах фронта и защиты армии и флота от подрывных действий противника всех сил и возможностей чекистских органов в центре и на местах, а также повышавшей авторитет особых отделов.

По возвращении с Южного фронта М.С. Кедров сделал обстоятельный доклад Ф.Э. Дзержинскому об обстановке на фронте и в прифронтовой полосе, о результатах работы группы Особого отдела ВЧК. А уже в сентябре 1919 года по указанию Ф.Э. Дзержинского член коллегии ВЧК М.С. Кедров выезжает на Западный фронт. Оказывая помощь прифронтовым чрезвычайным комиссиям, он организует борьбу с контрреволюционными элементами и шпионажем в Смоленске, Орше, Могилеве и Гомеле. В сложной обстановке, вызванной наступлением Деникина, группа Кедрова оказалась в Гомеле. Здесь Михаил Сергеевич вынужден был по собственной инициативе взяться за организацию обороны Гомельского укрепленного района, оказавшегося на слабо прикрытом войсками стыке Южного и Западного фронтов. Кедров некоторое время возглавлял этот укрепленный район и с помощью находившихся с ним сотрудников Особого отдела обеспечил восстановление нормальной работы железнодорожного узла, что способствовало доставке грузов с вооружением, боеприпасами и другими видами снабжения борющимся фронтам.

Очередная поездка М.С. Кедрова осенью 1919 года была связана вновь с Южным фронтом. Она была вызвана необходимостью наведения порядка во фронтовом тылу на территории Тамбовской губернии, откуда недавно был изгнан конный корпус белогвардейского генерала Мамонтова. Во время рейдирования белогвардейцев по нашим тылам им помогали в террористических акциях и бесчинствах местная буржуазия и кулаки. Нужно было выявить и привлечь к ответственности преступников.

К возвращению М.С. Кедрова из Тамбова ему было подготовлено новое очень сложное и ответственное поручение. Вот как вспоминал об этом Михаил Сергеевич!

«Канун Октябрьской годовщины. Торжественное

заседание Моссовета… в Большом театре Феликс Эдмундович остановил меня:

— Вот хорошо, что приехали… Образована специальная комиссия по выработке положения об улучшении санитарного состояния республики. На днях должен выйти соответствующий декрет. Вот, познакомьтесь с материалами…

Феликс Эдмундович достал из портфеля несколько листков и передал их мне.

-..И скажите ваше мнение, а также согласны ли от ВЧК возглавить эту образуемую комиссию. Необходимо устроить день топлива, чтобы бани работали непрерывно, а также день санитарии, провести кампанию пошивки белья и пр. Полагаю, что эта работа по вашему духу.

Я поблагодарил Феликса Эдмундовича, взял материалы для ознакомления, но я был уже согласен…»

Постановлением Совета рабочей и крестьянской обороны от 8 ноября 1919 года при Народном комиссариате здравоохранения образовалась временно особая Всероссийская комиссия по улучшению санитарного состояния республики в составе пяти членов: из представителей Всероссийской чрезвычайной комиссии, Политического управления Реввоенсовета Республики, Всероссийского совета профессиональных союзов, женотдела ЦК РКП (б) и Народного комиссариата здравоохранения РСФСР, Председателем этой комиссии был назначен член коллегий ВЧК и Наркомвнутдела М.С. Кедров. В мандате, подписанном председателем ВЧК и народным комиссаром внутренних дея Ф.Э. Дзержинским 18 ноября 1919 года, была указано: «Кедров М.С. Командируется полномочным представителем ВЧК в район Заволжья и Западной Сибири с чрезвычайными полномочиями». Эти полномочия М. С, Кедрову были подтверждены постановлением Совета обороны и указаны в мандате, подписанном В.И. Лениным 30 января 1920 года, в котором говорилось, что М.С. Кедров является председателем Всероссийской комиссии по улучшению санитарного состояния республики и что распоряжения комиссии, касающиеся санитарных мероприятий и лечебного дела, являются обязательными для всех военных и гражданских органов.

Принимаемые партией и правительством чрезвычайные меры были вызваны новой опасностью, нависшей над Республикой Советов к концу 1919 года, — эпидемией тифа и других заразных болезней. Она возникла на Восточном фронте, где поспешно

отступавшая колчаковская белогвардейщина оставляла в освобожденных городах и селах массу тифозных солдат. Вспышки эпидемий были зарегистрированы и в рядах Красной Армии. Они были вызваны тяжелыми условиями на фронте, недоеданием и недостатком медикаментов. Скученность и грязь на железных дорогах также способствовала быстрому распространению болезней. Сыпной тиф уносил больше человеческих жизней, чем война. Борьба с тифом и заразными болезнями становилась делом большой государственной важности. Указывая на эту новую опасность, В.И. Ленин в докладе на VII съезде Советов подчеркивал: «Товарищи, все внимание этому вопросу. *Или вши победят социализм, или социализм победит вшей!»*

Все это хорошо сознавал Михаил Сергеевич, который, будучи врачом-эпидемиологом, имел немалый опыт борьбы с эпидемиями еще со времен первой мировой войны.

Энергичная целеустремленность Кедрова проявилась и при выполнении нового задания. Было выработано Положение об улучшении санитарного состояния в Советской Республике. Сформирован, укомплектован специалистами и снабжен необходимым оборудованием и медикаментами специальный поезд особой Всероссийской комиссии по улучшению санитарного состояния республики. Он спешно отправился на восток. 15 ноября 1919 года Ф.Э. Дзержинский и Н.А. Семашко подписали совместный приказ ВЧК и Наркомата здравоохранения «О мерах борьбы с разрухой в санитарном отношении», проект которого был подготовлен М.С. Кедровым. В приказе было сказано: «Ввиду широко развивающейся эпидемии сыпного тифа и других болезней одной из главных задач губчека… должна быть борьба с разрухой в санитарном отношении». Органы ЧК наделялись правом привлекать для проведения этой работы воинские части, население, транспорт и т. п.

С помощью партийных и советских органов и прежде всего чрезвычайных комиссий на местах М.С. Кедров и сотрудники его комиссии проводили большое количество сложных и трудоемких лечебных и санитарно-профилактических мероприятий. Контроль за неукоснительным их осуществлением возлагался на созданный из сотрудников ЧК институт уполномоченных по санитарному делу и специальную разъездную санитарную комиссию.

Борьба с сыпняком оказалась не менее сложной и ответственной, нежели борьба с контрреволюцией. Рассказывая об этих днях, сын М.С. Кедрова, Б.М. Кедров, входивший в состав особой Всероссийской комиссии, в своих воспоминаниях писал: «Начали с Симбирска. Здесь организовали санитарный пункт, дезинфекцию, походную баню-поезд, прачечную и т. д. На

станции был наблюдательный пункт для проверки всех отъезжающих в сторону Москвы, то есть на запад… За Симбирском следовали Уфа, потом Курган, Омск, Новониколаевск… Везде вдоль железнодорожного полотна в снегу валялись трупы колчаковских солдат. Госпитали были переполнены тифозными. Врачей и медперсонала не хватало, не хватало рук хоронить умерших. Мы работали день и ночь».

Принятыми мерами удалось к весне 1920 года ликвидировать очаги эпидемии и предотвратить распространение бедствия на центральные губернии Советской России. Опасная угроза отступила благодаря самоотверженности медицинских работников и чекистов во главе с М.С. Кедровым и организованной ими широкой помощи трудящихся.

В марте 1920 года член коллегии ВЧК М.С. Кедров снова в пути. Он направляется на Север в составе правительственной комиссии по расследованию злодеяний интервентов и белогвардейцев в освобожденных Красной Армией Архангельске, Мурманске и прилегающих районах. В течение нескольких месяцев кропотливой работы комиссия собрала обширные, юридически оформленные материалы о кровавых деяниях английских, французских и американских интервентов и их белогвардейских лакеев на советской земле. Эти материалы и в дальнейшем не раз широко использовались во внешнеполитических акциях Советского государства и антиимпериалистической пропаганде.

В 1921–1922 годах М.С. Кедров выполнял поручения Совета Труда и Обороны, а также ГПУ — ОГПУ на Южном Каспии, в Закавказье и на Нижней Волге. В полной мере используя предоставленные ему права уполномоченного СТО и полномочного представителя ГПУ — ОГПУ, он с небольшим аппаратом проделал значительную работу по восстановлению хозяйственной деятельности в этих районах и организации борьбы с контрреволюцией, усилившейся в экономической области с началом нэпа.

Кедров побывал в большинстве промысловых районов Южного Каспия участвовал в налаживании деятельности Южнокаспийского управления рыбных промыслов, предпринимал усилия для увеличения заготовки рыбы и доставки ее в промышленный центр и голодающее Поволжье. Вместе с С.М. Кировым, Н. Нариманов и начальником Азнефти А.П. Серебровским Михаил Сергеевич занимался возрождением нефтедобычи в Баку, организацией транспортировки нефти в центральные районы, а также для нужд торгового флота на

Каспии и Нижней Волге.

По инициативе Михаила Сергеевича в Баку было создано бюро содействия нефтяной промышленности, транспорту и Красной Армии, сыгравшее заметную положительную роль в активизации работы местных советских и хозяйственных органов. Аналогичная общественная организация по содействию транспорту была образована Кедровым в Астрахани.

Как полномочный представитель и член коллегии ГПУ — ОГПУ Кедров проанализировал работу азербайджанских и грузинских чекистов, оказывал им помощь в борьбе с контрреволюционными элементами, особенно из местных националистов.

Знакомясь с работой Азербайджанской ЧК, председателем которой был Багиров, а его заместителем — Берия, Кедров обнаружил грубейшие нарушения революционной законности и произвол со стороны Берия. Принципиально оценив конкретные факты, Кедров сообщил о них специальным письмом на имя Ф.Э. Дзержинского В Москву. В письме указывалось, что Берия арестовывал и привлекал к уголовной ответственности невиновных людей по явно не проверенным, а иногда и сфальсифицированным материалам и в то же время необоснованно прекращал уголовные дела на лиц, в отношении которых имелись неопровержимые доказательства их враждебной деятельности против Советской власти. Михаил Сергеевич просил Ф.Э. Дзержинского рассмотреть вопрос об отстранении Берия от работы в чекистских органах как человека, не заслуживающего, по его мнению, политического доверия. По неизвестным причинам письмо не попало Ф.Э. Дзержинскому, и Берия остался на ответственной работе. Только в 1953 году, когда он был арестован, выявилось истинное лицо предателя и изменника Родины, который еще в 1919 году сотрудничал с контрреволюционным мусаватистским правительством Азербайджана в качестве секретного осведомителя его разведки, связанной с англо-турецкими оккупационными войсками, выполнял задания охранки меньшевистского правительства Грузии.

Во время пребывания на Кавказе Кедров активно участвовал в работе местных партийных и советских органов, в укреплении их проверенными кадрами. Он был избран членом Бакинского Совета.

Когда летом 1921 года в связи с голодом в Поволжье стали прибывать в Баку большие группы беженцев, он принял деятельное участие в организации помощи им продовольствием и одеждой.

Большое значение имела объективная и точная информация об обстановке в данном регионе, направлявшаяся Кедровым В.И. Ленину и Ф.Э. Дзержинскому.

Положительно оценив деятельность М.С. Кедрова на Каспии и в Баку, Ф.Э. Дзержинский весной 1923 года направляет Михаила Сергеевича во главе небольшой комиссии в качестве уполномоченного Народного комиссариата путей сообщения на Крайний Север. В удостоверении, подписанном Феликсом Эдмуидовичем 21 апреля 1923 года, было указано, что Кедров является уполномоченным Наркомпути по Печоре, ее притокам и Северному Ледовитому океану с правами образовать бюро но содействию транспорту того же района. Сам Кедров, выступая на пленуме Печорского укома партии в июне 1923 года, говорил: «Главная задача прибывшей из Москвы комиссии — оживить Печорский край. Задача эта весьма трудная при отсутствии путей сообщения, в особенности зимой. Первая и главная задача — это прорубить окно из Печоры для связи водных путей с Россией…» Вскоре комиссией совместно с краевым руководством, партийным, советским и хозяйственным активом был выработан обоснованный план освоения края.

Кедров оставил заметный след как организатор хозяйственного развития Крайнего Севера в 20-е годы. Реально оценив роль транспорта и трудности его возрождения в условиях этого сурового края, он сосредоточил усилия комиссии на налаживании работы Печорского речного пароходства, был оборудован порт на Индиге, обеспечены транспортные связи с Архангельском и Центром Советской России. Наряду с этим Михаил Сергеевич вникал в проблемы освоения лесных богатств, разведки полезных ископаемых, организации рыбного промысла. Учитывая, что главное богатство Крайнего Севера — пушнина, расширение добычи которой не требовало крупных капитальных затрат, а сбыт за границу давал стране столь необходимые средства для восстановления разрушенного войной народного хозяйства, М.С. Кедров изучил практику заготовки пушнины. Вместе с укомом партии, уездным Советом и милицией он решительно боролся с таким наследием царских времен, как спаивание ненцев-охотников местными кулаками, которые таким образом приобретали пушнину за бесценок. По настоянию Михаила Сергеевича было принято решение о ликвидации задолженности ненцев кулакам и тем самым был положен конец кабальной зависимости охотников от спекулянтов-перекупщиков. Путем налаживания товарообмена, обеспечения охотников-промысловиков оружием, боеприпасами и необходимым

инвентарем комиссия Кедрова оказывала помощь в заготовке ценной пушнины государственным организациям Северопушнина и Госторг.

Кедров деятельно, настойчиво занимался не только восстановлением хозяйственной жизни на Печоре, но и как опытный партиец-пропагандист заботился о политическом просвещении масс, разъяснял полигику Коммунистической партии в отношении к малым народностям Севера. Совместно с укомом партии он организовал выпуск газеты «Печорская правда». Бывший секретарь укома Я.Н. Набатов вспоминал: «Для обеспечения материальной стороны выпуска (газеты) очень много помог М.С. Кедров. Он отпустил нам ножную типографскую машину „Бостонка“ и отпустил бумаги, обеспечивающей выпуск газеты на полгода. Первый номер был весь написан нами, то есть мной, Кедровым…»

В конце 1923 года М.С. Кедров возвратился в Москву. Закончился почти шестилетний период его командировок по стране. Предстояло обосноваться в столице для длительной работы. И когда Михаил Сергеевич обратился по поводу жилья к Ф.Э. Дзержинскому, распорядился следующим образом: «Дать тов. М.С. Кедрову квартиру. Она ему нужна не столько для жилья, сколько для работы».

Начало следующего этапа служебной и партийной деятельности М.С. Кедрова совпало с трагическим событием в жизни Коммунистической партии, Советского государства, всех трудящихся — кончиной В.И. Ленина, воплощению идей и указаний которого Михаил Сергеевич посвятил многие годы своего неустанного напряженного труда. Смерть В.И. Ленина потрясла Кедрова. В те дни Михаил Сергеевич писал: «Ленин будет жить — такова воля пролетариата. Он и раненый оставался незримым вождем Красной Армии, который и в донских степях, и в Кавказских горах и в архангельской тундре, и в сибирской тайге, через пески и дебри, через огонь и воду вел красные полки в бой к верной и славной победе. И даже смерть в бессилии отступила перед гением Ильича». М.С. Кедров продолжал дело великого вождя до конца своей жизни, всегда оставался целеустремленным солдатом ленинской гвардии.

В трудных условиях нэпа, когда в решении вопроса: кто кого? — Советское государство должно было противопоставить частному сектору более высокий уровень организации производства и торговли, партия использует М.С. Кедрова, его многосторонние знания, прежде всего высокую правовую квалификацию, а также некоторый опыт организации торговли,

приобретенный в дореволюционный период в издательстве «Зерно», для решения коммерческих задач. С конца 1923 года М.С. Кедров — председатель правления организации Снабтранс, занимавшейся улучшением централизованного снабжения железных дорог. В этот же период он включился в решение проблемы государственного регулирования товарооборота, возглавляя по линии ВСНХ организацию Госпосредник, главной задачей которой было расширять позиции государства в промышленности и оптовой торговле, вытеснять из них частного посредника. Кедров состоял также членом торговой комиссии ВСНХ.

Убедившись в рациональности проводимых М.С. Кедровым мероприятий, Ф.Э. Дзержинский поручает ему возглавить оргбюро по созданию первого в советских условиях акционерного общества. В записке Феликса Эдмундовича от 2 марта 1924 года, адресованной заместителю председателя ВСНХ Н.Б. Эйсмонту, по этому поводу было сказано: «Сейчас тов. Кедров работает по моему заданию в торговой области для создания комиссионно-посреднического аппарата… путем объединения Госпосредника с Трансснабом…» Чуть позже в записке Кедрову от 31 марта 1924 года Дзержинский дал ему указание составить циркулярное письмо от имени председателя ВСНХ о проекте организации Акционерного общества по обслуживанию госпромышленности и транспорта (АПТО) и тех задачах, которые ему могут быть поставлены.

В течение двух лет Михаил Сергеевич руководил правлением АПТО. Он прилагал немалые усилия к тому, чтобы эта организация оказывала действенную помощь укреплению государственной промышленности и транспорта. В своей работе он старался опираться на помощь общественности. С этой целью был образован печатный орган АПТО — газета с названием «Кто кого?». Ее первый номер вышел 23 июня 1924 года.

В 1926 году партия направляет М.С. Кедрова, опытного юриста, в Верховный суд СССР помощником прокурора. На этом поприще он основное внимание уделял укреплению социалистической законности в уголовной практике. Работник Верховного суда СССР полковник юстиции в отставке А.Н. Чуватин рассказывал:

> «В 1926 году Михаил Сергеевич Кедров был помощником прокурора Верховного суда СССР. Одно время он был секретарем партийной организации Верховного суда СССР.
>
> Это был обаятельный человек. Простой и скромный.

Он все время ходил в гимнастерке и в сапогах. Никогда не кичился своими заслугами. При разборе персональных дел в партийной организации никогда не повышал голоса, был всегда ровный, внимательный и отзывчивый».

В 1928 году М.С. Кедрову было поручено возглавить организационный комитет Всемирной спартакиады в Москве, а затем в течение четырех лет он руководил президиумом Красного Спортивного Интернационала. На этом посту проявил себя как талантливый организатор массовой спортивней работы в стране, как убежденный интернационалист в борьбе за единство международного спортивного рабочего движения. И сегодня звучат вполне актуально многие мысли Михаила Сергеевича, высказанные им тогда в статьях и брошюрах о спорте. В частности, в статье, опубликованной в журнале «Теория и практика физической культуры» (№ 6, 1929 г.), Кедров писал, определяя задачи и роль физической культуры; «Основа её, как известно, заключается в физическом оздоровлении трудящихся масс, в оздоровлении их быта, в укреплении их классового сознания, солидарности, в выработке определенных качеств, необходимых для строительства социализма, для обороны пролетарского государства…».

Опытный партийный работник, владеющий несколькими иностранными языками, М.С. Кедров привлекался в эти годы и к работе в Исполкоме Коминтерна.

Около пяти лет, начиная с 1932 года, М.С. Кедров работал в Госплане РСФСР. Он был членом президиума Госплана, возглавлял в нем сектор обороны, а затем отдел науки и техники.

С 1936 года Михаил Сергеевич, всю жизнь хранивший преданность медицине, начинает работу в Научно-исследовательском институте нейрохирургии Наркомздрава СССР. Под руководством известного ученого Н.Н. Бурденко он занимался вопросами борьбы со злокачественными опухолями, в частности решением проблемы ранней диагностики раковых заболеваний.

Независимо от занятости по службе коммунист-ленинец М.С. Кедров постоянно выполнял различные поручения партийных организаций, вел большую агитационно-пропагандистскую работу, сотрудничал в партийных изданиях. Им написан ряд трудов по истории революционного движения в России, иностранной военной интервенции и гражданской войны.

Немало сил Михаил Сергеевич отдавал публицистике, отражая в ней роль В.И. Ленина в истории российского

революционного движения и Коммунистической партии, в организации первого в мире пролетарского государства, его укреплении, защите, создании Красной Армии. Из-под пера Кедрова вышли такие положительно воспринятые в партии брошюры, как «Из красной тетради об Ильиче», «Повсюду Ильич», «Вождь Красной Армии»,

Жизненный путь Кедрова оборвался трагически. Он был арестован по ложному обвинению 16 апреля 1939 года, а осенью 1941 года по указанию Берия расстрелян.

Труден, полон предельного напряжения, но и почетен был революционный путь М.С. Кедрова. Как солдат партии он без колебаний, с энтузиазмом принимался за каждое поручение Коммунистической партии.

Важнейшее из выполненных М.С. Кедровым заданий Центрального Комитета партии — его плодотворная деятельность на посту начальника Особого отдела ВЧК. Опираясь на богатый опыт партийной и военной работы как в подполье, так и после победы Великого Октября Кедров сумел в сложной военно-политической обстановке идя непроторенным путем и преодолевая противоречивые мнения военных авторитетов, выбрать и предложить Ф.Э. Дзержинскому, коллегии ВЧК единственно правильное решение в организации военной контрразведки Красной Армии. Немногим более полугода возглавлял он советскую военную контрразведку, но за это короткое время она превратилась в четко функционирующий боевой орган пролетарского государства. В успешном выполнении задач ограждения Красной Армии и Флота от происков контрреволюции и иностранных шпионов в годы гражданской войны, которое обеспечили особые отделы, есть несомненная заслуга их первого руководителя.

За мужество и отвагу, за огромную плодотворную государственную и общественную деятельность Михаил Сергеевич Кедров в год 10-летия Великой Октябрьской социалистической революции был награжден орденом Красного Знамени. Еще раньше за активную борьбу с контрреволюцией он был удостоен знака «Почетный чекист», удостоверение к которому подписал лично Ф.Э. Дзержинский. Михаил Сергеевич был великим тружеником, надежным и несгибаемым борцом за прогресс и подлинную социалистическую справедливость. В наши дни память М.С. Кедрова увековечена в названии его именем улиц в районах новостроек Москвы, Ленинграда, Архангельска, Вологды и некоторых других городов.

ВЛАДИМИР ЛИСТОВ
МИХАИЛ АБРАМОВИЧ ТРИЛИССЕР

Бунт нарастал. Хорошо оснащенная крепость, защищающая Гельсингфорс, сотрясалась внутренними силами. Доведенные издевательствами до отчаяния минеры отказались расставить мины вокруг Свеаборга. Комендант крепости их арестовал. Солдаты-артиллеристы и матросы выступили в защиту минеров. Тогда комендант на глазах у всех расстрелял двух артиллеристов. Это случилось в июле 1906 года.

Большевики пытались сдержать гнев матросов и артиллеристов. Как ни странно звучит — «большевики пытались сдержать», но они вынуждены были это сделать, так как восстание запоздало. Революция 1905 года шла на убыль. Самодержавие беспощадно расправлялось с любым непокорством революционно настроенных масс. В этих условиях Ленин, партия большевиков стремились сохранить остатки сил и удерживали свеаборжцев от выступления.

Но солдаты и матросы восстали. Для оказания помощи военным морякам в Свеаборг были направлены М.Н. Лядов и Р.С. Землячка. Лядов попал туда только в конце восстания, а Землячка не смогла приехать вообще, из-за военных действий.

За полтора месяца до свеаборгского восстания руководителем Финляндской военной организации РСДРП стал двадцатитрехлетний Михаил Абрамович Трилиссер. Невысокого роста, худощавый, похожий больше на курсанта, он прошел уже большой путь профессионального революционера. Трилиссер быстро перестроил работу социал-демократов в армии, организовал издание нелегальной газеты «Вестник казармы», В своих статьях он также пытался удержать солдат ж матросов от выступления Но когда восстание свершилось, он не потерял надежды на то, что свеаборжцев поддержит вся Россия.

Дни и ночи теперь Михаил проводил среди солдат и матросов гарнизона, поднимая их на помощь восставшим. Героически сражались свеаборжцы, но под натиском превосходящих сил после трехдневных боев были разгромлены. 1 августа 1906 года военная организация большевиков выпустила специальный номер газеты «Вестник казармы», в передовой статье которой Трилиссер разъяснил значение и уроки восстания: «И хотя восстание побеждено, но крепнет и ширится народная борьба, ей путь и выход указан РСДРП, Выход один — полное свержение царского самодержавия. Свергнуть его может только

всенародное вооруженное восстание».

Михаил был увлечен борьбой, с головой ушел в партийную работу, а опыта борьбы с царской охранкой еще не хватало… Он считал, что паспорт на имя Капустянского, партийная кличка Анатолий, под которой работал, надежно защищают его от любых случайностей, что прошлое участие его в марксистских кружках и работа в большевистских организациях в Астрахани и Казани скрыты от жандармов. Но царская жандармерия уже напала на его след.

Начальник Финляндского Жандармского управления 23 апреля 1907 года № 324 г. Гельсингфорс.

В. Нужное. Совершенно секретно

ДИРЕКТОРУ ДЕПАРТАМЕНТА ПОЛИЦИИ

Из самых достоверных источников получены следующие сведения:

«Временное бюро военной организации социал-демократической партии», целью которого является объединение деятельности этих организаций в Петербурге, Кронштадте, Новгороде, Вятке, Казани, Перми и Финляндии, находится в С.-Петербурге в здании Технологического института в студенческой столовой, вход с Забалканского проспекта. Там же в настоящее время помещается «Центральный Комитет Всероссийской социал-демократической партии»,

До 19 сего апреля, а может быть, еще и по сей час паролем для входа в эти учреждения является: «От Адам Адамыча».

В состав вышеупомянутого бюро «В. Ор. О. Д. Партии» входят:

1. Некий Анатолий, депутат от Финляндской военной организации Российской социал-демократической партии.

Далее указывалось, что он среднего роста, еврейского типа, черные волосы, носит пенсне, одет в черное пальто и под ним синяя тужурка со стоячим воротником. Проживает в Петербурге в квартире № 5 дома 47 по Сергеевской улице. Для свидания с Анатолием необходимо сказать пароль: «От Иды».

Жандармы узнали, что «Временное бюро военной организации» находится в ведении Петербургского Комитета, который выставил представителей от военных организаций на происходящий в Лондоне съезд российских социал-демократов…

В последующих донесениях департаменту полиции

указывалось, что представитель в Центральном Комитете Российской социал-демократической рабочей партии от Финляндской военной организации этой партии Анатолий имеет еще партийную кличку Мурский. В апреле — мае 1907 года он находился в Гельсингфорсе, проживал на Хагазундской улице в доме № 2, квартира 12, в меблированных комнатах «Хильстрем», по паспорту на имя Капустянского.

За Анатолием (Мурским) было установлено наблюдение. В Петрограде стояли еще белые ночи, когда Анатолий был схвачен жандармами. Арест был неожиданным.

12 августа в департамент полиции было доложено:

> «…Главный организатор и руководитель Финляндской военной организации при ЦК РСДРП А.А. Капустянский, который оказался уроженцем г, Астрахани М.А. Трилиссером, задержан…»

Михаил Трилиссер был доставлен в Шлиссельбургскую крепость. Когда захлопнулась массивная дверь и заскрипел засов, Михаил почувствовал озноб. Нет, это была не простуда, хотя по сравнению с августовским Жарким воздухом здесь было холодно. Этот озноб был от внутреннего напряжения, от резкого контраста. Трилиссер был человеком не робким, уже испытал на себе одиночку. Но такая резкая перемена обстановки подействовала удручающе…

Днем Михаила вызвал на допрос жандармский офицер.

— Ну-с, Капустянский, Анатолий или Мурский, Как вас называть?

— Называйте как хотите…

— Нет, пожалуй, все же лучше Трилиссер. Рассказывать будете?

— Что рассказывать? Ведь вы все знаете…

— Я надеюсь на ваше благоразумие. Чтобы передать ваше дело в суд, остановка за небольшим. И мера наказания будет вам определена в зависимости от вашего поведения. Вы участвовали в восстании солдат и матросов. И не только участвовали, но и подстрекали. Назовите ваших сообщников и организаторов этого мятежа.

— Вы хорошо информированы и должны знать, что никто не подстрекал. Гарнизон восстал сам…

— Но восстание случилось. Вы и ваши друзья его возглавили. Кто был вместе с вами?

— Со мной никого не было.

— А собрания в здании Технологического института? Кто там бывал, кроме вас?

«Неужели докопались и до этого? — Тоскливо защемило в груди. — Неужели полный провал? В помещении столовой Технологического института встречался с Лядовым, участвовал в заседаниях Петербургского Комитета большевиков. Там ведет работу Надежда Константиновна Крупская. Заходит к ней Вера Рудольфовна Менжинская, старшая сестра Вячеслава Рудольфовича Менжинского, члена комитета большевистской военной организации и одного из редакторов газеты „Казарма“. Да и многие другие. Откуда это известно охранке? Несомненно, кто-то предал? Кто?.. Но разве сейчас дело в том, как распознать предателя? Главное, сохранить все то, что еще не известно охранке!»

Михаил понял, что охранка знает многое.

— В здании Технологического института я бывал редко. Заходил послушать лекции и пообедать в столовой. Никого там не знаю.

Трилиссер держался упорно.

— Понятно. Тогда придется вспомнить все сначала. Трилиссер Меер Абрамович, когда и где вы родились?

— 1 апреля 1883 года в городе Астрахани.

— Кто ваши родители? Где вы учились?

Михаил понимал, что это хорошо известно полиции.

— Отец — сапожник, мать — домашняя хозяйка. Окончил астраханское городское училище, затем уехал учиться в Одессу.

— А чему вас научили в Одессе?

— Сдал экзамены за шесть классов гимназии…

— А дальше?

— Дальше вы знаете: был по этапу отправлен обратно в Астрахань.

— За что же?

— За то, что участвовал в кружке.

— В кружке, которым руководил брат известного большевика Ленина — Дмитрий Ульянов?

Еще в Астрахани, чтобы дать образование старшему сыну Михаилу, родители пустили в свой дом квартиранта, политического ссыльного Бориса Васильевича Авилова! Руководитель социал-демократии Астрахани, Авилов стал лучшим наставником Михаила и Давида Трилиссеров. Он познакомил подростков с трудами Плеханова и вселил в их души неистребимый дух борьбы за справедливость.

Два года пребывания в Одессе, куда Михаил уехал для продолжения образования, стали поворотным этапом в жизни юноши. Знакомство с группой студентов в университете, входивших в социал-демократический кружок, посещение

нелегальных собраний, а затем вступление в 1901 году в члены Южной революционной группы социал-демократов, руководителем которой был брат В.И. Ленина Дмитрий Ильич Ульянов, окончательно определили направление идеологических воззрений.

Пошла жизнь профессионального революционера: ссылки, тюрьмы, каторги… Из Одессы он высылается под надзор полиции в Астрахань. Там в 1903 году избран в состав астраханского комитета РСДРП. По заданию партии выезжает в 1905 году в Казань, где вскоре избирается в состав местного комитета РСДРП.

К началу первой русской революции в Казани были созданы боевые дружины, налажена работа в войсках гарнизона при активном участии Михаила Трилиссера, который выступал уже под партийной кличкой Анатолий. Затем Петербург, работа в военном комитете питерских большевиков. Трилиссер избирается членом Петербургского Комитета большевиков и руководителем военной организации комитета в Финляндии…

Возвращаясь в камеру после допроса, Михаил каждый раз обдумывал весь ход следствия, не дал ли он в руки жандармов каких-нибудь нитей, которые могут повредить товарищам, не сказал ли лишнего?

Следствие длилось два года. Его и других арестованных пытались взять измором, но, кроме уже известны фактов, ничего нового от них добиться не удалось В 1909 году состоялся суд по делу военных и боевых организаций РСДРП, который проходил при закрытых дверях. Прокурор требовал расстрела. Ему возразили:

— Пять лет каторги такому, как Трилиссер, будет вполне достаточно. При его слабом организме из Шлиссельбурга он уже не выйдет!

Такой сравнительно мягкий приговор был продиктован боязнью нового взрыва восстаний.

В крепости Михаил решил учиться. Учебники немецкого и английского языков можно было получить от товарищей без осложнений. И в течение нескольких месяцев он в совершенстве овладел немецким. Потом выучил английский. Товарищи ухитрялись ему передавать запрещенные книги: «Манифест Коммунистической партии», произведения Плеханова, Ленина. Тщательно изучил недавно появившуюся работу «Две тактики социал-демократии в демократической революции».

Ноябрь 1914 года. Прошло больше трех месяцев, как началась мировая война. Срок каторги окончился. Теперь власти отправили Трилиссера на вечное поселение в Сибирь. «Сибирь не

тюрьма. Леса и реки, чистый воздух! И возможность продолжать борьбу». После душных застенков Михаил был рад вырваться на волю.

В селе Малышевка на берегу Ангары, куда доставили Трилиссера, находилось много ссыльных, в том числе и его брат, Давид. Радости не было предела. Но прежде всего возникли житейские проблемы: «Как заработать деньги на жизнь? Что предпринять? Идти батраком к местным богатеям? Смогу ли выдержать?.. Можно давать уроки немецкого языка детям местных жителей или готовить их по арифметике. Но политическим ссыльным запрещено заниматься педагогической деятельностью!»

— Я поговорю с Киселевым, — предложил брат.

Большевик Дмитрий Дмитриевич Киселев, работавший инспектором народных училищ, сумел достать для Михаила Трилиссера справку, разрешавшую обучать детей Это давало заработок, достаточный для проживания. А вечерами — беседы о войне, изучение нелегальной большевистской литературы, читка газет, журналов, произведений М. Горького. Обычно товарищи собирались в комнате, где жил М. Трилиссер с братом Давидом…

На одну из таких встреч пришла Ольга Иогансон, красивая девушка, сосланная царскими властями в Малышевку. Она прекрасно читала стихи, и когда она выступала, Михаил не сводил с нее глаз. Потом они ходили гулять на берег Ангары. Одинаковые взгляды, взволнованные и горячие разговоры сблизили их и усилили взаимное чувство друг к другу. Вскоре они поженились и переехали в отдельную комнату. Это было в конце 1916 года…

Стояла морозная зима 1917 года. Однажды вечером в комнату, где жили Трилиссеры, ворвался Киселев. Вид у него был озабоченный и в то же время радостный.

— Что случилось, Дмитрий Дмитриевич?

— Друзья, товарищи! — Киселев по привычке говорил приглушенно. — Получены сведения о революции в Петрограде! Царя больше нет! Но исправник эти сведения скрывает.

Трилиссеры быстро оделись и вместе с Киселевым двинулись по поселку, подняли ссыльных большевиков. Рано утром все отправились с красным флагом через Ангару в Балаганск, Ссыльные подошли к дому исправника и стали требовать объяснений. Вышел его помощник и объявил, что произошла революция, царь отрекся от престола…

После Февральской революции была объявлена амнистия, и многие ссыльные выехали в европейскую часть России, а Михаила

Трилиссера партия направила в Иркутск, поручив ему редактировать местную газету «Голос социал-демократа».

Трилиссер вместе с женой поселился на 1-й Иерусалимской улице в небольшом домике. Вскоре они взяли к себе Марию Мельникову. Ее родители — бедные крестьяне, имели 14 детей и отправили девочку после окончания сельской школы к тетке в Иркутск. Трилиссеры познакомились с девушкой, увидели ее стремление к знаниям, поселили у себя и определили в прогимназию. К ним часто заходили большевики. Мария с жадностью слушала их беседы и стала втягиваться в политические дела. Она помогала организовывать политические митинги, собрания, выполняла другие поручения.

Весной и летом 1917 года в Иркутске сильным было влияние меньшевиков и эсеров, большинство крестьянских депутатов в Советах шло за ними, поэтому большевики вынуждены были состоять в объединенной социал-демократической организации.

В июне 1917 года в Иркутск проездом в Центр России из якутской ссылки приехали Г. Орджоникидзе, Г. Петровский, Е. Ярославский. Они выступали на митингах и собраниях и оказали большую помощь иркутским большевикам в борьбе с «соглашателями». Фракция большевиков уверенно набирала силу, вытесняя меньшевиков и эсеров со многих позиций.

В августе 1917 года Совет рабочих депутатов Иркутска избрал М.А. Трилиссера и С.Г. Вележева делегатами так называемого Всероссийского демократического совещания, созываемого в Петрограде по инициативе соглашательских партий. Михаил опять увидел Петроград.

После завершения Всероссийского демократического совещания, на котором был образован Предпарламент, В.И. Ленин разобрался в тактическом ходе меньшевиков и эсеров, который вел к обману масс, признал, что «надо было бойкотировать демократическое совещание». По его предложению ЦК РСДРП (б) вынес решение бойкотировать Предпарламент.

Наступала тревожная осень 1917 года. Ленин был на нелегальном положении.

…Прохладный сентябрьский вечер подходил к концу. М.А. Трилиссер, С.Г. Вележев и другие делегаты демократического совещания от Сибири пришли в гостиницу и стали укладывать вещи, готовясь к возвращению домой. Неожиданно без стука в номер вошел закутанный в плащ мужчина. Неизвестный спокойно повесил на вешалку в прихожей плащ и шляпу и повернулся к ним лицом.

Трилиссер и Вележев бросились обнимать гостя. Это был Орджоникидзе, с которым виделись совсем недавно. Но сейчас

Серго выглядел по-другому: окреп, помолодел. Как всегда, он был немногословен:

— Друзья, я забежал к вам на несколько минут. Обстановка, сами знаете, тревожная. Реакция набирает силу. Ильич ушел в подполье, чтобы продолжать борьбу — Владимир Ильич просил обратить ваше внимание на необходимость немедленного выхода из объединенных социал-демократических. организаций; выступать на новых выборах только со своим, большевистским списком кандидатов. Готовиться к вооруженному восстанию, к завоеванию власти Советами…

За десять минут Орджоникидзе изложил программу действий на ближайшие месяцы. Сибирская делегация покинула Петроград, снабженная точными инструкциями.

Иркутский комитет большевиков образовал военную организацию (военку), которая занялась подготовкой к вооруженной борьбе. Быстро развернулась пропагандистская работа среди солдат гарнизона, начали создаваться рабочие красногвардейские отряды.

23 октября 1917 года был избран Центральный исполнительный комитет Советов Сибири — Центросибирь, в который вошли: Б.З. Шумяцкий (председатель), Р.П. Эдеман (заместитель председателя), М.А. Трилиссер, П.П. Постышев, Я.Д. Янсон, С.Г. Лазо и другие. Центросибирь и созданные им советские учреждения разместились в так называемом «Белом доме», где раньше находилась резиденция генерал-губернатора.

Известия о победе Октябрьской революции были получены в Иркутске 27 октября 1917 года. Центросибирь приветствовал победу революции и принял меры к переходу власти в Сибири в руки рабочих и крестьян. Но в Иркутске этот переход затянулся, и только 19 ноября Иркутский Совет рабочих и солдатских депутатов объявил о взятии всей власти в городе в руки Совета и создал военно-революционный комитет. Михаил Трилиссер вошел в состав оперативного штаба, созданного для управления вооруженными силами губернии.

28 ноября военно-революционный комитет собрал представителей всех частей иркутского гарнизона. Собрание приняло резолюцию, одобряющую деятельность военно-революционного комитета.

На совещании актива большевистской организации, созванном в «Белом доме», было принято решение об аресте деятелей Временного правительства и о посылке в учреждения комиссаров.

В ответ на это забастовали служащие и чиновники. В город прибывали офицеры, бежавшие из Петрограда и Других городов

России. Они вместе с эсеро-меньшевистскими вожаками усиленно обрабатывали юнкеров местного училища, чтобы они выступили против Советов.

В эти дни Трилиссеру было поручено организовать работу по борьбе с контрреволюцией. С помощью красногвардейцев был сорван крупный мятеж. Ряд групп заговорщиков большевики успели обезвредить, но полностью предотвратить мятеж не удалось.

8 декабря юнкерские и офицерские отряды, насчитывающие более трех тысяч человек, перешли в наступление. Красногвардейские отряды сражались мужественно но к концу дня белогвардейцы захватили центральную часть города. «Белый дом» сразу был отрезан от преданных Советской власти войск и оказался в окружении противника.

Трилиссер возглавил штаб обороны Центросибири. Небольшой гарнизон в течение десяти дней отражал многочисленные атаки противника, превосходящего по своим силам в несколько раз силы оборонявшихся, пока подоспевшие красногвардейские части не подавили мятеж.

Контрреволюция поднимала голову по всей Восточной Сибири и Забайкалью. Нужно было срочно комплектовать отряды Красной Армии. Президиум Центросибири утвердил Сибирсюш военный комиссариат по созданию Советских вооруженных сил Сибири. М.А. Трилиссер вошел в состав комиссариата вместе с С.Г. Лазо, С.Г. Вележевым, А.Н. Луцким.

…Февраль 1918 года. Ночью в кабинет к Трилиссеру, только что назначенному начальником пограничного отдела, вошел мужчина… По безупречной выправке, по манере держаться Михаил Абрамович сразу определил в нем кадрового офицера. Тотчас узнал, хотя видел всего один раз.

— Разрешите представиться! — Офицер держался спокойно. — Штабс-капитан Луцкий прибыл в ваше распоряжение.

— Здравствуйте, товарищ Луцкий! — Трилиссер, обрадовавшись, поднялся навстречу. — Присаживайтесь. Я уже стал беспокоиться, уж не случилось ли что! Время-то такое!

Луцкий сел на стул и сказал:

— Только что был в частях, выделенных для нашего пограничного отдела. Познакомился с командирами и бойцами. Хорошие солдаты. Пришлось походить по улицам, чтобы попасть из отряда в отряд, ведь с транспортом плохо. Промерз основательно… Михаил Абрамович, с чего будем начинать? — Луцкий говорил собранно, деловито. Повернулся к карте,

висящей на стене, и кивком показал: — Во-он она какая, граница!

— Вот об этом я и хотел вас спросить, — улыбнулся Трилиссер, усаживаясь рядом. — Но вы меня опередили. Я буду у вас учиться, и ваша помощь мне очень нужна.

— Будем учиться друг у друга, — улыбнулся Алексей Николаевич, потом стал излагать свой план: — Прежде всего нужно разработать систему охраны границы. Необходимы войсковые подразделения для нарядов и засад. Нужно определить места для контрольно-пропускных пунктов. Потребуются частые поездки на границу… Мне нужно будет восстановить кое-какие контакты на той стороне, особенно в Харбине, чтобы располагать необходимой информацией. Видимо, и вам полезно будет съездить со мной в Маньчжурию. В последующем это вам пригодится.

О Луцком Трилиссер был уже наслышан. Волевой человек, способный быстро располагать к себе даже незнакомых людей. Происходил Алексей Николаевич из небогатой семьи, «из обер-офицерских», как значилось в послужном списке отца — городского нотариуса. Отец его умер, когда Алексею не было еще и года. Учился он в Рязанской духовной семинарии, но идти в священники не захотел и в конце концов добился направления в Тифлисское военное училище, после окончания которого был зачислен в Несвижский гренадерский полк в Москве. В январе 1905 года в составе маршевой роты Луцкий был отправлен в действующую армию в Маньчжурию, где участвовал в Мукденском сражении. В 1907 году окончил японское отделение военных курсов при Восточном институте во Владивостоке. Два года был в Японии, где совершенствовал свои знания языка. В 1914 году, как специалист по разведке и контрразведке, работал в штабе Иркутского военного округа. В конце августа 1917 года был назначен начальником Харбинского контрразведывательного отделения. Луцкий приветствовал революцию в России и в конце 1917 года вступил в партию большевиков. В начале 1918 года нелегально выехал в Иркутск и решением ЦИК Советов Сибири был назначен заместителем начальника штаба Иркутского военного округа.

До утра Трилиссер обсуждал с Алексеем Николаевичем предстоящие дела. Когда Луцкий закончил излагать свои соображения, Михаил Абрамович сказал:

— Мы обязаны создать соответствующую службу для получения политической и военной информации из-за рубежа. Возьмите в помощь работников из моих штатов. Действовать будем вместе. А что сейчас здесь, в Иркутске?

В городе под прикрытием консульства активно действует

разветвленная японская резидентура, которая имеет широкую сеть агентуры в Сибири и на Дальнем Востоке. На эту разведку работают бывшие чиновники и военные. Используя ситуацию, японцы особенно стремятся восстановить утраченные позиции. Мне удалось разоблачить несколько японских шпионов. Сейчас они арестованы, и ведутся допросы. Мы разрешили японскому консулу встретиться с двумя арестованными. Сегодня я присутствовал на этих встречах. Шпионы и консул, не подозревая, что я хорошо знаю их язык, вели откровенный разговор: консул укорял шпионов в неосторожности, а те обвиняли консула в прямой поддержке контрреволюции. Были названы некоторые имена укрывающихся белогвардейцев. Теперь мы добудем доказательства.

…Шпионское гнездо было разгромлено. Трилиссер и Луцкий послали в Петроград докладную записку о проделанной работе и планах на будущее. Меры, принятые Трилиссером и Луцким, были высоко оценены Советским правительством. В адрес М.А. Трилиссера и А.Н. Луцкого из Петрограда поступила телеграмма за подписью наркома иностранных дел Г.В. Чичерина: «Ваша энергичная деятельность и принятые меры против иностранцев всецело находят одобрение и решительную поддержку центрального правительства».

Трилиссеру поручается борьба с контрреволюцией и спекуляцией. Но силы оказались неравными. На помощь белогвардейцам выступили белочехи, поднявшие мятеж. Они заняли Нижнеудинск, создав непосредственную угрозу Иркутску.

Михаил Абрамович готовит укрепления на Байкале, а после оставления Иркутска возглавляет штаб войск Красной гвардии на Прибайкальском фронте.

Теперь учреждения Центросибири постоянно находились в железнодорожных вагонах. В одном из эшелонов размещались сотрудники пограничного отдела. Трилиссер вместе с женой и только что родившейся дочкой занимал небольшое купе. Рядом располагалась семья Луцкого.

Когда Прибайкальский фронт был разбит, эшелон двинулся на восток и дошел до станции Суражевка на реке Зее. А дальше, на восточном берегу Зеи, уже стояли японские войска, оккупировавшие Хабаровск. Все, кто находился в эшелоне, переходили на нелегальное положение. Пути Луцкого и Трилиссера разошлись.

В конце августа 1918 года М.А. Трилиссер прибыл в Благовещенск. Было ясно, что сдержать наступление белых и японцев не удастся. В городе находилось много партийных и

советских работников Сибири и Дальнего Востока, которым грозила расправа.

М.А. Трилиссер вместе с командирами красногвардейских отрядов стал отправлять бойцов небольшими группами в тайгу и в небольшие города — Зею, Алексеевск, Бочкарево. В городе было подготовлено несколько конспиративных и явочных квартир. Сам Трилиссер остался проживать на нелегальном положении в Благовещенске для руководства большевистским подпольем. Во время ночной облавы интервентам удалось его схватить.

Михаил хорошо знал о жестокостях японской контрразведки, но все же духом не падал. И действительно, друзья, коммунисты-подпольщики, вскоре пришли на выручку. Трилиссеру дали знать, что в городской полиции работает дежурным Клименко, который сочувствует большевикам. В тюрьме не было врача, а медицинскую помощь можно было получить только в здании полиции. Трилиссеру подсказали, чтобы он «заболел» в тот день, когда дежурит Клименко. Он так и сделал.

«Больного» Михаила доставили в закрытой машине в полицию. В ожидании врача его поместили в изолятор. Клименко отослал охранника с поручением, осторожно выпустил Трилиссера, а когда тот скрылся, поднял шум, что арестованный бежал.

Успешное наступление Красной Армии позволило амурским большевикам усилить удары по врагу. Полным ходом шла подготовка к вооруженному восстанию. о январе 1920 года Трилиссер проводит совещание Бочкаревского партизанского штаба, где разрабатывается основной план выступления. Затем Михаил Абрамович выехал в центральный партизанский штаб для организации взаимодействия всех отрядов.

Областной комитет большевиков готовил рабочих а крестьян к вооруженному восстанию. Для большей уверенности в успехе восстания областной исполком дает указание о подтягивании партизанских отрядов к городу. В ночь с 5 на 6 февраля красные знамена взвилась над многими зданиями Благовещенска. 9 февраля состоялось первое легальное собрание городской организации РКП (б). Собрание заслушало доклад М.А. Трилиссера «О текущем моменте» и приняло решение о созыве областной конференции большевиков.

Трилиссер утверждается уполномоченным ЦК РКП (б)' по Амурской области и председателем Благовещенского обкома партии, а с апреля 1920 года, когда была провозглашена Дальневосточная республика, Трилиссер назначается эмиссаром ДВР по Амурской области и избирается членом Дальбюро ЦК РКП

(б).

В октябре 1920 года новое ответственное задание партии: его переводят на работу в Читу. Как член Дальбюро ЦК РКП (б) он участвует в создании органов Советской власти, Госполитохраны. Работая в сложнейшей обстановке существования буферной Дальневосточной республики с ее коалиционным правительством, Михаил Абрамович проявляет дипломатический такт, умение работать в различных условиях.

Наступила весна 1921 года. X съезд РКП (б) подходил к концу. Владимир Ильич Ленин выглядел нездоровым. Похудевшим и усталым был и Феликс Эдмундович Дзержинский.

Он знал многих делегатов в лицо и, сидя в президиуме, пытался отыскать знакомых. Во время перерыва попросил:

— Пригласите, пожалуйста, ко мне делегата от амурских большевиков Михаила Абрамовича Трилиссера…

Дзержинский с кем-то оживленно разговаривал, но, когда к нему подошла секретарь и, указав на Трилиссера, сказала: «Вот Михаил Абрамович», — повернулся к Трилиссеру:

— Как дела в Сибири?

— Дел много, Феликс Эдмундович. Контрреволюция все время бесчинствует. Ведь там осталось много колчаковцев, враждебных нам офицеров.

— Но там уже выросло много прекрасных чекистов…

— Да, это верно.

— Насколько мне известно, вы занимались контрразведкой и разведкой, имеете опыт этой работы?

— Ну, какой там опыт… Всего несколько месяцев поработал с Алексеем Николаевичем Луцким и кое-чему у него научился. Вместе с ним несколько раз ездил в Маньчжурию. Он познакомил меня с нужными нам людьми. Жаль, что у нас было мало времени…

— Об этом легендарном разведчике и коммунисте я знаю. Как его схватили японцы?

— 4 апреля 1920 года вечером здание во Владивостоке, где располагался военный совет, было окружено войсками интервентов. Сергей Лазо, Алексей Луцкий и Всеволод Сибирцев — члены военного совета, все были схвачены. Ну а ужасный конец вы знаете, — все они спустя месяц были заживо сожжены в топке паровоза.

Дзержинский побледнел, крепко сжал кулаки.

— Вот как они с нами! — Помолчав, сказал: — Я хотел бы, чтобы вы опять работали в ЧК, здесь, в Москве.

— Но ведь… — пытался было сказать Трилиссер. Феликс

Эдмундович его опередил:

— Я знаю. Вас берут на работу в аппарат ЦК. Вы не возражаете, если я поговорю с Владимиром Ильичем? В конце прошлого года мы организовали Иностранный отдел. Там у нас еще мало опытных работников, а задачи — большие.

Трилиссер задумался. «Те знания, которые получил от Алексея Луцкого, конечно, пригодятся. С другой стороны, кроме Финляндии, на Западе нигде не был, условий жизни не знаю… Но зато достаточно хорошо знаком с Дальним Востоком и располагаю кое-какими полезными контактами. К тому же владею немецким и английским, хотя последним хуже». Ответил твердо:

— Я согласен.

После съезда прошло несколько месяцев. Трилиссер работал в дальневосточном секторе ЦК РКП (б). Жил в гостинице «Люкс» на Тверской улице. После тяжелой болезни умерла маленькая дочь, и Трилиссеры глубоко переживали горе.

Вечером 6 августа в дверь гостиничного номера постучались. В комнату вошел Дзержинский.

— Добрый вечер, извините, что явился так неожиданно. Если бы не срочные дела, то не решился бы вас беспокоить в столь поздний час.

— Что вы, Феликс Эдмундович. Мы очень рады. Проходите, присядьте, пожалуйста. Оля, познакомься, это товарищ Дзержинский.

— Я на одну минуту. И присаживаться не буду. Спасибо за приглашение. Я сочувствую вашему горю и приношу свои соболезнования… — После небольшой паузы, откашлявшись, Феликс Эдмундович продолжил: — Я хочу сообщить вам, что вчера состоялось решение Оргбюро ЦК РКП (б) о вашем направлении на работу в ВЧК, как мы об этом с вами говорили.

— Считаю для себя большой честью работать вместе с вами. Надеюсь, что оправдаю доверие партии.

— Вот и хорошо. Приходите завтра в десять часов ко мне, и мы обсудим, с чего начинать.

— Хорошо.

Дзержинский ушел, а Трилиссер и его жена долго не могли уснуть. Когда утром следующего дня он вошел в кабинет Дзержинского, то находился в возбужденном настроении.

— Здравствуйте, Феликс Эдмундович. Дзержинский, напротив, был чем-то встревожен.

— Здравствуйте, товарищ Трилиссер, присаживайтесь, — предложил Дзержинский, а сам тут же позвонил по телефону: — Товарищ Самсонов, как дела с бандой Матюхина? Есть ли что-

нибудь новое из Тамбова? — Выслушав ответ, положил телефонную трубку на рычаг и пояснил Трилиссеру: — С антоновцами мы покончили. Но осталась банда одного из главарей — Матюхина. Если ее сразу не пресечь, то опять начнется заваруха. Сейчас дело разворачивается, и я надеюсь, что пойдет успешно. Этим занимаются Самсонов и Дерибас. Вам с ними нужно будет познакомиться. И еще, будете работать в контакте с начальником Контрразведывательного отдела Артузовым. Но это — в будущем. Сейчас о ваших делах. Почему вы живете еще в гостинице?

— Да, собственно, не было срочной необходимости…

— Эта гостиница находится далеко от здания ВЧК. Вам нужно перебраться поближе, чтобы в случае необходимости можно было срочно вас вызвать. Обратитесь в хозяйственную часть от моего имени.

— Хорошо, Феликс Эдмундович.

— Теперь о вашей работе. Сейчас мы укрепляем Иностранный отдел ВЧК, о чем я вам говорил. Уж очень много пакости идет к нам из-за рубежа. Для нас крайне важно знать заранее, не готовят ли империалисты новое нападение на нашу страну. И в первую очередь располагать сведениями о замыслах белоэмигрантских организаций. Я хотел бы, — продолжал Дзержинский, — чтобы вы возглавили подразделение Иностранного отдела. Вы имеете некоторый опыт в этой работе, помните, мы с вами говорили о Луцком, у которого вы многому научились.

— Понимаю, Феликс Эдмундович. Я приложу все свои силы и знания…

— С чего вы думаете начать? — спросил Феликс Эдмундович.

— Полагаю, что прежде всего нужно разработать структуру этого подразделения. Затем мы будем использовать все возможности, чтобы в кратчайшие сроки создать за границей необходимые позиции. Для меня будет проще начать с Востока, где я знаю многих лиц и где у меня остались кое-какие связи. Труднее будет на Западе…

— Мы получили сведения, что скопившиеся во Франции и Германии офицеры белой армии и некоторые царские чиновники создали эмигрантские организации для борьбы с Советской властью. Эти люди очень активны и озлоблены. Пойдут на крайние меры, вплоть до террора, чтобы свергнуть большевиков… Да и Запад к нам поближе. Поэтому, мне кажется, следует создать необходимые предпосылки в первую очередь во Франции, Германии и в некоторых других странах Европы. Действуйте быстро и решительно. Докладывайте мне лично. — Дзержинский встал, давая понять, что разговор окончен.

В конце 1921 года Иностранный отдел получил информацию из Ревеля о том, что перехвачено письмо белогвардейца Артамонова, проживавшего в этом городе, адресованное в Берлин Ширинскому-Шахматову, члену организации «Высший монархический совет».

Артамонов писал, что встретился с прибывшим из СССР в командировку бывшим царским чиновником, ныне советским служащим — Якушевым Александром Александровичем. Якушев рассказал, что он возглавляет в Советской России подпольную организацию монархистов. Артамонов оценивал Якушева как выдающуюся фигуру.

Поздно ночью Трилиссер позвонил Дзержинскому;

— Феликс Эдмундович, можно к вам на доклад?

— Заходите.

Прочитав информацию, Дзержинский пригласил к себе начальника Контрразведывательного отдела ВЧК Артузова.

— Артур Христианович, присаживайтесь. Вам известен Якушев?

— Такую фамилию не помню… Нужно проверить…

— Вот информация из Эстонии… — Дзержинский передал текст. — Как ваше мнение?

Артузов пробежал глазами текст и ответил:

— Нет, Якушева я не знаю, но сведения интересные…

— Проверьте и дайте предложения.

Утром следующего дня Артузов установил, что А.А. Якушев — советский служащий, недавно вернувшийся из заграничной командировки, является руководителем малочисленной монархической организации в Москве. Было решено организовать его командировку на Дальний Восток, по дороге задержать и допросить.

Так было положено начало операции «Трест»,

Зимой 1922 года Михаил Абрамович Трилиссер был назначен начальником Иностранного отдела.

Обычно Трилиссер докладывал Дзержинскому текущие материалы почти ежедневно, поздно ночью, когда сотрудники отдела расходились по домам. Лишь в исключительных случаях просил принять его срочно. Так было и сейчас, в феврале 1922 года. Только Трилиссер позвонил Дзержинскому днем:

Феликс Эдмундович, получена шифровка из Берлина, очень тревожная…

— Заходите…

Спустя несколько минут Трилиссер передал Дзержинскому

шифровку, в которой было написано:

> «По достоверным данным, Торгово-промышленный и финансовый союз в Париже, объединяющий крупнейших „тузов“ царской России, создал специальный секретный совет, целью которого является организация террористических актов против руководящих деятелей Советского государства. В состав совета входят: Денисов (он же председатель союза), Густав Нобель, Степан Георгиевич Лианозов, бр. Гукасовы, Третьяков, кн. Белосельский-Белозерский и Павел Тикстон…
>
> Для специальной задачи организации террористических актов выделяется фонд в полтора миллиона франков.
>
> Барон Сергей Торнау, уполномоченный Торгово-промышленного союза в Финляндии, обращает внимание секретного совета на своего хорошего знакомого — Эльвенгрена. В ответ на предложение Торнау немедленно же в Гельсингфорс выезжает Павел Тикстон, вступающий в переговоры с Эльвенгреном о создании террористической группы».

Дзержинский и Трилиссер понимали, что это значит, имея в виду Генуэзскую конференцию, которая должна была в ближайшее время состояться.

Не допустить признания Советской Республики, принять любые меры, чтобы сорвать конференцию, стало лозунгом не только белой прессы, но и многочисленных эмигрантских антисоветских организаций.

За этим внимательно следил Феликс Эдмундович Дзержинский. Он поручил Трилиссеру усилить работу по предотвращению возможных акций со стороны эмигрантских главарей…

— Кто источник информации?

— Эрих Альбертович Такке, немец, наш помощник в Германии.

— Что за человек? Насколько он надежен?

— Идейный марксист. Преданный нам человек.

— Что известно об Эльвенгрене?

— Такке знает Эльвенгрена как активного участника эмигрантских организаций.

Дзержинский задумался. Потер руками виски. Сказал:

— Всю информацию, относящуюся к подготовке конференции, докладывайте мне немедленно. Даже на первый взгляд несущественную… Нужно принять меры к активизации

наших источников. Я проинформирую Владимира Ильича и членов советской делегации, готовящихся к отъезду. А вас прошу принять все меры к получению своевременной информации и к охране делегации. Постоянно держите меня в курсе дела.

Спустя несколько дней работник Иностранного отдела доложил Трилиссеру, что получил новую информацию из Берлина:

> «Незадолго до получения Савинковым денег на организацию покушения на советскую делегацию в Генуе в Париже появился и вступил в деятельные сношения Савинковым и Торгово-промышленным союзом Георг Сидней Рейли.
>
> Савинков устроил две встречи Рейли с Эльвенгреном при участии белоэмигранта Деренталя. Одна из встреч происходила в отеле „Лотти“, другая — в ресторане. В результате состоявшейся беседы было установлено, что организация террористического акта возможна лишь в Берлине, через который будет проезжать и где остановится советская делегация. Рейли обещает содействие своего человека там…»

— Когда поступило сообщение? — спросил Трилиссер,

— Вчера.

— Почему доложили только сейчас? — Трилиссер помрачнел.

— Я проверял, кто такие Сидней Рейли и Дерентaль…

Трилиссер разозлился еще больше. Вышел из-за стола, стал расхаживать по кабинету и отчитывать сотрудника:

— Вы знаете, что такую информацию нужно докладывать немедленно? Об этом я уже говорил. Если вам что неясно, можете спросить у меня.

— Понятно. Виноват.

— Идите!.. «Сапог»!..

Слово «сапог» было самым большим ругательством у Трилиссера. Таким словом он ругал работника только в том случае, если тот совершал большую оплошность.

— Постойте, — вернул сотрудника Трилиссер. — Сидней Рейли — сотрудник английской разведки Интеллидженс сервис, очень активный и опасный. — У Трилиссера была блестящая память. — Дикгоф-Дерентaль — член савинковского «Союза защиты родины и свободы», начальник отдела сношений «Союза», а Эльвенгрен — штаб-ротмистр лейб-гвардии кирасирского полка, ярый монархист. Впредь информацию по вопросу поездки нашей делегации докладывайте немедленно. А сейчас запросите Берлин, что им известно о человеке Рейли в Берлине. Кто такой? Чем

занимается? По возможности собрать нужно все сведения о нем.

Вскоре поступила новая информация из Берлина:

«Человеком Рейли в Берлине является некто Орлов, который хорошо известен также и Савинкову. Рейли, Савинков и Эльвенгрен по фальшивым паспортам направляются в Берлин. Савинков отдал приказание в Варшаву о высылке трех боевиков для технического производства террористических актов. Эльвенгрен, в свою очередь, вызвал своего приятеля, полковника Озолина, бывшего офицера Финляндского генерального штаба и бывшего финского военного атташе в Ревеле, человека опытного по этой части, связанного с немцами, и участника взрывов складов с военным снаряжением в Архангельске во время первой империалистической войны.

В Берлине Савинков и Эльвенгрен навестили Орлова, п последний устроил им две комнаты в маленькой гостинице вблизи вокзала „Шарлоттенбург“.

О дальнейшем будем сообщать».

После того как Трилиссер доложил Дзержинскому полученное сообщение, Феликс Эдмундович сказал:

— По-видимому, членам делегации нужно будет постоянно менять маршруты своего движения. Об этом я с ними переговорю. А вы усильте наблюдение.

На конференцию в Геную, а затем в Гаагу выехали нарком иностранных дел Георгий Васильевич Чичерин и полпред РСФСР в Лондоне Леонид Борисович Красин.

Примерно через две недели в Берлин прибыли три члена савинковской организации: Васильев, Климентьев и третий, фамилия которого осталась невыясненной. Еще раньше приехал полковник Озолин.

Информация поступала Трилиссеру регулярно, тут же докладывалась Дзержинскому.

«Началась интенсивная подготовка к нападению. Первым делом приобретены были у Орлова револьверы системы Маузера (среднего размера) с тщательно отбитыми нумерами на них; кроме того, тот же Орлов добыл особые палки (трости) с наконечниками внизу, в которые были вставлены маленькие шприцы (как для морфия), прикрытые затем металлическим остроконечным, как обычно бывает у трости, колпачком с дырочкой на конце, и соответствующий для них яд — цианистый калий.

Затем были получены фотографические карточки ряда советских деятелей: Чичерина, Красина… Было установлено будущее местонахождение прибывающей на днях советской делегации…»

Помощники Эльвенгрена приступили к наблюдениям за квартирами. Савинков провел и показал террористам места по имевшимся адресам и установил наблюдение, затем установлено было дежурство по ресторанам (вечерами).

Когда прибыл Чичерин, ему было отведено помещение в «Европейском дворце» на Потсдамской площади. Остальным членам делегации были отведены комнаты в одной из гостиниц с другой стороны той же Потсдамской площади.

— Нужно поставить в известность германское правительство, — сказал Дзержинский, ознакомившись с последней информацией. — Но это я сделаю сам через НКИД.

Вскоре тон информации из Берлина изменился. Эмигранты-террористы, как следовало из поступавших Трилиссеру сообщений, стали сокрушаться:

«Установленное дежурство, в том числе и на автомобилях, не дало результатов, так как Чичерин и другие члены делегации ездят на машинах Министерства иностранных дел, которые вне всяких правил городской езды могут развивать любую скорость и на обыкновенной машине за ними никак не поспеть.

Несколько случаев посещения кафе, театров, собраний, где, по сведениям, должны были присутствовать советские делегаты, не увенчались успехом, так как то упускали из виду наблюдаемых лиц, то сведения оказывались неточными, и погоня оказывалась бесполезной».

За несколько дней до отъезда делегации из Берлина Трилиссер получил тревожные сведения о том, что у Савинкова имеются вполне точные сведения о времени отъезда Чичерина и других членов делегации с Потсдамского вокзала, где для них приготовлен особый поезд с салон-вагоном.

Прочитав сообщение, Дзержинский связался с Наркоматом иностранных дел. Попросил договориться с германским правительством о том, чтобы изменить место отправления советской делегации.

Из полученной затем информации из Берлина выяснились подробности неудавшейся попытки террористов:

«Перед тем как отправиться на вокзал, все участники акции собрались в какой-то пивной или кафе, там условились в случае, если что-либо произойдет, о дальнейшей связи… По условию, в случае встречи Васильев должен был стрелять, а остальные должны были поддержать его в случае неудачи…

Прошло время назначенного отъезда поезда и по расписанию они могли уже быть; их не было, и савинковцы очень тревожились. Наконец пришел Васильев и рассказал, что действительно попал на перрон, что там был приготовлен для делегации поезд с салон-вагоном и что он видел в одном вагоне бывшего генерала Верховского, которого хорошо знал в лицо, что публика на перрон не пускалась и там были лишь лица, причастные к делегации, чины явной и тайной полиции. Когда наступил срок отправки поезда, то выяснилось, что делегация задержалась на обеде Министерства иностранных дел и поезд задержан минут на десять. Об этом начальнику станции был передан по телефону приказ из министерства. Через десять минут поезд действительно отошел, но члены советской делегации так и не прибыли, а вагон Чичерина ушел пустым. Васильеву удалось узнать, что ввиду задержки в министерстве приказано поезд отправить и что Чичерин и члены делегации догонят его на министерских машинах и сядут в него на какой-то станции».

Так была предотвращена попытка расправы с советскими делегатами.

Осенью 1923 года возникла необходимость в поездке Трилиссера в Германию. Поездка начальника Иностранного отдела ОГПУ в капиталистическую страну была чрезвычайным событием.

Германская администрация, в том числе и контрразведка, после поражения в войне были ослаблены. Все их усилия были направлены на подавление внутренней революции. Но в западных странах и в Берлине активно работали английская, французская разведки и белоэмигрантские организации.

Обладая опытом конспиративной работы в подполье, Трилиссер был уверен в своих силах, надеялся на свое умение быть хладнокровным в любой ситуации. Необходимо было провести личную встречу с Эрихом Альбертовичем Такке, оказавшим неоценимые услуги в сборе информации о

готовившемся Савинковым и Эльвенгреном покушении на членов советской делегации на Генуэзской конференции. Трилиссер должен был обсудить с ним задачи дальнейшей работы, чтобы создать новые возможности для получения информации из Германии, организовать сбор сведений о деятельности эмигрантских организаций не только в Германии, но и во Франции. Требовалось получать сведения о том, как реагируют главари «Высшего монархического совета» на развитие операции «Трест».

— Будьте предельно осторожны, — напутствовал Трилиссера Дзержинский. — Я полагаюсь на ваш большой опыт. В Германии с вами может случиться все, что угодно, если узнают, кто вы на самом деле… Вас могут даже украсть… Особенно опасны белоэмигранты. Сделайте все возможное для организации хорошей работы. Желаю успеха… И помните: о вашей поездке знаем я, Вячеслав Рудольфович Менжинский, вы и ваша жена. Больше никто.

Трилиссер с семьей жил теперь в 4-комнатной квартире на улице Мархлевского. Это было совсем рядом со зданием ОГПУ. Недавно у них родился сын Леонид, и жена была занята уходом за ребенком.

В европейских странах Трилиссер еще ни разу не был, одеваться соответствующим образом, чтобы не выделяться из общей среды, не привык, поэтому готовился тщательно. Портной сшил для Михаила Абрамовича модный по тому времени костюм. Купили несколько сорочек, и Михаил Абрамович долго тренировался повязывать галстук. Жене и ему самому костюм казался некрасивым, моды в одежде на Западе были другими, не то что гимнастерка или косоворотка и полувоенные брюки, заправленные в сапоги, к которым все привыкли.

В Берлин прибыл как частное лицо — для совершенствования знаний немецкого языка и ознакомления с готической архитектурой.

Германия бурлила. На фоне общего кризиса в стране усиливалось революционное движение. Рейхсканцлер Штреземан, спекулируя на опасности нового революционного взрыва, пытался сделать бывших врагов Германии более сговорчивыми. Он предупреждал их, что его правительство может быть «последним буржуазным правительством Германии». В результате катастрофической инфляции, общего разорения росло недовольство населения.

Михаил Абрамович поселился в гостинице. Заводил знакомства, расспрашивал о достопримечательностях города и окрестностей. Хотя Трилиссер и не скрывал, что немецким

языком он владеет хорошо, но всем говорил, что для преподавания необходимо изучить нововведения, некоторые диалекты и усовершенствовать произношение.

Время от времени Михаилу Абрамовичу выделялся автомобиль из посольства для поездок по Берлину и расположенным поблизости населенным пунктам… Он встречался с нужными ему людьми. Перед ним стояла задача: организовать получение информации о намерениях эмиграции и правительств империалистических государств в отношении Советского Союза.

В один из дней Трилиссер готовился особенно тщательно. Был даже взволнован, что было заметно по слегка порозовевшим щекам. Но это могли заметить только хорошо знающие его люди. Другим же это ни о чем не говорило, просто у человека здоровый цвет лица.

Утром к гостинице ему подали посольский автомобиль с советским шофером, и он отправился в Потсдам осматривать достопримечательности этого города, о чем подробно рассказал дотошному портье и еще двум постояльцам гостиницы, с которыми общался чаще, чем с другими.

В Потсдаме Михаил Абрамович действительно в течение двух часов рассматривал архитектурные памятники: выходил из автомобиля, ходил вокруг зданий и сооружений, задирая голову и протирая очки. В это же время внимательно наблюдал за окружающей обстановкой — кто стоит рядом, кто высматривает в стороне, нет ли поблизости подозрительных лиц, — пытаясь выяснить, нет ли за ним слежки.

В конце концов убедился, что никто им не интересуется. После этого попросил водителя вернуться в Берлин. На одной из улиц на окраине города Трилиссер вышел из автомобиля. Когда машина скрылась вдали, Михаил Абрамович вынул из кармана яркую почтовую открытку с видом Кёльнского собора, взял ее в правую руку. Быстрым шагом дошел до ближайшего переулка. Там в нескольких метрах от углового дома стоял другой автомобиль.

Водитель, полный молодой человек лет двадцати восьми, с веснушками на лице, бегло посмотрел на открытку, кивнул и сразу тронулся с места, быстро набирая скорость. Отъехав квартала два, он сбавил скорость, повернулся к Трилиссеру и сказал по-немецки:

— Красивая открытка. В этом соборе я венчался.

— Это Кёльнский собор. Здравствуйте, товарищ Такке.

— Здравствуйте, товарищ Трилиссер.

Затем довольно долго ехали молча. На другой стороне

Берлина остановились возле небольшой виллы, кивнув на которую, Такке произнес:

— Вот мы и приехали. Здесь можно спокойно поговорить.

— Что это за вилла?

— Ее сняли мои друзья, надежные люди. Она давно пустует. И тут тихо. — Эрих своим ключом открыл дверь и, пропуская вперед гостя, предложил:

— Проходите, располагайтесь, а я сварю кофе.

Вскоре из кухни донесся приятный аромат, а затем Такке поставил на стол две чашки с горячим напитком Сел рядом.

— Вкусно, Вы умеете хорошо варить.

— Это в специальном аппарате, которые выпускают в Италии. Друзья были там и привезли подарок.

— Как вы живете? Как ваши дела? — спросил Трилиссер.

— Да как вам сказать… Работаю по ремонту автомобилей.

— Почему вы говорите так неуверенно?

— Не вижу особых перспектив. В промышленности у нас застой, а однообразная работа тяготит.

— Но вы делаете и другое важное дело. Мы очень благодарны вам за те сведения о Савинкове и Эльвенгрене, вы своевременно сообщили нам и оказали неоценимую услугу.

— Мне приятно это слышать.

Некоторое время они обсуждали политическое положение в Германии, говорили о политике Англии и Франции, о белой эмиграции.

— Нам было бы важно в настоящее время знать о деятельности Бориса Савинкова, о «Высшем монархическом совете», главари которого базируются во Франции, о связях этой организации с какими-либо лицами или группами в Советском Союзе. Могли бы вы оказать нам в этом помощь?

Такке задумался. Потом ответил:

— Видите ли, особых связей во Франции у меня нет. Разве только Эльвенгрен.

— А он сейчас где?

— В Финляндии. Сказал, что скоро вернется и поедет во Францию. Я постараюсь у него разузнать и сделаю все, что в моих силах.

— И последнее, — сказал Трилиссер усталым голосом, так как длительный разговор, нервное напряжение, которое он испытывал перед встречей, его утомили. — Как вы отнесетесь к тому, чтобы через год-два приехать в Советский Союз? У нас вы отдохнете, подучитесь, а затем вместе решим, что делать дальше?

— Это для меня довольно неожиданно, — неопределенно ответил Эрих Такке. — Здесь я у себя на родине… Если вы не

возражаете, я подумаю и вам напишу.

— Хорошо,

Рано утром Трилиссер возвратился в гостиницу городским транспортом. Его отсутствие никто не заметил, чем он был весьма доволен, так как ему предстояла работа по усовершенствованию линий связей, по которым можно было бы получать информацию.

Иностранный отдел ОГПУ в результате проделанной работы стал регулярно получать информацию о деятельности эмигрантских организаций. Чекистам становилась известна реакция главарей организации монархистов на действия участников «Треста», и это помогало А.Х. Артузову планировать дальнейшие мероприятия.

Наступил конец ноября 1923 года. Было холодно и сыро. Однажды вечером Трилиссер зашел в квартиру Дерибаса, чтобы рассказать о впечатлениях от поездки в Германию.

В одном доме с Трилиссером на улице Мархлевского этажом ниже жила семья А.Х. Артузова, а на одной площадке с Трилиссером — семья начальника одного из отделов ОГПУ Т.Д. Дерибаса.

Небольшого роста, в очках старого типа — с белыми дужками, одетый в полувоенную форму — в синюю полублузу-полугимнастерку, Трилиссер, сидя в кресле, рассказывал Терентию Дмитриевичу о своих наблюдениях.

В комнату вошел сын Дерибаса. Робко поздоровался.

— Андрей, ты что, не узнаешь? — удивился Дерибас. — Ведь это наш сосед, Михаил Абрамович.

Андрей смутился, тихо сказал:

— Здравствуйте…

— Мы до сих пор ни разу не встречались, — выручил мальчика Михаил Абрамович. — Ты почему к нам не заходишь?

Трилиссер был внимательным и чутким, если видел, что кто-то находится в затруднительном положении, старался ему помочь.

— Заходи к нам… У нас большая библиотека, и ты можешь ею пользоваться…

С тех пор Андрей Дерибас стал частым гостем у Трилиссера. Обстановка в квартире была самая простая, по всему было видно, что живущие в квартире не придают особого значения вещам. А вот библиотека была отличная. И когда Андрею нужно было прочитать какую-либо книгу по школьной программе, он теперь обращался к соседям.

Организовав работу на западном направлении, Михаил

Абрамович стал принимать меры к тому, чтобы свести к минимуму ущерб, который наносили эмигрантские организации, обосновавшиеся на Дальнем Востоке. Иностранный отдел в начале 20-х годов провел серию мероприятий, в результате которых удалось захватить матерых врагов Советской власти.

Однажды Артузов зашел к Трилиссеру, чтобы обсудить некоторые действия, связанные с «Трестом». Закончив разговор об эмигрантах на Западе, Трилиссер, помолчав, задумчиво сказал:

— На Дальнем Востоке ведь тоже остались «зубры». От них можно ожидать всего чего угодно. Ты читаешь мою информацию по Востоку?

— Да, спасибо. Информацию получаю регулярно ив курсе многих событий. Знаю, что там собирают силы и готовятся к нашествию Иванов-Ринов, Анненков, Краковецкий, Семенов, Яковлев и другие. Ты хорошо знаешь этих людей?

— Еще бы!

— Расскажи мне о них подробнее! — попросил Артузов.

— Иванов-Ринов — организатор контрреволюции в Западной Сибири, бывший «военный министр» так называемого омского «Временного сибирского правительства». Осенью 1918 года крестьяне Славгородского уезда Омской губернии под руководством большевиков подняли восстание против белых. В Славгороде собрался уездный крестьянский съезд, а в деревне Черный Дол разместился затем созданный крестьянами военно-революционный комитет… Иванов-Ринов поручил расправиться с большевиками Борису Анненкову…

Трилиссер разволновался, прервал рассказ и предложил:

— Ты знаешь, Артур Христианович, давай выпьем чайку… Я каждый раз волнуюсь, когда вспоминаю об этом…

По вечерам, особенно в ненастные дни, давала себя чувствовать усталость. Работники ОГПУ могли заказывать в буфете крепкий чай. Так было и сейчас. Трилиссер продолжил:

— Но ты должен это знать.

Антоновцы, махновцы и прочие бандиты бледнеют перед садизмом анненковцев. Деревня Черный Дол была сожжена дотла. Захваченных крестьян казнили, мучили, пытали, некоторых живьем закапывали в землю.

В ноябре 1919 года анненковские бандиты ворвались в Усть-Каменогорскую крепость, в которой содержалось около пятисот политзаключенных. Издевались над арестованными, некоторых расстреливали прямо в коридорах тюрьмы. Отобрали группу советских работников, в частности, из Павлодарского Совета, и поместили на пароход. Спустя несколько дней анненковцы вывели всех политических на берег скованного льдом Иртыша,

сделали проруби и приказали прыгать в воду, в не желающих прыгать стреляли.

— Откуда тебе известны такие подробности?

— Несколько человек смогли оттуда сбежать… Слушай дальше…

Даже со своими солдатами, проявляющими малейшую непокорность, Анненков расправлялся беспощадно.

Под ударами Красной Армии Анненков бежал к китайской границе. У самой границы собрал свои части и заявил: «Со мной должны остаться только самые здоровые борцы, решившиеся бороться до конца. А тех, кто устал, я не держу. Пусть кто хочет идет назад, в Советскую Россию».

Многие изъявили желание остаться на Родине. Тогда Анненков отдал распоряжение: всех, желающих остаться, расстрелять! Недалеко от границы впоследствии была обнаружена груда пустых гильз от патронов, а все ущелье было завалено трупами.

Вот что представляют собой Анненков и Иванов-Ринов. Под стать им Краковецкий, руководитель сибирского контрреволюционного подполья, Яковлев, колчаков-окий губернский комиссар, руководитель белогвардейского подполья в Иркутске, и атаман Семенов. Все они еще гуляют на воле, плетут интриги, собирают новые части Для нападения на мирных советских людей.

Трилиссер рассказывал тихо, полушепотом, хрипловатым голосом, не проявляя никаких эмоций, хотя внутри у него все кипело. И от этих его слов, за которыми чувствовались боль, негодование, даже видавшему виды Артузову делалось жутко.

— И такое могут творить люди!? — не выдержал Артузов, — Их нужно вытащить сюда, чтобы судил народ!

— Не так-то просто. У них еще слишком много покровителей. Да и руки не доходили. Во-он как далеко укрылись… Но будем это вместе делать. Как только я соберу достаточно сведений, мы с тобой разработаем план операции.

Летом 1925 года Трилиссер выехал в Гельсингфорс, где ему предстояло встретиться с Дмитрием Быстролетовым, биографию которого он хорошо изучил, но лично, «в глаза», еще не видел.

Быстролетов родился в 1901 году в небогатой интеллигентной семье. Во время гражданской войны учился в мореходном училище в Крыму. Увлеченный случайным порывом, вместе с остатками белой армии бежал в Турцию. Через неделю опомнился и с небольшой группой товарищей на шаланде возвратился в Севастополь. Встретил знакомого чекиста и

поведал ему об этом,

— Будешь с нами работать?

Быстролетова инструктировали в течение нескольких дней, договорились о том, как поддерживать связь, и перетравили обратно в Турцию. Оттуда он переехал в Чехословакию, где поступил учиться в Пражский украинский университет. Хорошо изучил обстановку и условия жизни в Германии, во Франции. Сейчас он закончил университет.

Дзержинский и Трилиссер отлично понимали, что наступил решающий этап в подготовке Быстролетова. От того, как будет проведен его инструктаж, определены его возможности и поставлены задачи, во многом зависит вся его последующая работа. Этот инструктаж должен был провести лично Трилиссер. К тому же, у Трилиссера были в Финляндия и другие дела.

Давая Трилиссеру последние напутствия, Дзержинский опросил:

— Обстановку в Финляндии вы знаете. Вас никто не узнает из прежних знакомых, ведь вы работали там в начале девятисотых годов среди военнослужащих царской армии?..

— Прошло много лет, Феликс Эдмундович.

— Во всяком случае, будьте предельно осторожны. Желаю успеха.

Когда поезд стал приближаться к столице Финляндия, защемило в груди: «Двадцать лет прошло с тех пор, как я жил ж работал в этом городе!

В ту пору должен был таиться, работал под чужой фамилией. Господин Капустянский! Может ли кто-нибудь вспомнить Капустянского?.. Во всяком случае, это нужно исключить! Предстоит очень важная встреча!»

Трилиссер раньше знал несколько проходных дворов, где можно проверить, нет ли слежки. Знал кафе и чайные, в которых можно разговаривать, не опасаясь, что кто-то подслушивает. «А как сейчас? Нужно будет предварительно проверить!»

Михаил Абрамович вышел с вокзала и направился по улице в сторону от порта. Он заранее выбрал гостиницу, в которой будет удобно и безопасно жить: подальше от центра города и в том районе, где он редко бывал.

Вечером прошелся мимо дома на Хагазундской улице, в которой проживал в те далекие годы. Сильно забилось сердце: здесь, в меблированных комнатах «Хильстрем», встречался с товарищами по партии, прятал документы.

Прошелся одним проходным двором… Другим… Все так же, как и было…

Встреча состоялась на следующий день вблизи небольшого кафе «Голубое озеро». Михаил Абрамович издали увидел высокого молодого человека с книгой в правой руке. Приблизившись, он увидел в книге закладку зеленого цвета. Ошибки быть не могло. Трилиссер подошел к незнакомцу и спросил:

— Это у вас томик Беранже? — слова пароля.

— Нет, это мой любимый Пушкин.

— Здравствуйте, товарищ Быстролетов.

Крепко пожал протянутую руку.

Прошли в кафе и сели за столик. Кроме них, в помещении никого не было. Подав угощение, хозяин тоже удалился.

— Как доехали? Никаких приключений не было? — заговорил Трилиссер.

— Все тихо и спокойно.

Потом стал расспрашивать об условиях жизни в Праге, о том, как прошли годы учебы в университете, о новых знакомствах, которые состоялись у Быстролетова. Перешел к делу:

— Где вы теперь намерены работать?

— Надеюсь получить должность преподавателя в Праге.

— Для нас было бы важно, если бы вы сумели переехать в Германию. Ведь вы владеете еще и венгерским языком?

— Немного.

— Мы достанем для вас документы венгерского графа. Не очень богатого, но достаточно обеспеченного. Сумеете ли вы оправиться с таким поручением?

«Германия? Почему Германия? Венгерский язык? Венгерский граф? — Быстролетов задумался. — Для того чтобы выступать в роли аристократа, нужно иметь соответствующее воспитание, манеры. Ну, за этим дело не постоит, я достаточно хорошо воспитан и умею держать себя в обществе. Что касается языка: пожалуй, в течение двух лет смогу овладеть…» Прежде чем ответить на вопрос Трилиссера, Быстролетов спросил:

— Извините, а почему нужно в Германию?

— Там сейчас назревают наиболее важные события, и важно получать оттуда надежную информацию.

— Думаю, что в течение двух лет сумею овладеть языком в достаточной степени.

Трилиссер и Быстролетов разговаривали долго, и им никто не мешал. В последующем Дмитрий Быстролетов будет менять много паспортов, выступать как гражданин различных государств: в Германии под видом венгерского графа он будет перехватывать особо секретную переписку между Гитлером и Муссолини. Сделает много полезных дел для Родины.

Дмитрий Александрович Быстролетов, советский разведчик, был выдающимся человеком. Свободно владел английским, французским, немецким, венгерским и чешским языками. Прекрасно рисовал. После возвращения на Родину был принят в члены Московского товарищества художников. Является автором документально-художественной повести «Парабеллум» и киносценария «Человек в штатском».

Наступила зима 1925 года. Были нанесены мощные удары эмигрантским организациям в Европе, главари этих организаций, шпионы империалистических разведок, Сидней Рейли и Борис Савинков, понесли заслуженное наказание и сошли с политической арены. У после суда, подводя «итоги» своей бесплодной борьбы, Савинков писал:

«Для меня теперь ясно, что не только Деникин, Колчак, Юденич, Врангель, но и Петлюра, и Антонов, и эсеры, и „савинковцы“, и грузинские меньшевики, и Махно, и Григорьев, и даже кронштадтцы не были поддержаны русским народом и именно потому и были разбиты; что, выбирая между всеми разновидностями бело-зеленого движения, с одной стороны, и Советской властью — с другой, русский народ выбирает Советскую власть. Всякая борьба против Советской власти не только бесплодна, но и вредна».

Теперь настала очередь для нанесения удара на Дальнем Востоке. Трилиссеру позвонил Менжинский:

— Михаил Абрамович, можете зайти ко мне? Если у вас есть новые материалы в отношении Анненкова, то захватите, пожалуйста, их.

— Хорошо. Сейчас приду.

Когда Трилиссер вошел в кабинет Менжинского, там уже находился Артузов.

— Присаживайтесь. Давайте обсудим, что можно сделать с этим преступником. Что нового у вас о нем?

— Как вам известно, в Китае Анненков держал себя вызывающе. Не хотел подчиняться китайским властям. Имел намерение продвинуться далее к востоку, чтобы соединиться с отрядом атамана Семенова и снова творить свои кровавые дела. Китайским властям надоело, и они разоружили бандитов, а самого атамана Анненкова засадили в тюрьму, где он пробыл около трех лет. Только благодаря вмешательству влиятельных англичан и японцев в феврале 1924 года его освободили. Об этом я вам уже докладывал. С тех пор он проживает неподалеку от города Ланьчжоу.

— Чем он там занимается? — спросил Менжинский.

— Разведением лошадей…

— Не может быть!.. — невольно вырвалось у Арбузова: так не вязался весь облик Анненкова с этим занятием.

Менжинский и Трилиссер улыбнулись.

— Естественно, это не главное его дело, — продолжал Трилиссер. — Сейчас он широко распространяет среди своего окружения слухи о том, что намерен явиться к советским властям с повинной. Сильно сказано, не правда ли? — Трилиссер посмотрел на Менжинского и Артузова.

Можно подумать, что этот бандит и впрямь сожалеет о содеянном! — вставил Артузов.

— А вот какие сведения я получил совсем недавно: «В ноябре 1925 года Анненков встретился с бывшим начальником своего личного конвоя, Ф.К. Черкагдиным который приехал в Ланьчжоу под видом закупщика пушнины и передал Анненкову письмо от М.А. Михайлова, начальника штаба русской белогвардейской группы в войсках Чжан Цзолина. Анненкову предлагают организовать отряд из русских белоэмигрантов для борьбы с революцией в рядах Чжан Цзолина, с таким расчетом, чтобы затем отряд был использован в борьбе с Советским Союзом. Анненков согласился. В ответном письме, переданном тому же Черкашиоу, Анненков пишет: „Сбор партизан (анненковских бандитов. — В. Л.) и их организация — моя заветная мечта… Я с большим удовольствием возьмусь за ее выполнение…“

В письме бывшему участнику своего отряда П.Д. Иларьеву, служащему при штабе Чжан Цзолина, Анненков сообщает, что получил предложение создать отряд, командовать которым поручает ему, Иларьеву.

> „Для того чтобы я выбрался отсюда, из Синцзяна, нужно добиться того, чтобы мое имя совершенно не упоминалось в причастности к отряду. Лучше наоборот, распускать слухи о моем отказе вступать в дальневосточные организации, о моей перемене фронта… Иначе не усыпить бдительной слежки за мной. Верь в меня, и, что бы ты ни услышал, знай про себя, я делаю все, что только можно, для общего блага…“

— Каков Анненков! — усмехнулся Менжинский.

— Анненков не может быть другим. Он пьянеет при виде крови. С ним нужно кончать. Любыми средства мивытащить в Советский Союз и судить, — заключил Трилиссер.

— А как вытащить?! Что вы предлагаете? — спросил Менжинский.

— У меня есть один вариант, но об этом давайте думать

вместе. Ланьчжоу — район Китая, который контролируется 1-й Народной армией. Анненков понимает, что просто так выбраться из этого района и перейти на сторону враждебной армии Чжан Цзолина ему не удастся. Поэтому ему понадобились слухи о том, что он раскаялся. Формирование отряда, на которое согласился Анненков, в помощь Чжан Цзолину, затрагивает интересы маршала Фэн Юйсяна, командующего Народной армией. Мое предложение состоит в том, чтобы рассказать обо всем маршалу Фэн Юйсяну и просить оказать содействие в задержании Анненкова.

— Правильно, — поддержал Артузов и продолжил мысль Трилиссера: — А для того, чтобы захватить Анненкова, мы воспользуемся затеянной им же провокацией: начнем переговоры о якобы готовящемся его прощении. В армии Фэн Юйсяна руководителем группы наших военных советников служит герой гражданской войны Виталий Маркович Примаков. Вы его, Вячеслав Рудольфович, знаете. Его можно попросить договориться обо всем с маршалом.

— А что из себя представляет маршал Фэн Юйсян? — спросил Менжинский. — Можем ли мы полагаться на него?

— Я думаю, что можем, — ответил Артур Христианович. — Насколько мне известно, он происходит из рабочей семьи, отец его — бывший каменщик, затем служил писарем в армии, так как был грамотным. Сам маршал участвовал в Боксерском восстании, после разгрома был приговорен к пожизненному заключению. Освобожден в 1911 году революционными силами. Был командиром полка, комбригом, губернатором провинции.

— Ну что ж, действуйте.

Так была разработана операция по поимке Анненкова. По приказу маршала Фэн Юйсяна Анненков, ничего не подозревая, отправился в город Калган, где был выдан Советскому правительству компетентными китайскими властями. Вскоре состоялся суд.

В те же годы стараниями Трилиссера и сотрудников его отдела были выведены на советскую территорию матерые враги Советской власти: Иванов-Ривов, Краковецкий, Яковлев. Все они были преданы суду за совершенные злодеяния.

Вскоре после возвращения из Финляндии Трилиссер получил сообщение о том, что разыскиваемый ОГПУ бывший белый офицер Петр Соколов проживает в Гельсингфорсе, часто выезжает в Терпоки, а оттуда — в Ленинград. Соколов связан с английской разведкой, у него Дома время от времени бывает известный профессиональный разведчик Койс.

Это сообщение насторожило Трилиссера. Память сработала мгновенно: „Газета „Известия“ в июле 1921 года… Из доклада ВЧК о заговорах против Советской власти… Петроградский заговор… Во главе Таганцев профессор-географ… Как его имя? Сейчас это неважно. Упоминался некий Соколов… Нужно поддать материалы!“

Работник отдела спустя час докладывал:

> „…Раскрытая организация через своих ответственных курьеров находилась в постоянных сношениях с финской контрразведкой, с американской, английской и французской разведывательными организациями в Финляндии. Многие члены организации состояли также на службе контрразведок: финской (Орловский, Паськов), английской (Вилькен, Соколов…)“.

Трилиссер задумался: „Контрразведка, разведка — тесная связь. Все сходится… Можно докладывать Дзержинскому“.

…Феликс Эдмундович на этот раз был чем-то расстроен. Одобрив информацию и предложения Михаила Абрамовича, он спросил, известно ли Трилиссеру постановление Политбюро ЦК ВКП (б), обязывающее его, Дзержинского, работать только четыре дня в неделю в связи с плохим состоянием здоровья и присутствовать на заседаниях Совнаркома лишь по особо важным вопросам. Голос Дзержинского звучал глухо, чувствовал он себя плохо.

Михаил Абрамович ответил, что он об этом знает, сожалеет, что все-таки загружает Дзержинского такими нерадостными известиями. С горечью добавил:

— Я докладываю вам только самое существенное…

— Да, я это знаю. Сейчас речь идет не о том, — Дзержинский улыбнулся, глаза потеплели. Он стал говорить как бы доверительнее. К служебным делам примешивалось нечто личное: — Ко мне поступает все больше и больше важных документов. По всем этим докладам я должен принимать срочные решения, внимательно читать, потом выслушивать устную информацию, обдумывать, вникать в суть дела и давать указания. Кроме того, много важных, неотложных вопросов я должен решать как председатель ВСНХ. — Дзержинский замолчал, посмотрел на реакцию собеседника. Трилиссер слушал молча, не понимая, к чему клонит Феликс Эдмундович. Дзержинский продолжал:

— Я хотел бы, чтобы вы помогали мне. Поставлю вопрос о вашем назначении моим заместителем.

Трилиссер покраснел, его глубоко взволновало предложение Феликса Эдмундовича. Он ожидал всего, чего угодно, только не этого предложения. Вместе с тем он был польщен доверием Дзержинского.

— Благодарю вас, Феликс Эдмундович. Я сделаю все, чтобы снять с вас часть нагрузки.

Вскоре Феликса Эдмундовича не стало.

В траурные дни июля 1926 года М.А. Трилиссер выступил с трибуны Мавзолея и от имени чекистов страны произнес слова клятвы:

> — Дорогой наш вождь, друг и товарищ. Огненное знамя, под которым ты жил и боролся, мы удержим на той высоте, на которую ты его поднял своей величайшей преданностью социалистической революции. И мы клянемся, что твои заветы о беспощадной борьбе со всеми еще многочисленными врагами нашего Октября и нашей партии мы выполним и твердой рукой доведем до конца.

Трилиссер и Артузов, как обычно, работали сообща, и спустя год в Ленинграде была разоблачена и предана суду многочисленная резидентура английской разведай, собиравшая сведения о Военно-Морском Флоте, об авиационных заводах и воинских частях. При обысках было изъято много оружия, боеприпасов, военно-топографических карт, иностранной валюты и документов секретного содержания. Перед советским судом предстали 20 участников этой шпионской организации.

Опасность для молодой Советской страны росла с каждым днем и надвигалась с востока. Совсем недавно Советское правительство подписало договор с Китаем. Впервые на протяжении многовековой истории этого государства Китай был признан равноправным и независимым. Руководитель революционно-национального правительства в Кантоне Сун Ятсен это признание принял с благодарностью. А вот мукденская группировка во главе с Чжан Цзолином, имеющая за собой поддержку японских милитаристов, продолжала провокации на КВЖД. Все это делалось под нажимом японской военщины. Трилиссер хорошо знал этот регион.

Михаил Абрамович не раз добрым словом вспоминал Алексея Николаевича Луцкого. И все же нужно было усилить получение своевременной информации оттуда, где скопилось много эмигрантских бандитских формирований.

Михаил Абрамович послал работать в Маньчжурию наиболее опытных чекистов: Рощина, Пудина, доктора Фортунатова,

который блестяще владел японским языком. На советскую разведку в Маньчжурии работал теперь и Эрих Такке, который спустя некоторое время после встречи с Трилиссером в Берлине прибыл в СССР и вступил в партию большевиков. Советские разведчики в Маньчжурии перехватывали массу документов. С наиболее важных снимали копии, а подлинники отправляли но назначению… В потоке секретных писем нужно было разбираться, из массы второстепенных сведений отбирать главные, чтобы „пустая“ информация не заслонила такую, на которую необходимо было немедленно реагировать, принимать ответные меры. Поэтому в помощь советским разведчикам в Харбине Михаил Абрамович послал опытных японоведов.

В 1927 году в руки разведчиков попал документ, на котором стояло множество всевозможных печатей, что свидетельствовало о его особой секретности. Печати были осторожно сняты, — чтобы потом поставить их незаметно на прежнее место…

В предисловии указывалось, что премьер-министр Японии генерал Танака обращался к микадо (императору), и последний одобрил содержание доклада. Это был так называемый „Меморандум Танака“, в котором излагались главные цели и задачи японской политики.

> „Мы должны страшиться того дня, когда Китай объединится и его промышленность начнет процветать… Для того чтобы завоевать подлинные права в Маньчжурии и Монголии, мы должны использовать эту область как базу и проникнуть в остальной Китай под предлогом нашей торговли. Вооруженные уже обеспеченными правами, мы захватим в свои руки ресурсы всей страны. Имея в своих руках все ресурсы Китая, мы перейдем к завоеванию Индии, Архипелага, Малой Азии, Центральной Азии и даже Европы…
>
> В программу нашего национального роста входит необходимость вновь скрестить мечи с Россией на полях Монголии в целях обладания богатствами Северной Маньчжурии… Мы будем всемерно наводнять Северную Маньчжурию нашими силами. Советская Россия должна будет вмешаться в это, и это будет для нас предлогом для открытого конфликта“.

Так благодаря работе чекистов под руководством М.А. Трилиссера стали известны цели агрессора,

Осенью 1929 года заместитель председателя ОГПУ Михаил Абрамович Трилиссер собирался выступить на пленуме Сокольнического райкома партии, членом бюро которого он

избирался неоднократно.

Он должен был дать отпор новым вылазкам троцкистов. Трилиссер с горечью вспомнил декабрь 1923 года, бурное собрание большевиков в центральном клубе ОГПУ, когда троцкисты пытались внести раскол в чекистскую партийную организацию.

Выступление Трилиссера было эмоциональным и убедительным. Когда он возвратился в здание ОГПУ, сильно разболелось горло. Секретарь Валентина Николаевна Чибисова хотела вызвать врача.

— Что с вашим горлом? Вы часто обращаетесь к врачам и, как видно, они вам не, могут помочь. Может быть, показаться хорошему специалисту? — спросила она.

Михаил Абрамович только махнул рукой, повернулся и ушел к себе в кабинет. Она растерянно посмотрела ему вслед.

Поздно вечером он подошел к Чибисовой.

— Извините, Валентина Николаевна, — сказал он. — Я никогда никому об этом не рассказывал и, кроме моей жены, Ольги Наумовны, никто об этом не знает…Моему горлу уже не поможет ни один врач. Во время ареста белобандиты повредили мои голосовые связки…Раньше, когда был юношей, я даже пел в хоре. А теперь, как небольшая перегрузка — не моту говорить… Прошу вас, Валентина Николаевна, по этому поводу не вызывать ко мне врачей.

— Хорошо, Михаил Абрамович…

Потом Валентина Николаевна Чибисова стала докладывать, кто звонил по телефону во время отсутствия Трилиссера:

Звонил ваш шофер и спрашивал, нужен ли будет вам завтра, в выходной день. Я ответила, что вы собираетесь поехать за город на прогулку с сыном.

— Спасибо, Валентина Николаевна. Позвоните, пожалуйста, шоферу и окажите, что завтра он свободен. Может заниматься своими делами…

— А прогулка с сыном на машине?

— Для моего сына и трамвай — удовольствие. А машина выделена для служебных дел.

В конце 1930 года Трилиссера вызвал Сталин,

— Товарищ Трилиссер, мы решили дать вам новое поручение, необходимо усилить работу органов Рабоче-Крестьянской Инспекции… — После небольшой паузы, во время которой Трилиссер внимательно смотрел на Сталина, тот, улыбнувшись, продолжал: — Как вам известно, наркомом Рабоче-Крестьянской Инспекции РСФСР с марта 1919 года до апреля 1922 года был товарищ Сталин. Вам будет поручен ответственный пост

заместителя наркома РКИ РСФСР. Если вы не возражаете, то я расскажу, что нужно сделать в первую очередь. — Сталин опять в упор посмотрел на Трилиссера.

— Я согласен, товарищ Сталин.

— Сейчас нужно подумать над улучшением структуры государственного аппарата, ликвидировать параллелизм. Принять меры к сокращению штатов и к укреплению трудовой дисциплины. В общем, устранить те недостатки, которые появились у нас за эти годы. Вы меня поняли?

— Да, товарищ Сталин.

Михаил Абрамович активно взялся за новую для него работу. Многое было сделано для совершенствования работы государственного аппарата. Были приняты меры к укреплению учреждений и ведомств. Некоторые наркоматы были реорганизованы, сокращены разбухшие штаты. Усилилась дисциплина в работе и более решительно стала вестись борьба с бюрократизмом.

Осень 1933 года сложилась трудной. В центральных районах страны, а также на Кубани, на Украине выдался неурожай. Народ голодал, приходилось напрягать все усилия, чтобы помочь голодающим. Закупали продукты за границей.

К активному участию в общественной жизни привлекли молодежь. Андрей Дерибас, сын бывшего начальника одного из отделов ВЧК — ОГПУ, назначенного в 1929 году полномочным представителем ОГПУ по Дальневосточному краю и проживающего теперь в Хабаровске, оставался в Москве, так как заканчивал институт. Теплые отношения с Михаилом Абрамовичем Трилиссером у него сохранились со школьных лет. Поэтому в один из октябрьских дней, когда сухая и теплая погода заставила вспомнить о „бабьем лете“, он позвонил по телефону Трилиссеру:

Михаил Абрамович, хотел бы посоветоваться с вами. У нас в институте возник деликатный вопрос.

— Заходи вечером домой. Сегодня я буду дома часов в десять.

В одиннадцатом часу Андрей зашел к Трилиссеру.

— Садись, Андрей, с нами ужинать, — пригласила Ольга Наумовна.

— Спасибо, мы только что поели. — Андрей сел в стороне на стул.

— Как дела у отца? — Михаил Абрамович повернулся к Андрею.

— У отца все нормально. Пишет, что очень много дел. И не только по линии ОГПУ, но и разных хозяйственных. Недавно пришлось заниматься Владивостокским портом, через который

поступает закупленное нами зерно в Центральную Россию.

— А что там?

— Порт устарел и не может перерабатывать столько грузов одновременно. Отец пишет, что на разгрузку пароходов с зерном пришлось привлечь местных комсомольцев. Зерно ушло в Центр России.

— Там нужно держать порох сухим. Я те края знаю хорошо. Так какой у тебя вопрос ко мне?

— Студенты нашего института обеспокоены тем, правильно ли мы готовим специалистов? Таких ли инженеров ждет от нас государство? Вот я и решил посоветоваться с вами…

— Интересный вопрос, глубокий и своевременный. Молодцы ребята, что поднимают такие вопросы, и хорошо, что ты пришел ко мне. Мы в РКИ тоже сейчас задумываемся над этим. Но своим вопросом ты подсказал мне хороший план…

— Какой? — удивился Андрей.

— Вы, студенты, тоже должны принять участие. Нужно устроить поход к руководству ведомств и вместе обсудить, какие специалисты требуются.

Вскоре такие переговоры состоялись. Результаты анализа решено было обсудить на ученом совете Института народного хозяйства.

На заседание ученого совета приехал заместитель наркома РКИ Михаил Абрамович Трилиссер. Это было неожиданным. Он выступил с подробным анализом выявившихся недостатков и подсказал, каких специалистов и каким образом должен готовить институт.

В 1934 году Михаил Абрамович был назначен уполномоченным Советского контроля при Совете Народных Комиссаров Российской Федерации по Дальневосточному краю. Когда Трилиссер зашел к Дерибасу в кабинет в здании ОГПУ на Волочаевской улице, Терентий Дмитриевич был искренне рад.

— Будем опять трудиться рядом. Замечательно! А где семья? Как они?

— Как и у тебя, осталась в Москва. Все здоровы Перед отъездом видел твоих, у них все нормально. Многое знаю о тебе от Андрея. Как ты тут?

— Со здоровьем ничего. Но очень хлопотно. Дел все прибавляется. Японцы лезут напролом и активно используют эмигрантские организации. Да не я должен тебе рассказывать. Ты все знаешь не хуже меня.

Они беседовали долго, два старых друга, прошедших школу профессиональных революционеров, тюрьмы и ссылки. Им было что вспомнить: и свои встречи с Ильичей на заседаниях и съездах

партии, и свою работу вместе с Дзержинским и Менжинским. Потом заговорили о делах насущных. Оба были единого мнения о том, что необходимо быстрее развивать экономику и транспортные магистрали Дальнего Востока, что нужно укреплять Дальневосточную армию, так как нарастает угроза с юга.

За год работы на Дальнем Востоке Михаил Абрамович Трилиссер ни дня не сидел в кабинете, все время находился в поездках, помогая дальневосточникам в организации четкой работы промышленных предприятий и строек. Не раз он навещал молодежную стройку — Комсомольск-на-Амуре — и помогал решать возникавшие проблемы. Здесь происходили его многочисленные встречи с бывшими партизанами и подпольщиками. Радостные и теплые, они согревали сердце, а воспоминания о пережитом наполняли душу новым приливом сил.

В июне 1935 года Трилиссер получил вызов в Москву. Сборы недолги, купил билет, продукты — ив дорогу. Было неясно, почему так срочно?

В день приезда домой Трилиссеру позвонил Дмитрий Захарович Мануильский, или Ману, как называли его близкие друзья, работавшие вместе с ним в подполье. Трилиссер работал с Мануильским в 1906–1907 годах в военных организациях РСДРП. Сейчас Мануильский работал в Коминтерне, о чем Трилиссер знал. Расспросив о самочувствии, о делах на Дальнем Востоке, Мануильский попросил Трилиссера зайти на следующий день в Коминтерн, размещавшийся на Моховой улице, к Отто Вильгельмовичу Куусинену.

„Зачем меня зовут? — подумал Трилиссер. — Может быть, интересует развитие революционного движения в странах Азии?“

На следующий день Михаил Абрамович надел свой костюм и отправился на Моховую, как сказал он жене.

Постучался в кабинет к Куусинену и открыл дверь. Там, кроме Куусинена, были Георгий Димитров и Дмитрий Мануильский. Все трое стали энергично приглашать его войти.

— Не нарушил я каких-либо правил международного порядка? — в смущении проговорил Трилиссер. — Ведь я никогда не бывал здесь?!

— Ну так будете теперь бывать! — с улыбкой проговорил Димитров.

— Требуется только ваше согласие, — добавил Куусинен.

— А как же Дальний Восток?

— Там ты и без того много лет пробыл, — заговорил Мануильокий по-дружески. — Даже ссылку отбывал. Обойдутся там и без тебя!

Трилиссер стал работать в Исполнительном Комитете Коммунистического Интернационала. Был избран членом VII конгресса Коминтерна, вошедшего в историю как конгресс борьбы за единство фронта против фашизма и подготовки войны. Стал ближайшим сподвижником Г.М. Димитрова, Д.З. Мануильского, с которым дружил многие годы, Бела Куна, Пальмиро Тольятти, Вильгельма Пика, Марселя Кашена, Клемента Готвальда. Своими незаурядными организаторскими способностями, разносторонним опытом революционной борьбы, большевистской честностью и непоколебимой верностью идеям марксизма-ленинизма он снискал высокое уважение к себе, стал широко известен в коммунистическом мире.

В 1927 году за особо ценные заслуги в борьбе с контрреволюцией Михаил Абрамович Трилиссер был награжден орденом Красного Знамени.

Умер он 2 февраля 1940 года.

А. КРАЮШКИН, Л. ПОЛЯНСКИЙ
ЕФИМ ГЕОРГИЕВИЧ ЕВДОКИМОВ

…С утра в приемной заместителя председателя Московской ЧК Василия Николаевича Манцева было всегда много народу. Среди посетителей ничем не выделялся стройный и подтянутый молодой человек в новенькой гимнастерке. Только плотно сжатые губы, уверенный и проницательный взгляд выдавали в нем человека волевого, решительного, смелого.

За плечами у двадцативосьмилетнего Ефима Евдокимова уже были революционное подполье, царские тюрьмы, бои с юнкерами на московских улицах в Октябрьские дни 1917 года, работа в ЦК РКП (б) и во ВЦИК. Теперь ему предстояло приступить к новому, не менее важному и ответственному делу. Несколько дней назад Оргбюро ЦК партии приняло решение о переводе сотрудника Регистрационного отдела ЦК РКП (б) Ефима Георгиевича Евдокимова в чекистские органы. Вчера состоялась беседа с Феликсом Эдмундовичем Дзержинским, который сообщил о назначении Евдокимова на должность начальника Особого отдела Московской чрезвычайной комиссии.

Ефим Георгиевич немного волновался. Предстояла встреча с новым коллективом, с которым ему придется работать. В этот день начиналась его чекистская биография. И начиналась она не с лекций и учебных пособий, которых в 1919 году еще не было у чекистов, а со смертельных схваток с непримиримыми врагами Советской власти.

…Василий Николаевич Манцев, член большевистской партии с 1906 года, один из активных участников революционного движения в Москве, вышел из-за стола, поправил полувоенный френч и протянул Евдокимову руку.

— Ну вот и пополнение к нам прибыло, — улыбнувшись, сказал он, — сотрудники Особого отдела уже? ждут своего начальника.

— Я в чекистской работе новичок. Мне бы постажироваться в другом отделе недели две, хоть немного освоить свою новую профессию…

— Нет у нас такой возможности, товарищ Евдокимов. Мы здесь одновременно и учителя и ученики. Иногда приходится и начальнику учиться у подчиненного. Так что для стажировки времени вам не отпущено. Враг не дает нам передышки.

Евдокимов взглянул на утомленное лицо Манцева, покрасневшие от бессонницы глаза. Вскоре ему станет известно,

что Василий Николаевич, как и многие чекисты, проводил все время на работе, спал по три-четыре часа в сутки.

— …А потом не такой уж вы и новичок, товарищ Евдокимов, — продолжал Манцев. — Ведь наверняка на вашем счету не один выявленный провокатор, да и шпиков из царской охранки не раз за нос водили.

— Приходилось. На революционной работе без этого не обойтись.

— Опытные подпольщики у лас сейчас на вес золота, именно ими мы и стараемся укомплектовать руководящие кадры ЧК. Ну а теперь, Ефим Георгиевич, перейдем к делу.

— Вызывают беспокойство некоторые военспецы в Красной Армии из числа бывших царских офицеров. Конечно, нельзя всех их подозревать, среди них есть и немало честных людей, поверивших в революцию. Но и контрреволюционеры к нам пробрались. К сожалению, это так. Вы знаете о мятеже, поднятом бывшими царскими офицерами на Красной Горке под Петроградом. Нити тянутся к Юденичу. Боюсь, что и в Москве в частях Красной Армии действует хорошо законспирированная вражеская агентура. Ее выявление — первостепенная задача вверенного вам отдела. Особое внимание обратите на преподавательский состав трех московских военных школ: окружной артиллерийской, высшей стрелковой и школы военной маскировки.

…Почти каждый день председатель ВЧК Феликс Эдмундович Дзержинский уделял несколько часов для приема посетителей. Приходили разные люди — рабочие, учителя, сдавшие царские чиновники и офицеры И большинство из них шло в ВЧК с одной целью — помочь разоблачить готовящиеся заговоры против молодой республики.

На этот раз перед Феликсом Эдмундовичем сидел плотный мужчина средних лет в добротной офицерской шинели. Он заметно нервничал, барабаня пальцами по козырьку лежащей на коленях фуражки.

— Я врач окружной артиллерийской школы, — сказал он, вытерев платком выступившие на лбу капельки пота. — Хочу искупить вину перед народом. Состою в белогвардейской организации, которую возглавляет начальник школы бывший полковник царской армии Миллер. Искренне раскаиваюсь и хочу вам раскрыть эту организацию…

С этого визита и началась операция чекистов по ликвидации крупнейших контрреволюционных организаций «Национальный центр» и «Штаб Добровольческой армии Московского района», непосредственно связанных с разведками Колчака, Юденича,

Деникина. Важную роль в ее осуществлении наряду с такими руководителями ВЧК, как Ф.Э. Дзержинский, В.Р. Менжинский, А.Х. Артузов, сыграл и Ефим Георгиевич Евдокимов.

…Утром 27 июля 1919 года в селе Вахрушево Слободского уезда Вятской губернии был задержан мужчина средних лет, имевший при себе удостоверение на имя Николая Павловича Караеенко, организатора коммунистической ячейки в команде санитаров Путиловского кавалерийского полка. При обыске у него был обнаружен миллион рублей ассигнациями. Карасенко поначалу никак не мог вразумительно объяснить чекистам, откуда у него эти деньги и кому они предназначены, а также с какой целью он прибыл в Вятскую губернию. Наконец ему пришлось сознаться, что на самом деле он является сотрудником разведотделения ставки адмирала Колчака штабс-капитаном Николаем Павловичем Крашенинниковым.

В своем. кабинете в здании ВЧК Феликс Эдмундович внимательно выслушал доклад прибывшего из Вятки следователя, затем обстоятельно ознакомился с протоколом допроса Крашенинникова. Подчеркнул то место, где говорилось о существовании в столице заговорщицкого «Национального центра» и указывались адреса его руководителей Н.Н. Щепкина и А.Д. Алферова. Встал, прошелся в сосредоточенном раздумье по кабинету, По том поблагодарил следователя за чрезвычайно важные сведения, поинтересовался, оде он остановился и когда возвращается назад. Распрощавшись с ним и пожелав успехов вятским чекистам, Феликс Эдмундович: пригласил к себе Вячеслава Рудольфовича Менжинского и Артура Христиановича Артузова. Когда они вошли в кабинет, Дзержинский рассказал им о только что полученных сведениях из Вятской ЧК и передал Вячеславу Рудольфовичу все имевшиеся материалы о «Национальном центре». В.Р. Менжинскому и А.Х. Артузсву предлагалось срочно представить план ликвидации заговора и ареста его участников.

Это было 22 августа 1919 года. Оставшись один в кабинете, Ф.Э. Дзержинский поднял телефонную трубку и попросил соединить его с Владимиром Ильичей Лениным. Феликс Эдмундович доложил о существовании в Москве «Национального центра» и его военной организации, готовивших мощное вооруженное выступление в столице и захват политической власти. Владимир Ильич выслушал Феликса Эдмундовича, затем задал уточняющие вопросы относительно достоверности сведений и их источников, а также поинтересовался тем, какие ближайшие меры намерена предпринять ВЧК. В.И. Ленин всесторонне оценил опасность для Советской Республики тайных замыслов

контрреволюции и рекомендовал Ф.Э. Дзержинскому обратить сугубое внимание на подготавливавшуюся Особым отделом ВЧК операцию по разгрому «Национального центра» в Москве, быстро и энергично пресечь назревавший белогвардейский мятеж. Руководство всей операцией по ликвидации «Национального центра» было возложено на Ф.Э. Дзержинского.

Согласно представленному В. Р. Менжинским и А.Х. Артузовым плану было принято решение срочно арестовать Щепкина и Алферова. В ночь с 28 на 29 августа два главаря «Национального центра» были задержаны. В результате в руки сотрудников ВЧК попали многочисленные шпионские материалы, предназначавшиеся для отправки в штаб Деникина, документы, свидетельствовавшие о подготовке в Москве крупного контрреволюционного мятежа. Из них явствовало, что заговорщики намеревались захватить Москву хотя бы на несколько часов, завладеть телеграфом с тем, чтобы оповестить население и фронты о падении Советской власти и таким образом вызвать панику и разложение в Рядах Красной Армии. Во дворе у Щепкина в деревянной стене дома были найдены в жестяной коробке его собственноручные донесения Деникину о дислокации наших войск, шифр, с помощью которого зашифровывались донесения, а также многочисленные бланки и печати различных учреждений.

Видя, что запирательство бесполезно, Щепкин и Алферов дали показания, которые позволили чекистам арестовать других активных участников контрреволюционной организации. Оставленной в доме Щепкина засадой был также задержан инспектор Всевобуча П.М. Мартынов, у которого при обыске обнаружили зашифрованное письмо в штаб Юденича, а также адреса некоторых членов «Национального центра».

На допросе Мартынов сообщил, что «Национальный центр» непосредственно связан со «Штабом Добровольческой армии Московского района» — заговорщической белогвардейской организацией, считавшей себя частью деникинской армии. Участники этой организации были тщательно законспирированы. Мартынов их не знал. Но он располагал весьма ценной информацией — мятежники планируют во второй половине сентября поднять в Москве вооруженное восстание.

Кто возглавляет «Штаб Добровольческой армии Московского района»? Какие силы у контрреволюционеров? Кто сумел внедрить «штаб» в части Красной Армии? Все это предстояло выяснить Особому отделу МЧК и его руководителю Ефиму Георгиевичу Евдокимову.

Имея в руках сведения о белогвардейской агентуре в учебных

заведениях Красной Армии, чекисты установили за подозреваемыми лицами тщательное наблюдение. Вскоре стало известно, что Миллер обратился в Реввоенсовет Республики с просьбой выделить ему для личного пользования мотоцикл с водителем. Узнав об этом, Феликс Эдмундович Дзержинский предложил Евдокимову внедрить к Миллеру под видом водителя сотрудника МЧК.

Вскоре Миллер разъезжал в коляске новенького мотоцикла, управлял которым водитель Кудеяр, числившийся в кадрах Особого отдела МЧК под фамилией Горячев. Он быстро вошел в доверие к своему начальнику, был безотказен, никогда не жаловался на усталость и переработку. Шофер много возил Миллера по Москве и пригородам, и ему стали хорошо известны все маршруты заговорщика. Чекист аккуратно фиксировал адреса, где ему приходилось бывать вместе с начальником артиллерийской школы, фамилии и приметы людей, с которыми он встречался. Таким образом Особым отделом МЧК были установлены личности многих участников заговора, явочные квартиры, тайники с оружием.

У чекистов было достаточно оснований для ареста участников заговора, что и предлагали сделать некоторые ответственные сотрудники МЧК. Однако Ефим Георгиевич, посоветовавшись с Ф.Э. Дзержинским и В.Н. Манцевым, пришел к выводу, что аресты в данный момент могут оказаться преждевременными. Это могло вспугнуть основных руководителей «Штаба Добровольческой армии Московского района», дать им возможность перегруппировать силы организации.

Военврач артиллерийской школы активно и сознательно помогал чекистам. Через него были установлены руководители белогвардейских организаций Ходынского, Замоскворецкого и других районов, стало известно, что центральный штаб заговорщиков собирается в квартире Ступина. Чекисты ознакомились с некоторыми документами штаба, в том числе и с заранее подготовленным воззванием «Штаба Добровольческой армии Московского района» к населению столицы с призывом не оказывать сопротивления деникинским войскам, ликвидировать коммунистов.

В конце концов ВЧК стали известны все главные силы, которыми располагал «Штаб Добровольческой армии Московского района». Они сосредоточивались, как и предполагал ранее В.Н. Манцев, в трех офицерских московских школах. Особый отдел ВЧК разработал во всех деталях план бескровного захвата противника. Операцией руководил особоуполномоченный

Особого отдела ВЧК А.Х. Артузов и начальник Особого отдела МЧК Е.Г. Евдокимов.

Артузов и Евдокимов хорошо изучили жизнь школ, распорядок дня их личного состава. Они обратили внимание на то, что командиры и слушатели артиллерийской школы регулярно в отведенные специально часы занимались гимнастикой. Вот и решено было использовать гимнастический урок для ареста офицеров-заговорщиков. Артузов попросил комиссара школы очередное занятие по гимнастике провести не во дворе, а в манеже. Первыми вошли в помещение офицеры. Как обычно, сложили оружие, разделясь, построились, но… урок не состоялся. У дверей манежа мгновенно были выставлены два пулемета. Заговорщики поняли, что сопротивление бесполезно, и по команде чекистов стали выходить на улицу.

В ходе следствия выяснилось много нового о планах мятежников. С падением Тулы их артиллерия должна была обстрелять Кремль. Офицерской диверсионной группе из двадцати человек предписывалось взорвать железнодорожные мосты, чтобы не допустить подвоза войск Красной Армии к Москве. Другой группе офицеров поручалось вывести из строя связь РВС с фронтами и Кремля с ВЧК.

19 сентября был арестован Миллер. Оказавшись под стражей, этот самонадеянный человек, мнивший себя одним из будущих правителей Москвы, мигом утратил свою былую спесь, как только увидел «шофера Кудеяра», одетого в чекистскую форму. В своих показаниях Миллер сообщил, что его организация намеревалась «захватить В.И. Ленина в качестве заложника против красного террора».

Итак, первая крупная операция в чекистской работе Ефима Георгиевича Евдокимова была завершена. Его активное участие в ней было обеспечено тем, что он пришел в МЧК зрелым и закаленным бойцом революции, опытным и искусным конспиратором, с молодых лет посвятившим свою жизнь борьбе за счастье трудового народа.

…Непросто складывалась жизнь курского крестьянина Георгия Савватеевича Евдокимова. В середине 80-х годов прошлого века призвали его в армию. Вместе со своим линейным стрелковым батальоном Георгию пришлось исколесить по России не одну тысячу верст, немало унижений натерпелся он от офицеров и фельдфебелей. После нескольких лет службы судьба занесла его в затерявшийся в казахских степях маленький провинциальный городок Колол. Там он и познакомился со скромной девушкой Настей, работавшей прислугой у купца.

Рядовому Евдокимову удалось добиться у начальства разрешения на женитьбу. 20 января 1891 года у Георгия и Анастасии появился первенец — сын Ефим. Через шесть лет закончился срок службы Георгия Савватеевича, я он увез свою семью в Читу, где устроился сцепщиком вагонов на Забайкальской железной дороге.

…Тусклая керосиновая лампа едва освещает отсек старого товарного вагона, который служит домом семье Евдокимова. В углу стоит только что наряженная елка. Через два дня наступит новый, 1905 год. Анастасия Аристарховна и Ефим ждут с работы отца. Сегодня в депо выплата жалованья, отец должен купить угощение для новогоднего стола.

Скрипнула дверь, вошел Георгий Савватеевич. Не снимая тулупа, молча сел на стул.

— Случилось что, отец? — взволнованно проговорила, поднявшись с кровати, Анастасия Аристарховна.

— Половина жалованья на штраф ушла. Управляющий распорядился вычесть за простой поезда, хотя мы, сцепщики, тут и ни при чем. Три рубля аптекарю занесла твои лекарства. А вот что осталось, считай! Может, счеты пришейте, чтобы не сбилась?

С этими словами Георгий Савватеевнч бросил на стол две скомканные бумажки и несколько медных монет.

— Не срывай злость на матери, отец, — вмешался Ефим. — Разве она виновата в том, что вас, рабочих, грабит начальство. Вас несколько сотен, а постоять за себя не можете. Пошли бы на забастовку, тогда…

— Да ты в своем уме? На железной дороге бунт устраивать! Уж не ссыльный ли студент Пашков такую крамолу тебе в башку вбивает? Не вздумай у него книги запрещенные брать, в тюрьму угодишь.

Виктор Иванович Пашков человек необыкновенный. Сам из дворян, сын адвоката, а пошел за дело народа.

Георгий Савватеевич испуганно посмотрел на сына.

— Так что же, Ефим, ты с Этим ссыльным заодно, против царя идете?

— А что ты за свою жизнь от царя получил? Четверть века им верей и правдой служишь, а кроме как в старом вагоне места тебе не нашлось. Да и обирают тебя до копейки с царского благословения.

Ефим встал из-за стола и, обратившись к матери и отцу, сказал:

— Мне уже пора начинать самостоятельную жизнь, надо зарабатывать. Весной место конторщика в железнодорожных мастерских освобождается. Я грамотный, обещали принять.

Но устроиться на работу Ефиму удалось только осенью. Его

приход на железную дорогу совпал с Октябрьской всероссийской политической стачкой, прокатившейся но всей стране. Во многих городах страны превратили работу фабрики, заводы, транспорт, почта, телеграф, учебные заведения. Всего число бастующих достигло двух миллионов человек. Революционные события захватили и Читу. Первыми забастовали рабочие железнодорожных мастерских и депо. Еще в августе под руководством большевиков они стали создавать вооруженную дружину, которая в дни Октябрьской всероссийской стачки выросла до двух тысяч человек. В середине октября началось массовое вооружение читинских рабочих. Численность их дружины, возглавлявшейся А.А. Костюшко-Волюжаничем, достигла четырех тысяч человек. По предложению большевиков в городе был создан Совет солдатских и казачьих депутатов, освобождены политзаключенные из читинской, а затем акатуйской тюрем. К декабрю Совет установил контроль за почтой и телеграфом. Осуществилась давняя мечта трудящихся — на железнодорожных предприятиях и в торговых заведениях был введен 8-часовой рабочий день. Деятельность правительственных учреждений была полностью парализована. Власть в Чите фактически перешла в руки Читинского комитета РСДРП и Совета солдатских и казачьих депутатов. В городе стала выходить газета «Забайкальский рабочий». Эти события вошли в историю революционной борьбы народов России под названием «Читинская республика».

Впоследствии в своей автобиографии Ефим Георгиевич Евдокимов, возвращаясь к этому периоду жизни, написал: «Октябрьские события 1905 года так подействовали на молодые сердца и разум, что в 15 лет я смело заявил отцу, человеку, прошедшему солдатскую муштру, консервативному, что я революционер, и бесповоротно связал свою судьбу с революцией».

После разгрома Декабрьского вооруженного восстания в Москве царское правительство направило карательные экспедиции в Сибирь. К Чите с востока двигался отряд генерала Ренненкампфа, с запада — отряд генерала Мейлер-Закомелыского. Над «Читинской республикой» нависла угроза. В защите ее завоеваний в составе боевой дружины принимал участие и юный Ефим Евдокимов.

— А тебе не рано воевать? — оказал, с недоверием взглянув на Ефима, выдававший винтовки седой рабочий. — Это не на улице с ребятами драться. Не успеешь мамку кликнуть, как казак на пику посадит. Иди-ка лучше домой, парень.

— Это наш малый, железнодорожник, — вступился за Ефима кто-то из рабочих. — Георгия Евдокимова сын. Давно нам

помогает. Выдай ему винтовку, Михалыч, он не подведет.

Отряд, в который попал Ефим Евдокимов, состоял из семнадцати человек — железнодорожники, рабочие с завода, двое студентов. И еще семнадцатилетняя девушка Наташа, работавшая в одной из городских прачечных. Она была в отряде медсестрой.

Им поручили перекрывать подступы карателям к центру города, заняв позицию на баррикаде на одной из улиц. Отрядом командовал путевой обходчик Иван Горбунов, задорный веснушчатый парень лет двадцати двух.

— Ребята, стреляйте только прицельно. Патронов у нас немного, — говорил он, расставляя дружинников по местам на баррикаде.

Издалека доносились выстрелы, бой шел в районе депо, километрах в двух от них. Ефим внимательно всматривался в пустынную улицу. Вдруг показалась серая шеренга бегущих солдат. Послышались выстрелы…

Бой длился около двух часов. За это время солдаты несколько раз наступали и отступали. В сумерках на снегу, словно огромные проталины, лежали трупы убитых в серых шинелях. Несли потери и оборонявшиеся. Двое товарищей погибли. Наташа перевязывала раненых и отводила их в безопасное место.

Перед самой баррикадой взорвался снаряд, послышались крики, стоны.

— Пушку подогнали, гады, — крикнул Горбунов. — Шрапнелью по нас бьют. Через пятнадцать минут здесь ничего не останется.:

Еще один взрыв раздался совсем рядом. Ефим упал, почувствовав боль в обеих ногах. Товарищи вытащили его с баррикады, на руках вынесли на соседнюю улицу. Один из студентов, Сергей Волков, жил в двух кварталах отсюда. К нему на квартиру и принесли Евдокимова. Сочувствовавший восставшим врач в тот же вечер сделал юноше операцию. Около полугода затем Ефиму пришлось ходить на костылях.

А события в городе в те январские дни 1906 года развивались так. Ввиду явного превосходства правительственных войск и во избежание кровопролития Читинский комитет РСДРП принял решение отказаться от Дальнейшего сопротивления. 22 января 1906 года войска Ренненкампфа заняли Читу. Началась расправа с революционными рабочими, солдатами и казаками. Среди расстрелянных были большевики И.В. Бабушкин А.А. Костюшко-Волюжанич, А.И. Попов и другие.

Оправившись от ранения, Е. Евдокимов включается в нелегальную революционную работу. Он ведет активную агитационную деятельность среди рабочих и служащих читинских

железнодорожных мастерских, распространяет листовки. Напуганная Октябрьской всероссийской стачкой, царская охранка бдительно следила за настроениями пролетариата, стремилась проникнуть в тайные организации и кружки рабочих. Не раз наведывались жандармы и в читинские железнодорожные мастерские. Однажды сторож по охране грузов донес в жандармское отделение, что в товарную контору железнодорожной станции Чита-1 попадают революционные прокламации. Жандармы нагрянули внезапно и перевернули в конторе все вверх дном. В результате обыска на рабочем месте Е. Евдокимова и конторщика Н. Кириленко была обнаружена пачка прокламаций. Последовал арест.

12 февраля 1908 года начальник Читинского отделения жандармского политического управления Забайкальской железной дороги ротмистр Шаристанов докладывал прокурору Читинского окружного суда;

> «Имею честь уведомить Ваше Высокородие, что мною сего числа приступлено к производству формального, в порядке 1035 ст. Уст. Уг. Суд., дознания об обнаруженных в товарной конторе при от. „Чита-1“ рукописей и прокламаций Всероссийского железнодорожного союза, по признакам преступлений, предусмотренных 102 и 132 ст. Уг. Улож.
>
> В названной конторе обнаружено: 1) 110 прокламаций: „Устав Всероссийского железнодорожного союза“, 2) Рукописи чернилами и карандашом, 3) 46 прокламаций: „Революционное слово“, 4) 8 прокламаций под заглавием: „Ко всем рабочим“ и другие предметы, описанные в прилагаемой при сем копии протокола осмотра.
>
> Вместе с тем прошу о назначении лица прокурорского надзора для наблюдения за производством названного выше дознания.
>
> Ко всему присовокупляю, что мною привлечены к дознанию в качестве обвиняемых конторщики товарной канторы Евдокимюв и Кириленко, которые сего же числа заключены под стражу в Читинскую тюрьму».

А спустя год Временный военный суд в открытом судебном заседании слушал дело о Ефиме Георгиевиче Евдокимове.

… - Суд признал подсудимого Евдокимова виновным в том, что в 1907 году в городе Чите он вступил в преступное сообщество, именующее себя «Всероссийский железнодорожный союз Читинского района» и заведомо для него поставившее целью

своей деятельности насильственное, путем вооруженной борьбы, изменение установленного в России основными законами образа правления. Причем для проведения в исполнение назначенной цели собирал для союза денежные средства, составлял отчеты о приходе и расходе этих средств, участвовал в собраниях союза, составлял о них отчеты, хранил и распространял издававшиеся названным преступным сообществом прокламации и воззвания…

Судья, седой старик со злыми глазами и висячими бакенбардами, внимательно посмотрел на стоявшего за деревянным барьером худощавого паренька в поношенном пиджаке.

«Совсем мальчишка. И тоже в революцию полез, — подумал он. — Не понимаю, что тянет вот таких вот юнцов к бунтовщикам. Проучить бы его как следует, отправить на четыре года на каторгу, что для него и предусмотрено 102 статьей Уголовного уложения. Да нельзя. В момент ареста за совершение преступных деяний этот Евдокимов еще не достиг семнадцатилетнего возраста. Вот и придется заменить ему каторжные работы тремя годами тюрьмы».

Заключение молодой революционер отбывал в Верхнеудинском централе. Верхнеудинск (ныне Улан-Удэ) был уездным городком Иркутской губернии и с давних пор служил местом ссылки политзаключенных.

Освобождение последовало неожиданно досрочно, в мае 1911 года. Евдокимову местом жительства был назначен Верхнеудинск. Однако через пять месяцев после выхода из тюрьмы Ефим Евдокимов вновь арестовывается, и на сей раз за агитацию против самодержавия и возбуждение военного гарнизона в Беревовке, близ Верхнеудинска. Его высылают за пределы Иркутской губернии на Урал.

Но долго оставаться там у Ефима намерения не было. Пробыв совсем незначительное время в ссылке на Урале, он бежит на Дальний Восток. Проводит агитационно-пропагандистскую работу на заводах, среди моряков во Владивостоке, Хабаровске, Благовещенске, состоит членом Сибирского летучего боевого отряда участвует в созданий типографии, пока вновь не арестовывается и не высылается обратно, на Урал.

Первая мировая война застала Е.Г. Евдокимова на Урале. Он нелегально пробирается в Москву, где осенью 1915 года ему удается устроиться на работу в Центросоюз.

9 января 1917 года в Москве состоялась массовая демонстрация, в организация которой принимал участие и Е.Г. Евдокимов. Демонстрация прошла под лозунгами: «Долой войну!», «Да здравствует республика!» Чтобы избежать ареста,

после разгона демонстрации Е.Г. Евдокимову пришлось скрываться, он уезжает на Кавказ. Февральскую буржуазно-демократическую революцию Ефим Георгиевич встретил в Баку, причем не как пассивный созерцатель происходивших событий, а как деятельный их участник.

В марте 1917 года Ефима Георгиевича призывают в армию и направляют на службу в 12-й Сибирский запасной стрелковый полк, который дислоцировался в Иркутске. Там он избирается председателем полкового революционного комитета. Служба Е.Г. Евдокимова в армии была недолгой, сказалось полученное в 1906 году ранение. В сентябре медицинская комиссия признала его негодным к военной службе, и он был демобилизован.

И снова Москва, Октябрьские дни 1917 года. После победы восстания в Петрограде контрреволюция надеялась создать в Москве общероссийский центр борьбы против Советской власти. Но ее замыслам не суждено было осуществиться. Московские рабочие и революционные солдаты сорвали планы контрреволюции, в этом им помогли красногвардейцы Петрограда, Иваново-Вознесенска, Шуи, Подольска и других городов. Е.Г. Евдокимов сражался на баррикадах вместе с бойцами Красной гвардии Лефортовского района. В эти ответственные для революции дни на общем собрании рабочих и служащих Центросоюза он был избран председателем революционного комитета этой организации. 2(15) ноября в Москве утвердилась Советская власть. Ефим Георгиевич командируется из Центросоюза для работы во ВЦИК, где назначается сначала заведующим регистрационным, а позднее справочным отделами. Заканчивает курсы Всевобуча.

Во ВЦИК Е.Г. Евдокимов познакомился с Я.М. Свердловым. По его рекомендации в январе 1919 года Ефима Георгиевича направляют на учебу в Академию Генерального штаба Красной Армии. Советской власти очень нужны были грамотные и преданные делу революции военные специалисты. Однако уже в мае 1919 года Реввоенсоветом Республики Е.Г. Евдокимов был откомандирован в Регистрационный отдел ЦК РКП (б), а в июне того же года Оргбюро ЦК принимает решение о переводе его на работу в чекистские органы.

Важное место в деятельности ВЧК и МЧК в 1919 году занимала ликвидация анархистского подполья в столице. Об анархистских клубах, действовавших в Москве после Октябрьской революции, Е.Г. Евдокимов вспоминал: «Здоровая революционная часть желавших драться за революцию разбрелась и уходила из клубов, а остатки были впоследствии разоружены, так как

представляли собой в значительной части полуанархистский, полубандитский и просто бандитский сброд. Я уже не говорю о том, что ко всему этому примазывалась и лезла в анархистские клубы белогвардейщина из бывших офицеров и прочие, используя порядки анархистских клубов, их доступность и вольности для своих контрреволюционных целей».

В обстановке гражданской войны часть анархистских организаций и групп перешла от агитации против «восстановления государственного гнета» к открытым выступлениям против Советской власти с оружием в руках, в том числе в составе различных банд, наиболее крупной из которых была банда Махно на Украине. Они превратились, по существу, в один из отрядов внутренней контрреволюции, представлявшей большую опасность для молодой Республики Советов.

Первый удар по контрреволюционному анархистскому подполью и уголовщине ВЧК нанесла еще весной 1918 года. Тогда 3 апреля она обратилась к населению Москвы с призывом оказывать поддержку в ее деятельности. В обращении говорилось, что «первейшей задачей Всероссийской чрезвычайной комиссии будет борьба За полную безопасность и неприкосновенность личности и имущества граждан от произвола и насилия самовольных захватчиков и бандитов, разбойников и хулиганов и обыкновенного жулья, осмелившихся скрываться и выдавать себя за… членов революционных организаций. В борьбе с этими двойными преступниками, охотно… принимающими в свою среду контрреволюционеров и белогвардейцев, будет проявлена особая решительность и беспощадность…». Всем уголовным элементам предлагалось в 24 часа покинуть Москву «или совершенно отрешиться от своей преступной деятельности, зная вперед что через двадцать четыре часа после опубликования этого заявления все, застигнутые на месте преступления немедленно будут расстреливаться». Но предупреждение подействовало не на всех. 11 апреля состоялось экстренное заседание ВЧК, на которое были приглашены представители всех районов столицы. На нем было принято решение немедленно приступить к разоружению анархистов.

В 12 часов ночи отряды Московского гарнизона и чекисты начали операцию. Они оцепили 25 особняков анархистов, выставили против них броневики и потребовали сдачи оружия. Большинство анархистов после недолгих колебаний сдались, но у некоторых особняков на Малой Дмитровке, на Поварской и на Донской анархисты оказали отчаянное сопротивление. В окнах были выставлены пулеметы, даже горные пушки, было брошено несколько бомб. После применении чекистами артиллерии

осажденные сдались. В доме «Анархия» на Малой Дмитровке был захвачен большой склад оружия — от револьверов до орудий, в подвале были обнаружены запасы продовольствия. Операция завершилась к 2 часам дня 12 апреля, арестовано было около 400, убито и ранено 30 анархистов.

> «Нашей задачей, — говорил тогда Феликс Эдмундович Дзержинский, — с самого начала возникновения Чрезвычайной комиссии как органа борьбы с антиреволюционными явлениями была борьба с преступностью во всех ее проявлениях. Поэтому совершенное нами очищение города в ночь на 12 апреля следует рассматривать как одно из наших мероприятий, осуществленное в широком масштабе… Мы имели определенные сведения, что вожди контрреволюции хотят воспользоваться преступными элементами, сгруппировавшимися вокруг групп федерации, для выступлений против Советской власти… Последнее обстоятельство подтверждается также и теми своеобразными мотивами, которыми руководствовались анархистские группы при занятии особняков: они выбирали стратегические пункты как раз против всех наиболее важных советских учреждений города, поэтому мы имели основание предполагать, что якобы анархистскими организациями руководит опытная рука контрреволюции. Мы в настоящее время будем продолжать с должной энергией довершение начатого дела по очищению города от преступных элементов. В ближайшем будущем нами образуется особый подотдел, который систематически займется борьбой с преступными элементами…»

Удар, нанесенный ВЧК по анархистскому подполью, заставил контрреволюционеров на время притаиться, но сдаваться они не собирались. В начале 1919 года московские анархисты, считавшие вооруженные выступления против Советской власти и террор основными формами борьбы, решили объединить свои силы и образовать нелегальную организацию.

Одним из вдохновителей анархистов в столице являлся Казимир Ковалевич. Он возглавлял в 1918 году вооруженные ограбления Военно-законодательного Совета, Монпленбежа и Центротекстиля. Ковалевич и его единомышленники намеревались организовать вооруженное сопротивление Советской власти в масштабах всей страны, скоординировать разрозненные выступления анархистов в разных городах,

подчинив их единой цели — свержению диктатуры пролетариата. И в первую очередь надежды главарей анархизма в Москве полагались на Махно и его многочисленные бандитские отряды.

На одном из тайных совещаний лидеров столичных анархистов было принято решение о создании нелегальной, глубоко законспирированной организации под названием «Всероссийская организация анархистов подполья». Центральное место в деятельности организации отводилось боевикам. В их задачу входило добывание оружия и взрывчатых средств, организация экспроприации (так анархисты называли вооруженные ограбления банков, магазинов и других государственных учреждений), подготовка и совершение террористических актов против В.И. Ленина и других руководителей Коммунистической партии и Советского государства. Большое внимание руководство организации уделяло вопросам конспирации, стремясь до минимума свести вероятность провалов. Все участники организации объединялись в семерки. Только один из членов каждой семерки мог быть связан с кем-либо из руководящего ядра. Приобретались явочные квартиры, они использовались для связи между участниками, укрытия членов организации.

На организационном собрании руководители анархистского подполья приняли решение создать отделения на Урале, в Сибири, Уфе, Брянске, Самаре и в других городах страны и направить туда своих уполномоченных.

Весной 1919 года руководители организации посылают со специальной миссией на Украину к Махно Марию Никифорову, а в мае в Харьков к «батьке» отправился и сам Казимир Ковалевич. Они сообщили Махно о создании организации и получили от него полное одобрение своих планов. Итогам переговоров явилась выработка единой политической линии борьбы с Советской властью. Было принято решение «начать бить по центру», что означало подготовку и осуществление основных ударов — взрывов и террористических актов — прежде всего в Москве. С этой целью московские группы анархистов были усилены махновцами. В столицу приезжает известный в анархистских кругах боевик-«экспроприатор» Соболев. Ковалевич и Соболев устанавливают тесные контакты с левыми эсерами, обсуждают с ними «текущий момент», пытаются договориться о совместных действиях. Кроме того, Ковалевич подыскивает конспиративные квартиры, вербует новых членов подполья, организует печатание и распространение контрреволюционной литературы.

Анархисты в этот период не только решали организационные вопросы, но и приступили к незамедлительному практическому

осуществлению своих планов. В июле — августе 1919 года они совершили налеты на ряд московских банков, контор, правлений кооперативных товариществ.

Конечно, преступления анархистов не оставались безнаказанными, многие бандиты были арестованы, судимы. Но, несмотря на самоотверженность, мужество и героизм чекистов, несмотря на помощь трудящихся, нанести по анархистскому подполью в столице решающий удар в летние месяцы 1919 года не удалось.

Тем временем «Всероссийская организация анархистов подполья» усиленно готовилась к осуществлению взрыва в Московском Кремле-. Главари анархистов планировали приурочить его к годовщине Октябрьской революции. С этой целью они предпринимают меры к тому, чтобы получить образцы пропусков в Кремль. Приобретаются бланки паспортов и других документов, изготавливаются печати. В Москву тайно небольшими количествами ив разных городов страны анархисты доставляют взрывчатку. Для хранения оружия и боеприпасов анархисты снимали дачу в подмосковном поселке Краснове, здесь же размещалась и их подпольная типография.

Вечером 25 сентября 1919 года во время заседания в помещении Московского комитета РКП (б) в Леонтьевском переулке, где собрались ответственные партийные работники столицы, раздался взрыв. Погибло двенадцать человек, в том числе секретарь Московского комитета партии В.М. Загорский. На этом заседании собирался присутствовать В.И. Ленин, но не смог приехать.

Получив сообщение о террористическом акте, ВЧК и МЧК немедленно начали розыск преступников. Постановлением исполкома Московского губернского Совета Московская губерния была объявлена на военном положении. По указанию Ф.Э. Дзержинского практически все московские чекисты были мобилизованы.

В те дни большинство сотрудников Особого отдела МЧК работали круглосуточно. Спали по очереди, по два-три часа в рабочих кабинетах. Феликс Эдмундович вызывал к себе Евдокимова несколько раз в сутки, интересовался предпринимаемыми мерами, высказывал рекомендации.

Вначале чекисты придерживались версии, что взрыв в Леонтьевском переулке был совершен белогвардейцами как месть за аресты участников «Национального центра». Но никаких; доказательств тому так и не поступило, розыск не давал результатов.

2 октября при проверке документов в следовавшем из Москвы

на Украину поезде была задержана активистка анархистской украинской организации «Набат» София Каплун. По распоряжению руководителей организации она была направлена для работы в тыл деникинских войск. У нее было найдено письмо главаря «Набата» Барона следующего содержания: «Теперь Москва начеку, пару дней тому назад местный комитет большевиков взорван бомбой, погибло больше десятка, дело, кажется, подпольных анархистов, с которыми у меня нет ничего общего. У них миллионные суммы. Правит всем человек, мнящий себя новым Наполеоном… Они сегодня, кажется, публикуют извещение, что это сделали они».

Сведения немедленно были переданы в Москву. Они позволили сразу же отмести предположение о причастности белогвардейцев к взрыву, искать виновных следовало среда анархистов. У Московской ЧК появилась хоть какая-то ниточка. Был арестован Барон, а также некоторые другие летальные московские и прибывшие с Украины анархисты. Но в процессе их допросов стало ясно, что они, хотя и осведомлены о том, кто устроил взрыв, всячески покрывают преступников. Арестованные даже пытались разыграть комедию; образовали из своей среды «следственную комиссию» якобы для оказания помощи чекистам, а на самом деле пытались сбить их с истинного пути, замести следы, оттянуть время.

Ф.Э. Дзержинский, В.Н. Манцев, Е.Г. Евдокимов и другие руководители ВЧК и МЧК тщательно проанализировали имевшиеся материалы об анархистах за предшествующий период и вновь поступившие данные. Они обратили внимание, что из поля зрения чекистов исчезло немало анархистов, активно действовавших прежде. Напрашивался вывод, что в столице существует анархистское подполье, что взрыв в Леонтьевском переулке могли осуществить именно эти анархисты. Были приняты меры по розыску исчезнувших «борцов за полную свободу».

К концу октября чекистам удалось установить некоторые связи анархистов, которые вели в район Арбата, в квартиру Марии Никифоровой. За квартирой было установлено наблюдение. Посещавшие Никифорову лица вели себя подозрительно, создавалось впечатление, что они пытались выявить наблюдение за собой. Чекисты нагрянули на квартиру, произвели тщательный обыск, арестовали несколько человек и устроили там засаду. Черев несколько часов пришел хорошо одетый мужчина. Обнаружив в квартире посторонних, он попытался скрыться, отстреливался и даже бросил в чекистов самодельную бомбу, которая, к счастью, не взорвалась. В

перестрелке неизвестный был убит. У него были найдены наброски анархистских обращений и фальшивые документы. Московским чекистам удалось установить, что убитым является Казимир Ковалевич, служащий Московско-Курской железной дороги.

Вскоре был взят под наблюдение некто Александр Восходов, неоднократно бывавший у Никифоровой. В результате засады и обыска на его квартире было арестовано несколько членов организации анархистов, найдены списки и адреса участников подполья, оружие, взрывчатка. В перестрелке на квартире был убит один из главарей анархистов Соболев. Как позднее было установлено, он принимал непосредственное участие во взрыве в Леонтьевском переулке. В обнаруженной у него записной книжке содержались адреса руководителей партии левых эсеров, которым передавалась часть награбленных анархистами денег. Из записей явствовало, что между левыми эсерами и анархистским подпольем существует теснейшая связь.

…На столе начальника Особого отдела МЧК лежал список участников организации анархистского подполья, фамилий и адреса террористов едва уместились на восьми страницах. Ефим Георгиевич внимательно просмотрел список. Операция по ликвидации анархистского подполья вступала в завершающую стадию. Предстояла очень ответственная работа по обезвреживанию оставшихся анархистов. Чекисты проводили аресты и левых эсеров, связанных с террористическими группами. Среди них был Федор Николаев, по кличке Федька-боевик, деятельно участвовавший в подготовке взрыва в Леонтьевском переулке. По мере задержания членов «Всероссийской организации анархистов подполья» становились известными подробности подготовки этого преступления. Непосредственными его исполнителями оказались убитый в перестрелке Соболев, а также Барановский, Гречанников, Николаев и Глагзон.

О намечавшемся заседании в МК РКП (б) анархистам стало известно заранее. Как показал на допросах Николаев, накануне к анархистам пришел левый эсер, который сообщил, что на этом заседании большевики будут обсуждать вопрос о борьбе с анархистским подпольем, и заявил, что настала пора приступить к террору против коммунистов. Он же подробно описал подходы к зданию Московского комитета, дал рекомендации, как незаметнее подойти к дому, и указал место, откуда можно бросить бомбу.

25 сентября около 8 часов вечера Соболев, Барановский, Гречанников, Николаев и Глагзон встретились в заранее обусловленном месте. Соболев явился к месту встречи с бомбой,

спрятанной в коробку для шляпы. Бомба была взята им на Арбате в квартире Никифоровой. На расстоянии друг от друга, чтобы не вызывать подозрения, они направились в Леонтьевский переулок. К зданию МК РКП (б) подошли только Соболев и Барановский, остальные находились на значительном расстоянии и наблюдали за обстановкой. Первым через ограду перелез Барановский. Соболев, убедившись, что их не заметили, передал ему бомбу, после чего сам перемахнул через ограду. Оказавшись на территории Московского комитета, они бегом пересекли двор, достигли утла здания. Соболев поднялся на балкон, выходивший в зал заседания. Запалив бикфордов шнур, он с силой бросил бомбу через стеклянную дверь балкона в зал, где собрались участники заседания. Не мешкая, Барановский и Соболев стремглав бросились назад к ограде. В тот момент, когда они оказались в переулке, раздался оглушительный взрыв. Соболева взрывная волна даже сбила с ног. Проходными дворами они поспешили в сторону Тверской улицы к Дегтярному переулку, чтобы поскорее укрыться на одной из конспиративных квартир.

На следующий день анархисты распространили «Извещение» от имени «Всероссийского повстанческого комитета революционных партизан», в котором рабочие и крестьяне призывались к немедленному восстанию против Советской власти. «Извещение» заканчивалось словами: «Динамита и бомб хватит». Вскоре подполье напечатало и распространило листовку под заголовком «Медлить нельзя». Она была полна клеветы и злобных выпадов против партии большевиков, в ней содержался призыв уничтожать коммунистов.

В ходе следствия по делу арестованных анархистов московским чекистам стало также известно о готовящемся взрыве в Кремле, о складе оружия в Краснове.

Ранним осенним утром отряд московских чекистов и красноармейцев во главе с Е.Г. Евдокимовым прибыл в Красково. Машины оставили у станции, незаметно окружили дачу.

Ефим Георгиевич понимал, что захватить вооруженных до зубов бандитов будет нелегко. Поэтому во избежание кровопролития анархистам было предложено покинуть дом и добровольно сдать все оружие. Однако в ответ на это засевшие на даче преступники открыли огонь, стали бросать ручные гранаты и самодельные бомбы.

Перестрелка продолжалась более двух часов. Кольцо окружения постепенно сужалось, чекисты и красноармейцы все ближе подходили к дому. Вдруг раздался взрыв, взлетели на воздух обломки крыши, обрушились стены двухэтажного деревянного здания. Осознав безвыходность своего положения,

анархисты взорвали дачу.

Несколькими днями позже в дачной местности Одинцово был найден брошенный анархистским подпольем еще один склад динамита. Одновременно чекисты обезвредили анархистско-террористические организации в других городах страны. Так, в Туле было найдено два оклада оружия с бомбами, револьверами и винтовками и арестован известный (своими злодеяниями террорист-«экспроприатор» Розанов. Он дал ВЧК ценные сведения об участниках подполья. В частности, благодаря Розанову стало известно, что в одном из московских переулков анархисты захватили небольшой особняк и устроили там склад оружия и взрывчатки. Руководил ими некто Лагутин.

- Отчаянный мужик этот Максим Лагутин, — сказал одному из чекистов Ефим Георгиевич, ознакомившись с показаниями Розанова. — Я его с одиннадцатого года знаю, в Верхнеудинске, в ссылке с ним познакомился. По-моему, это не самый опасный наш враг. Грабежами его шайка занималась, но до террора они еще не дошли. Однако брать все равно придется.

Прибывших на машине к особняку чекистов анархисты встретили пулеметной очередью. Правда, били в воздух; предупредительно.

— Разрешите вызвать взвод курсантов и бронемашину. Противник хорошо вооружен, нам своими силами особняк не взять, — обратился к Ефиму Георгиевичу один из сотрудников.

— Не надо. С Лагутиным такая вещь может не пройти. Динамита у него много, рванет со злости особняк. А рядом много жилых домов. Попробую-ка я его уговорить. Все же когда-то знакомцами были.

Ефим Георгиевич достал из кармана белый платок и, взмахнув им, перешел улицу.

— Максим, выходи, надо переговорить, — крикнул он.

— Нам не о чем «разговаривать, — донеслось со второго этажа.

— Напрасно ты так считаешь, Лагутин. Наш разговор должен обязательно. Состояться. Это может спасти десятки жизней. Ты же видишь, я у дома один и без оружия. Тебе нечего опасаться.

Лагутин ничего не ответил, видимо, пошел советоваться со своими.

— Ладно, я сейчас выйду. Но только учти — попытаетесь меня захватить, забросаем гранатами.

Через минуту скрипнула дверь, и в палисаднике появился худощавый седой человек в кожанке. В руке он держал наган.

— Убери оружие, Максим. Я думал, ты остался таким же смелым. А тут испугался старого товарища по борьбе с

самодержавием.

— Я слушаю тебя, говори.

— Что ты здесь окопался, Лагутин? Неужели не понимаешь, что сопротивление бесполезно? Только людей погубим.

— Все равно мы не сдадимся, так и передай своим.

Зря ты так. Нам известно, что твоя группа не участвовала в убийствах. В ходе следствия это будет принято во внимание.

— Ты что, смеешься надо мной? Какое следствие? Вы же всех наших в Сокольники вывозите и по ночам в лесу расстреливаете, без всякого разбирательства.

— Наивный ты человек, Максим. Вон, голова вся седая, а жизнь тебя так ничему и не научила. Эти слухи контра специально по Москве пускает, чтобы больше нашей крови пролилось. А ты им и поверил.

Лагутин исподлобья посмотрел на Евдокимова.

— Ты хочешь сказать, что мне и моим ребятам сохранят жизнь?

— Вы же не имели отношения к взрыву в Леонтьевском переулке и к другим террористическим актам?

— Да. У нас другие дела.

— Знаем, ограбление складов с оружием и продовольствием. За это, конечно, придется ответить.

Лагутин задумался. Пауза длилась с минуту.

— Мне нужно посоветоваться с моими людьми, — сказал Лагутин и пошел в особняк.

— Думаете, сдадутся? — спросил Ефима Георгиевича его помощник.

— Уверен. Запугали их здорово нашими „расправами над анархистами“. Бот они и решили биться до последнего. Но теперь, я думаю, мне удалось убедить Лагутина разоружиться.

Через несколько минут из дома стали по одному высадить анархисты…

В МЧК Ефиму Георгиевичу довелось проработать всего несколько месяцев. В начале декабря 1919 года стало известно о переводе Василия Николаевича Манцева на Украину и назначении его начальником особого отдела Юго-Западного и Южного фронтов. Незадолго до отъезда он вызвал к себе Евдокимова.

— Скоро мы распрощаемся с тобой, но не надолго, сказал Манцев.

— Надеешься быстро в Москву вернуться?

— Да нет. Это, наверное, не получится. Там работатолько начинается. Просто Феликс Эдмундович спросил меня вчера, кого бы я хотел взять с собой на Украину заместителем. Ну и я назвал

тебя. Не возражаешь?

— Согласен. Честно говоря, и сам хотел проситься туда. Сейчас Украине нужна наша помощь…

Осенью 1919 года контрнаступлением Красной Армии началось освобождение Украины от деникинских войск. Но, отступая, противник оставлял на освобожденной территории свою агентуру — бандитов, шпионов, диверсантов. Многочисленные кулацкие, махновские, петлюровские банды совершали налеты на населенные пункты, расправлялись с партийным и советским активом, со всеми, кто поддерживал Советскую власть.

Украинские чекисты проводили в то время большую работу по ликвидации очагов контрреволюции. Вспоминая тяжелую обстановку, в которой сотрудникам особого отдела Южного и Юго-Западного фронтов приходилось решать стоявшие перед ними задачи, Ефим Георгиевич Евдокимов писал: „Нельзя не отметить то характерное обстоятельство, что вся эта работа проходила при условиях абсолютно неблагоприятных — работников не только не хватало, но в них всегда ощущался кризис, сотрудники же, участвовавшие в работе, падали, заболевали от истощения и переутомления, но эти крупные шероховатости не останавливали темп работы, и минимальный состав сотрудников с неописуемым энтузиазмом честных революционеров дисциплинированно, спаянно и сознательно стояли на своих постах и энергично выполняли ту сложную, ответственную миссию, возложенную на них волей революции“.

Много, очень много внимания уделял Ефим Георгиевич Евдокимов тому, чтобы создать сплоченный, слаженно работающий коллектив сотрудников, способных, несмотря ни на какие трудности, успешно решать нелегкие задачи. Ефим Георгиевич стремился привить молодым сотрудникам качества, которые с первых шагов существования ВЧК стали непреложным законом, принципами жизни и деятельности советских чекистов. Он требовал от своих подчинённых беззаветной преданности делу партии и народа, самоотверженности, решительности и настойчивости в достижении поставленной цели, кристальной честности и принципиальности. Он постоянно добивался, чтобы в решении любых служебных вопросов его подчиненные строго соблюдали социалистическую законность, уважительно относились к правам и интересам людей. Ему всегда импонировали люди, сочетающие самокритичность, повышенную требовательность к себе с отзывчивым и внимательным отношением к своим товарищам. Эти качества в полной мере были присущи самому Ефиму Георгиевичу Евдокимову, жизнь

которого, поведение и отношение к делу являлись примером.

Профессиональный революционер, чекист Т.Д. Дерибас, знавший Е.Г. Евдокимова по совместной работе в ЧК, отмечал, что Ефима Георгиевича отличали доброе отношение к людям, решительность, железная настойчивость в проведении в жизнь намеченного. „Кроме того, — писал Т.Д. Дерибас, — работник крупный как руководитель, с несомненно большой чекистской выдержкой и опытом“.

Ефим Георгиевич ценил в людях аккуратность. Он строго следил за внешним видом своих сотрудников, говорил, что чекист должен служить во всем достойным подражания образцом, располагать к себе людей. Какое же может быть расположение и доверие к человеку, который не считает нужным гладить гимнастерку, чистить сапоги, бриться каждое утро?

Как бы подавая пример подчиненным, Евдокимов был всегда аккуратен, подтянут. Китель и гимнастерка ладно сидели на его плотной, коренастой фигуре. Он каждый день делал упражнения с гантелями, обливался холодной водой.

Много сил отдавал Ефим Георгиевич работе с недавно пришедшими в чекистские органы сотрудниками. Его сослуживцы вспоминали, как подолгу он просиживал с оперативными работниками, разбирая с ними различные операции. Особое внимание молодых сотрудников Ефим Георгиевич обращал на соблюдение конспирации.

— Противник не должен знать ничего о наших действиях, иначе все оперативные мероприятия бессмысленны, — говорил он.

Сам Ефим Георгиевич в совершенстве владел искусством конспирации, сказывался опыт революционера-подпольщика. Евдокимов любил рассказывать своим младшим товарищам, делясь этим опытом, о некоторых поучительных историях и случаях.

…Когда до революции Ефим Евдокимов был арестован за хранение листовок, в тюрьме судьба свела его с опытным подпольщиком Степаном Максимовичем Ширяевым. Узнав, при каких обстоятельствах полиция захватила молодого рабочего, он сказал;

— Как же это ты так оплошал, Ефим? В собственном столе да такие улики хранить. Просто подарок царским ищейкам. Наше дело, парень, требует большой осторожности, без этого никак не обойтись. На твоем пути будет много и ловушек, и провокаторов. А избежать провалов можно только тщательно соблюдая конспирацию. Вот послушай, я дам тебе несколько советов…

Учеба не прошла даром.

…Через несколько лет, находясь на подпольной революционной работе на Дальнем Востоке, Ефим Георгиевич участвует в издании листовок и революционной литературы в Благовещенске. Его настораживало, что к столь важному и опасному мероприятию привлечено неоправданно много людей. Разговоры о выпуске и распространении листовок велись в присутствии посторонних лиц. Он поделился своими опасениями с благовещенскими подпольщиками, но к ним, к сожалению, не прислушались.

Вскоре из Владивостока поступило срочное задание отпечатать и распространить листовку, призывавшую благовещенских рабочих к забастовке в связи с Ленским расстрелом. Текст листовки был направлен с курьером, который должен был передать его Евдокимову. Но… в назначенное время Ефим в типографию не пришел. Через час в типографию нагрянула с обыском полиция. Оказалось, что в организации действовал агент-провокатор царской охранки.

Однако листовка все-таки появилась в Благовещенске. Евдокимов и трое подпольщиков, о которых не знал провокатор, отпечатали ее в другой типографии и распространили в городе.

Потом, рассказывая товарищам, почему он поступил именно так, Евдокимов говорил:

— Типография была под колпаком у полиции, и было очевидно, что охранка ждала какого-то важного момента, чтобы взять нас с поличным. И вот такой момент наступил. Я понимал это. Поэтому конспиративно купил шрифты и печатный станок и вместе с одним из своих друзей установил станок у него дома, в подвале. Об этом не знал никто, и мы могли спокойно отпечатать там важную прокламацию.

Фронтовым особым отделам в тесном взаимодействии с чекистскими органами Украины приходилось решать многообразные задачи по обеспечению безопасности складов и военных учреждений, железных дорог, мостов и других военных объектов, по выявлению контрреволюционных элементов в армии, шпионских, антисоветских и националистических организаций на освобожденной от противника территории, засылаемых эмиссаров врангелевской и иностранных разведок.

Еще до начала военных действий на польском фронте белопольская разведка стала создавать в тылу Красной Армии вооруженные подпольные группы так называемой „Польской организации войсковой“ (ПОВ). Эти группы занимались шпионажем, диверсиями, совершали террористические акты в отношении партийных и советских работников. Сотрудники

особых отделов обезвредили шпионско-диверсионные группы ПОВ в Харькове, Одессе, Белой Церкви и других городах. Ими была раскрыта и группа заговорщиков, готовивших убийство председателя Совнаркома Украины, все члены которой являлись участниками ПОВ.

В Полтаве чекисты арестовали участников так называемого „Комитета вызволения Украины“. Организация ставила своей целью свержение Советской власти на Украине и отделение ее от России. После захвата власти „Комитет“ намеревался провозгласить себя временным правительством Украины.

В марте 1920 года были разоблачены два эмиссара иностранной разведки, которые выдавали себя за представителей французской торговой фирмы, прибывших в Одессу для установления торговых контактов с Россией. Изобличенные фактами, они сознались, что связаны с разведкой буржуазной Румынии и засланы ею для сбора политической и военной информации.

Были раскрыты и ликвидированы также белогвардейские и петлюровские организации и группы в Харькове, Одессе, Павлограде, Екатеринославе, Изюме, Лозовой.

При поддержке Красной Армии и специально созданных вооруженных отрядов чекисты Украины участвовали в разгроме и разложении многочисленных крупных и мелких банд. Местные и залетные банды терроризировали население уездов, проникали даже в отдельные города, чтобы после очередного злодейства, оставляя трупы, спаленные и разоренные крестьянские дворы, укрыться в лесах, затаиться по хуторам, выжидая очередного сигнала своего атамана. Кулацкие и белогвардейские бандформирования со значительной примесью дезертиров, анархистов и уголовных элементов представляли серьезную опасность дня тылов Красной Армии. Их ликвидация являлась делом изнурительным, требовавшим огромного напряжения сил, большого оперативного искусства. С кулацкими сынками, анархистами и уголовниками в банды шли скрывавшиеся контрреволюционеры всех мастей — белые офицеры, среди которых встречались и контрразведчики, бывшие жандармы, эсеры и черносотенцы. Это уже был политический бандитизм, ставший надеждой и опорой иностранной и внутренней контрреволюции, средством борьбы с Советской властью, орудием террора и насилия. „…Мы оказываемся втянутыми в новую форму войны, — говорил В.И. Ленин, — новый вид ее, которые можно объединить словом: бандитизм“.

Чекисты в борьбе с бандитами проявляли беспримерное мужество и стойкость. Немало кулацко-белогвардейских банд

было уничтожено и прекратило существование благодаря тому, что сотрудникам ЧК удавалось проникнуть в них. Это позволяло заблаговременно узнавать о преступных замыслах бандитских главарей, предотвращать налеты на населенные пункты, сопровождавшиеся грабежами и погромами, жестокими расправами над сельским активом. Некоторые чекисты, выполняя задание, погибали от рук бандитов. Многие работники армейских особых отделов и территориальных ЧК погибли во время прямых вооруженных столкновений с бандами.

Сотрудники особого отдела Юго-Западного и Южного фронтов под руководством Е.Г. Евдокимова внесли большой вклад в ликвидацию политического бандитизма на Украине. В результате умелой организации этой работы, смелых и продуманных операций в короткий срок удалось покончить с сильными и опасными бандами Завгороднева, Железняка, Гуппела, Гальчевского и другими, с созданными ими в отдельных селах повстанческими комитетами.

С группой оперативных уполномоченных и отрядом особого назначения Е.Г. Евдокимов не раз выезжал на Полтавщину для руководства операциями по обезвреживанию бандитских формирований. Там чекисты провели большую работу с тем, чтобы склонить бандитов к добровольной сдаче оружия и явке с повинной. Для этого чекисты проникли в некоторые банды и умелыми, связанными с немалым риском для жизни действиями подготовили условия для прекращения налетов и погромов, а затем и для явки их участников с повинной. Иногда банды сдавались почти в полном составе и во главе со своими вожаками. Так, в особый отдел вместе с начальником своего штаба явилась банда Левченко. Прекратила преступную деятельность банда Авдиенко, атаман которой добровольно сдался чекистам. Была ликвидирована банда Зверя, насчитывавшая около 600 человек и скрывавшаяся в лесах близ станции Мачинская. Атаман и его ближайшее окружение оказали сопротивление и во время столкновения были уничтожены. Одновременно арестовали и членов „Полтавского повстанческого комитета“, которые вербовали для Зверя бандитов. В Васильевской волости перестала существовать банда Тура. Украинским чекистам удалось склонить многих ее членов к прекращению борьбы, а главарь был захвачен и понес наказание. Отказалась от продолжения преступной деятельности и едала оружие часть банды Штаны; те же, кто не захотел добровольно разоружиться, были арестованы или уничтожены во время боя.

Е.Г. Евдокимов лично, непосредственно оказывал помощь местным чекистам в ликвидации остатков действовавших в лесах

банд.

… - Никак не можем покончить с бандой Константина Шпака. У него всего-то сабель сто, а беспокойство доставляет большое. Все время от нас ускользает, — пожаловался Ефиму Георгиевичу начальник одного из волостных отделов ЧК.

— Надо внедрить в нее наших людей, они и помогут ликвидировать банду.

— Ничего не получается. Осторожен „батько“. Берет к себе не всякого, только тех, кого его бандиты хорошо знают.

— Плохо работаете, товарищи. Неужели так и нельзя найти подхода к этой банде?

— Да есть тут кое-что. Но вряд ли мы сможем этим воспользоваться.

— А ну-ка, расскажите.

Оказалось, что несколько дней назад поступили сведения о находившемся в банде Шпака жителе деревни Хромцы Иване Чалом. Иван был призван в Красную Армию, но вскоре дезертировал. А тут неделю назад сестра его, Алена, обратилась в милицию с просьбой помочь брату. Он уже два раза домой приходил, плакал. Говорил, что не может больше разбойничать. Сестра и мать уговаривали его не возвращаться в банду, пойти в ЧК с повинной. Но не согласился Иван. Боялся, что отомстят ему за это бандиты. Расправятся с ним и с его близкими. Так и ушел Чалый, обещал, что скоро снова придет.

Ефим Георгиевич внимательно выслушал рассказ чекиста.

— А что это за семья? — спросил он.

— Скромные, работящие люди. Анна Лукинична, мать Ивана, в деревне большим уважением пользуется, также, как и дочь ее. Да и об Иване раньше никто не мог плохого сказать, за хозяина в доме остался, когда отец в шестнадцатом на империалистической погиб.

— Ну и что же будем с ним делать?

— Засаду в доме надо устроить, арестовать Чалого. Может быть, удастся получить у него сведения о расположении банды.

Ефим Георгиевич на минуту задумался.

— Вряд ли что получится. Даже если возьмем Чалого без шума, Шпака насторожит его отсутствие, и он снимет банду со стоянки. Серьезное дело. Но на то мы и чекисты, чтобы четко и оперативно решать сложные задачи. Вот что я придумал.

…Никто в Хромцах не удивился, что двух плотников, подрядившихся работать в деревне, определили на постой к вдове Чалой. Хата у нее большая, живет вдвоем с дочерью, так что места много.

Плотники сразу же всем в деревне понравились: Николай,

высокий, жилистый, лет тридцати пяти; и Василий, скромный голубоглазый парень лет двадцати.

— Племяш мой. В этом году с собой на работу взял, говорил Николай, ловко обстругивая топором бревно.

Пришлись они в деревне как нельзя кстати. Покосились за войну хаты, не было рук их поправить, да и поставить новые. Работы навалилось много. Плотничали Николай с Василием быстро и ладно. Остапу Нескромному, соседу Анны Чалой, хорошую баньку за три дня срубили и взяли недорого. Обрадовался мужик, пригласил плотников к себе поужинать. Гуся забил по этому случаю, поставил на стол большую бутылку с мутным самогоном. Но Николай только пригубил чарку, а Василий, тот и вовсе пить не стал.

— Ты уж извини нас, хозяин, — сказал Николай. — Но горилка плотнику плохой помощник. Не пью я, да и племяннику не велю.

…Было уже за полночь, когда раздался стук в окно. Анна быстро вскочила с постели, отодвинула занавески, затем распахнула ставни. Увидела заросшее густой щетиной лицо сына.

Иван прошел в горницу, в это время Алена уже зажгла керосиновую лампу и поставила ее на стол. Чалый жадно ел хлеб с салом, запивал молоком прямо из крынки.

— Долго еще по лесам будешь скитаться, сынку? — спросила его сидевшая рядом Анна.

— Плохи мои дела, мамо. Нету назад дороги. Видно, так и подохну в лесу, как зверюга дикий.

Он замолчал, закрыл лицо руками.

— Рано ты хоронить себя начал, Иван Чалый, — послышался рядом незнакомый голос.

Иван быстро вскочил с лавки. Перед ним стоял высокий мужчина в пиджаке и серой косоворотке. А у окна был другой, помоложе.

Иван протянул руку за винтовкой, но тут же вспомнил, что оставил ее в сенях. Разве же он мог подумать, что ему в его же доме засаду устроят? Чалый с силой стукнул кулаками по столу так, что чуть лампу не свалил. Зло взглянул на мать и сестру.

— Сколько ж грошей вам за меня в ЧК дать обещали? А я-то жалел вас, оттого и из банды не тикал, чтобы вам за меня не отомстили…

— Успокойся, Иван. Не сердись на мать и сестру. Они добра тебе желают, поэтому и согласились с нами свести. Мы из полтавской ЧК. Меня Николаем Шевченко зовут. А это Василий Дзюба, мой товарищ. Из-за тебя нам в Хромцах пришлось целую неделю плотничать. Сейчас женщины оставят нас, вот и

потолкуем.

Иван сделал самокрутку, закурил.

— А теперь расскажи-ка нам, Иван Чалый, почему ты из Красной Армии дезертировал? — спросил его Шевченко.

— Да струсил я. Учили нас плыть с оружием. Пловец из меня плохой, наглотался я воды и винтовку потопил. Взводный на меня набросился, обещал под трибунал отдать, если я ее не вытащу. А как ее достать, там глубина метров пять? Вот я и сбежал. Только потом понял, что никто бы меня за это судить не стал. Подержали бы под арестом, да и все. Просто погорячился взводный, а я поверил и испугался. Правда, чего уж теперь об этом говорить!

— Ну а в банду как попал?

— У матери хотел укрыться, в Хромцы пешком шел. По дороге, верст за тридцать отсюда, меня трое конных перехватили, в лес потащили. Сам батько меня допрашивал. Хорошо, что среди них Богдан Куцый был, дружки мы с ним с детства. Он за меня и поручился. А чтобы не поверили, могли повесить как красного лазутчика.

— Забирайте меня, комиссары, судите. Но одно я вам могу сказать. Нет на мне крови. В банде я всего три месяца. Грабить грабил, но никого не убил.

— Не нам твою судьбу решать, — сказал Николай. — Но имею я полномочия руководства ЧК сделать тебе одно предложение. Если поможешь нам ликвидировать банду, суд это примет во внимание и облегчит тебе приговор. Вот, решай.

— Шпака и его свору мне не жалко. Сам бы порешил сволочей. Только непросто взять их. Он стоянки часто меняет и выбирает такие, что подобраться к ним трудно. С большим отрядом не подойти.

— Знаем. Пробовали, и не раз. Поэтому и просим тебя помочь.

Иван задумался. Шевченко внимательно наблюдал за ним.

— Без Шпака, Терещенко и Шило, его подручных, банда развалится, — сказал Иван. — Осталось-то всего семьдесят всадников, не более, да и добрая половина из них вроде меня, из страха в лесу сидит. Главарей надо захватить, а без них остальные сами сдадутся. Ездит Шпак со своими дружками по ночам куда-то. Я это раза два замечал. И Богдана Куцего они с собой берут. Тот на гармони играет и поет хорошо. Не иначе гуляют где-нибудь.

— А нельзя узнать, где?

— Попробую. Надо об этом Богдана спытать. Добро напоить и спытать. Он по пьянке дюже болтлив бывает. Думаете, почему я домой-то хожу? Это Куцый меня в тихую от батьки за харчами и

горилкой отпускает. Он сотником в банде зовется, хотя под его командой я да еще восемь человек.

Иван поднялся.

— Пора мне, а то к рассвету не успею. **Если** удастся что узнать, сразу же приду.

— Ну что ж, Василий, — сказал, вздохнув, Шевченко, — придется нам с тобой здесь еще немного поплотничать.

Прошло четыре дня. Иван не приходил. Шевченко стал беспокоиться.

— Так и жди, придет он теперь. Больше его ноги здесь не будет. Вспугнули мы бандита. Как бы они и нас, Николай Карпович, здесь не прихватили, — говорил своему старшему товарищу Василий.

— Не бойся, Вася. Не подведет нас Иван Чалый. Я немного в людях научился разбираться. Есть у меня основания поверить ему.

…Пришел Иван только на шестой день, поздней ночью.

— Сейчас можно Шпака с дружками взять. Они на Глебовском хуторе гуляют у вдовы Катерины Шмелько, зазнобы Шпака. Богдан Куцый помогать нам будет, договорился я с ним…

— Подожди, Иван, — перебил его Шевченко. — Доложи все по порядку.

Чалый сбивчиво, торопясь, начал рассказывать.

Вернувшись тогда из деревни, Иван отдал Куцему самогон, сало, яйца.

— Пропустим по чарке, — предложил тот.

Они пошли в глубь леса, расположились на небольшой полянке.

— Эх, Иван, обидел меня батько, кровно обидел, — сказал захмелевший Куцый. — Як собаку бездомную, плеткой отстегал при дружках своих и при бабе поганой. К Катьке, потаскухе этой, приревновал спьяну. Такое унижение мне нанес, на посмешище выставил. Вот уж неделю хожу сам не свой. Не прощу я ему этого, пристрелю гада!

Посмотрел Иван на Богдана. Не играет ли он, может быть, провокацию ему устраивает? Да нет. Не годится Куцый на эту роль. Его Иван с малых лет знает, не умеет тот прикидываться. Вон он какой стал. Глаза бешеные, губы трясутся, чуть не плачет. Самолюбивый он парень, никому не простит обиды. А раз так, то надо рискнуть.

— Жить тебе, Богдан, что ли, надоело? Ну, пристрелишь ты батьку, так все равно с тобой другие расправятся. А вот если мы Шпака вместе с его сворой в ЧК сдадим, то и с бандой покончим, и прощенье себе этим заработаем. Хватит нам с тобой по лесам

разбойничать. У нас с Советской властью никаких счетов нет, оба из бедняков.

Богдан удивленно взглянул на своего друга.

— Да ты что! Разве гоже это — своих предавать?

— Своих? Это Шпак тебе свой? Он бывший царский есаул. А ты кто? Или, может быть, Никиту Шило, дружка его, ты за своего считать стал? У него в Еременках своя торговля была, а вы с отцом всю жизнь на других спину гнули.

— Это все верно. Они меня за человека не считают, за глаза батраком кличут. Только как их схватишь? Заманить если только куда-нибудь?

— Когда они на гулянку поедут?

— В пятницу должны. Слышал, как договаривались.

— Куда?

— Опять к Катьке, на Глебовский хутор. Только меня они теперь уж не возьмут.

— Сколько их будет?

— Шпак, Терещенко да Шило.

— А теперь послушай, что надо будет сделать…

После этого разговора Иван не мог найти себе места. Боялся, как бы не передумал Богдан и не выдал его бандитам. В пятницу вечером заметил, что Шпак надел новый китель, побрился. Значит, действительно собирается куда-то.

Чалый быстро разыскал Богдана:

— Я в деревню, как стемнеет, поскачу, а ты жди нас возле двух стогов на большой дороге, что к Глебовскому хутору ведет.

…Шевченко внимательно слушал рассказ Чалого. Представилась возможность одним ударом обезглавить банду. Можно было взять их сейчас, этой ночью. А может быть, установить наблюдение за Глебовским хутором, дождаться следующего прихода туда бандитов и захватить их большими силами? Но придут ли они туда еще раз? С другой стороны, Николай опасался ловушки. Если об Иване у него сложилось четкое мнение, то Куцего он никогда не видел и не мог доверять ему всецело. Тем не менее Шевченко решил все-таки рискнуть.

— Далеко до Глебовского хутора?

— Часа за два доедем.

— Ну давай, запрягай лошадь,

К хутору подъехали на рассвете. Огромный цепной пес у дома Шмелько залаял было на них, но, узнав Богдана, сразу же завилял хвостом. Куцый, бросив ему кусок хлеба, быстро поднялся на крыльцо и три раза постучал в дверь.

— Кто там? — послышался женский голос.

— То я, Богдан. Открой, Катя. Срочно дело до Константина

Трофимыча есть.

Скрипнул засов, дверь отворилась, и все четверо, Куцый, Чалый, Шевченко и Дзюба, быстро вошли в хату.

Никто из бандитов даже не успел вытащить оружие. Через полчаса, связанные, они лежали на телеге.

К полудню Иван и Богдан вернулись в банду. Куцый сказал, что Шпак приказал ему взять командование на себя, всем сняться со стоянки и двигаться по направлению к Волчьему оврагу.

До него они дошли только к вечеру. Там их уже ждал вызванный из города отряд красноармейцев. Куцый приказал бандитам сделать у оврага привал. Не прошло и десяти минут, как красноармейцы разоружили их.

После завершения операции Евдокимов принял Шевченко и Дзюбу.

— Молодцы, — сказал он, пожимая им руки. — Отлично сработали. Без потерь с нашей стороны ликвидировали целую банду. Оба будете представлены к награде.

— В этом и ваша большая заслуга, Ефим Георгиевич, — сказал Шевченко.

— А я-то тут при чем?

— Ведь операция осуществлялась по разработанному вами плану. Признаться, я сомневался, что Чалый согласится помогать нам. А вы как-то сразу это почувствовали.

Таких, как Иван Чалый, еще много в стане наших врагов. Кто-то был обманут, поверил в посулы бандитов и белогвардейцев, а кого-то мы сами в спешке, по незнанию обидели, оттолкнули от себя. И наша задача бороться за них, отбить у врагов этих людей и сделать полноправными строителями новой жизни.

Продолжительной и нелегкой была борьба чекистов на Украине с бандитскими формированиями.

Назначенный в 1921 году начальником управления ВУЧК, а затем полномочным представителем ОГПУ на Правобережной Украине, Ефим Георгиевич Евдокимов лично участвовал в разработке операции по выводу на Украину и аресту петлюровского генерала Тютюнника. Эту операцию чекисты готовили тщательно. Когда с инспекционной проверкой на Украину прибыл заместитель председателя ГПУ СССР Иосиф Станиславович Уншлихт, Ефим Георгиевич подробно доложил ему о состоянии и результатах борьбы с бандитизмом, махновщиной и петлюровщиной. Знакомясь с документами, И.С. Уншлихт особенно заинтересовался тем, что сделано по закордонному петлюровскому центру. Позже, звоня из Москвы, он не раз давал ценные рекомендации. Осенью 1922 года в Киев с

группой сотрудников центрального аппарата ГПУ по делам службы приехал начальник Контрразведывательного отдела Артур Хриетианович Артузов. Он внимательно просмотрел все материалы, касающиеся Тютюнника. В разговоре с А.Х. Артузовым Ефим Георгиевич поделился подробно планами украинских чекистов, сказал, что „…мы должны во что бы то ни стало достать Тютюнника из Польши и этим самым положить конец бандитизму на Украине…“. А.Х. Артузов одобрил план операции и пообещал, в свою очередь, подумать о том, как это быстрее и лучше осуществить.

Тактически правильными действиями чекисты сумели склонить Тютюнника к решению лично прибыть нелегально на Украину, чтобы проверить состояние повстанческого подполья и принять руководство „Радой трех“ — легализованной (по предложению Евдокимова) контрреволюционной националистической организации. В конце мая 1923 года вместе с переправщиком Дулькевичем Тютюнник был арестован при переходе границы. На суде Тютюнник заявил, что раскаивается в содеянном и признает Советскую власть. На этом основании он был выпущен на свободу. В 1929 году Тютюнник возобновил антисоветскую деятельность, за что был вновь арестован и осужден.

4 октября 1923 года Волынский губотдел ГПУ Украины и его полевой штаб совместно с частями 44-й дивизии Красной Армии нанесли сокрушительный удар по последнему оплоту петлюровщины — „Волынской повстанческой армии“. 12 октября ее ликвидация завершилась арестом почти всех участников, изъятием большого количества оружия. Наряду с этим чекисты разгромили и „Казачью раду“, арестовав свыше 300 ее членов. Так была завершена еще одна крупная операция под руководством Ефима Георгиевича Евдокимова.

За большую работу по укреплению и воспитанию чекистских кадров Украины, участие в ликвидации белогвардейских, махновских, петлюровских и иных банд, шпионских и националистических организаций Ефим Георгиевич Евдокимов был награжден двумя орденами Красного Знамени, соответственно в 1921 и 1923 годах,

В приказе, подписанном Ф.Э. Дзержинским 2 августа 1921 года, говорилось:

> „…Более трех лет борется российский пролетариат с русской и мировой контрреволюцией, посягающей на его священные права, добытые ценою неисчислимых жертв. Наряду с Красной Армией в авангарде революционных

сил, защищая своей грудью пролетарские красные знамена, идет Всероссийская чрезвычайная комиссия.

В этой великой борьбе бессменно, рискуя жизнью, открывая контрреволюционные заговоры и подавляя контрреволюционные восстания, особенно отличались нижепоименованные товарищи, коих Президиум ВЦИК нашел справедливым своим постановлением от 18 июля с. г. наградить высшей воинской наградой „орденом Красного Знамени…“

Далее следовали фамилии: Артузов Артур Христианович, заместитель начальника Особого отдела ВЧК; Евдокимов Ефим Георгиевич, начальник управления ВУЧК; Кожевников Яков Николаевич, уполномоченный ВЧК; Манцев Василий Николаевич, полномочный представитель ВЧК на Украине; Павлуновский Иван Петрович, полномочный представитель ВЧК в Сибири; Самсонов Тимофей Петрович, начальник Секретного отдела ВЧК.

Приказ заканчивался словами: «…награждением орденом Красного Знамени отдельных работников Президиум ВЦИК дал свою оценку и свое доверие ЧК. Будем же сильны этим доверием».

Ефим Георгиевич всегда отличался скромностью. Принимая орден, который вручался ему 19 июня 1923 года на общем собрании сотрудников ГПУ УССР, он сказал, что очень смущен лестными словами в его адрес и считает, что разделяет эту награду со всеми работавшими с ним товарищами, которые рука об руку, рискуя жизнью, проделали колоссальную работу по искоренению контрреволюции и бандитизма.

А вот еще примечательный факт из его биографии. Командование Юго-Западного фронта наградило Е.Г. Евдокимова золотым портсигаром, отметив таким образом его заслуги в обеспечении безопасности армии.

- Ефим Георгиевич, дал бы закурить из своего золотого портсигара, — как-то сказал ему в шутку один из командиров.

Евдокимов улыбнулся и полез в карман. Но, к удивлению своего собеседника, достал не портсигар, а сложенный вчетверо листок бумаги. Это была квитанция Одесской центральной губернской комиссии, свидетельствовавшая о том, что от Е.Г. Евдокимова принят золотой портсигар в фонд помощи голодающим.

Вклад Е.Г. Евдокимова в разгром контрреволюции на Украине был отмечен также двумя знаками «Почетный чекист», другими поощрениями. Ефим Георгиевич избирался депутатом Харьковского Совета, являлся членом ВУЦИК.

Подводя итоги деятельности Е.Г. Евдокимова в чекистских

органах Украины, хочется привести выдержку из его служебной характеристики: «Тов. Евдокимов своим личным непосредственным участием в руководстве административной и оперативной сторонами работы и… личным участием в ликвидации вынес на своих плечах титанический этан борьбы с организованной контрреволюцией, пытавшейся организовать восстания, подпольные боевые дружины, шпионские организации».

В 1923 году Е.Г. Евдокимов получает назначение полномочным представителем ОГПУ по Северо-Кавказскому краю в Ростове-на-Дону. Здесь он служит с небольшими перерывами (с 1929 по 1931 г. был начальником секретно-оперативного управления и членом коллегии ОГПУ СССР, в 1931–1932 гг. — полномочным представителем ОГПУ в Средней Азии) до 1934 года. Под руководством Е.Г. Евдокимова чекисты Кубани вели успешную борьбу с остатками улагаевских, Темирхана Шишпева и других кулацко-белогвардейских банд.

…На столе у Евдокимова лежал вырванный из школьной тетради листок линованной бумаги, на котором типографским способом был отпечатан текст. Листовка призывала к саботажу мероприятий Советской власти, к вооруженной борьбе с коммунистами. Текст заканчивался подписью: «Союз борцов за свободную жизнь».

— Такие листовки в последнее время стали появляться во многих районах края, — сказал Евдокимову Василий Николаевич Горшков, один из ответственных сотрудников ОГПУ Северо-Кавказского края. — Вот эту, например, бандиты оставили у сожженного ими клуба в одной из станиц под Ростовом. Такие же несколько дней назад были расклеены на заборах в Усьмани.

— Что нам известно об этом «союзе»?

— В 1920 году двум белогвардейским офицерам, штабс-капитану Дергаусову и поручику Рудакову, удалось бежать из-под стражи. Ими была создана на Дону монархическая организация, члены которой проживали в нескольких станицах. В 1923 году она была нами раскрыта и большинство ее членов арестованы. Но Дергаусову и еще нескольким его сообщникам тогда удалось бежать. По нашим данным, в 1925 году они воссоздали эту организацию под названием «Союз борцов за свободную жизнь». Очень осторожны, вся деятельность строго законспирирована и строится по принципу троек.

Ефим Георгиевич стал внимательно рассматривать листовку.

— Станочек-то у них примитивный, в любом подполе разместить можно, — сказал он. — Да и печатают их наверняка

где-то в станице, тетради на это переводят. Писчую бумагу и в Ростове не всегда купишь, а тетради есть везде. В каких еще районах появлялись листовки?

— Сейчас, одну минуту.

Горшков открыл папку, стал перебирать бумаги. В это время Евдокимов встал из-за стола и подошел к висевшей на стене карте края.

Горшков стал перечислять районные центры и станицы, Ефим Георгиевич делал мелом отметки на карте.

— Теперь посмотрим, что у нас получилось, — сказал Евдокимов, приглашая Горшкова к карте. — Итак, в Семикаракорске и близлежащих станицах листовки не распространяли. А в остальных районах центральной части края они были обнаружены. Что вы об этом думаете?

Горшков молчал.

— Можно предположить, — с улыбкой сказал Ефим Георгиевич, — что «борцы за свободную жизнь» изготовляют листовки именно в этом районе. Думают, что этим самым не наведут на свой след. Элементарная психология преступника — не совершать преступлений у своего логова. Но на этот раз такой расчет не оправдал себя. Надо начать с Семикаракорска и обратить внимание на писчебумажные лавки.

На следующий день оперативная группа во главе с Горшковым выехала в Семикаракорск. Чекисты приступили к тщательному изучению обстановки в районе.

…В писчебумажную лавку в Семикаракорске вошел молодой мужчина. Он предъявил документы и поинтересовался, не покупает ли кто-нибудь в больших количествах школьные тетради.

Продавец сказал, что в последнее время за тетрадями стал часто приходить старик, как-то раз он назвался сторожем школы одной из станиц.

— Какой-то странный старик. Уже несколько раз покупал по триста тетрадей. Другие, что из школ, тоже берут много тетрадей. Но они еще покупают чернила, перья. А этот нет.

Чекисты дождались «школьного сторожа». Его маршрут привел их в одну из станиц. Тетради он завез в дом местного священника.

Через два дня в районе была арестована группа участников «Союза борцов за свободную жизнь» — контрреволюционной организации, опиравшейся на реакционное духовенство, кулачество, бывших белогвардейцев. Во время ликвидации организации чекисты изъяли огнестрельное оружие, типографские шрифты, антисоветские документы. Вскоре был

арестован и главарь этой организации Дергаусов.

Заслуги Е.Г. Евдокимова в руководстве чекистскими органами были отмечены еще двумя орденами Красного Знамени, в 1927 и 1930 годах.

В 1934 году Е.Г. Евдокимова выдвигают на партийную работу и избирают секретарем Северо-Кавказского крайкома ВКП(б). Он являлся делегатом XVII съезда партии. Впоследствии Ефим Георгиевич работал секретарем Азово-Черноморского крайкома ВКП(б). Избирался членом ЦК ВКП(б) и депутатом Верховного Совета СССР. За большую партийно-политическую и организаторскую работу его наградили орденом Ленина.

Вся жизнь Е.Г. Евдокимова была неразрывно связана с революционной борьбой трудящихся, со становлением и упрочением Советской власти. Ради этого он не щадил ни своих сил, ни здоровья, непримиримо борясь с врагами социализма.

ИГОРЬ ДОРОНИН
ГРИГОРИЙ СЕРГЕЕВИЧ СЫРОЕЖКИН

Есть в средней полосе России, в междуречье Волги и Дона, там, где степи чередуются с лесами, поля — с оврагами, где беспредельны зеленые просторы, большое село Волково. Сейчас оно в Еланском районе Волгоградской области, а когда-то входило в Балашовский уезд Саратовской губернии.

Здесь в 1875 году в семье бывшего крепостного родился Сергей Лаврентьевич Сыроежкин, а спустя три года в том же селе родилась и его будущая жена Агафья Кирилловна. По-соседски дружили, а потом и свадьбу сыграли. Через год, 25 января 1900 года, появился на свет сын Гриша. Жили бедно, но дружно, занимались обычным крестьянским трудом, только Сергей Лаврентьевич все рвался из села, думал, найдет где-нибудь лучшую долю.

Но вскоре началась русско-японская война. Отца забрали в армию, однако на фронт он не попал, а послали его в Закавказье. Здесь он получил спокойную должность младшего каптенармуса Тифлисского кадетского корпуса. Дослужил там до конца войны и, уволившись в запас в чине «ратника ополчения 2-го разряда», остался на этой же должности.

Сняв небольшую квартирку, вызвал к себе семью. Жена продала корову и нехитрый скарб, заколотила дом и отправилась к мужу с Гришей и еще не видавшим отца маленьким сыном Константином.

Так в Тифлисе обосновалась семья Сыроежкиных.

Отец хотел сделать своих детей образованными людьми. И отдал Григория в гимназию, хотя приятели ему советовали: «Не наше это дело учеными быть, лучше учи сына ремеслу». Нет, не захотел Сергей Лаврентьевич следовать по проторенной дорожке, настоял на своем.

Тифлис в предвоенные годы был веселым, шумным, кипящим, многоязычным городом. Яркие восточные базары с криками купцов, разносчиков воды, горячими хинкали и чебуреками. Мутная и быстрая Кура с мелкой рыбешкой, гладь Лисьего озера (вообще-то оно озеро Лиси, но мальчишки называли его Лисьим). Рано утром возгласы продавцов мацони и звонки развозчиков керосина, а по вечерам многоголосые грузинские песни из каждого двора и представления в цирке…

Мальчишкой увлекся Григорий цирком — дневал и ночевал там. Все нравилось ему, но особенно борцы — мощные усатые

красавцы, выступавшие в постоянно проводившихся чемпионатах. В тифлисском цирке боролись четыре Ивана: русский богатырь Иван Поддубный, «Дядя Ваня» — Иван Лебедев, Иван Шамякин, Иван Заикин — один из первых русских летчиков, и другие известные в то время атлеты.

Восхищенными глазами наблюдал Гриша за борцами, изучая сначала их искусство со стороны, сам боролся с приятелями, а однажды, набравшись храбрости, обратился к Лебедеву:

— Дядя Ваня, научите меня бороться по правилам! Тот посмотрел на ладного, не по возрасту крупного, крепко сбитого паренька и сказал:

— Давай. Только не реви!

И Григорий начал пробовать свои способности в борьбе, да так удачно, что, несмотря на возраст, стал выступать на манеже, обычно был «подсадкой», то есть сидел в зале и выходил из публики на приглашение «побороться». Постиг он в цирке и искусство джигитовки.

В цирке на конюшне работал здоровый парень, ни имени, ни национальности его никто не знал, звали его по кличке — Бек, говорил он одинаково плохо на всех языках. Был он недобрым, над животными исподтишка издевался, тех, кто моложе и слабее его, бил.

Однажды Григорий, вступился за какого-то мальчугана. Бек посмотрел на Григория и сказал:

— Бить тэбя нэ буду. Давай чэстно бороться.

Он был раза в полтора тяжелее и выше Григория, но тот не мог отступить: кругом стояли свои, цирковые, к тому же он рассчитывал на свое умение.

Едва начали борьбу, как Бек вопреки всяким правилам приподнял его в воздухе и шмякнул о ковер, больно заломив руку. У Гриши глаза наполнились слезами он терпел, пытаясь вывернуться, но тщетно.

— Просы пощады, — сказал Бек.

— Нет, — мотнул головой Григорий.

Бек нажал на руку.

— Просы пощады! — повторил он. Григорий терпел.

— Послэдний раз говору, просы пощады, — прорычал Бек, и когда Гриша ответил: «Нет!» — тот нажал сильнее. Что-то хрустнуло, от дикой боли у Гриши потемнело в глазах, на мгновение он потерял сознание…

Травма руки сохранилась у Григория на всю жизнь, правой он владел хуже, чем левой, хотя и сумел постоянными тренировками сделать ее достаточно сильной. Не произойди этот случай, может быть, и стал бы он знаменитым борцом, и за ним бегали бы

восторженные мальчишки.

…Разве до занятий в гимназии, где учатся в основном дети купцов и чиновников, а Гриша — сын бедняка — для них чужак, черная кость.

Не смог Григорий вынести этой жизни, прекратил ходить в гимназию. Отец поругал-поругал, да и перестал. А вскоре и вообще события пошли такие, что не до гимназии стало.

Началась мировая война. На всех афишных тумбах телеграммы с фронта, в газетах аршинные заголовки, призывы положить жизнь «за веру, царя и отечество».

Не очень-то хорошо разбирался тогда Григорий в политических лозунгах. «Ура-патриотическая» трескотня подействовала и на него. Он решил во что бы то ни стало попасть на фронт. Неизвестно как, но он вступил добровольцем в 1-й Кавказский стрелковый полк. Красивый, сильный и статный, он смотрелся как заправский солдат и с нетерпением ждал того момента, когда отправится «бить турка или германца». Ему еще не было и пятнадцати лет, но он уже изведал армейские будни, фельдфебельские зуботычины, фатовство офицеров.

Всего месяц длилась солдатская служба Григория. Он даже успел попасть на германский фронт. Воевать, правда, не пришлось, но канонаду слышал. А потом то ли воинские власти разобрались, то ли Агафья Кирилловна разыскала и разоблачила его, не желая отрывать от материнского сердца, но только вернули его домой.

Но возмужавший за это время Григорий уже не мог садиться на шею отцу. Служба многому научила его. Он поступает на должность письмоводителя в управление Закавказской железной дороги. Однако здесь требуется хотя бы минимальный «образовательный ценз». Григорий принимается за книги и вскоре сдает экстерном четырехклассный гимназический курс.

Работа его не тяготит, оставляет немало свободного времени. У него много друзей, в том числе и тех, от кого он узнает о грабительской сущности войны, о царизме, о борьбе трудящихся за мир, хлеб и свободу.

Март семнадцатого года. Царь свергнут! Григорий ходит по Тифлису в толпах демонстрантов с красным бантом в петлице. Ежедневно происходят митинги, на которых выступают большевики, меньшевики, эсеры.

Наступает Октябрь. В Тифлисе, как и во всей стране, разворачиваются бурные события. 15 ноября образуется Закавказский комиссариат, принявший на себя всю полноту власти в пределах Закавказского края. Руководящую роль в этом

комиссариате играют грузинские меньшевики, которых В.И. Ленин считал пособниками германо-турецких интервентов. Блок всех контрреволюционных партий, существовавших в Закавказье, решает не признавать Совнарком.

В то же время все большевистские организации поддерживают позицию II Всероссийского съезда Советов.

19-23 декабря в Тифлисе собрался II краевой съезд Советов. Прибегая ко всевозможным махинациям, меньшевики сумели добиться большинства на съезде, причем в принятых резолюциях краевой съезд выступил против Советской власти.

В создавшейся ситуации Совнарком назначил Степана Шаумяна временным чрезвычайным комиссаром по делам Кавказа. Он прибыл в Тифлис 22 января 1918 года.

25 января Григорий слушал выступление Шаумяна на собрании железнодорожников Закавказской железной дороги. Он узнал, что Советская власть является единственной властью, которая способна уничтожить буржуазно-помещичью контрреволюцию…

Между тем в жизни семьи Сыроежкиных назревали перемены. С родины приходили волнующие вести. Уже все знали о ленинском Декрете о земле. Брат сообщал Сергею Лаврентьевичу о том, что начали делить скот и инвентарь, а теперь ждут весны, чтобы начать раздел помещичьей земли.

Отец принял решение: надо вернуться на родину и как можно скорее, пока землю не поделили — она, землица, прокормит. И надо ехать всей семьей, делить-то по едокам собираются. Да к тому же среди своих спокойнее, чем на этом далеком, шумном Кавказе.

В марте 1918 года семья Сыроежкиных вернулась в село Волково. Но жизнь и здесь была теперь не менее бурная, чем в Тифлисе. Как только сошел снег, начали раздел земель. Как делить? Общий лозунг: «Землю тем, кто ее обрабатывает!» Вроде бы все ясно, да не все.

Ежедневные сходки, крики, ругань, иногда драки.

Из уезда и волости приезжали ораторы — большевики, эсеры, анархисты. Григорий слушал их и видел, что правда на стороне большевиков.

Бедняки добились все же своего, поделили землю по едокам, хотя и тут кулаки пытались пойти на хитрость: зачисляли в едоки своих постоянных батраков.

Получил Сергей Лаврентьевич двух быков и корову.

Вскоре начался весенний сев, свою землю пахал Григорий, помогая отцу, в грязи и поту вникал в тяжкий крестьянский труд.

Весной и летом 1918 года молодая Советская Республика переживала тяжелые дни.

Немецкие оккупанты захватили почти всю Украину. Хотя пока они и не нарушали условий Брестского мирного договора, но всячески поощряли белогвардейцев, подстрекая их к нападению на Советскую Россию, снабжая деньгами и оружием. Английские, французские, японские и американские интервенты уже высадили первые десанты на советской земле. Империалисты и внутренняя контрреволюция готовились к активным действиям против Советской власти.

Формируются регулярные части Красной Армии, обнародован декрет Совнаркома о создании местных военных комиссариатов и о всеобщем военном обучении. Летом 1918 года Тамбов стал центром пребывания 4-й партизанской армии, которой командовал Василий Киквидзе. Это был незаурядный человек, убежденный революционер, отважный командир. Двенадцать раз он был ранен в боях с врагами.

Киквидзе обратился с призывом к населению: «Записывайтесь в Красную Армию, учитесь обращаться с оружием, подготовленными встретим врага!».

Призыв услышал и Григорий Сыроежкин. Восемнадцатилетний Григорий добровольно вступает в Красную Армию и становится рядовым красноармейцем 6-го Заамурского кавалерийского полка. Готовясь к тяжелым испытаниям, красноармейцы ежедневно занимались по десять часов, как правило, в Поле, приближенно к боевой обстановке, изучали оружие, проходили курс стрельбы. Комиссары и рядовые коммунисты проводили политбеседы, учили бойцов грамоте.

Григорию, как одному из грамотных — а таких в то время в армии было немного, — комиссар часто поручал проводить читку газет. А где читка, там и вопросы, на которые надо давать ответы. Григорий хотел до всего дойти сам, читал книжки из полковой библиотеки.

Когда местные военспецы попытались расформировать 4-ю армию, Киквидзе, считая их решение предательским, поехал в Москву, к Ленину. Горячо и со знанием дела он сумел убедить Ильича в необходимости сохранения боеспособного соединения. Ленин направил в Тамбов Высшую Военную Инспекцию во главе с ее председателем Николаем Ильичом Подвойским.

Инспекция разобралась с положением дел и приняла решение о сохранении соединения, которым командовал Киквидзе, преобразовав его в регулярную дивизию Красной Армии, получившую наименование Первая советская дивизия внеочередного формирования.

Вскоре дивизия Киквидзе получает задачу — обеспечить охрану дороги, идущей на Царицын, который был важнейшей точкой Южного фронта. Его захват давал бы возможность объединиться белым силам. Кроме того, через него Москва была связана с Северным Кавказом и с Баку.

В августе 1918 года начались непрерывные многомесячные бои. Описывать их — это описывать всю героическую оборону Царицына. Успехи сменялись неудачами, поражения — победами, отступления — наступлениями. Бои шли в родных местах Григория Сыроежкина. Штаб Киквидзе размещался в Елани, недалеко от села Волково.

В своем личном деле в разделе «Бытность в походах и делах против неприятеля в составе Красной Армии», Григорий Сыроежкин скромно написал:

> «Находясь в составе Красной Армии, участвовал в перестрелках на Южном фронте в районе Елани и в районе ст. Мачеха, будучи красноармейцем дивизии Киквидзе (6-й Заамурский полк и особая рота)».

Что же это были за перестрелки?

Военрук Северо-Кавказского военного округа Снесарев в рапорте, направленном руководству, сообщал:

> «…Дружными действиями частей дивизии Киквидзе, действовавших среди царившей кругом паники, конными Орденским и Заамурским полками с севера и Первым чехословацким полком от Филоново противник был сброшен с линии железной дороги и затем преследуем до ст. Урюпино, которая сегодня около 17 часов взята с боем».

Добавим, что бойцы захватили в плен начальника штаба Хоперского военного округа вместе со всем штабом.

Газета «Южная правда» писала, что положение на Царицынском фронте, в частности на участке Поворино — Алексиково — Елань, улучшается.

Но бои вокруг Елани шли с переменным успехом. Части Киквидзе попадали в окружение, вырывались из него, отходили, наступали. Вскоре в дивизию влился Еланский полк, которым командовал отважный матрос Анатолий Железняков, прославленный герой революции и гражданской войны. Сражения стали еще более жаркими.

23 августа 1918 года дивизия перешла в наступление. Первого сентября, в день освобождения станицы Преображенской,

пришла горестная весть о покушении на Ленина.

— Не простим врагу покушения на любимого Ильича! Немедленно продолжать наступление! — приказал Киквидзе.

8 сентября белогвардейцы, которыми командовал опытный генерал Фицхелауров, перешли в контрнаступление. Начались тяжелые бои за станицу Мачеха.

2 октября в официальном сообщении, опубликованном в газетах, говорилось:

> «…На Еланском направлении упорные бои в районе Мачеха закончились для нас успешно. Противник, наступавший превосходящими силами, отбит с большими потерями и отступил в беспорядке…»

Киквидзевцы снова наступают. В своем приказе начдив отмечал:

> «В боях за 31 октября и 1 ноября на левом фланге дивизии 6-й Заамурский конный полк, 2-й дивизион Орденского полка, прорвавшись в тыл противника, разгромили штаб неприятельской армии в Лопухово и, опрокинув упорно сопротивлявшиеся 11-й и 12-й полки пехоты и 14-й конный полк, разбили их в районе Березовки и Лопухово, зарубив шашками около 500 казаков-кадетов и забрав более 200 пленных…»

Вот такие были «перестрелки».

Приказом Реввоенсовета от 3 октября 1918 года была основана 9-я армия, в которую вошла дивизия Киквидзе, названная 16-й стрелковой дивизией. С созданием 9-й армии был организован ее реввоентрибунал.

На службу в трибунал Сыроежкин попал при необычных обстоятельствах.

Однажды (это было уже в 1919 году) у ворот небольшого купеческого дома в Балашове, где размещался реввоентрибунал 9-й армии, остановилась телега, которую сопровождали четверо красноармейцев, двое из них были с винтовками, двое — безоружными. Один из вооруженных красноармейцев вручил дежурному по трибуналу пакет и доложил, что доставлены арестованные. После этого конвоиры отбыли к месту службы, а задержанных поместили под замок.

Когда председателю реввоентрибунала доложили о задержанных, он спросил:

— А дело?

— Дела нет, не прислали, только сопроводительная, — ответил комендант.

— Вот, посмотрите, опять… Арестованных нам направили, а дела нет. Что будем рассматривать? — обратился председатель к одному из членов трибунала.

— А что в препроводительной?

— Пишут, будто за грабеж.

Времена были суровые. Приказом по фронту за мародерство и грабеж полагался расстрел. Работники трибунала тщательно разобрались с делом. Оказалось, что арестованные были направлены командиром роты за продуктами, но по оплошности старшины никаких документов на «транспортное средство» не имели, почему и были задержаны патрулем.

Заключенные были освобождены из-под стражи. В это время в штате трибунала появилась свободная должность красноармейца. Ее и предложили одному из освобожденных — грамотному и сметливому пареньку. Тот согласился.

Так Григорий Сыроежкин попал на службу в реввоентрибунал. Он был инициативен в хозяйственных и административных делах, обладал хорошим почерком, немного знал делопроизводство, поэтому сразу же стал правой рукой коменданта трибунала, который вскоре перепоручил ему часть своих обязанностей.

Работая в трибунале, Григорий живо интересуется спецификой его деятельности, стараясь постичь ее. Но для этого надо много знать, учиться. Он читает; видя его заинтересованность, опытные сотрудники, старые коммунисты рассказывают ему не только о работе, но и о революции, о партии, о Ленине. В июле 1919 года он вступает в кандидаты в члены партии.

Летом 1919 года Председатель ВЦИК РСФСР Михаил Иванович Калинин совершал поездку по прифронтовой полосе. Он выступал на десятках митингов в городках, селах, перед рабочими, крестьянами, красноармейцами. Сыроежкина с группой бойцов несколько раз посылали охранять «всероссийского старосту»: фронт был близко, беляки находились рядом.

Григорий внимательно слушал Калинина, говорившего доходчивым, образным, понятным простому народу языком. Выступая на одном из митингов, Михаил Иванович говорил:

— Рабочие и крестьяне слишком благородный народ, мы слишком великодушны… Наши враги, которые сейчас убивают наших сыновей… все эти офицеры и генералы были в наших руках. По нашей крестьянской и рабочей слабости мы их отпустили. А теперь они в благодарность обвесили фонарные

столбы в Харькове и Екатеринославе телами рабочих. Разве мы расправлялись так с буржуазией?

Рабочий класс и крестьянство слишком добры, потому что новый класс, который появляется у власти, является молодым классом, а молодость всегда добра. Она не видит злого. И вот, когда мы одного буржуа расстреляли, то уже со всех сторон кричат: «Караул, вы расстреливаете своих врагов!» Нет, товарищи, это не жестокость, а печальная и вынужденная необходимость защиты рабочего класса: выхода иного нет. Это все равно, что берут тебя за горло, чтобы задушить, и, чтобы спастись, единственный способ — это схватить за горло врага.

Григорий, как большинство физически сильных, можно сказать, могучих людей, был великодушным, добросердечным человеком. Иногда он и сам подумывал: «Не слишком ли мы суровы?» Но зверства белогвардейцев, которые он видел, тяжелые последствия предательств и дезертирства, с которыми он сталкивался, говорили, что в смертельной схватке *с* врагом в условиях гражданской войны иначе поступать нельзя. А теперь и «всероссийский староста» подтвердил эту мысль.

В декабре 1919 года Григория Сыроежкина назначили комендантом реввоентрибунала 9-й армии. Хлопот прибавилось. Пришлось заниматься не только хозяйственными делами, но и организацией судебных процессов, размещением арестованных.

Чаще всего из тюрьмы их доставлял Стржелковский — затянутый ремнями, пахнущий дешевым одеколоном парень примерно одного с Григорием возраста.

Однажды он привез арестованных в обеденное время.

Григорий спросил его:

— Ты обедал?

— А как же, за мной не пропадет! — ответил Стржелковский. — Но могу и еще раз!

— А их кормили? — Григорий кивнул в сторону арестованных.

— Чего их кормить, все равно к стенке!

— Почему к стенке, может, и в часть вернут, а пока они такие же бойцы, как и ты.

— Как я?! — взорвался Стржелковский. — Да их всех, гадов, стрелять надо, быдло проклятое… — Он побледнел, задрожал и схватился за револьвер.

— Ты что, с ума спятил? — Григорий подскочил кнему, вывернул руку и вырвал револьвер.

Стржелковский стоял, покачиваясь, дикими глазами смотрел на Григория, потом огляделся кругом и вдруг, сорвавшись с места, побежал за угол дома.

Григорий отвел арестованных в предназначенное для них помещение и вернулся во двор. Стржелковский был уже там. Его нельзя было узнать: возбужденный, радостный, он подошел к Григорию. Тот все понял — недаром о Стржелковском поговаривали, что он алкоголик и кокаинист.

Доверять такому человеку охрану арестованных было нельзя. И Григорию, хотя это было ему не по душе, пришлось доложить о случившемся по команде. Вскоре Стржелковского отчислили в какую-то часть. Перед этим он даже на некоторое время был арестован, но затем его освободили.

Накануне отправки он пришел к Григорию, просил похлопотать за него. Тот, конечно, ничем не мог, да и не хотел помогать.

— Ладно, еще увидимся! — зло сказал Стржелковский…

Весной 1920 года военный трибунал из Калача, где он тогда находился, вслед за продвигавшейся армией двинулся по направлению к Новочеркасску и Ростову.

После освобождения Новочеркасска из города не успела выехать значительная часть той буржуазии, которая бежала на юг из Петрограда, Москвы и других городов и нашла свое убежище на Дону и на Кубани. Осталась в Новочеркасске и часть «золотопогонников» — офицеров белой армии. Все они представляли собой немалую опасность.

Чрезвычайной комиссии и особым отделам армии приходилось заниматься тяжелой и ответственной работой. Людей не хватало. Руководители ЧК обратились в трибунал 9-й армии с просьбой временно откомандировать в их распоряжение несколько человек для оперативной работы. В их число попал и Григорий.

Один из товарищей Сыроежкина по работе в трибунале, а затем и в Новочеркасской ЧК И.Д. Павлов вспоминал: «Я не погрешу против истины, если скажу, что в оперативной работе Чрезвычайной комиссии он находил полное удовлетворение своим наклонностям. Он был сообразительным, быстрым в движениях, сильным физически. Ему, видимо, импонировало то, что результаты его оперативной работы получались тут же, сразу и полностью зависели от того, как он построит и приведет в исполнение задуманный им оперативный план».

На этот раз работа Григория Сыроежкина в ЧК длилась недолго. Через четыре месяца его переводят в реввоентрибунал Кавказского фронта вначале комендантом, а затем следователем.

А в январе 1921 года его направляют в Москву, следователем Реввоентрибунала Российской Республики. На различных должностях (следователь, начальник части следственного

надзора, начальник следственного отдела трибунала) он служил до августа 1921 года, однако с одним существенным перерывом.

Об этом в личном деле говорит короткая запись: «Состоя сотрудником Трибунала Республики, был командирован на территорию б. Саратовской губ., Балашовского уезда, в районе Елани, командовал отрядом против банды Попова…»

Весной 1921 года в стране произошли тревожные события. В марте вспыхнул Кронштадтский мятеж, резко активизировали свои действия бандитские отряды Антонова в Тамбовской губернии и махновские банды на Украине, с территории буржуазной Польши и Румынии на советскую землю были переброшены отряды Б. Савинкова и некоторые подразделения, сформированные из остатков белогвардейских войск генерала Врангеля.

Тамбовская губерния не случайно стала очагом восстания: малочисленность пролетариата, большая прослойка кулацких элементов, ставших опорой партии эсеров, остатки белогвардейских войск. Военная разруха и недород 1920 года принесли новые испытания. Росла дороговизна, деньги обесценивались. Вследствие мобилизаций на фронт губернская партийная организация была ослаблена. Кулаки захватили многие местные Советы.

Используя недовольство крестьян продразверсткой, случаями нарушения законности отдельными продагентами (в том числе и специально спровоцированными врагами), эсеры создали «беспартийный», а по существу кулацкий «Союз трудового крестьянства» — СТК (кстати, местное население расшифровывало эту аббревиатуру как «союз тамбовских кулаков»). Не решаясь открыто провозглашать антисоветские лозунги, они выдвинули новые: «Долой продразверстку!», «Да здравствует свободная торговля!», «Советы без коммунистов!», «За свободные Советы!», рассчитывая этим привлечь к себе крестьян.

Подняв мятеж, антоновцы зверски расправлялись с коммунистами и комсомольцами, с членами местных Советов, отказывавшимися встать на их сторону. Было убито более двух тысяч партийных и советских работников, нанесен большой материальный ущерб народному хозяйству.

К концу 1920 года численность мятежников доходила до пятидесяти тысяч человек, разбитых на две армии, возглавляемые «главным оперативным штабом». Разрастаясь, восстание выходило за рамки Тамбовщины.

С января 1921 года вопросы борьбы с политическим бандитизмом почти не сходят с повестки дня заседаний ЦК РКП (б) и Совета Труда и Обороны. Командующим войсками по

разгрому антоновщины был назначен М.Н. Тухачевский, его заместителем — И.П. Уборевич, который одновременно возглавлял действия сводной кавалерийской группы и сам участвовал в боях с антоновцами. И хотя по антоновцам были нанесены сильные удары, их количество было еще значительным, а их наглость и жестокость возрастали. В январе — феврале 1921 года части антоновской «армии» численностью до девяти тысяч человек вторглись в Балашовский и Сердобский уезды Саратовской губернии.

Одним из отрядов, злобствовавших в районе Елани, руководил Попов, который не раз проходил через родное село Сыроежкина Волково, оставляя везде свои кровавые следы. Его банды действовали самостоятельно, но стремились соединиться с «армией» Антонова.

В.И. Ленин в записке Ф.Э. Дзержинскому, возмущаясь беспомощностью местных властей, требует «послать архиэнергичных людей тотчас…» В феврале 1921 года Центральная междуведомственная комиссия по борьбе с бандитизмом под председательством Ф.Э. Дзержинского приняла решение об усилении местных органов ВЧК в районе восстаний и о направлении туда опытных работников.

На борьбу с бандитизмом направляют и Сыроежкина. Ему поручается командование отрядом, действовавшим в его родных местах, в районе Елани, против банды Попова. Там развертываются серьезные бои. Сыроежкин, хорошо знающий эти места, не раз выводит отряд в тыл врага, наносит ему потери, к тому же проводит агитационную и организаторскую работу среди местного населения.

Антоновцы не вступали в бои с превосходящими силами красных частей, нападали только на заведомо более слабого противника, в случае неудачи рассеивались по лесам. Сыроежкин учитывал эту особенность их тактики.

…Отряд антоновцев укрылся в небольшой деревне. Уничтожить его лихим кавалерийским налетом или атакой пехоты было практически невозможно. Деревня примыкала к густому лесу, куда антоновцы сразу же скрылись бы, заметив, что на них движутся превосходящие силы или им грозит окружение.

Григорий задумал выманить бандитов из деревни на открытое место. Рано утром по направлению к деревне двигался обоз продармейцев — пять подвод, на козлах каждой сидели один-два человека. В подводах лежали по два-три бойца, укрытые соломой, — почти весь отряд Сыроежкина. Когда до деревни оставалось метров 250–300 и антоновцы уже наверняка готовились «принять» обоз, вдруг из-за придорожного куста,

выскочил парень, который стал что-то кричать «продармейцам», указывая рукой на деревню. «Продармейцы» остановились, а затем, как и было задумано, развернули подводы и «в панике» стали удирать, захватив с собой парня-разведчика.

Антоновцы, конечно же, не могли упустить такую добычу. С полсотни всадников вырвались из деревни и погнались за «продотрядом». Выбежали, не желая отставать, и пешие.

Когда бандиты были уже недалеко, Сыроежкин — а это он был возницей в первой телеге — дал команду: «Стой! Огонь!» Подводы остановились, красноармейцы дали залп. Несколько бандитов упало. И в этот момент из ближайшего леска вылетел эскадрон красной конницы.

В этом бою почти вся банда была уничтожена, лишь нескольким из них, включая командира отряда Попова, удалось скрыться в лесу.

Группа Сыроежкина и кавалерийский эскадрон потерь не понесли, только два бойца были легко ранены. После боя Сыроежкин и командир эскадрона съехались, чтобы поблагодарить друг друга за хорошее взаимодействие. Протянув руку, командир отряда представился;

— Сыроежкин Григорий.

Плотный, неулыбчивый комэск, крепко пожимая руку, назвал себя:

— Жуков Георгий. — И вдруг усмехнулся: — Почти тезки!

В своей книге «Воспоминания и размышления» Г.К. Жуков писал, что основное поражение антоновцам было нанесено в районе Сердобска, Бакуры, Елани… Остатки разгромленной банды бросились врассыпную в общем направлении на Пензу. В Саратовской губернии они были почти полностью ликвидированы с помощью крестьян.

Здесь же действовал автобронеотряд ВЧК имени Я.М. Свердлова, с которым взаимодействовал отряд Сыроежкина. В боях у Елани серьезное поражение было нанесено 3, 4, 14 и особому «полкам» антоновцев. Свыше 200 человек они потеряли убитыми и ранеными, а кроме того, обоз, более 300 лошадей, два пулемета, 150 винтовок. В последующих боях потери противника составили более 500 человек.

В одном из боев был окружен и сброшен в реку Сердобу кавалерийский полк, которым командовал сам Антонов. Раненный в голову, он скрылся с небольшим отрядом в кирсановских лесах.

В августе 1921 года мятеж был окончательно ликвидирован. Антонов надолго исчез. Ходили всякие слухи говорили, будто он сбежал за границу, либо убит, или же скрывался где-то

неподалеку. Операцию по его розыску и ликвидации возглавил и провел чекист Михаил Покалюхин, назначенный начальником отдела по борьбе с бандитизмом Тамбовского губернского отдела ГПУ.

Впоследствии судьба свела Михаила Покалюхина и Григория Сыроежкина. Они работали в одном подразделении ОГПУ, стали большими друзьями, а в свободные минуты вспоминали «былые походы».

Осенью 1921 года Григория Сыроежкина переводят из Реввоентрибунала Республики в ВЧК. К этому времени почти вся советская земля была очищена от интервентов и белогвардейских армий, а внутри страны покончено с главными силами бандитизма.

Но зарубежная контрреволюция плела новые и новые заговоры против Советской республики. Большие массы эмигрантов осели во Франции, Маньчжурии, Румынии, Болгарии, Польше, Югославии, Чехословакии и других государствах. Из этих людей международный империализм, его разведки черпали кадры шпионов, диверсантов, террористов, бандитов и засылали их в Страну Советов. «Вожди» белой эмиграции — Кутепов, Врангель, Петлюра, Савинков и другие — находились на службе американской, французской, польской и прочих разведок.

Несмотря на то что чекисты нанесли чувствительные удары по антисоветскому подполью в стране, Савинков, опасный и опытный враг, имел еще своих последователей и сторонников. Кроме того, он оставался фигурой, на которую делали ставки руководящие круги и разведки капиталистического мира.

В этих условиях руководство ОГПУ посчитало необходимым обезглавить савинковцев, а с этой целью выманить Савинкова из-за рубежа и судить его за все преступления перед народом. Была задумана и успешно осуществлена операция под условным названием «Синдикат-2», в которой принял участие и Г.С. Сыроежкин.

Когда на границе был арестован адъютант Савинкова Шешеня, шедший в нашу страну с заданием проверить и восстановить связь с резидентами в Минске и Москве, Сыроежкин был направлен в Минск с задачей захватить одного из них — бывшего штабс-капитана царской армии Герасимова. Тот жил под фамилией Дракун у своего двоюродного брата, работавшего на базаре в промтоварном ларьке.

Сыроежкин явился к нему по паролю Шешени. Подойдя к ларьку и выждав, когда рядом не оказалось других покупателей, Григорий спросил продавца:

— Нет ли у вас плакатов, таких, какие покупал Павел

Андреевич (вымышленные имя и отчество Герасимова)?

— Они в типографии, скоро завезут, но есть образцы, — ответил продавец словами пароля. — Заходите. «Хвоста» не привели?

— Нет, вроде все чисто.

— Тогда пошли.

Продавец запер ларек и проводил Сыроежкина на свою квартиру.

Герасимов встретил «гостя» и провел в комнату, а там, заподозрив что-то неладное, вдруг попытался выхватить маузер. Но Григорий опередил его, и через мгновение Герасимов лежал на полу, а Григорий связывал ему руки.

— Ты так со мною не шути, — приговаривал он.

Все произошло так стремительно, что брат Герасимова даже не успел отреагировать. Сыроежкин скрутил и его.

Герасимов оказался руководителем широко разветвленной контрреволюционной организации и настолько злобным врагом Советской власти, что об использовании его в намечавшейся операции против Савинкова не могло быть и речи. Было решено судить его и других членов организации. Состоялся открытый судебный процесс савинковцев в Смоленске, а за ним и еще ряд процессов — в Петрограде, Харькове, Самаре, Туле, Киеве и Одессе.

Шешеня же и московский резидент Савинкова Зекунов оказались людьми другого склада, и их удалось привлечь к «игре» с Савинковым. По замыслу В.Р. Менжинского, Савинкова надо было заставить поверить в существование в СССР неизвестной ему солидной контрреволюционной организации, которой нужен опытный и влиятельный руководитель. Однако надо было ввести в заблуждение не только самого Савинкова, но и его хозяев, в частности, польскую разведку, заинтересовав ее передачей хорошо подготовленных дезинформационных сведений, в том числе и военного характера. Все это требовало четкости, отлично скоординированных усилий разных ведомств и, в первую очередь, не побоимся сказать этого, талантливого исполнения своих ролей всеми оперативными работниками. Сыроежкину, в частности, пришлось выполнять самые разнообразные задания — от знакомства с литературным творчеством Савинкова до участия в его аресте.

Когда в Москву для проверки сведений о существовании и деятельности ЛД («Либеральных демократов» — так была названа «новая» организация) прибыл посланец Савинкова Фомичев, Григорий Сыроежкин был занят другим делом. Надо было разобраться с полученными данными о попытках киевской

контрреволюционной организации связаться с московскими единомышленниками. Для этого он вошел в доверие к главе киевской организации профессору Исаченко, считавшему его сыном покойного московского фабриканта, и рассказал об ЛД. Профессор уговаривал Сыроежкина познакомить его с главарями ЛД. Григорий получил от него уже немало интересующих чекистов сведений и полагал, что дело надо завершать арестом Исаченко. Однако руководители операции «Синдикат-2» Артузов и Пузицкий решили по-другому: свести Исаченко с Фомичевым с тем, чтобы убедить Фомичева в истинности существования ЛД и в том, что контакта с ней ищут не только савинковцы, но и другие контрреволюционеры, и тем самым поднять престиж ЛД.

На очередной встрече с Исаченко Сыроежкин сказал ему:

— Я могу наконец познакомить вас с членом ЦК ЛД.

Этим «членом ЦК» был чекист Федоров.

На первой же встрече с Исаченко Федоров попросил его встретиться с Фомичевым и выяснить, что ему надо от ЛД.

Профессор с удовольствием согласился — с одной стороны, он становился как бы доверенным лицом ЛД, и тем самым возрастали его шансы, а с другой — он мог бы попытаться оттереть конкурента.

В назначенный день Сыроежкин свел Исаченко и Фомичева в шикарном номере гостиницы «Новомосковская». «Сын фабриканта» оказался достаточно скромным и не стал обременять своим присутствием беседу таких «уважаемых» деятелей. Как и предполагалось, они, претендующие на «особые отношения» с ЛД, переругались и расстались врагами.

Исаченко в то же день был арестован, Фомичев возвратился за рубеж.

Вскоре Сыроежкин получает новое задание. В ходе операции был организован приезд в СССР из-за рубежа жены Шешени — Саши Зайченок — женщины с сильным и резким характером. Было известно, что она вооружена пистолетом и готова применить его в любое время. Но… она была женщиной, и Сыроежкину приказали действовать аккуратно. Он встретил ее при выходе с вокзала, якобы по поручению Шешени, усадил в машину и отвез… в здание ОГПУ, по пути отобрав оружие и предъявив ордер на арест. Все обошлось благополучно. Впоследствии Саша Зайченок, как и ее муж, стала помощницей чекистов.

Операция «Синдикат-2» была в самом разгаре, когда Савинков послал в СССР своего ближайшего помощника, полковника Павловского, с целью проверки Шешени, Павловский взял себе в спутники Аркадия Иванова — матерого бандита.

В Москве Павловского уже ждали. Однако арест осложнялся бдительностью и недоверчивостью бандита. Даже на встречу с «представителями» ЛД (это, конечно, были чекисты) Павловский шел с такими предосторожностями, что она чуть было не сорвалась. Войдя в дом, он оставил на улице Аркадия Иванова, а зайдя в комнату, подошел к окну, чтобы обменяться сигналами о том, что все в порядке. Но Иванова уже не было на «посту». Он был схвачен Сыроежкиным и находился на пути в тюрьму. В машине Иванов выхватил нож и бросился на Сыроежкина. Григорий ударил бандита по голове рукояткой пистолета. Удар был так силен, что Иванов не дожил до ночи, хотя врачи пытались спасти ему жизнь.

Разговор «единомышленников» с Павловским нужен был для того, чтобы он поделился фактами, о которых на допросе в ОГПУ мог умолчать.

Когда совещание закончилось, Павловского уже поджидал извозчик с двумя «боевиками» ЛД — это были В.И. Пудин и Г.С. Сыроежкин, которые успели вернуться.

Павловский садился в пролетку, озираясь по сторонам,

— Кого-нибудь ищете? — спросил Сыроежкин.

— Да, здесь должен быть мой человек, — ответил полковник.

— Чего же вы раньше не сказали? Тут один болтался, так мы думали, что чекист, и убрали его.

— Как убрали? — испуганно спросил Павловский.

— А вот так. — И чекисты скрутили ему руки,

Ошеломленный Павловский не сопротивлялся. После того как он был доставлен в тюрьму, все его помыслы только и были о побеге. Понимая, что за ним столько кровавых дел, что о помиловании не приходится и мечтать, он вынужден был согласиться на сотрудничество с чекистами — написал несколько писем Савинкову о мнимом благополучии дел в Москве. Но все это он делал с одной целью — выиграть время и совершить побег.

Однажды при посещении бани Павловский незаметно вынул из стены слабо державшийся кирпич, обернул его полотенцем и при выходе ударил конвойного в лоб, рассчитывая оглушить его, втащить в раздевалку и бежать, переодевшись в его форму. Но конвойный стал громко звать на помощь. Сбежались бойцы. Павловский вынужден был вернуться в раздевалку. Бойцы охраны опасались заходить туда. В это время появился Григорий Сыроежкин.

— Что случилось? — спросил он.

Да вот, арестованный Павловский ударил меня. Григорий открыл дверь и вошел в предбанник.

И столько силы и уверенности было в нем, что Павловский

покорно поднялся и поплелся в камеру.

Это был важный психологический момент в деле. С этого дня он стал давать развернутые показания, рассказывать о себе, называть имена бандитов, давать правдивые сведения о ближайшем окружении Савинкова.

Руководитель операции Вячеслав Рудольфович Менжинский решил еще раз проверить действенность легенды о существовании ЛД и выяснить, нет ли где-либо уязвимых точек, тем более что угроза разоблачения «игры» существовала не только со стороны Савинкова. Польская разведка, ее представитель в Вильно капитан Секунда были достаточно серьезными противниками. Нельзя было исключить, что, имея агентуру на территории нашей страны, они могли подвергнуть перепроверке доставляемые им от имени ЛД документы, в частности касающиеся военных дел.

Сыроежкин получил от Менжинского и Артузова задание: под фамилией Серебрякова пересечь польскую границу, в Польше выйти на польскую разведку и от имени ЛД передать ей очередную партию дезинформационных документов, а для Савинкова докладную записку Леонида Шешени. Сыроежкин осознавал сложность и опасность задания, понимал, что обстоятельства могут сложиться не в его пользу.

Границу он пересек без труда. С нашей стороны был надежный переправочный пункт, которым руководил старый чекист Ян Крикман, а с польской — пограничной охраны, по существу, не было, ее заменяли местные кулаки, сотрудничавшие с жандармерией. На хутор одного из таких кулаков Григорий и вышел. Хозяин, верный своей службе, сразу же отправил его на пограничную заставу. Там Григорий заявит, что ищет связи с офензивой.[16] Начальник заставы не стал ни о чем расспрашивать и послал его в Вильно, где офицеры польской разведки встретили Григория и поместили в гостинице.

Однажды на оживленной улице к нему подбежал человек.

— Гриша, друг! — закричал он и бросился обнимать Сыроежкина.

Григорий с трудом узнал его: это был Стржелковский, тот самый, который в 1919 году возил в трибунал арестованных из тюрьмы. Но тогда он имел лихой кавалерийский вид, а сейчас перед Григорием стоял старик, заросший, опустившийся, с испитым лицом, в потертом, засаленном пальто.

— Гриша! — Стржелковский заплакал. — И ты здесь! Вся старая гвардия собирается, все друзья!

Сыроежкин никогда не считал себя другом Стржелковского, а сейчас особенно. Мозг его лихорадочно работал: «Оттолкнуть,

сделать вид, что я это не я? Не выйдет, слишком уж он вцепился в меня. Бежать? Но таким образом я провалю всю операцию, так тщательно налаженную».

А Стржелковский между тем тащил его в пивную и просил угостить старого друга, у которого сегодня, как на грех, не было денег. Пришлось зайти.

Стржелковский рассказал, что после гражданской войны переселился в Польшу, но и здесь несладко: отовсюду гонят, работы нет. Григорий, в свою очередь, изложил ему наспех придуманную историю о том, что давно разочаровался в Советской власти, порвал с ней, решил уйти к «зеленым», попросту в банду.

Расстались вроде бы по-хорошему, даже договорились о новой встрече, но Сыроежкин понимал, что так просто это дело не кончится.

Действительно, вскоре его задержали и доставили в полицию. Там уже находился Стржелковский. Григорий ожидал этого и продумал линию поведения. Он разыграл «оскорбленную невинность», стал кричать, что Стржелковский — пьяница и кокаинист, рассказал, что они подрались во время службы в Красной Армии, из-за чего Стржелковский и сводит с ним личные счеты.

Зная Стржелковского с самой отрицательной стороны, полицейские поверили Сыроежкину, отпустили и даже извинились перед ним. Конечно, здесь имело значение и то, что он представлял солидную «подпольную» организацию в СССР, которая снабжала «ценной разведывательной информацией» разведку панской Польши.

Встреча Сыроежкина-Серебрякова с капитаном Секундой прошла благополучно. Секунда выразил удовлетворение информацией (она была ему передана сразу же по прибытии Сыроежкина) и принес извинения от имени польских властей за недоразумение с полицией.

Кроме свидания с Секундой, у Григория было еще одно дело: он передал Фомичеву письмо Шешени для Савинкова.

Вернувшись в Москву, Сыроежкин доложил обо всем случившемся. Конечно, его сообщение вызвало определенное беспокойство, но выхода не было — операцию следовало продолжать.

Вскоре Фомичев по заданию Савинкова вторично прибыл в Москву с целью еще одной проверки деятельности. Л.Д. Павловский вынужден был согласиться играть роль активного члена организации. Было созвано «совещание» с участием Фомичева, Павловского и чекистов — «членов ЛД». На совещании

обсуждался вопрос о поездке Павловского на юг. По сценарию, разработанному Артузовым, Сыроежкин на этом совещании играл роль человека, выступающего против поездки Павловского. Однако обстоятельства сложились так, что «отговорить» того не удалось.

Был разыгран отъезд Павловского. Фомичев проводил его на вокзал, усадил в вагон и стоял на перроне, пока поезд не скрылся.

На перегоне Москва — Серпухов Павловский пытался выпрыгнуть в окно, и только благодаря своей недюжинной силе Сыроежкин, негласно сопровождавший Павловского, сумел взломать дверь и предупредить побег.

Так как Савинков требовал, чтобы Павловский сам приехал за ним, пришлось инсценировать ранение Павловского во время попытки экспроприации поезда. Фомичев увидел Павловского, перевязанного бинтами, ослабевшего, и о его прискорбном состоянии вынужден был доложить Савинкову по возвращении в Париж. Однако скорый отъезд Фомичева не входил в планы чекистов. Под различными предлогами его задержали.

А тем временем в Вильно вновь был направлен Сыроежкин-Серебряков. Чекисты шли на риск, посылая его во второй раз: он ведь мог находиться на подозрении у польской контрразведки и рисковал жизнью. Но с другой стороны, это была и отличная проверка — если все сойдет благополучно, значит, поляки верят и Сыроежкину, и представляемой им организации. А это было важно, когда операция вступала в решающую фазу: в Париж под видом одного из «руководителей ЛД» должен был ехать вместе с Фомичевым чекист Федоров, чтобы окончательно склонить Савинкова к поездке в СССР.

План поездки Сыроежкина был тщательно разработан, предусматривались все варианты, которые могли возникнуть в ходе его осуществления.

Впоследствии руководитель операции А.Х. Артузов писал: «В нашем деле нельзя и бесполезно идти напролом. Вот и приходится неотступно думать… как сберечь от провала того, кого посылаю „туда“ на беспощадное и безоговорочное одиночество».

Сыроежкин-Серебряков доставил через границу два пакета. В одном из них находились письма Павловского Савинкову, в другом — фотокопия секретного приказа народного комиссара по военным и морским делам о проведении маневров вблизи польской границы. Этот «приказ» по просьбе руководства ОГПУ был специально разработан в Наркомвоенморе, и на нем имелись все служебные пометки и индексы, которые должны были быть на подлинном документе.

Сыроежкин снова пересек границу с помощью Яна Крикмана. До Вильно добрался без происшествий. Но там его ждала неприятная неожиданность. Вместо щеголеватого и неглупого, но несколько поверхностного капитана Секунды его встретил другой офицер, капитан Майер. Внешне флегматичный и недалекий, он был цепким и жестким разведчиком.

Но ничего особенного не произошло. Он принял Сыроежкина-Серебрякова так же вежливо, как капитан Секунда, может быть, чуть-чуть более официально. Сыроежкин передал ему привезенные материалы. Когда Майер ознакомился с приказом, его глаза загорелись радостью. Он поверил, что ему привезли подлинный документ. Поэтому на намек Григория об оплате за полученные сейчас и ранее сведения капитан, не колеблясь, положил перед ним тысячу долларов.

— Только распишитесь, пожалуйста, вот здесь, господин Сыроежкин, — учтиво улыбаясь, сказал он.

«Откуда он знает мою настоящую фамилию? — внутренне вздрогнул Григорий, — ведь я для него Серебряков». Потом тут же сообразил: «Это все Стржелковский, гад! Ну да ничего, я ведь не таил перед ними, что когда-то работал в трибунале, а потом ушел в подполье. Провоцирует или просто показывает свою осведомленность? Если первое, то сейчас ему конец, застрелю и буду прорываться». Он закашлялся, левой рукой полез в карман, будто бы за платком, нащупал там сталь пистолета. Путь отступления Григорий приметил, когда шел в канцелярию офензивы.

Я уж и забыл то время, когда Сыроежкиным был, — спокойно сказал он. — И называть меня так — это большой грех, пан капитан, я от той жизни давно отказался.

— Да я просто так сказал, пан Серебряков, у нас здесь записано, вот и я…

— Обижаете, пан капитан, — вздохнул Григорий, — где здесь расписаться? — И аккуратно расписался: Серебряков.

Майер не возразил и любезно согласился переслать Савинкову пакет с письмами Павловского.

В тот же день Григорий отправился на границу.

В буржуазной Польше разведка и контрразведка не дружили. Поэтому, когда офензива стала получать от ЛД «ценную» информацию, она захотела сохранить за собой и ее источники и курьеров, ее доставляющих. Скорее всего именно из-за этого разоблачениям Стржелковского и не был дан ход — офензива не хотела терять богатейших возможностей, появившихся у нее, и отдать козыри в руки соперничающего ведомства.

В Москве Сыроежкин отчитался о результатах своей поездки

Артузову, а затем и Менжинскому. Состояние дел по «Синдикату-2» было доложено Феликсу Эдмундовичу Дзержинскому. По его указанию заместителем начальника Контрразведывательного отдела ОГПУ Р.А. Пилляром был подготовлен рапорт, в котором говорилось:

> «…Тов. Сыроежкин Григорий Сергеевич… принимал активное участие в разработке дела Савинкова, неоднократно рискуя жизнью.
>
> Состоял официальным сотрудником ОГПУ, посылался неоднократно в Польшу. Во время поездок чрезвычайно рискованно проявил огромную находчивость и смелость.
>
> Лишь благодаря этому ему удалось избежать почти неминуемого ареста, влекшего за собой неминуемый расстрел ж провал разработки дела.
>
> Ходатайствую о награждении его орденом Красного Знамени».

Операция вступила в завершающую фазу. После возвращения Сыроежкина из Польши, когда чекисты убедились в том, что противник ничего не подозревает, можно было направлять Федорова и Фомичева в Париж для доклада о «ранении» Павловского, невозможности его выезда из России в ближайшее время и о необходимости приезда в Москву Савинкова для руководства «организацией». Об этом же говорилось и в письме Павловского на имя Савинкова, которое вез с собой Федоров.

В июле 1924 года Федоров и Фомичев прибыли в Париж.

Савинков принял их любезно, выслушал отчеты о положении в московских организациях, в их присутствии прочитал письмо Павловского, после чего заявил, что твердо решил ехать в Москву.

В ночь на 15 августа Савинков и люди, сопровождавшие его, перешли советско-польскую границу. Их уже ожидали чекисты. Они представились «вождю» как члены «московской организации», способствовавшие «нелегальному переходу через границу группы Савинкова». Затем доставили его в Минск на «конспиративную квартиру». Во время ужина Сыроежкин сел рядом с Савинковым на случай, если тот вдруг вздумает сопротивляться. Один из чекистов поднялся из-за стола и заявил:

— Вы арестованы!

Ни малейшей попытки сопротивления со стороны Савинкова.

— Вы победили, — сказал он, — я в ваших руках. На другой день арестованные были в Москве. Провал Савинкова нанес серьезный удар по белогвардейским организациям и иностранным разведкам.

Заслуги чекистов были высоко оценены Советским правительством. Президиум ЦИК Союза ССР 5 сентября 1924 года наградил орденом Красного Знамени В.Р. Менжинского, А.П. Федорова, Г.С. Сыроежкина, Н.И. Демиденко, С.В. Пузицкого и Р.А. Пилляра.

Почти одновременно с «Синдикатом-2», хотя и значительно дольше — с 1922 по 1927 год — проводилась и операция «Трест»,

В конце 1921 — начале 1922 года в органы ОГПУ поступили данные о существовании подпольной антисоветской «Монархической организации Центральной России» (МОЦР). Несколько ее участников были задержаны. Из их показаний выяснились задачи, цели, силы МОЦР, ее связь с заграничной контрреволюцией. Организация была ликвидирована, но никаких сообщений в прессе об этом не появилось, и огласки этот факт не получил.

Руководители ОГПУ решили использовать уже не существующую МОЦР для проникновения в зарубежные контрреволюционные центры. Так родилась знаменитая операция, получившая условное наименование «Трест».

Ее вдохновителем был Ф.Э. Дзержинский, непосредственными руководителями и исполнителями Менжинский и Артузов и их славные помощники: Стырне, Пилляр, Пузицкий, Сыроежкин и другие.

Разработанная чекистами «легенда», подбор участников, распределение ролей и все другие детали были так тщательно продуманы, так четко проводились в жизнь, что в «Трест» поверили претендент на русский престол великий князь Николай Николаевич и отъявленный монархист генерал Кутепов, бывший член Государственной думы, принимавший отречение Николая II, Шульгин и эсер Бунаков, бывшие министр внутренних дел Рогович и директор департамента полиции Климович, «обладавший нюхом полицейской ищейки», бывший министр Коковцев и множество других «томящихся» в эмиграции белогвардейцев. Они видели в «Тресте» силу, способную, по их мнению, свергнуть Советскую власть в России.

Но в существование «Треста» поверили не только монархические эмигранты, а и прожженные международные авантюристы Савинков и Сидней Рейли. Последний заслуживает того, чтобы сказать о нем несколько слов.

Проведя бурную, полную похождений жизнь, он сразу же после Октябрьской революции подключился к активной борьбе против Советской власти. За участие в заговоре Р. Локкарта в 1918 году был заочно судим, и суд постановил: объявить Рейли

врагом трудящихся, стоящим вне закона РСФСР, и при первом обнаружении в пределах территории России расстрелять.

Услышав о появлении такой организации, как МОЦР, Рейли в апреле 1925 года, уже после ареста и осуждения Савинкова, направил в адрес МОЦР письмо, в котором давал рекомендацию перейти к тактике активных действий, решительным мерам борьбы с Советской властью, вплоть до проведения террористических акций против руководителей Коммунистической партии и Советского правительства. Письмо оказалось в руках чекистов.

Узнав о намерениях врага, Ф.Э. Дзержинский дал указание А.Х. Артузову принять все меры к выводу Рейли на территорию СССР и его аресту.

Было принято решение, чтобы «Трест», помимо основной задачи, которую он выполнял по борьбе с контрреволюционными монархическими эмигрантскими организациями, выполнил еще одну — послужил бы приманкой для Рейли.

Это было нелегко. С одной стороны, Рейли хотелось побывать там, где проходит передняя линия борьбы с большевиками, тем более что белоэмиграция, как он считал, обессилела, и рассчитывать можно только на внутренние контрреволюционные силы. К тому же британская разведка заинтересована в его поездке — она хочет получить сведения из первых рук.

Но, с другой стороны, Рейли помнил, что над ним висит вынесенный ему смертный приговор. Свеж в памяти был и провал Савинкова. Все же, подогреваемый честолюбием, а также представителями «Треста», он склоняется к поездке, хотя еще ж не решил окончательно.

В середине сентября 1925 года он приезжает в Гельсингфорс. Там его встречают Бунаков — белогвардейский «посол», в прошлом известный эсер, поддерживающий длительное время связи с Интеллидженс сервис, и племянница Кутепова Мария Захарченко-Шульц. Эта отчаянная женщина, яро ненавидевшая Советскую власть, набрасывается на Рейли. Сама не зная и не желая того, она. играет на руку чекистам:

— У «Треста» есть надежное «окно» на границе. Через него провели родного брата Бунакова и брата самого Врангеля. Я сама несколько раз ходила через это «окно». Неужели вы, джентльмен, о храбрости которого ходят легенды, окажетесь трусом?!

— Она говорит ему, что МОЦР нуждается в контролере, в человеке, который был бы для этой организации генератором идей и действий.

В Гельсингфорс прибыл и Якушев, один из «руководителей „Треста“, работавший по заданию чекистов. Он тоже говорит о

надежности „окна“, о целесообразности визита в СССР.

Рейли принимает решение. Вечером 25 сентября он со своими спутниками, проводившими его через границу, был на станции Куоккала. В половине двенадцатого ночи они отправились пешком к Сестре-реке. В ночной темноте на другом берегу замаячила фигура. Обменялись условными сигналами. Их встретил начальник погранзаставы чекист Тойво Вяхи, исполнявший роль содержателя „окна“ на советско-финской границе.

На станции Парголово Тойво Вяхи усадил Сиднея Рейли в транзитный поезд. В купе его уже ожидали Якушев, который пересек границу легально, и „рядовой член МОЦР Щукин“, роль которого исполнял Сыроежкин. Артузов и Пузицкий решили, что Григорий лучше других справится с ролью „Щукина“ и к тому же сможет быстро утихомирить Рейли, если тот вздумает „бунтовать“.

Сыроежкин-„Щукин“ вручил Рейли паспорт на имя Штейнберга. Пока поезд шел от Парголово до Ленинграда, Рейли немного обсох и отогрелся, а принесенный „Щукиным“ коньячок привел его в разговорчивое и благодушное настроение.

В Ленинграде „Щукин“ отвез Рейли на специально подготовленную квартиру, которую выдал за свою. Рейли принял ванну, побрился, немного отдохнул и был готов действовать. Днем в квартире побывал „Старов“ — чекист, который был представлен Рейли как рабочий, депутат Моссовета. Присутствовал и монархист Мукалов, эмиссар Врангеля. Вечером выехали в Москву. В одном из двухместных купе ехали Якушев и Рейли, в другом — Сыроежкин и Мукалов.

В Москве Рейли встречали „деятели“ МОЦР. Все они были сотрудниками ОГПУ. Гостя отвезли на дачу в Малаховку, где было инсценировано заседание политического совета МОЦР. Рейли обсудил с „членами совета“ политическую ситуацию в стране и в мире, планы активизации работы МОЦР, вопросы двусторонних контактов с английской разведкой.

Когда речь зашла о финансовой помощи, Рейли заявил, что на поддержку англичан сейчас рассчитывать нельзя. У них свои проблемы. Он предложил другое: организовать „экспроприацию“ и сбыт на Западе художественных ценностей, хранящихся в советских музеях, я тут же написал, что именно может представить интерес.

Рейли предложил еще один способ добычи денег — активное сотрудничество с английской разведкой. „Ее, — говорил он, — прежде всего интересуют сведения о Коминтерне, даже если они фальшивые“.

Сыроежкин присутствует на совещании в качестве „боевика“. После совещания все торопятся в Москву: Рейли надо успеть на вечерний поезд. Чекисты решили арестовать его в машине. Однако по дороге происходит непредвиденная, но приятная для чекистов остановка: по просьбе Рейли они заезжают на квартиру одного из сопровождающих, где Рейли пишет открытки своим друзьям в Германию и США. Как же — надо похвалиться, что он связывается с ними из самого большевистского логова, из Москвы. А чекистам в этом двойная польза: узнать, кому и что он пишет, и подтвердить легенду надежности „Треста“.

В машине с Рейли едут Пузицкий, Стырне и Сыроежкин. Мелькают московские улицы, дома, перекрестки. Один поворот, другой, третий и… машина въезжает во двор ОГПУ.

5 ноября 1925 года был приведен в исполнение приговор, вынесенный в 1918 году.

Обе операции — „Синдикат-2“ и „Трест“ — были осуществлены небольшим количеством чекистов, которые к тому же систематически отвлекались на проведение других заданий.

Так было и с Г.С. Сыроежкиным, который, хотя и работал в основном по делам „Синдиката-2“ и „Треста“, но выполнял и ряд других важных поручений. Это была борьба с остатками бандитских формирований, которые в целях подготовки военной интервенции против СССР всячески использовали разведки капиталистических стран.

Одно из таких заданий, прямо относившееся к делу „Синдиката-2“, Сыроежкин выполнял в Белоруссии в 1924 году.

Обстановка в Белоруссии тогда была непростой. Классовая борьба обострялась. Кулаки искали новые средства наступления на Советскую власть: в одной из волостей они даже открыли и содержали на свои средства два сельсовета, чтобы не подчиняться сельсоветам бедняцких деревень. Классовой борьбе нередко придавался националистический характер, а близость панской Польши привносила в нее особую остроту. Из-за кордона забрасывались главари контрреволюционных организаций, шла их поддержка оружием и боеприпасами, были попытки создания повстанческих отрядов, которые, из-за отсутствия социальной базы выродились в шайки уголовных преступников. Однако их опасность от этого не уменьшилась — они были хорошо вооружены, мобильны, действовали методами дерзких налетов, при преследовании растворялись в лесах.

К их числу относился отряд Даниила Иванова, в составе которого совершил несколько бандитских рейдов помощник Савинкова полковник Павловский, когда прорвался на советскую

территорию. Иванов был тесно связан с савинковцами и одновременно служил польской разведке. Он несколько раз пересекал польско-советскую границу, месяцами отсиживался в Польше, спасаясь от преследования.

В мае 1924 года Иванов вновь перешел с бандой на территорию СССР в районе Столбцов. В „штабе“ банды было шесть человек, остальные жили по деревням. Банда стала совершать налеты на кооперативы, почтовые конторы; происходили стычки с чекистскими отрядами.

В Москве стало известно о деятельности банды. Ее надо было ликвидировать не только как любую другую банду, но и потому, что через нее могла осуществляться неконтролируемая связь между савинковцами, офензивой и их агентурой в нашей стране, что могло привести к провалу „Синдиката-2“, а ведь дело двигалось к благополучному завершению.

…Однажды Павловского вызвали на очередной допрос, и он по заданию Пилляра написал письмо к Даниилу Иванову.

Несколько дней спустя в деревню Лихачеве под вечер явился молодой человек, по виду заготовитель или кооперативный работник. Он, никого не спрашивая, направился к дому Шидловских — Павловский дал точное описание явочной квартиры и назвал пароль.

Сыроежкин постучал в окно.

Афанасий Шидловский, не открывая, глянул на пришедшего и пробурчал:

— Чаго тябе?

— Хозяин, козу черную часом не продаешь? -

— Чорная, не чорная, усе роуна малако белае.

— Вот ты-то мне и нужен, отворяй!

Хозяин впустил Григория, но вначале был не очень любезен — не потому, что не доверял, просто надоели ему все эти темные делишки, да и властей побаивался. Но приезжий оказался человеком простым и веселым — достал бутылку, столичных гостинцев детишкам, к тому нее хорошо, что был хоть не из-за границы, а из Москвы: все спокойнее. Сначала разговор вертелся вокруг да около. Потом приезжий сказал:

Мне нужно Даниила Яковлевича повидать. Письмо к нему из Москвы.

— Ну, — сказал хозяин, — эта можно. А можя, я передам?

— Нет, приказано только в собственные руки.

— У руки дык у руки. Ранак вечара мудраней. Лажысь.

Григорий лег спать на сеновале. Подложил револьвер под голову, пистолет сунул за пазуху.

— Ночью — слышно было — хозяин куда-то уходил: два раза

бухнула калитка. Наутро после завтрака Афанасий сказал:

— Вот што, Грыша. Я з табой не найду, а пра дарогу слухай.

Хозяин подробно рассказал, как и куда надо идти, и точно указал полянку, на которой Григорий должен был развести костер и ждать людей „оттуда“.

Григорий сделал все, как ему велели. Сидел у костра, наблюдая за тем, что делается вокруг. Но так и не заметил, как к нему сзади подошли трое и навалились. Скрутили, вытащили из кармана револьвер.

Ну, бандитская сволочь, попался?! — с угрозой спросил один. — Как, ребята, сейчас в расход пустим или к начальнику ГПУ товарищу Гаховичу отведем?

— А чего вести, — проворчал второй, — приказ есть задержанных с оружием в руках расстреливать на месте.

Сыроежкин знал о том, что начальником местного отдела ГПУ работает Гахович и что леса прочесываются группами чекистов. Но приказа расстреливать на месте лиц, задержанных хоть и с оружием, не было и быть не могло. Это его успокоило: проверка.

— Нечего с ним возиться, — сказал третий, — становись к дереву!

Сыроежкина привязали к дубу, отошли шагов на десять, прицелились.

— Ну, гад, признавайся, что в лесу делал?

— Стреляйте, чего там. Я чекистам не помощник, объяснять ничего не буду!

Бандиты пошептались, подошли к Сыроежкину, отвязали от дерева, но руки скрутили за спиной, завязали глаза и куда-то повели. Примерно через полчаса остановились, сняли повязку с глаз.

Григорий сразу узнал стоящего перед ним человека, которого хорошо представлял по красочному описанию, данному на допросе арестованным Герасимовым.

„Иванов Даниил, брюнет, высокого роста, смуглый, крепкого телосложения, с орлиным, вернее, бандитским взглядом, наводящим на многих ужас, бритый, усы большие, закручены кверху а-ля Вильгельм, около 30 лет“.

„Да, — подумал Григорий, — взгляд действительно не того…“

— Кто таков? С чем пожаловал? — спросил Иванов.

Барсуков Григорий, бывший прапорщик, с письмом полковника Павловского.

— Где письмо?

— Прикажите развязать руки…

Павловский писал Иванову, что тому необходимо приехать в Москву на съезд „Народного союза защиты родины и свободы“, а затем им вместе выехать на Кавказ: в Грузии действует большая организация, с помощью которой можно будет развернуть работу в более благоприятных условиях.

Сомнений в подлинности письма не возникало: Иванов знал почерк Павловского и его манеру выражаться. Дата стояла самая свежая — четыре дня назад.

Иванов бросил еще один свирепый взгляд на „Барсукова“ и сказал:

— Ладно, будем считать, что так. Рассказывайте, что в Москве нового.

За бутылкой самогона проговорили до позднего вечера. Сначала все шло хорошо, но потом Григорий стал замечать, что Иванов не расслабляется, а наоборот, становится напряженнее. Он даже бросил фразу:

— Вот смотрю, вы простой курьер, а слишком много знаете.

— А почему бы мне не знать? Я доверенное лицо самого председателя.

Однако что-то нарушилось в их доверительном разговоре. Иванов поскучнел и сказал, что хочет спать. Григория поместили в землянку, где всю ночь, сменяя друг друга, сидел кто-нибудь из бандитов. Утром Иванов сказал:

— Я в Москву не поеду. Григорий усмехнулся:

— Господин Павловский предвидел, что вы… так сказать… не очень… решительны.

Иванов при этих словах засверкал глазами. Григорий продолжал:

Он предложил, если вы будете осторожничать, послать двух других.

— Пусть едут, если захотят. Скороходов, Яковлев, в Москву поедете?

Те переглянулись, пошептались о чем-то, ответили:

— Если вдвоем, то можно…

— Имейте в виду, там может быть и ловушка. Едете на свой страх и риск.

Отъезжающим заполнили документы на бланках, полученных в польской офензиве. „Барсуков“ сообщил явочный адрес в Москве: Арбат, Собачья площадка…

Перед уходом Григорий потребовал возвратить револьвер и на прощанье сказал:

— Плохо своих людей готовите, господин Иванов у меня ведь второй пистолет так никто и не отобрал!

Отъезжающие отправились в путь. А спустя пару недель до

Иванова дошла весть о поимке Савинкова. Потом стало известно о суде над Яковлевым и Скороходовым, об аресте связников и людей банды в окрестных деревнях.

С оставшимися бандитами Иванов бежал в Польшу, где рука советского закона настигла его через пятнадцать лет — в 1939 году, после освобождения Западной Белоруссии.

В те тяжелые времена чекистам редко приходилось отдыхать, на этот раз Григорию повезло. 17 июля 1925 года он отправился в родную деревню в долгожданный отпуск. Привез гостинцы родным. Отец довольно улыбался, натягивая новенькую косоворотку, а мать была несказанно рада не подарку — красивой расписной шали, — а тому, что ее первенец, ее Гришенька, живой и здоровый, снова подле нее после долгих лет разлуки. И не просто живой, а с орденом боевого Красного Знамени, которого в деревне ни у кого не было. Деревенские старики подолгу рассматривали орден, судили, важнее он, чем „Егорий“, или нет. Пришли к выводу, что важнее. За что получил его, Григорий не говорил, отмалчивался или отшучивался.

Мать, утирая слезы, с гордостью смотрела на Гришу — каким большим человеком стал! Да и младший, Константин, тоже в люди вышел — в самом Ленинграде в пожарной охране служит!

Григорий надел орден только дважды: когда отмечали приезд и проводы. Остальное время ходил как все, и трудно было отличить его от других деревенских парней. Косил, таскал воду, поливал огород, помогал отцу чинить крышу и забор; раз даже попробовал подоить корову. Не далась, опрокинула ведро.

Долгие летние вечера проводил с девчатами, пел песни, плясал под гармошку, ходил гулять за околицу… Многие матери уже намекали Агафье Кирилловне, что хорошим женихом был бы Гриша для их дочерей…

Но отпуск пролетел быстро. 18 августа Сыроежкин вернулся в Москву, и в тот же день ему вручили командировочное предписание и билет на скорый поезд Москва — Грозный.

— Суть задания узнаешь на месте, — сказал Пузнц-кий. — Временно поступаешь в распоряжение полномочного представительства ОГПУ по Северо-Кавказскому краю.

Верный своей привычке предварительно разобраться в той обстановке, в которой ему придется действовать, Григорий берет в поезд книги и брошюры о Кавказе, узнает много нового для себя.

Советская власть на Северном Кавказе была установлена несколько позднее, чем в Центральной России. Сказались особенности и уровень развития края — экономическая и

политическая отсталость, забитость, нищета и разобщенность горских народов, их разноплеменность, разноязыкость и подверженность влиянию реакционной идеологии кавказского мюридизма.

Многие годы после революции на Северном Кавказе действовали кулацкие банды, Они нападали на предместья Грозного, на нефтепромыслы и поезда, убивали советских работников, учителей, женщин. Существовала кровная месть. Народ устал от бандитов, в руках которых скопилось огромное количество оружия.

Бандитизм в этом районе отличался особой живучестью: бандиты прекрасно знали район своих действий, имели налаженную разведку и связь, источники комплектования и снабжения всегда находились под боком. Им не нужен был обоз, они уклонялись от серьезных столкновений, нападали внезапно, а при отступлении разбегались в разных направлениях.

Одними лишь вооруженными силами справиться с бандитами было трудно. Кроме войсковых частей, активно действовали чекисты, местные ревкомы, Советы, — органы милиции, велась политико-разъяснительная работа. Местное население привлекалось к действиям против банд; регулярно устраивались встречи городского населения с жителями аулов, совместные празднества, соревнования, организовывалась кооперативная торговля.

В августе — сентябре 1925 года была осуществлена хорошо подготовленная операция по разгрому и разоружению кулацких банд.

Сыроежкин был направлен оперативным сотрудником в группу Курского, которая являлась составной частью военного отряда комдива Козицкого. В задачу отряда входило разоружение назначенного ему района и ликвидация баз опасных бандитов Гоцинского и Ансалтинского и их активных пособников.

Операция проходила в очень трудных условиях не только из-за гор и почти полного бездорожья — это ни для кого не было неожиданностью, но и из-за почти непрерывных ливневых дождей, зарядивших почти с первого ее дня.

Чекистам досталось самое опасное — разведка. Конечно, если бы им не помогали бойцы местной самообороны, было бы намного труднее. Каждый участник операции и каждый местный житель понимал, что она ведется не против чеченского народа, что она, по сути, носит классовый характер, и поэтому многие бедняки и середняки стремились внести свою лепту в ликвидацию ненавистных и опостылевших всем бандитов. Но было немало и их сторонников — то ли по родовому или

племенному, то ли по религиозному или имущественному признаку…

…Небольшой смешанный отряд — два чекиста (один из них чеченец Ибрагимов) и два местных комсомольца — приближался к затерянному в горах аулу. Надо было попытаться через местных жителей выяснить места укрытия бандитов.

Сыроежкин отлично сидел в седле — сказались цирковые уроки джигитовки и служба в кавалерийском полку. Дорога шла в тумане, но где-то уже чувствовался аул — беспорядочный лай собак, запахи утренних дымков и кизяка, крики петухов. Едва въехали в аул, дождь как по заказу прекратился, туман рассеялся, солнце осветило сакли. Население высыпало на площадь. Отряд спешился. Вежливо поздоровались с подошедшими стариками, которые молча разглядывали приезжих. Ибрагимов и один из комсомольцев сразу же куда-то исчезли — у них были здесь свои дела, а Сыроежкин через комсомольца-переводчика стал беседовать со стариками. Знал закон гор — не спешить, не показаться назойливым в вопросах, проявлять уважение.

Вскоре вернулся Ибрагимов с известием: где-то невдалеке скрывается опасный бандит. Настроение в ауле неплохое, крестьяне могли бы помочь в его задержании. Сыроежкин посовещался с товарищами и решил: нужно хорошо поговорить с людьми, поближе познакомиться — ведь многие из них впервые видели воинов Красной Армии, провести политбеседу, подружиться, организовать, как говорилось тогда, смычку.

Ибрагимов поговорил со стариками. Те согласно закивали головами и отдали какие-то распоряжения. Некоторое время спустя собрались почти все жители аула.

Сыроежкин и Ибрагимов выступили с короткими речами. Обрисовали общее положение, рассказали о смысле и сути проводимой операции. Выстудили председатель аульного Совета и еще два крестьянина. Они просили помощи в создании школы, кооператива, дорог. Одна женщина, осмелев, выступила с просьбой об организации больницы.

Потом молодежь показала искусство джигитовки. Не удержался и Григорий — он, правда, не был лучшим, но участие в играх сразу сблизило его с горцами.

После конных состязаний началась борьба. Григорий решил выступить и тут. Он без труда уложил на лопатки двух соперников и во время перерыва вдруг заметил стоявшего невдалеке высокого чеченца, показавшегося необыкновенно знакомым. „Неужели это тот самый Бек, который сломал мне руку в тифлисском цирке?“ — подумал. Григорий. Веселая злость охватила его. Он призывно махнул рукой: „Иди, мол, сюда!

Поборемся!“ Бек, узнавая или не узнавая его, подошел. За десять прошедших лет он отяжелел еще больше, как-то обрюзг.

Когда крестьяне увидели приближающегося Бека, по толпе пронесся легкий шепот, потом все замолкли. Бек снял черкеску, положил ее на камень и вошел в круг.

Началась борьба. Григорий сразу же почувствовал крепкого противника, но одновременно понял, что он сильнее. Мстить он не собирался — ему надо было лишь, чтобы лопатки Бека коснулись ковра. И через несколько минут это произошло. Толпа взвыла от восторга: оказалось, что все „болели“ за Григория.

Бек медленно поднялся, с ненавистью глядя на победителя, подошел к камню, медленно одел черкеску и вдруг, выхватив револьвер, выстрелил в Григория, воскликнув:

— Умри, гаски[17] проклятый!

К счастью, пуля пронеслась мимо. Бек побежал к стоявшему неподалеку коню.

— Нохчий, нохчий[18] что же это делается?! — закричали кругом. — Он нарушил закон гостеприимства! Догнать его! Догнать! — кричали старики. Джигиты на конях бросились в погоню.

Выяснилось, что Бек был правой рукой бандита, которого разыскивали чекисты. Догнать Бека не удалось: удирая от преследователей, он вместе с лошадью свалился в пропасть. Бандита же задержали сами жители аула еще до подхода регулярной части Красной Армии.

12 сентября 1925 года был издан приказ войскам СКВО об успешном завершении операции по борьбе с бандитизмом. Сыроежкин принимал участие в следственно-оперативных мероприятиях по делу Гоцинского и других, когда его срочно вызвали в Ленинград. Надо было „встречать“ Сиднея Рейли.

Зимой 1927/28 года Григорий Сыроежкин, как имеющий опыт борьбы с бандами, был командирован в Якутию. Прибыв в Управление, он взялся за архив. Судя по докладу, написанному Сыроежкиным после завершения операции, он тщательно изучил историю, географию, национальные и другие особенности региона, в котором предстояло действовать, архивные следственные и оперативные дела на участников белобандитского движения в Якутии.

Из документов было видно, что когда гражданская война в стране закончилась, в Якутии еще длительное время продолжали действовать белогвардейцы, которые после разгрома войск генерала Пепеляева выродились в бандитские шайки, вдохновляемые из-за рубежа. Более того, в 1927 году стали

поступать сведения о подготавливаемом белобандитами и их сообщниками восстании. Нити тянулись к иностранным разведкам.

В феврале 1928 года сформированный Сыроежкиным отряд прибыл в Якутск, где получил пополнение, проводников, собачьи упряжки и г. д.

Отряд Сыроежкина как в полном составе, так и разделенный на небольшие группы в суровых условиях Севера прошел в общей сложности несколько тысяч километров на лошадях, оленях и собаках. Только с 10 марта по 3 апреля он побывал в Моме, Абые, Алланхе, Казачьем и Среднеколымске. Были боевые столкновения, была предательская попытка завести отряд в протоку таежной реки на ломающийся лед под огонь вражеской засады. Однако из этих испытаний Сыроежкин успешно вывел свой отряд.

Но не только разрозненные банды, состоявшие из бывших белогвардейцев и кулаков, противостояли Сыроежкину. У него был серьезный и опасный противник, бывший кадровый офицер царской и колчаковской армий, некто Шмидт, не просто авантюрист по натуре, а резидент американской и японской разведок, тесно связанный и с белогвардейскими эмигрантскими „вождями“.

Осенью 1926 года, получив в Японии специальную подготовку под руководством американских инструкторов, Шмидт прибыл во Владивосток. Как только открылась навигация 1927 года, он на первом же пароходе направился в северный край. Из Охотска выехал в Якутию и сразу же, еще по дороге, приступил к созданию контрреволюционных организаций, вербуя в них наиболее активных участников прошлых бандитских выступлений — по принципу троек. Каждый из участников этих групп должен был, в свою очередь, вербовать лиц преимущественно из числа бывших бандитов, вести агитацию за отделение Якутии от Советского Союза.

„Имелось в виду, — писал в своем докладе-отчете Г.С. Сыроежкин, — подготовительной работой затронуть по возможности больше районов и привлечь к выступлениям коренное население. Затем объявить свержение власти, одновременно захватить пушнину и оружие в торговых факториях, а затем уже выслать представителей от „восставшего якутского народа“ за границу с соответствующей миссией“.

Шмидт действует вкупе со своими друзьями Аспером и Гинцем. Особенно он рассчитывает на поддержку в Эльгинском улусе, центре бандитских выступлений на Севере в прошлые годы. Шмидт выезжает туда, встречается с сотрудником

промкооперации Димовым и вручает ему шифрованное письмо от американского „друга“. Как показал впоследствии на допросе Димов, в письме говорилось о предстоящей войне иностранных государств с Советским Союзом, о подготовке как за границей, так и в Якутии к восстанию. Одновременно Шмидт передал Димову воззвание, которое следовало распространять среди местного населения. В нем восхвалялась Америка и тоже говорилось о скорой воине. После переговоров со Шмидтом Димов согласился примкнуть к его организации. Он доложил об обстановке в Эльгинском улусе.

По его словам, здесь имелась уже вполне оформившаяся повстанческая группировка во главе с бывшими руководителями выступлений на Севере в 1922–1923 и 1925 годах. Ее участники, будучи информированы о предстоящем антисоветском выступлении в центре Якутии, спешно подготавливали мятеж.

После отъезда Шмидта Димов собирает совещание. Обсуждаются вопросы об организации отряда, его тактике и т. д. Один из руководителей группировки Орлов настаивал на проведении индивидуального террора против коммунистов. Другой же лидер группировки — Василий Ефимов (бывший начальник белого штаба на Севере) разработал план организации из числа наиболее „надежных якутов“ „красного“ отряда с тем, чтобы предупредить возможную посылку из Центра на Север советских войск, а затем в нужный момент использовать этот отряд для борьбы с Советской властью.

К началу 1928 года к организации Шмидта примкнул ряд новых лиц, в основном, бывших белогвардейцев. Организация развернула свою деятельность, разослала резидентов, в частности, в Колымск, где уже активно действовал бандит Степан Иванов, поддерживавший связь с оймяконской группой. Были назначены уполномоченные организации, которым поручалось руководство выступлением, была полностью проведена подготовка к захвату пушнины и оружия, захвату шхуны и т. д. Распускались слухи о конфискации Советской властью оленей у местного населения.

В конце 1927 года Шмидт с целью легализации своего положения и привлечения к антисоветскому выступлению по возможности большего числа лиц организовал „Кооператив северных охотников“, председателем которого он был избран. Ближайшие его помощники устроились на службу в систему торговли и под видом кредитования промышленников снабжали всем необходимым организацию Шмидта.

Оставалось выбрать время мятежа. Имея в виду исключительную трудность передвижения по Северу весной и

летом, а следовательно, рассчитывая на то, что красные части не сумеют прибыть из Центра для ликвидации выступления, Шмидт решил дождаться весны 1928 года, а тогда уже объявить „Советскую власть свергнутой“. По договоренности с бандитами антисоветское выступление окончательно было назначено на апрель 1928 года, после чего три-четыре представителя должны были захватить шхуну „Пионер“ и выехать на ней в Америку.

Но на пути Шмидта стал Григорий Сыроежкин. Союзников ему надо было искать среди якутских и русских бедняков. Вскоре он имел надежных помощников из местного населения. Удивительно, как, не зная языка, через переводчика он умел находить то общее, что объединяло его с якутами, эвенками, эвенами.

Местные чекисты и добровольные помощники представили Сыроежкину подробную картину. Стало ясно, что откладывать арест заговорщиков нельзя. Это было нелегко сделать: селения были разбросаны на сотни километров, но слухи каким-то непостижимым путем распространялись очень быстро. Поэтому и без того небольшой отряд пришлось разбить на несколько групп по два-три человека, чтобы операцию произвести одновременно.

Арест Шмидта Сыроежкин взял на себя. Предварительно он обзавелся документом, удостоверяющим, что он является инспектором-ревизором и ему поручается ревизия кооперативов в Верхоянском, Булунском и Среднеколымском районах. Только так он мог беспрепятственно проникнуть к Шмидту.

От местных чекистов Григорий знал, что фактория Шмидта представляет собой рубленый дом из вековых лиственниц, окружена высоким забором из крепких, заостренных кверху бревен. Было ясно, что если бы пришлось штурмовать эту крепость в открытую, без серьезного кровопролития не обошлось бы. Тем более что Шмидт всегда держал при себе трех-четырех телохранителей. Надо было действовать иначе…

Однажды апрельским утром к Шмидту из соседнего кооператива приехал якут. Это был Семен — один из добровольных помощников Сыроежкина. Семен рассказал, что в их кооперативе уже несколько дней работает ревизор.

— Оченно болшой человек. С милиционером приехал, ругается, кричит, всех, однако, говорит, посажу. Но моя председатель велел передать, с ревизором договориться можно, спирт любит, водка любит, меха любит. Через два дня ваша фактория будет.

Шмидт ухмыльнулся: „Ладно, мол, встретим“, и велел налить Семену стакан спирта.

Через два дня к поселку подъехала оленья упряжка. Было

утро, но вместо криков петухов селение будил лай голодных, требующих пищи псов. Сыроежкина сопровождали его надежный друг, чекист Горбатенко, „игравший“ роль милиционера, и проводник — якут Ипатов, на которого тоже можно было положиться.

Шмидт принял гостей любезно, хотя и без подобострастия. Григорий вел себя очень сурово — от завтрака отказался, заявил: „У нас свое есть“, сразу же потребовал бухгалтерские документы, потом отправился на склад. Ни о чем не спрашивал, все что-то записывал в книжечку. Шмидт начал волноваться: „Вдруг да обнаружит что-нибудь, и слечу я с этой должности“. Стал подумывать о том, что края, мол, обширные и суровые, и ревизор вполне может затеряться, особенно если ему „помочь“. Но, вспомнив предупреждение соседнего председателя, воспрял духом: „Подождем до ужина!“

Григорий хотел и на ужин не идти, но подумал: „Не перегнуть бы палку“ — и согласился принять приглашение Шмидта отведать „чем бог послал“. Прислуживали кряжистые угрюмые дядьки с бородатыми разбойничьими физиономиями. За ужином Григорий „оттаял“ и стал более разговорчивым. Им обоим было что скрывать друг от друга, но в рамках дозволенного они стали рассказывать истории „из своей жизни“, большей частью выдуманные.

На другой день все повторилось, и к вечеру они стали „друзьями“, называли один другого Гриша и Вася. Утром Сыроежкин не глядя подмахнул акт, составленный бухгалтером кооператива. Прощаясь, отказался от „посошка“ на дорогу, сказал: „Вася, ты мне друг? Так в нашей местности, откуда я родом, принято что хозяин своего дорогого гостя до околицы провожает и там пьют посошок. Поехали!“ Шмидт с радостью согласился — скорее бы уезжал „дорогой гость“. До околицы было рукой подать, и Шмидт сел на нарты Сыроежкина, не взяв с собой никого из телохранителей. В факторию он, конечно, уже не вернулся.

Успешно прошли аресты и других заговорщиков. Захват шхуны был сорван. Арестованные были отправлены в Среднеколымск. Шмидт и другие главари заговора, изобличенные признаниями рядовых заговорщиков, вынуждены были дать развернутые показания и подтвердить частично уже известные данные о своем сотрудничестве со специальными службами США и Японии и о планах отделения Якутии от Советского Союза.

По дороге в Среднеколымск Шмидт, понимая, что его участь предрешена, сделал отчаянную попытку побега. Ночью на одной из стоянок, воспользовавшись ослаблением бдительности

часового, он напал на командира взвода Рогова, пытаясь обезоружить его и бежать. В происшедшей схватке Шмидт был убит.

С ликвидацией организованного бандитизма в Якутии оставались лишь бандиты-одиночки, которых постепенно вылавливали местные чекисты.

В июле 1928 года после окончания работы в Среднеколымском округе отряд Сыроежкина совместно с арестованными отправился на пароходе „Колыма“ по Ледовитому океану к устью реки Лены. Вскоре пароход попал в сплошные льды. С трудом удалось вырваться, но пришлось возвратиться в Среднеколымск. Оттуда отряд с арестованными двумя партиями выехал в Якутск.

В 1929 году произошел советско-китайский конфликт, известный как „конфликт на КВЖД“.

Китайско-восточная железная дорога (КВЖД) кратчайшим путем связывает Сибирь с Дальним Востоком. Ее длина 2555 километров, и проходит она по территории Маньчжурии. Построена в 1889–1903 годах и формально принадлежала Русско-Китайскому (впоследствии Русско-Азиатскому) банку, но фактически ее владельцем было русское правительство. После Октябрьской революции и гражданской войны Китай признал права Советского правительства на эту дорогу. В 1924 году было подписано советско-китайское соглашение о принципах управления КВЖД. Советское правительство отказалось от каких-либо привилегий, дорога объявлялась чисто коммерческим предприятием. Его доходы и управление им находились в руках обоих государств.

В середине 20-х годов бесчисленные генеральские клики, за спиной которых стояли те или иные империалистические державы, рвали Китай на части. В Маньчжурии обосновалась милитаристская клика Чжан Цзолина, возглавившего прояпонское „мукденское правительмтво“.

Мукденская клика, подстрекаемая иностранными империалистами, с самого начала стала нарушать соглашение о режиме КВЖД. Неоднократно захватывалось железнодорожное имущество, совершались акты насилия над советскими служащими дороги. Свою лепту в конфликт вносили я белогвардейцы, осевшие в Маньчжурии.

Утром 10 июля 1929 года бело-китайские войска захватили телеграф КВЖД по всей линии, все советские торговые представительства были закрыты и опечатаны, советские служащие отстранены от работы. Их места заняли белогвардейцы.

Несколько сот советских граждан было арестовано.

Начались бандитские иалеты на советскую территорию, которые вскоре приняли систематический характер. В ночь и а 18 августа границу СССР перешли регулярные китайские части. Планировалось нанести внезапный удар, дойти до Байкала и перерезать Транссибирскую железную дорогу, взорвать на ней туннели, отрезав Советский Дальний Восток от остальной территории страны.

Советскому Союзу пришлось военными средствами очищать свою территорию от империалистических агрессоров. Сначала велись оборонительные бои, затем операции были перенесены и на территорию противника.

Сыроежкин в июле 1929 года находился в Забайкалье. Ему было поручено командовать одним из отрядов по ликвидации банд. В течение двух месяцев он участвовал в боях, ходил в тыл врага. Смелым налетом его отряд захватил мост и предотвратил взрыв, который готовили отступавшие части противника.

В ноябре 1929 года мукденсние войска были полностью разгромлены. Они понесли большие потери, а 21 ноября китайские власти обратились с просьбой о мирных переговорах.

Едва закончились события на КВЖД, как Сыроежкина ожидала командировка в Бурятию.

Строительство новой жизни осуществлялось здесь в чрезвычайно трудных условиях. Только в 1928 — 1929 годах была проведена земельная реформа. Она дала толчок к оживлению сельского хозяйства, но и привела к усилению классовой борьбы в деревне.

Крестьянство, особенно бедное, получив землю, сенокосные угодья от Советской власти, стало активно поддерживать ее политику. Кулаки, бывшие нойоны, нэпманы, ламы яростно выступали против коллективизации, занимались вредительством, антисоветской агитацией, уничтожали семенные фонды, совершали террористические акты, саботировали хлебозаготовки.

Особенностью коллективизации в Бурятии было то, что коренное население находилось под властью лам и шаманов и вело кочевой и полукочевой образ жизни. Пытались ослабить дружбу между народами и сорвать строительство социализма и бурятские националисты. Оставалось здесь и немало бывших белогвардейцев.

В некоторых районах Бурятии — Мухорошибирском, Бичурском — имели место вооруженные выступления, а в Окинском хошуне Тункинского аймака орудовала кулацкая банда во главе с местным богатеем Зодбоевым.

27 февраля 1930 года Г.С. Сыроежкину было поручено

формирование отряда для ликвидации банды Зодбоева. Подбирая людей, готовя снаряжение и боеприпасы, Сыроежкин, как обычно, изучал материалы по Бурятии, ее истории, национальным и религиозным особенностям местного населения. Он пришел к выводу, что банда — чисто кулацкое детище, но основную массу ее составляют обманутые кулаками середняки и бедняки, и потому главное внимание надо уделить не военному уничтожению банды, а ее разложению, созданию междоусобицы внутри самой банды. Были и некоторые особенности, свойственные этому району: во-первых, банды кочевали в непосредственной близости от государственной границы, при серьезной опасности уходили за кордон, держали там награбленный скот. Во-вторых, это не были „легкие на подъем“ антоновские или чеченские шайки, здесь бандиты возили с собой жен и даже детей, а следовательно, хотя и не громоздкие, но все же кое-какие грузы, что, по мнению Сыроежкина, затрудняло их маневренность. Наконец, весь район боевых действий представлял собой один из самых глухих и труднопроходимых уголков Восточных Саян. Кругом непролазные ущелья, дикие хребты, опасные бурные реки — они вскрывались обычно в конце апреля, но и в марте часто льды становились непрочными, проваливались под тяжестью всадников и обоза. В узкой долине река Ока стремительно рвется через многочисленные пороги. Не менее опасны ее притоки — Диби, Тисса, Зима, Урда-аха и другие.

31 марта отряд Сыроежкина выступил из Кутулика. Но банда ускользала от удара. Посланные вдогонку группы застревали в глубоком снегу, возвращались ни с чем. В одном месте нашли двух раненых голодных бандитов, ожидавших в палатке своей участи. Это были бедняки, брошенные Зодбоевым за ненадобностью. Их накормили и отпустили по домам. Они показали, куда ушла банда. Вскоре дошли до места стоянки. Бандитов уже не было, но обнаружили 60 мешков ржаной муки, сложенных в штабели, 12 саней и другое имущество: все это неделю назад было награблено у ямщиков. В устье пади Дурунджик встретили укрепления, выложенные из камней, за ними — брошенную стоянку, множество коробок из-под папирос, пустые литровые водочные бутылки, патронный ящик, следы стоянки лошадей.

Догнать банду было не так-то просто. Наконец с помощью местных активистов ее настигли. Захватили несколько пленных, лошадей, седла, одежду, оружие. Но основная часть банды ускользнула. Разведка сообщила, что банда ушла за кордон.

Обосновавшись за границей, подальше от монгольских

пограничников, Зодбоев собирался продолжать налеты на советскую землю, терроризировать местное население, нападать на колхозы.

Из телеграммы погранкоменданта товарища Котюка:

> „Мною даны указания отряду тов. Сыроежкина нарушения границы не допускать“.

Положение оказалось трудным, требования — несовместимыми. С одной стороны — банду уничтожить. С другой — границу не переходить. Сыроежкин договорился с бывшим бандитом Унжуповым: тот согласился пробраться в банду с целью ее разложения. Ему поручили уговорить бандитов направить своего делегата на переговоры к Сыроежкину. Но сведений от него долго не было. Послали еще несколько человек, но безрезультатно. Банда существовала и совершала из-за границы разовые налеты там, где ее никто не ждал.

Правительство братской Монголии создало комиссию по борьбе с бандами и разрешило в случае необходимости нашим отрядам переходить границу. Для согласования совместных действий с монгольскими друзьями назначен Г.С. Сыроежкин.

Тем временем от бандитов прибыл делегат Жужаев. Сыроежкин беседует с ним, но вскоре замечает, что это скорее разведчик — он ни на какие переговоры не уполномочен, зато глазеет по сторонам, изучает наши силы, тянет время.

Благополучно вернулся Унжупов. Он докладывает, что перед направлением Жужаева Зодбоев сказал ему:

— Даже если договоритесь о высылке делегатов для переговоров, все равно в Оку не вернемся.

А бандит Хомажим добавил:

— Если кто пойдет с делегатом из Оки, застрелим. Из банды больше никого не пустим на переговоры.

Унжупов рассказал, что почти все главари и бандиты из кулаков против переговоров, а середняки и бедняки — за посылку делегатов. По заданию Сыроежкина он вновь возвращается в банду.

Сыроежкин вызывает Жужаева и говорит ему:

— Езжай в банду. Передай Зодбоеву: у нас хватит сил всех вас уничтожить. Кроме того, мы договорились с монголами о взаимной помощи. Собери бедняков и середняков, предложи арестовать главарей и сдать нам. Сами спокойно возвращайтесь и живите. Повторяю: в случае отказа мы совместно с монголами уничтожим всю банду. Понял? Срок даем до 20 мая.

Сыроежкин отправился на встречу с монгольскими друзьями. Председатель правительственной комиссии принял его в теплой

юрте, рассказал, что ими сформирован отряд в семьдесят человек. Этот отряд уже выступил в сторону банды, начал переговоры о добровольной сдаче бандитов, но был обстрелян, Не получил никакого ответа из банды и Сыроежкин.

21 мая в 5 часов утра его отряд в количестве 28 бойцов при двух пулеметах вместе с монгольскими представителями выступил к месту расположения монгольского отряда к устью реки Тартурик для соединения с ним и совместного разгрома банды.

Во время движения отряда на кривоногой местной лошаденке прискакал Унжупов. Он был весь оборван, из раны на плече сочилась кровь.

— Товарищ начальник! — кричал он. — Банда на прежнем месте, все ругаются между собой, но бедняков не отпускают. Я еле-еле ушел от них. Стреляли, ранили. В банде 200 человек.

Вскоре советский и монгольский отряды перекрыли все выходы из урочища, где укрывалась банда. Но оказалось, что большинство бандитов успело уйти в глубь Монголии. Пока часть отряда ликвидировала окруженных, Сыроежкин с монгольскими солдатами погнался за вышедшими из окружения. Около двух недель длились серьезные столкновения и мелкие стычки. Банда таяла — часть бандитов была убита, ранена, взята в плен; многие просто разбежались. Сам Зодбоев скрылся на территории Монголии и был пойман позднее.

После ликвидации банды все члены семей, бедняки и середняки были распущены по домам. Судили лишь тех бандитов, кто особенно запятнал свои руки кровью.

По просьбе монгольских друзей Сыроежкин участвовал затем в операциях против банд в Ойратии, на севере Монголии.

Когда операции были завершены, Сыроежкина направляют в Читинскую область.

Там в это время разворачивают свою деятельность белогвардейско-кулацкие отряды. Летом 1930 года в Сретенском округе происходило кулацкое восстание. Это был не просто небольшой мятеж — лишь один из конных полков, закрепившихся в селе Алданда, насчитывал 600 всадников.

В Житкинском районе бандиты объединились в так называемую „Толонгуйскую бригаду“. Их действия направлялись и оплачивались из-за границы атаманом Семеновым. Среди населения бандиты распускали слухи о том, что Новосибирск взят японцами и что Советская власть осталась лишь в нескольких районах Сибири.

Снова был вытащен обветшалый лозунг „Советы без коммунистов!“. Действовали банды и в соседних районах: в

Минусинском — банда Мишина, бывшего помещика и белогвардейца, в Чумаковском — банда Гамзуля, насчитывавшая 350 человек и состоявшая из местного кулачества и лиц, бежавших из мест заключения. К концу июня 1931 года банды были ликвидированы благодаря операциям, которые проводили чекисты.

…Одной из них был приход безоружного Григория в банду некоего Боровских. На этот раз Григорий шел открыто — как чекист, предлагающий главарю сложить оружие и явиться с повинной. Это был смертельный риск: его дважды водили на расстрел, угрожали пытками. Изумленные смелостью и стойкостью чекиста, уставшие и разочарованные бесплодной борьбой, бандиты пришли к решению сдаться. Так без единого выстрела прекратила существование еще одна банда.

Немалая заслуга Сыроежкина в том, что разгром и ликвидация многих банд были осуществлены почти бескровно — были сохранены жизни чекистов, красноармейцев, дружинников. Одновременно избежали бессмысленной гибели и вернулись к мирному труду и своим семьям также десятки и сотни бедняков и середняков, силой и обманом вовлеченных в мятежи, поднятые кулаками и белогвардейцами.

За выполнение заданий по вскрытию и ликвидации контрреволюционных организаций и повстанческих банд коллегией ОГПУ Г.С. Сыроежкин был награжден именным оружием — пистолетом системы „Маузер“.

Из Сибири Сыроежкин уезжает в начале 1932 года, получив новое назначение на ответственную работу в Белоруссию, где с его участием были вскрыты и ликвидированы крупные организации буржуазных националистов.

После поражения в открытой борьбе с Советской властью в период гражданской войны буржуазные националисты Белоруссии в большинстве своем эмигрировали в различные страны. Многие осели в Польше. Отсюда они начали вести подрывную работу против нашей страны. Для ее руководства в панской Польше в 1926 году был создан нелегальный центр под названием „Союз вызволения Белоруссии“ (СВБ), который забросил в Советскую Белоруссию матерых шпионов и националистов с заданием создать контрреволюционные повстанческие организации.

Органы ОГПУ разоблачили и ликвидировали эту антисоветскую организацию. Однако дальнейшие события показали, что многие ее участники не попали в поле зрения чекистов и продолжали контрреволюционную буржуазно-националистическую деятельность.

По заданию польской разведки создавались контрреволюционные повстанческие ячейки в Минске и других городах, куда вербовались выходцы из кулачества, разного рода „бывшие“.

Особое место националистами отводилось диверсионной деятельности, что, в частности, должно было облегчить военное вторжение на территорию БССР. Вражеская агентура систематически передавала в польскую разведку сведения о дислокации частей Красной Армии, о вооружении, настроениях среди личного состава, а также другие шпионские материалы.

Органы ОГПУ разгромили и эти контрреволюционные организации. За заслуги в их ликвидации Г.С. Сыроежкин в 1933 году награждается золотыми часами.

После Белоруссии Г.С. Сыроежкин получает новое назначение — в Ленинград. Нацистские разведчики действуют в городе под видом представителей германских концернов и фирм „Ашафенбург“, „Вальдгофф“ и „Тео-дор-Торер“, сотрудников германского консульства. Они не только собирают секретные сведения, но и намереваются вывести из строя порт и ряд промышленных предприятий города, совершить террористические акты.

Г.С. Сыроежкин руководит и лично участвует в ликвидации шпионских и террористических групп, созданных германской разведкой. Проводятся сложные комбинации, в ходе которых ему приходится выезжать в Германию, Норвегию, Финляндию, Швецию. С каждой новой операцией он набирается опыта, растет, становится все более вдумчивым и грамотным руководителем.

В 1936 году он был представлен к присвоению звания „капитан госбезопасности“, но рукой вышестоящего начальника слово „капитан“ перечеркнуто и написано „майор“. С добавлением: „Учитывая особые оперативные заслуги и боевые подвиги“. Это звание впоследствии было приравнено к воинскому званию „генерал-майор“.

Постоянные перемещения, полная опасностей и неожиданностей служба не дали возможности Григорию Сергеевичу создать крепкую семью. Обстоятельства сложились так, что спутницы своей беспокойной жизни он не нашел…

Григорий был человеком открытой, большой души, всегда готовый поделиться тем, что имеет, прийти на помощь другу. Его товарищи вспоминали, что, получив зарплату, он клал деньги обычно в корзину для бумаг на письменном столе, и если кто-либо просил взаймы, Григорий говорил: „Бери из корзины, в получку положишь обратно“. Большим удовольствием для него

было делать подарки, подчас неожиданные, иногда людям, которых он совсем не знал. В трудные двадцатые годы бывали случаи, когда он отдавал свою зарплату или вещи встреченным на улицах женщинам с детьми. Хитрый, изобретательный и смелый в оперативных делах, он был добродушен и прост в делах житейских,

Борис Игнатьевич Гудзь — бывший соратник Сыроежкина, а в годы „Синдиката“ и „Треста“ совсем еще молодой оперативный работник, вспоминает:

— Ростом он был немного выше среднего, но мощь исходила из всего его облика. Руки крепкие, и хотя в молодости, когда он выступал в цирке, ему сломали правую руку, она у него была очень сильной. Буйная русая шевелюра с есенинским чубом. Во многом, хотя и умел сдерживаться, был человеком настроения, отсюда часто менялось выражение глаз. Любил веселые шутки, анекдоты, но держался скромно, иногда даже застенчиво. Да, он был смелым и сильным оперработником, способным действовать в самой сложной обстановке. Был умен, опытен и, хорошо усвоив требования конспирации, никогда не делился деталями дел, в которых участвовал.

Конечно, образование у него было небольшое, и особенно это чувствовалось рядом с такими людьми, как Менжинский, Артузов, Стырне. И он сам это понимал. Но ведь он и не пытался выдавать себя за „теоретика“ разведки. Это был практик, можно сказать, рядовой солдат революции. На него можно было положиться всегда. И не случайно именно его руководство направляло туда, где было трудно, где требовались сила, выдержка, оперативное мышление.

Шел июль 1936 года.

Группа генералов-фашистов во главе с Франциско Франко Баамонде восстала против законного правительства Народного фронта, пришедшего к власти в феврале 1936 года в результате победы на выборах. На стороне генерала Франко оказался практически весь офицерский корпус. Используя жесткую воинскую дисциплину, офицеры повели за собой почти всю старую армию. Однако она была плохо вооружена и обучена, и Франко в первые недели терпел поражение. Мятеж был на грани краха.

На помощь генералу Франко поспешили Гитлер и Муссолини. Из Германии в короткий срок были направлены военные специалисты и воинские части. Германские военные советники находились на всех ступенях франкистской армии — от главного штаба до роты. Они наладили систему связи, информации,

организовали современную артиллерию. В легионе „Кондор“ оттачивали свое мастерство 700 будущих асов второй мировой войны.

Из Италии был прислан целый экспедиционный корпус из четырех дивизий численностью около 70 тысяч человек. С помощью Германии и Италии Франко довел состав армии до миллиона человек, вооружал ее современным оружием.

Республиканская Испания оказалась в тяжелом положении. Мало того что к началу мятежа она была, по существу, без армии, ее территория полностью блокировалась военно-морским контролем, установленным так называемым лондонским „Комитетом по невмешательству в испанские дела“.

Весь прогрессивный мир понимал, что в Испании проходит линия фронта не только между республиканцами и мятежниками. Здесь решался вопрос о будущем человечества, о том, что победит — свобода и демократия или фашизм и мракобесие, война или мир. Тысячи добровольцев из десятков стран отправились в Испанию, где были созданы знаменитые интернациональные бригады. В их составе были такие люди, как венгры Мате Залка (генерал Лукач) и Ференц Мюнних, итальянцы Пальмиро Тольятти, Луиджи Лонго и Пьетро Ненни, немец Г. Баймлер, поляк Кароль Сверчевский и многие другие известные антифашисты. Рвались в Испанию, чтобы оказать интернациональную помощь в борьбе испанского народа за свободу, сотни и тысячи советских людей. Но попасть в Испанию удалось, конечно, далеко не всем — эту миссию доверяли лучшим из лучших.

Горнило гражданской войны в Испании в рядах испанской республиканской армии прошли такие замечательные люди, как Р.Я. Малиновский, К.А. Мерецков, Н.Н. Воронов, М.И. Неделин, Н.Г. Кузнецов, П.И. Батов, А.И. Родимцев, ставшие в период Великой Отечественной войны видными полководцами и военачальниками.

В борьбе испанского народа участвовали воины-чекисты С.А. Ваупшасов, И.Г. Старинов, К.П. Орловский, Н.А. Прокопюк, А.Н. Рабцевич, Г.С. Сыроежкин и другие. Некоторые из них в качестве советников-инструкторов помогали органам безопасности Испанской республики в организации и проведении борьбы с гитлеровскими агентами и фашистскими организациями внутри страны, другие в составе интернациональных бригад принимали непосредственное участие в боях.

На долю Сыроежкина выпала задача комплектовать и обучать специальные группы для развертывания партизанского движения и осуществления акций в тылу фашистских войск.

Но в Испанию он попал не сразу. В конце 1936 года, работая в Ленинграде и узнав о том, что может представиться такая возможность, он подал рапорт с просьбой о направлении в Испанию.

Томительно тянулись дни ожидания. Наконец… отказ. Григорий пишет второй рапорт. Снова отказ. Он пишет третий. И вот — долгожданный вызов в Москву. Дела он заранее привел в идеальный порядок, и на их сдачу много времени не понадобилось…

Испанцы встречали советских товарищей радостно и гостеприимно, хотя обстановка в стане республиканцев была непростой. Под республиканскими знаменами находились не только коммунисты, но и социалисты, и представители буржуазных партий. Были анархистские дивизии и троцкистские части, предпочитавшие не сражаться с врагами, а ожидать своего часа, чтобы ударить в спину республике.

Советские разведчики принесли в Испанию идею партизанской войны. К сожалению, по ряду причин осуществить ее не удалось, однако были созданы партизанские группы, батальоны, бригады, которые действовали методом рейдов, имея свои базы на республиканской территории.

Осенью 1937 года командование республиканской армии приняло решение объединить все силы для действий в тылу врага. Так родился знаменитый 14-й специальный корпус, который осуществлял боевые операции на всех фронтах до самого конца войны, а в Андалузии, Кастилии и Каталонии и после падения республики. Г.С. Сыроежкин стал старшим военным советником командира корпуса Доминго Унгрия.[19] Григорий Сергеевич не только подбирал, формировал, обучал и готовил к заброске диверсионные группы, но и сам не раз ходил с ними в тыл врага. В числе смелых партизанских акций, помимо чисто разведывательных, — диверсии на железных дорогах и шоссе, нападения на склады, штабы, другие военные объекты, разрушение линий связи, захват „языков“. Разведчики опирались на поддержку народа, поэтому и вылазки в тыл врага неизменно приносили успех.

Большинство членов отрядов были испанцы, уже имевшие боевой опыт, в основном молодые люди, мадридские рабочие и андалузские батраки. Многие были заражены анархизмом, и с этим злом приходилось терпеливо и настойчиво бороться.

Разведывательно-диверсионные отряды были хорошо вооружены, они, помимо десятков боевых операций в тылу врага, выполняли задания по подавлению попыток мятежей, помогали очищать тыл и прифронтовую полосу от „пятой колонны“ —

агентуры Франко и иностранных разведок.

Для проведения разведки и диверсий отряды проникали как можно глубже в тыл врага. Переходили большей частью на „тихих“ участках, но там была своя опасность. Обычно на таких участках оборону держали анархистские части, а их командиры не хотели „неприятностей“, понимая, что за успешную операцию разведчиков противник будет „мстить“. Поэтому они не всегда разрешали переход отряда, и иной раз, уже перейдя линию фронта, разведчики видели, как кто-то подает сигналы из анархистских окопов…

Разведчики были богаты на выдумки. Придумали, например, мину-волокушу. Паровоз цеплял ее, но она взрывалась не сразу, а вместе с составом втягивалась в туннель, где и происходил взрыв. Одновременно уничтожалась живая сила врага и на долгие недели разрушались пути сообщения.

Сыроежкину с небольшой группой бойцов отряда удалось предотвратить бегство с боевых позиций целой анархистской дивизии. Эта смелая и рискованная операция имела важное значение: она помешала наступлению фашистов на одном из участков Мадридского фронта.

Испанские бойцы и командиры его звали Григорий Грандэ — Григорий Большой. Он был всеобщим любимцем — его ценили за смелость, честность, доброе, человеческое отношение к людям, умение подбодрить, сказать Доброе слово в трудную минуту. Всем своим образом жизни и ратного труда он преподал бойцам уроки мужества и подлинного интернационализма.

В рядах испанской республиканской армии среди прочих добровольцев сражались и бывшие белогвардейцы и их сыновья. Многие относились к ним с предубеждением. Не таков был Сыроежкин. Обладая большим опытом и знанием жизни, чуткостью, врожденной и выработанной интуицией, он быстро разбирался в людях. Он взял в свой отряд несколько таких бойцов, и все они проявили себя честными и преданными делу солдатами, которые желали искупить вину свою или своих отцов. Многие из них мечтали в будущем вернуться на Родину.

Судьбе было угодно распорядиться так, что в отряде Григория оказался Лев Савинков — сын Бориса Викторовича Савинкова. Ему было немногим более двадцати лет, он был образованным и начитанным молодым человеком, смелым воином, свободно владел французским, английским, немецким, польским и испанским языками.

Он, конечно, не знал, что связывало его с Сыроежкиным…

Осенью 1938 года Лев Савинков вернулся во Францию, впоследствии участвовал в движении Сопротивления и был

одним из тех, кто в августе 1944 года входил в группу, поднявшую красный флаг над зданием Советского посольства в Париже.

О боевой работе Григория Сыроежкина в Испании можно рассказывать много… К нему в полной мере можно отнести то, что, вспоминая о советских добровольцах, писала Долорес Ибаррури:

„То были благородные, проникнутые революционной романтикой советские герои… Мы их не забыли. Они были нам близки, как наши сыновья, братья и отцы… Память о них вечно жива в благородном сердце испанского народа. Они были окружены любовью наших бойцов, пользовались уважением и доверием правительства республики“.

За свои подвиги, совершенные под небом Испании, Григорий Сергеевич Сыроежкин был награжден орденом Ленина.

В. АНДРИАНОВ
НИКОЛАЙ АРХИПОВИЧ ПРОКОПЮК

Осенью 1932 года из Киева под Ленинград ехали в трех обыкновенных плацкартных вагонах люди в красноармейских и командирских гимнастерках, но без петлиц, в кепках; и у каждого был большой, туго набитый вещмешок. Была ночь, вагонные лампочки тлели, а странные пассажиры не спали и разговаривали, образовав в полутемных купе несколько кружков. Разговор шел в основном о прошлой войне, гражданской. Много курили, и иногда кто-нибудь выходил просвежиться в тамбур, к открытым дверям. Впрочем, в тамбуре подолгу не задерживались и возвращались довольно быстро в купе, потому что никто из ехавших в этих трех вагонах не мог позволить себе впасть даже в минутную сентиментальность, к которой обычно так влечет человека запах дороги и вид ночной, мирно спящей земли с ее таинственными, плывущими вдали огоньками. Не мог позволить себе никаких сантиментов, да уже и не умел, потому что неподвластность некоторым чувствам являлась как бы необходимым условием профессии, вообще жизни этих людей. Но, чтобы понять, что же объединяло этих людей, надо было возвратиться в десятилетней давности прошлое…

В 1921 году один из первых пролетарских полководцев М.В. Фрунзе писал: «Второе средство борьбы с техническими преимуществами армии противника мы видим в подготовке ведения партизанской войны на территориях возможных театров военных действий. Если государство уделит этому достаточно серьезное внимание, если подготовка „малой войны“ будет производиться систематически и планомерно, то и этим путем можно создать для армий противника такую обстановку, в которой при всех своих технических преимуществах они окажутся бессильными перед сравнительно плохо вооруженным, но полным инициативы, смелым и решительным противником». И далее подчеркивал, что «обязательным условием плодотворности этой идеи „малой войны“ является заблаговременная разработка ее плана и создание всех данных, обеспечивающих ее широкое развитие. Поэтому одной из задач нашего Генерального штаба должна стать разработка идеи „малой войны“ в ее применении к нашим будущим войнам с противником…» Он говорил также в 1922 году на совещании командного и политического состава войск Украины и флота Черного и Азовского морей: «Я указывал

здесь на маневренность и подвижной характер наших будущих операций; крупная роль будет принадлежать в этих условиях партизанским действиям, для чего надо подготовить и организовать их проведение в самом широком масштабе, а отдельные группы войск планомерно и систематически воспитывать в духе подготовки к этим действиям».

Опыт для подобных выводов был. В Сибири, к примеру, в 1919 году воевали целые партизанские армии: армия Мамонтова — 30 тысяч человек, армия Лобкова — 10 тысяч, армия Каларандашвили и Кравченко — 25 тысяч. Итак, опыт, и немалый, сложился, теория пошла, ну а методологической основой для мероприятий в этой области стали принципиальные положения, сформулированные В.И. Лениным, который говорил о том, что марксизм не связывает движения народных масс с какой-либо определенной формой, что марксизм требует исторического рассмотрения вопроса о формах борьбы и что в различные моменты жизни общества в зависимости от конкретных политических, национально-культурных, бытовых и других условий на первый план выдвигаются то одни, то другие формы борьбы. Ленин как бы предугадал возникновение новой военной профессии и гениально сформулировал суть ее: «Партизанские выступления не месть, а военные действия».

Подготовка партизанской войны — прежде всего подготовка кадров, людей. Им необходимо было обладать определенным военным опытом. Но не только. Для овладения этой профессией нужны особые качества. Одним из таких людей и был Николай Архипович Прокопюк, родившийся 7 июня 1902 года на Волыни, в селе Самчики Старо-Константиновского уезда.

…Крестьянская семья из десяти человек, земли своей нет, и живут на заработки отца и старшего брата. Отец столяр, брат слесарь. В дождливые дни или свободнее от домашней работы часы мать усаживает всех детей вокруг и дает каждому его чулки и носки, заставляет штопать. Мать рассказывает о жизни, что знает, старается и покупать книги. А отец дома бывает редко, но уж когда принесет с сахарного завода, на котором работает, каждому по куску чуть желтоватого, кристаллического сахара — в семье праздник.

В 1914 году Николай оканчивает церковноприходскую школу. И тут же идет работать к помещику, потому что старшего брата забирают на фронт и без его заработка в семье катастрофически начинает не хватать денег. Отроческая мечта Николая — поступить в сельскохозяйственный институт, кажется, несбыточна, но все же в 1916 году, самостоятельно подготовившись, он экстерном сдает экзамен за шесть классов в

Старо-Константиновской мужской гимназии.

После революции он уже пролетарий — работает на заводе в слесарном, потом токарном, потом котельном цехах. В шестнадцать лет добровольно вступает в вооруженную дружину завода. Что значит добровольно? А то, что душа к 1918 году сориентировалась; к тому же в шестнадцать лет стараешься быть похожим на взрослых, которые тебя окружают. В шестнадцатилетнем возрасте он уже почувствовал, что является частью той самой силы, которая организованно и неумолимо отстаивает не только свои жизненные права, но и свои идеалы. Мир как бы расширялся постепенно.

Сначала Николай оборонял завод, а в 1919 году участвовал в восстании против белополяков, защищал уезд. Потом, едва оправившись от сыпного тифа, дрался за республику — воевал в Красной Армии, в 8-й Червоно-Казачьей дивизии. Затем работал в Старо-Константиновском уездном военном комиссариате, принимал участие в борьбе с дезертирством и бандитизмом.

В 1921 году Николая Прокошока как опытного уже бойца, преданного делу революции, направляют на работу в Старо-Константиновскую Чрезвычайную комиссию. Это стало поворотным пунктом в его судьбе. Молодому чекисту дали особые полномочия, каких и требовала новая его работа — борьба с политическим бандитизмом, то есть с подрывом государственной власти. Одной из крупнейших диверсионно-террористических банд, в уничтожении которой принимал участие Николай Прокопюк, была банда Тютюнника, засланная польской разведкой на нашу территорию. Собственно, это были две тысячи недобитых петлюровцев. Но их добили. Клинками, маузерами, военной хитростью, на которую, впрочем, был горазд и сам Тютюнник, но главное — добили уверенностью в собственной силе. В свое время младшая сестра Николая Варвара спрашивала у него: «Коля, каким оружием лучше всего бороться против обидевших тебя людей?» «Насмешкой», — ответил он. Что ж, время, жизнь вносили свои коррективы.

В 1923 году Николая Архиповича Прокопюка за заслуги перед революцией наградили боевым именным оружием и грамотой Шепетовского окружного партийного комитета, исполкома и окружного отдела ГПУ. Еще можно добавить, что Николаю повезло: за пять лет боев, отступлений, наступлений, засад и тому подобного он ни разу не был сколько-нибудь тяжело ранен.

В 1924 году Николая Архиповича направляют в пограничные войска. До 1929 года он на разведывательной работе в 20-м Славутском пограничном отряде, а затем в течение двух лет — в 24-м Могилев-Подольском погранотряде. В эти годы и происходит

его практическая боевая учеба как разведчика и контрразведчика.

Империалистические разведки забрасывали в нашу страну диверсантов и агентуру. Главари контрреволюционных банд продолжали антисоветские действия из-за границы. И контрабандная деятельность, развернутая граничащими с нашей страной буржуазными государствами, наносила огромный ущерб. Все это было совсем иное, нежели открытый бой, к которому привык Прокопюк в годы гражданской войны. Спирт, например, в бревнах переправляли. Для этого бревно распиливали, выдалбливали паз для помещения бачков со спиртом и вновь сбивали, а затем сплавляли вместе с плотом или поодиночке. Плывет бревно по реке, да еще ночью — разберись тут! Контрабандные товары, не поддающиеся порче при нагревании, запекали в хлебобулочные изделия. Из платины делали гвозди и вбивали их в крышки посылок. Золотые часы переправлялись в кусках туалетного мыла. Контрабандисты, промышлявшие наркотиками, заставляли своих верховых лошадей заглатывать кокаин в капсулах из металла, а после перехода через границу забивали животных и извлекали из желудка капсулы. Там, где граница проходила по реке, контрабандисты нередко протягивали по дну специальные канаты и по ним перетаскивали контрабанду. И тому подобное. Не прекращался политический бандитизм.

Разведывательные подразделения пограничных войск старались создавать в антисоветских бандах, окопавшихся в приграничных районах, атмосферу недоверия к главарям со стороны рядовых бандитов, убеждали их в бесполезности борьбы против Советской власти, склоняли к добровольной явке с повинной, выводили банды под удары оперативно-чекистских групп и войсковых частей Красной Армии. Николай Архипович организовывал проникновение разведчиков во вражеские спецслужбы, зарубежные антисоветские центры. Не все сразу, конечно же, получалось в то время ладно — ведь он учился, были и курьезы. Однажды ему попалась в руки книжка, написанная белоэмигрантом князем Долгоруким и выпущенная в те годы в Париже. Князь, в частности, описывал, как ему удалось перейти границу, обманув советских пограничников. Николай Архипович, к стыду своему, обнаружил, что князь-то прошел именно на его участке. Память у Прокопюка была отменная, и он сразу же вспомнил этого князя, притворившегося псаломщиком. Но что ж поделаешь, можно было только иметь в виду на будущее… Кстати, в будущем работу Николая Архиповича в пограничных отрядах отметят, и не раз.

«…Народному комиссару внутренних дел УССР… рапорт. В связи с празднованием 15-летия погранохраны ряд заслуженных

пограничников представлены к наградам. В их число не включен бывший в течении 7-и лет Уполномоченным ИНО Славутского и Могилевского отрядов тов. Прокопюк, ныне работающий в особом отделе НКВД УССР. Я могу Вам доложить, что из числа оперативных работников Украинской границы тов. Прокопюк принадлежит к числу наиболее заслуженных оперативных работников. Его энергия, личные боевые заслуги известны по многим боевым чекистским операциям. Достаточно напомнить дела по диверсионным бандам Трейко, Цаль-Цалько… Вследствие того, что оперативная работа является важнейшим элементом охраны границы, а тов. Прокопюк является одним из старейших и заслуженных чекистов-оперативников по охране границы, ходатайствую о представлении его к награде — что он своей преданностью, личной храбростью и многочисленными чекистскими успешными операциями вполне заслужил. Нач. отдела НКВД УССР… 9 февраля 1936 г. Киев».

А пока что, в 1931 году, Николая Архиповича направили на работу в центральный аппарат ГПУ Украины. Сначала заместителем, а затем и начальником отдела. Это было повышение в должности, которое не исключало личного участия в боевых операциях. Например, по уничтожению групп диверсантов, забрасываемых на территорию нашей страны. И вот тут параллельно с основной работой он начинает заниматься подготовкой кадров для партизанской борьбы на случай войны. Да и сам, несмотря на десятилетний опыт службы в особых войсках, основательно изучает те дисциплины, приобретает те знания и навыки, которые позволили бы быстро и эффективно развернуть борьбу в тылу противника, на его собственной территории. Основными дисциплинами были: политическая, строевая, огневая, физическая и воздушно-десантная подготовка, тактика партизанских действий, минно-подрывное дело, разведка, маскировка и топография. Николай Архипович готовился в случае войны воевать в небольшом диверсионном отряде. Что это такое?

Советская военная наука предвидела высокую моторизацию и механизацию регулярных войск противника в будущей войне, широкое использование автомобильного и железнодорожного транспорта, больших масс авиации, танков, самоходной артиллерии — что, несомненно, должно было усложнить боевую деятельность партизан, вооруженных относительно легко. И поэтому стали разрабатываться такие средства партизанской борьбы, которые позволили бы уничтожать живую силу и технику врага, не вступая с ним в боевые столкновения. Для этого годились бы небольшие группы, способные с помощью диверсий

наносить противнику значительные потери. Рассчитали, что одна диверсия (например, крушение воинского эшелона), совершенная группой в три-пять человек, может дать значительно больший эффект, чем бой партизанского соединения с крупной частью врага.

Итак, для партизанской работы отбирались высококвалифицированные специалисты: разведчики, подрывники, радисты, топографы, водители автомашин и даже паровозные машинисты. Напряженной и сложной была подготовка. Не раз, будучи выброшенным на парашюте в незнакомой местности, Николай Архипович со своей группой совершал длительные рейды с преодолением водных и прочих преград, и обязательно с тяжелым грузом за плечами. В войну конечной целью такого рейда могло стать, например, минирование железной дороги, вывод из строя вражеских пунктов управления, промышленных объектов, узлов связи и т. д. Поэтому особое внимание уделялось практическим занятиям по минно-подрывному делу. В то невоенное время эти занятия проводились на специальных полигонах.

Николай Архипович учился технике диверсий у Ильи Григорьевича Старинова — в будущем одного из организаторов партизанского движения в годы Великой Отечественной войны, профессора. Старинов вспоминал: «Было лето 1931 года. Теплая ночь. Тишина. Только доносятся шаги патрульных, шагающих по шпалам. Но вот взлетает ракета, осветив железнодорожный путь, за ней вторая и третья; затрещал учебный пулемет. Вдали показались паровозные огни. Это шел „воинский“ эшелон. Когда он проходил по охраняемому участку, сильно охраняемому — ведь это были практические занятия по минированию железной дороги в условиях ее сильной охраны, — под ним блеснули вспышки двух учебных противопоездных мин. Одна из них была установлена Николаем Архиповичем Прокопюком. И уже потом, в беседе после разбора учений Николай Архипович с похвалой отозвался о „нахальных“ минах с колесным замыкателем — так в шутку называли мины, которые в считанные секунды можно было установить на рельсах. Но обратил он на себя внимание тем, что задал вопрос: „А нельзя ли создать такие средства, чтобы уничтожать поезда, не выходя на железнодорожный путь?“ В то время мы как раз начали отрабатывать способы вывода из строя поездов и поджога подвижного состава путем их обстрела, и вопрос Николая Архиповича дал еще один толчок этим исследованиям. А в ту ночь я ему ответил: „Обещаю, что в ближайшее время вы возьмете и такие средства себе на вооружение“.

…Но вернемся к осени 1932 года. Николай Архипович ехал на большие учения под Ленинград и выделялся среди окружавших его специалистов, может быть, тем только, что вопросы его были особенно дотошными. „Он, — как вспоминал тот же Старинов, ехавший с ним в одном вагоне, — особенно интересовался способами введения противника в заблуждение и обеспечением внезапности. Это были уже своего рода тонкости профессии, и исходили они из практики прошедшей войны“.

По прибытии в район учений „партизан“ вооружили легкими японскими карабинами, а „диверсионные группы“ дополнительно еще и различными учебными минами — в зависимости от выполняемых задач. В ходе этих учений „партизанские отряды“ успешно осуществили ряд засад, но вот налеты на штабы, уничтожение которых считалось одной из главных задач, оказались неудачными: охрана была настолько бдительна, что обнаруживала „партизан“ еще на подходах их к району дислокации штабов. Надо сказать, что „партизанские отряды“ проникали в тыл условного противника по земле — скрытно переходили „линию фронта“, а мелкие „диверсионные группы“ перебрасывались по воздуху, с парашютами и действовали значительно эффективнее. Так, группа Николая Архиповича проникла незамеченной в населенный пункт, где находился штаб армии „синих“, и установила мины замедленного действия. Прямо в расположении штаба, под несколькими зданиями, и каждая мина была весом в пять килограммов. И тут же семеро человек скрылись в темноте осенней ночи. Побежали. А когда мины „взорвались“ и „противник“, всполошившись, организовал поиски „партизан“, эти семеро были уже далеко — отдыхали в сарае, на сене, за пределами зоны прочесывания. Это был лишь маленький эпизод учений.

Наиболее удачно „диверсионные группы“ действовали на путях сообщения „противника“. На сильно охраняемых участках „партизаны“ устанавливали „нахальные“ мины в сроки менее 30 секунд. На слабо охраняемых они применяли учебные неизвлекаемые противопоездные мины. Происходили и накладки: в результате вспышек учебных мин были случаи остановки поездов, потому что машинисты паровозов принимали мины за петарды и тормозили. Кое-кого за такую ретивость чуть не удалили с учений. Но в общем умелые действия „диверсионных групп“ были отмечены на разборе заместителем командующего Ленинградским военным округом В.М. Примаковым, который в годы гражданской войны сам прославился глубокими рейдами по тылам врага.

Илья Григорьевич Старинов вспоминал: „А возвращались мы с учений опять в одном вагоне с Николаем Архиповичем. Разговорились, Он был доволен учениями, но высказал ряд замечаний и предложений. Например, насчет оружия:

— Хорош японский карабин, — говорил он, — легкий, скорострельный… Но все же для диверсионных групп, проникающих в населенные пункты, лучше пистолет, гранаты, мины и зажигательные средства замедленного действия.

— Я согласился…

Оба еще не знали в то время, что не увидятся теперь пять долгих лет, до самой Испании… Такова армейская дружба!

Учения 1932 года были лишь одним из тех многих подготовительных мероприятий к партизанским действиям в возможной будущей войне, которые проводились в нашей стране еще с конца 20-х годов. В.И. Ленин в свое время подчеркивал, что партизанские действия должны обязательно осуществляться под контролем революционной партии, что глубоко ошибаются те, кто считает, что партизанские действия дезорганизуют и деморализуют политическое движение, что дезорганизуют это движение не партизанские действия, а слабость партии, не умеющей взять в руки эти действия. Мероприятия же были такие: составление планов организации партизанских действий; разработка необходимых инструкций, пособий, подготовка специальных средств; подбор, подготовка и обучение кадров; формирование и оснащение партизанских отрядов, разведывательных и диверсионных групп; создание скрытых баз с запасами материальных средств; организация связи с отрядами, группами и отдельными разведчиками; и, наконец, разработка и постановка задач командирам партизанских отрядов.

Огромная и сложная проводилась работа! Например, под созданием скрытых баз с запасами материальных средств подразумевалась массовая закладка тайников с оружием и продуктами питания вдоль всей линии наших приграничных укрепленных районов. Делалось это следующим образом. В земле рыли траншею для сруба па глубину линии промерзания. На дно устанавливалась деревянная решетка, под которой было пространство для стока воды. На решетку укладывали патроны в цинковых коробках и ящиках, густо промасленных и обернутых ветошью. Укладывали хорошо смазанное оружие, тол, бикфордов шнур в герметической упаковке, радиостанции, запасные части и электропитание к ним — все в резиновых мешках. Продукты хранились так: сахар в стеклянной посуде, а мясо, сало и масло — в прочной упаковке под десятисантиметровым слоем соли. Места расположения тайников тщательно маскировались. Для

этого землю не просто копали, а прежде нарезали дерн большими пластами, не нарушая его растительного покрова. По окончании закладки восстанавливали прежний фон местности, все, вплоть до кустарника и камней. Землю уносили в мешках или ящиках куда-нибудь подальше, причем передвижение людей, связанных с земляными работами, совершалось по одним направлениям, чтобы не было проложено большого количества троп. Строго соблюдались правила конспирации. Количество материально-технических средств, закладываемых в тайники, было таким, что учитывался и возможный рост партизанских сил в ходе борьбы.

…Итак, „второе средство борьбы“ постоянно совершенствовалось и с самого начала возможной войны должно было оказать значительную поддержку нашим регулярным войскам в решении задач как оперативных, так и стратегических. Партизаны готовились начать боевые действия в первый же день войны. Но прежде чем говорить об этом, придется рассказать о другой войне…

Военно-фашистский мятеж в Испании начался 18 июля 1936 года. 3 августа того же года в Москве на Красной площади состоялась многотысячная демонстрация. Люди несли плакаты: „Дело испанского народа — наше кровное дело!“, „Протянем руку помощи испанскому народу!“ Стотысячный митинг солидарности с испанскими антифашистами состоялся на Дворцовой площади в Ленинграде. Многолюдные демонстрации прошли и в других крупных городах. Начали собирать деньги для испанцев, по радио передавались сводки испанского командования. Советский Союз присоединился к соглашению 27 европейских стран о невмешательстве, и почти одновременно с началом деятельности Лондонского комитета по невмешательству были установлены дипломатические отношения между Испанией и СССР. Наша страна стала помогать испанским республиканцам вооружением, продовольствием, медикаментами. Соглашение не запрещало также выезда добровольцев, и по многократным просьбам Испании Советское правительство разрешило выезд в Испанию добровольцев — военспецов, в которых остро нуждалась республиканская армия,

> …„Совершенно секретно. Начальнику… отдела УГБ НКВД УССР майору государственной безопасности… рапорт. Имея опыт разведывательной работы и руководства специальными и боевыми операциями… и теоретический опыт партизанской борьбы и диверсий… прошу Вашего ходатайства о командировании меня на

специальную боевую работу в Испанию… Н. Прокопюк. 4 апреля 1937 г. Киев“.

Выезд разрешили, и 1 июля 1937 года Николай Архипович прибыл в Испанию. Добирался поездом до Франции, оттуда на автомашине — через Пиренеи до Барселоны.

Здесь, в Испании, к тому времени уже воевало немало прославленных советских чекистов, причем у каждого было свое условное имя. Григория Сыроежкина испанцы звали Грандэ, Станислава Ваупшасова — Альфред, Кирилла Орловского — Старик, Александра Рабце-вича — Виктор. Находился здесь и Илья Григорьевич Старинов. Он создал партизанскую школу, на базе которой был сформирован отряд для действий в тылу противника. В отряд этот, кроме испанцев, входили поляки, югославы, болгары, чехи, словаки, немцы, австрийцы, итальянцы, финны, французы, американец.

Старинов был удивительно энергичным человеком. Совершенно не сведущих в партизанском деле людей он за короткое время обучил тактике партизанской борьбы, приемам организации и ведения диверсионной работы в тылу врага. Не хватало оружия, особенно диверсионных средств, и Старинов покупал в аптеках бертолетовую соль, селитру и различные другие химикаты, а затем в организованной им же лаборатории изготовлял с интербригадовцами самодельные мины и фугасы. Вместе с группами партизан-диверсантов он ходил на боевые задания в тыл фашистских войск. Результаты одной из его операций вызвали отклик во многих странах Европы. Вот как это было. В горах, где полотно железной дороги проходило рядом со стометровым обрывом, он устроил крушение пассажирского поезда, в котором ехали в войска Франко летчики военно-воздушных сил Италии. Целый поезд с тремястами асами от Муссолини полетел в пропасть. Катастрофа произошла в ущелье под Кордовой, и об этом вскоре узнали не только в Италии. Траурные обрамления запестрели в газетах и других стран, потому что многие из погибших являлись потомками баронов и графов, банкиров и вельмож, имевших широкие родственные связи за пределами своей страны. Что же касается республиканской Испании, то здесь вездесущие корреспонденты стали разыскивать исполнителей диверсионной акции, вызвавшей резонанс, если так можно выразиться, международного масштаба. Некоторые журналисты достигли своей цели, и на базу Старинова в Вильянуэва-де-Кордова началось паломничество корреспондентов. В числе других приехали Илья Эренбург и Михаил Кольцов. В целях конспирации Старинову пришлось

перебазироваться в другое место. Испанцы звали его Рудольф, и вместе с ним в рейды ходила его боевая подруга Анна Обручева, или Луиза.

А Николай Архипович Прокопюк по приезде в Испанию стал советником и командиром партизанского формирования на Южном фронте. Был он человеком веселым и жизнерадостным, и испанцы быстро полюбили его, стали называть „команданте Николас“. Он носил форму республиканской армии без знаков различия, на голове черный берет, на боку кобура с небольшим пистолетом. Всегда был тщательно выбрит, подтянут и не изменял своей ироничной манеры поведения.

В августе 1937 года он встретился с Ильей Григорьевичем Стариновым, который в то время был советником в отряде знаменитого капитана Доминго Унгрия — в будущем командира 14-го партизанского корпуса. Встреча произошла в Андалузии, в городе Хаен, у общевойскового советника полковника Кольмана (Вильгельма Кумеланаса). Николай Архипович приехал к Кольману вместе с начальником курсов по подготовке диверсионных групп Максимом Константиновичем Кочегаровым. Как и обычно при таких встречах, вспоминали прошлое, говорили о настоящем. От Кольмана поехали на базу Старинова и там познакомились с начальником штаба сербом Любо Иличем — будущим партизанским генералом — и самим Доминго Унгрия. Старинов показал гостям свою лабораторию, в которой были и мины различного назначения, и самодельные гранаты, и зажигательные средства замедленного действия. Потом Доминго Унгрия дал обед в честь гостей. Переводила за столом Анна Корниловна Обручева, потому что у советников с испанским языком было довольно туго. В шесть часов вечера зазвонил колокол в близлежащем женском монастыре. Николай Архипович заметил:

— Удачное вы для себя место выбрали — соседи, наверное, прикрывают от авиации… Не будут же они бомбить монастырь?

— Соседки, — ответил Старинов, — монахини, ждут не дождутся франкистов. А насчет налетов — действительно тихо. Раз, правда, в соседний дом угодило, и у меня керосинка опрокинулась на смолу… А там в углу динамит… Ну, Аня потушила вовремя.

— Луиза… — сказал Доминго Унгрия и улыбнулся.

— Луиза, — поправился Старинов.

— Доминго сказал, — перевела Анна Корниловна, — что вы чересчур много курите, Николай Архипович. Это вредно.

Действительно, Прокопюк выкуривал сигарету одну за другой, и это всегда было так.

Вышли на улицу. Дул теплый ветер со Средиземного моря. Глядя на белые стены монастыря, за которыми таилась другая жизнь, Николай Архипович задумчиво произнес:

— Монахини… — И потом, как бы очнувшись: — Пора ехать!

На обратном пути, в машине, он говорил Кочегарову:

— Особенно хороши у Старинова эти магнитные мины. Очень удобные: приложил, и держится — никакого крепления. И легкие, — он взял в руки одну из мин, которую дал ему с собой Старинов, — килограмма два, не больше.

В конце декабря 1937 года Николай Архипович познакомился с будущей своей женой — Александрой Антоновной Вышинской. Она приехала в Испанию в качестве переводчицы, тоже добровольно. Как и Прокопюк, она добиралась до Франции поездом, а дальше на машине до Барселоны. В горах выпал снег, в заиндевевшем стекле машины Александра Антоновна видела белые пики гор. Что ее ждет в Испании?

В Барселоне, на побережье Средиземного моря, было довольно тепло, шел дождь, и тут Александра Антоновна узнала от встретивших ее людей, что место ее назначения — город Альмерия, до которого еще день пути. Выехали рано утром. Небо очистилось от облаков, поднялось солнце, но с моря тянуло свежестью. „Ну, пусть будет удачным это путешествие“, — подумала Александра Антоновна. Испанский пейзаж был прекрасен, но она ни на секунду не забывала, что на земле этой идет война.

Вечером при въезде в город Альмерию машину остановил испанский патруль и попросил следовать за ним. Подъехали к небольшому старинному особняку, окруженному садом. В доме Александру Антоновну встретил высокий, средних лет человек, одетый в хорошо сшитый летний костюм. Это был Николай Архипович. Он посмотрел внимательно на нее и улыбнулся.

— Сознаюсь, — сказал он, — я поскорее хотел встретиться с земляками, вот и устроил засаду при въезде в город.

Он оставался в Альмерии, а она работала в городке Берха, в сорока километрах. Иногда она приезжала в Альмерию по делам, и он никак не хотел ее отпускать. В лунные вечера увозил за город, к побережью. Там было похоже на Крым… Она спрашивала:

— О чем ты думаешь?

— О море. А ты?

— О войне. — Она старалась не думать о войне в те вечера, однако Ничего не получалось. — …Но мне не страшно с тобой.

Однажды она приехала на целых два дня — того требовала

работа, но Николая Архиповича на месте не оказалось: только что со своей группой он ушел в тыл франкистов, на боевое задание. „Ничего, — подумала она, — впереди целых два дня, может, к моему отъезду вернется… Неужели что-нибудь серьезное? — И сама себя успокоила: — Да нет же, наверное, что-то обычное. — И тут же: — Да ведь не бывает обычного… — И снова сама себе: — Ну, ты же знаешь, что, помимо прочего, ему еще и везет!“

Да, ему повезло и на этот раз. Еще днем при содействии командира батальона, занимавшего близлежащий участок фронта, они изучили обстановку в зоне, где было намечено проникновение в тыл врага. Побывать в этом тылу было необходимо для того, чтобы захватить „языка“. С наступлением темноты тронулись в путь. Разведчики батальона, которыми командовал молодой испанский капитан, коммунист, проводили их на глубину около двух километров в зону, контролируемую противником, и, пожелав удачи, повернули назад. Они остались всемером. Ночь была темная, но слишком уж тихая. По пути наткнулись на оливковую рощу, и ноги стали вязнуть в раскисшей от долгих дождей земле. Пришлось двигаться медленно, осторожно поднимая ноги, чтобы не чавкало, и от этого сильно устали. Но за ночь все же вышли к намеченному пункту и в густых зарослях на склоне горы остались на дневку. Шоссе, на котором планировали захватить „языка“, находилось в полутора километрах. Взошло солнце, и тогда разулись, чтобы подсушить промокшие сандалии-апаргатос. Отдыхали по очереди, соблюдая полную тишину. День тянулся бесконечно долго. Наконец подошла очередь Николая Архиповича отдыхать, и это было уж в сумерках — он забылся тревожным полусном. Когда очнулся, было уже совсем темно. Перекусили и пошли к шоссе.

По нему проносились одиночные грузовые и легковые автомашины. Никаких признаков охраны шоссе или контрольно-пропускных пунктов не заметили. Часа через два после наступления темноты движение на дороге стало совсем редким. Два человека из группы Прокопюка спустились и установили поперек шоссе стальные колючки, замаскировав их травой, придорожным мусором. Стали ждать. Внезапно показались огни автомашины, выскочившей из-за поворота. Автомобиль проехал мимо кустов, за которыми залегла группа, и — по колючкам. Через две-три секунды вспыхнули позади машины красные стоп-сигналы и отплыли в сторону — к обочине, замерли. В темноте трудно было определить расстояние до автомашины, но, прикинув, решили, что ие менее 300 метров.

— Далековато, — прошептал Николай Архипович.

И все же он решил вести группу к машине. Как тени

заскользили они вдоль дороги, то стремительно, то замирая, потому что под ногами нет-нет да шуршали камешки. Метрах в пятидесяти остановились и присели в придорожных зарослях. Теперь машина была видна довольно хорошо. Водитель устанавливал домкрат, а рядом топтался пассажир в офицерской форме и недовольно покрикивал на шофера. Домкрат скрипел, и это было кстати. Офицер щелкнул портсигаром, потом вспыхнула зажигалка и осветила на миг его лицо, блестящий козырек фуражки.

…Двадцать метров. Офицер подошел к радиатору и, покуривая, смотрел то за работой водителя, то по сторонам и явно прислушивался. Он находился по ту сторону дороги и наискосок за машиной, так что необходимо было переждать, пока он выйдет на более удобное место. Водитель наконец снял поврежденный скат, отложил в сторону и стал прилаживать запасной. Офицер отбросил окурок, приблизился к водителю,

…Теперь до них было десять метров.

В это время появились огни другой автомашины. Группа замерла. Подъехавший и затормозивший грузовик осветил офицера, которого намеревались захватить; небольшого роста, плечистый… Шофер грузовика высунулся из кабины: не нужна ли помощь? Но офицер громко сказал: „Грасиас“ — и еще что-то. Грузовик тронулся и скрылся за поворотом.

…До автомашины расстояние сократилось до семи метров, причем водитель стоял спиной к зарослям. Трое из группы остались в пятидесяти метрах как прикрытие, остальные приготовились к захвату.

Водитель установил запасный скат, принялся опускать домкрат. Пора! Николай Архипович первым бросился на офицера, но тот внезапно обернулся. Фашист оказался сильнее, чем предполагал Николай Архипович, и ему удалось выхватить пистолет. Но выстрелить он не успел: подоспевший командир группы выбил оружие, и Николай Архипович уложил подсечкой офицера на землю. Водитель сдался, не оказав сопротивления.

На рассвете плененный капитан из подразделения связи мятежников с имевшимися у него картами был доставлен в расположение базы, и тут же его отправили дальше — по назначению.

Возвратившись, Николай Архипович почувствовал безумную усталость, ему хотелось спать, но он продержался все-таки в то утро на ногах еще несколько часов, потому что, оказывается, его ждала Александра Антоновна. Он рассказал ей какую-то смешную историю из своего детства, куря сигарету за сигаретой, потом сделал коктейль, и оба, сидя в глубоких креслах, потягивали его.

Потом он неожиданно уснул — тут же, в кресле…

О причинах поражения республиканской армии в Испания написано много, и поэтому нет смысла повторяться. Заметим только, что военное командование республиканцев долго недооценивало возможностей партизанской борьбы в тылу мятежников и не создавало всех условий, необходимых для развертывания этой борьбы. Официально сформирован был всего лишь один партизанский спецбатальон (под командованием Доминго Унгрия). И лишь в конце 1937 года решили объединить все силы, действовавшие в тылу противника, в 14-й специальный корпус, который боролся с фашистами до самого конца войны, а после падения республики продолжал воевать в Андалузии, Кастилии и Каталонии.

С марта по декабрь 1938 года Николай Архипович был старшим советником этого корпуса. А когда стало очевидным поражение республиканцев и интернационалисты постепенно стали покидать Испанию, Николай Архипович отплыл на пароходе из Валенсии на Родину. Он сделал для испанцев все, что мог, до конца исполнил свой интернациональный долг. Как, впрочем, и многие другие. Неделей позже уехала из Испании и Александра Антоновна Вышинская. По-разному добирались интернационалисты к себе домой. В сложной ситуации, например, проделала этот путь Анна Корниловна Обручева. Она везла с собой важную документацию и во время плавания на пароходе из Валенсии в Болгарию старалась держаться поближе к пароходным топкам, чтобы в крайнем случае можно было быстро уничтожить бумаги, которые она хранила под одеждой. Но все обошлось.

Прибыв порознь через несколько стран в Советский Союз, Александра Антоновна и Николай Архипович вскоре встретились. Спустя несколько месяцев поженились. Николай Архипович был награжден за Испанию орденом Красного Знамени. Его направляют на работу в центральный аппарат органов государственной безопасности.

…Эпопея партизанского движения в годы Великой Отечественной войны началась с первых месяцев и даже дней этой войны, хотя не сразу она приняла большой размах, достигла высокой эффективности.

До второй половины 30-х годов в нашей стране проводилась серьезная работа по подготовке к использованию партизанских форм борьбы в войне. Однако, затем эта работа по ряду субъективных факторов[20] была свернута: были изъяты

инструкции и различные пособия по тактике партизанских действий, прекратилось проектирование, испытание и производство специальных технических средств для применения в тылу противника, перестали закладываться в приграничных районах скрытые партизанские базы, на военных учениях способы и формы партизанской борьбы не проверялись, теория использования партизанских сил в современных войнах так и не была разработана.

Все это привело к тому, что в начале войны военные специалисты не смогли оказать эффективной помощи партийным органам в развертывании партизанского движения. Мало того, нередко наши войсковые подразделения и части, попавшие в окружение и оказавшиеся в глубоком тылу противника, часто из-за незнания личным составом тактики партизанских действий гибли или попадали в плен. Эти и другие обстоятельства обусловили привлечение партией к участию в организации и ведении партизанской борьбы чекистов.

Благодаря усилиям Коммунистической партии с началом войны во многих районах в тылу врага удалось за короткие сроки создать подполье и сформировать большое количество партизанских отрядов.

Вместе с тем партия учитывала и то, что советские люди, вступающие в партизанские отряды, на первых порах не будут иметь необходимого опыта, а контрразведывательный и полицейский аппарат врага постарается сделать все, чтобы задушить партизанское движение в зародыше.

Поспешно созданные партизанские формирования горели желанием громить врага, но не имели ни опыта, ни достаточной подготовки для ведения эффективной борьбы в тылу противника. Вследствие этого многие отряды либо несли крупные неоправданные потери, либо были просто не способны организованно вступать в боевое столкновение с противником, когда это требовала обстановка. Действия многих отрядов были разрозненными, нецелеустремленными.

Аналогичное положение имело место и в подполье. И здесь многие тысячи патриотов страстно хотели драться с фашистами, но им не хватало умения. Ведь каждый подпольщик должен был обладать качествами артиста, уметь перевоплощаться. Надо было скрытно, не вызывая подозрений у врага, уметь завоевать доверие оккупантов, убедить их в своем лояльном отношении к гитлеровскому режиму.

Чрезвычайно сложной была обстановка и для действий городских партизанских формирований. Бойцы этих групп и отрядов дней работали на противника в различных мастерских,

конторах, базах и т. п., а ночью им приходилось проводить стремительные боевые операции, после выполнения которых они снова возвращались к „легальному“ образу жизни.

Именно коммунисты вносили в партизанское движение сознательность и организованность. Стихийному тяготению масс к борьбе с фашизмом они придавали политически зрелый характер. История войн прежде не знала примеров, когда элемент стихийности играл столь незначительную роль в партизанском движении, когда бы так сильно в нем проявлялись элементы сознательности и высокой организованности.

Советские чекисты выполняли в ходе Великой Отечественной войны роль своеобразного „канала“ или особых „коммуникаций“, по которым передавалось умение громить врага.

Почему именно чекисты? Да потому, что с момента создания органов ВЧК — ОГПУ — КГБ они в тайной войне с классовыми врагами, со спецслужбами империалистических государств, которая не прекращалась ни на минуту, всегда находились на переднем крае. Это способствовало выработке у них особых качеств, необходимых для ведения подпольной и партизанской борьбы.

Фальсификаторы второй мировой войны, западные военные историки всячески подчеркивают, что партизанское движение на оккупированной территории Советского Союза было в значительной мере инспирировано органами НКВД. Но это не так, это утверждение намеренно ложно. Партизанская борьба в Великой Отечественной войне носила всенародный характер и являлась настоящим проявлением советского патриотизма. Да и сами чекисты в недалеком прошлом были шахтерами и металлургами, токарями и комбайнерами, счетоводами и зоотехниками, учителями и бухгалтерами, агрономами и трактористами. А партия, повторяем, посылала специалистов в тыл врага, чтобы повысить эффективность партизанской борьбы, имея цель соединить желание народа громить фашистских захватчиков с умением решать эту задачу.

В сентябре 1941 года Николай Архипович Прокопюк был назначен командиром 4-го батальона 2-го полка Отдельной мотострелковой бригады особого назначения НКВД СССР, созданной в начале войны по указанию ЦК ВКП(б). В батальоне было около тысячи бойцов. Собственно, бригада представляла собой крупный учебный центр по подготовке небольших разведывательных, диверсионных и организаторских групп, которые забрасывались в тыл немецкой армии и на базе которых вырастали партизанские отряды и соединения. Во время битвы

под Москвой подразделения бригады использовались военным советом Западного фронта на опасных участках обороны столицы. Бойцы бригады минировали танкоопасные направления, вылавливали вражеских разведчиков и диверсантов, устраивали завалы и другие заграждения, взрывали мосты, совместно с оборонявшимися частями Красной Армии вели открытые бои с наступавшими гитлеровцами, действовали в ближайших тылах противника, нарушая его управление войсками, проводя засады и налеты. 7 ноября 1941 года части Отдельной мотострелковой бригады особого назначения участвовали в историческом параде на Красной площади.

Во второй половине ноября 1941 года Николай Архипович был направлен на Юго-Западный фронт начальником оперативной группы НКВД СССР при особом отделе. Здесь он организовывал и вел глубокую разведку в тылу противника на Киевском направлении.

В начале июня 1942 года Николай Архипович был вызван в Москву для подготовки к выполнению специального задания: в качестве командира вместе со своей группой он должен был десантироваться в глубокий тыл противника. Пребывание в тылу никаким сроком не было определено.

В течение месяца он отобрал в ОМСБОНе 64 обученных бойца, среди которых были чекисты, пограничники, минеры, радисты, медицинские работники, получил необходимые инструкции и снаряжение и к 1 августа доложил о готовности к выполнению задания. Группа его называлась „Охотники“.

…В тот год ему исполнилось сорок лет — расцвет сил.

В ночь на 1 августа 1942 года первый эшелон „Охотников“ в количестве 28 человек десантировался на парашютах в 800 километрах от линии фронта, в районе города Олевска Житомирской области. До 18 августа туда же были переброшены второй и третий эшелоны. Странно было тайком, ночью приземляться на своей же родной земле.

Первую зиму Николай Архипович со своей группой вел боевую работу в западных районах Киевской области. Вскоре группа выросла в отряд за счет притока местных патриотов. Налаживали связь с Центром, с взаимодействующими группами, с подпольем; нарушали работу железнодорожного транспорта всеми возможными способами: разрушали колею, портили средства связи, централизации и блокировки, выводили из строя систему электропитания, устраивали заграждения на железных дорогах, обстреливали составы во время движения и подрывали их. Почти все получалось, и люди, находившиеся в его отряде, сразу поверили ему, его опыту и знаниям, а это было чрезвычайно

важно, особенно на первых порах — в отряде рождались высокий боевой дух, уверенность в своих силах.

В боевые столкновения с частями противника из-за малочисленности, да и особого назначения группы вступать было нежелательно, но несколько раз ввязаться в бой все-таки пришлось. Потерь либо вообще не было, либо они были незначительны. Сказывались знания и опыт Николая Архиповича.

В начале апреля 1943 года он уводит отряд в Цуманьские леса.

К географическому понятию „Цуманьские леса“ партизаны в годы войны относили все леса, расположенные на обширной территории в треугольнике Сарны — Ровно — Ковель. Места эти привлекали партизан возможностью эффективной боевой работы. Отсюда было совсем близко до Ровно, Луцка, Ковеля. Рядом пролегали две важные железнодорожные магистрали, по которым двигались эшелоны из Германии к фронту. Параллельно проходило шоссе Брест — Киев. Здесь воевали многие партизанские формирования: 1-й батальон соединения А.Ф. Федорова, спецотряд майора В.А. Карасева, отсюда уходило в Карпатский рейд соединение С.А. Ковпака. А севернее железной дороги Сарны — Ковель начинался сплошной партизанский край, где обосновались отряды А.П. Бринского, Г.М. Линькова (Бати), И.Н. Банова (Черного), и позже основные силы соединений А.Ф. Федорова (Черниговского), В.А. Бегмы, И.Ф. Федорова (Ровенского). Еще севернее были обширные территории, освобожденные от оккупантов партизанами Белоруссии.

В Цуманьских лесах — а это была Волынь — отряд действовал девять месяцев, оседлав железную дорогу Ровно — Ковель. Николай Архипович систематически отправлял группы в 3–5 человек подрывать вражеские эшелоны с живой силой и боевой техникой. Немцы в ответ значительно уменьшили скорость поездов. Это привело к снижению эффективности диверсий. Тогда Николай Архипович решил, что минирование нужно сочетать с налетами на вражеские эшелоны. После захвата подорванного эшелона партизаны уносили трофеи с собой, а все оставшееся в вагонах и на платформах поджигали. Подобные операции проводились за 15–20 минут. Горевшие поезда загромождали пути, и таким образом противнику наносился не только материальный ущерб, снижалась пропускная способность железной дороги.

Отряд Прокопюка все время перемещался, маневрировал, и это осложняло поначалу ситуацию с ранеными. Но вскоре у Николая Архиповича сложились дружеские отношения с

партизанским вожаком Алексеем Федоровичем Федоровым, и появилась возможность передавать раненых в госпиталь его соединения, а иногда даже пользовались его аэродромом для отправки на Большую землю тяжелораненых и пленных.

Широкие связи с местным населением позволили отряду Николая Архиповича создать разведывательные позиции в крупных населенных пунктах, в том числе в Ровно, где, кстати, в то же время действовали разведчики отряда Д.Н. Медведева, и в Луцке. В отряде Николая Архиповича были иностранцы, которые вступали в контакты с немецкими солдатами и офицерами из службы ТОДТ. Благодаря этому Николай Архипович вышел на получение информации и из самой Германии.

Боевую деятельность на Волыни нашим отрядам приходилось вести в сложной обстановке не только из-за того, что они находились в тылу немецких войск. Это был вообще особый край — ведь воссоединение западных областей Украины и установление там Советской власти произошло лишь в сентябре 1939 года, в июне 1941 года территория была уже оккупирована. У немцев была здесь многочисленная агентура и „большие друзья“ — украинские националисты, банды которых воевали на стороне рейха. Эти банды сковывали передвижение партизанских формирований, часто охраняли железные дороги, нападали на мелкие группы партизан и на базы отрядов. Николай Архипович благодаря хорошо поставленной разведке регулярно отправлял в Центр информацию о националистах, и это способствовало правильной оценке обстановки на Волыни, определению наиболее эффективных путей борьбы с бандами.

Ни постоянные перемещения и маневр, ни стремительный, „короткий“ характер ударов по военным объектам противника не оберегали отряд Прокопюка от боевого соприкосновения с карательными экспедициями фашистов. С мая по ноябрь 1943 года таких боев было двадцать, и всякий раз враг проигрывал. В ноябре Николай Архипович получил приказ из Центра временно покинуть Цуманьские леса, поскольку стало известно, что против отряда намечается особо крупная операция под командованием генерала Пиппера, известного под кличкой „Мастер смерти“. Втягиваться в затяжные бои для отряда значило сковывать себя ситуацией, навязанной немцами, и идти на нежелательные потери.

Группа Прокопюка перебазировалась в леса севернее железной дороги Сарны — Ковель. Отряд расположился временно, пока не отойдет Пиппер, у села Великие Целковичи, в 15 километрах от соединения А.Ф. Федорова. Но в Цуманьских

лесах Николай Архипович все-таки оставил подвижную группу под командованием майора Л.М. Доценко, которая вышла в тыл карателям и продолжала наносить удары по вражеским коммуникациям. Основная же часть отряда тем временем в некоторой степени отдохнула, дождалась самолетов с Большой земли, которые доставили боеприпасы, взрывчатку, обмундирование. К 25 декабря Пиппер снял блокаду, и отряд Прокопюка вновь возвратился в Цуманьские леса.

Это было время, когда фронт значительно приблизился к партизанам. Регулярные советские войска приступили к освобождению правобережной Украины. В конце декабря — январе начались Житомирско-Бердичевская, Кировоградская, Луцко-Ровненская, Корсунь-Шевчен-ковская и Никопольско-Криворожская операции. Цуманьские леса оказались в полосе наступления войск правого крыла 1-го Украинского фронта.

Ясно, что партизаны с нетерпением ожидали соединения с войсками фронта, потому что истосковались в этих лесах, мечтали о встрече с частями Красной Армии, чтобы продолжать сражаться в боевых порядках наступающих войск. Посматривали на командира отряда — спрашивать не полагалось, — а он молчал…

Пятого января 1944 года Прокопюк получил радиограмму из Центра, которая более или менее проясняла дальнейшее: „С приближением фронта, не дожидаясь дальнейших распоряжений, двигаться на запад в направлении города Брест“.

Командование, штаб, личный состав, который к тому времени насчитывал около 500 бойцов (отряд Прокопюка вырос в бригаду), начали подготовку к рейду. Нужно было пять суток, чтобы собрать все находившиеся на заданиях подразделения. Кроме того, решили взять с собой комсомольцев подпольной организации сел Суск, Хоп-нево, Тростянец и Словатичи у города Луцка. Ребята давно просились в отряд, но их легальное и полулегальное положение на оккупированной территории давало массу преимуществ. С уходом бригады надобность в этом отпадала.

10 января выступили на запад. К вечеру 12 января вышли к реке Стырь в районе села Четвертни. Как раз в это время, как сообщила Прокопюку разведка, в городе Камень-Каширский состоялось совещание представителей ОУН (украинских националистов) с гитлеровцами, на котором фашистское командование сообщило бандеровцам о своем решении передать им перед оставлением города все склады немецкого гарнизона с боеприпасами, медикаментами и продовольствием. Это делалось для того, чтобы обеспечить активные подрывные действия

националистических банд в тылу советских войск. Бандеровцы быстро вывезли содержимое складов из города и спрятали в схронах (потайных ямах-амбарах) в селе Пески на реке Припять. Однако, доложили разведчики, нашлись люди, готовые показать схроны. Прокопюк принял решение задержаться.

25 января Николай Архипович во главе двух рот сам провел операцию по изъятию содержимого схронов, блокировав на рассвете село Пески. Подогнали 35 пароконных саней и начали загружать их военным имуществом, медикаментами, боеприпасами. Продовольствие отдавали крестьянам, с собой решили взять только 300 пудов сахара. Когда к селу сунулись банды УПА (Украинской Повстанческой Армии), их встретили партизанские заслоны и завязали бой. В этом бою было уничтожено 70 бандитов, в том числе руководитель северного „провода“ Сушко. Партизаны потеряли трех бойцов, еще трое были ранены.

После операции Прокопюк сосредоточил бригаду в районе села Яйно, в 20 километрах юго-восточнее Камень-Каширского, а сам с небольшой группой, захватив раненых и трофеи, направился в штаб А.Ф. Федорова. Алексей Федорович обрадовался встрече, трофеям, а главное, спискам ОУН на Волыни и кодам, которыми обменялись гестаповцы и бандеровцы и которые попали в руки партизан в селе Пески.

Надо сказать, что, направляясь в соединение Федорова, Николай Архипович надеялся прояснить для себя один волновавший его вопрос. Суть состояла вот в чем. Получив последний приказ из Центра, он понял, что дальнейший маршрут рейда будет пролегать через землю Польши. И тогда он задумался о национальном составе своей бригады. В случае выхода на польскую территорию роль нескольких поляков, находившихся в отряде, становилась несколько иной, чем прежде. На каком-то этапе полякам предстояло служить связующим звеном между русскими, украинцами, грузинами и другими бойцами бригады и их соотечественниками. Но для этого поляков в отряде было явно мало. Так, по крайней мере, казалось Николаю Архиповичу. И вот он решил поправить дело с помощью Федорова, в соединении которого польская прослойка была довольно значительной. Однако сразу по прибытии Прокопюк узнал, что в соединении Федорова создается польская бригада имени Ванды Василевской. Это меняло дело: теперь он уж не мог просить пополнения за счет партизан-поляков. Тогда Николай Архипович обратился к Федорову с просьбой отчислить на добровольных началах бойцов и командиров из числа военнопленных, бывавших на польской территории. Алексей Федорович согласился.

В начале марта 1944 года основные силы бригады Прокопюка выступили к Бресту, вперед была выслана разведывательная группа под командованием Доценко.

Напомним, что Советский Союз на протяжении всей войны оказывал разнообразную помощь движению Сопротивления многих стран. В СССР готовились кадры для национальных партизанских формирований. Советская страна заботилась об обеспечении их оружием, боеприпасами, медикаментами, о лечении раненых. Это был интернациональный долг.

В апреле 1944 года по просьбе польской эмиграции в СССР только что созданному Польскому штабу партизанского движения были переданы партизанские бригады и отряды, состоявшие из поляков. Большая часть этих отрядов, сформированных в западных районах Украины и Белоруссии, вскоре перешла на территорию Польши. Одновременно в Польшу стали переходить и наиболее опытные советские партизанские формирования.

В конце марта, перед началом рейда по территории Польши, Николай Архипович Прокопюк встретился с направлявшимися в Москву представителями Краевой Рады Народовой Марианом Спыхальским, Эдвардом Осубка-Моравским, Яном Хонеманом и Казимиром Сидора. Встречи с этими людьми дали возможность Николаю Архиповичу правильно понять и оценить обстановку в Польше. А ситуация там складывалась следующим образом. В стране действовали внутренние силы в лице многочисленных партий и союзов. Силы эти в условиях войны и оккупации делились на два противоположных лагеря. С одной стороны, партии и союзы, стоявшие на позициях непримиримой борьбы с фашистами и солидаризировавшиеся в этой борьбе с Советским Союзом. Этот лагерь возглавлялся Польской рабочей партией и был представлен большинством населения; с другой стороны — партии и организации, занимавшие выжидательную позицию в войне и враждебную по отношению к первому лагерю и Советскому Союзу. Руководящим органом второго лагеря было эмиграционное правительство Польши, засевшее в Лондоне — буржуазное правительство буржуазной Польши, которое проповедовало пассивность, „стояние с оружием у ноги“. Сторонниками подобной политики были прежде всего реакционно настроенные офицеры. С учетом политического положения в стране, расстановки польских сил Сопротивления командование бригады во главе с Прокопюком определило политическую линию поведения в ходе рейда как бригады в целом, так и каждого бойца в отдельности.

Бригада выходила на территорию Польши четырьмя

эшелонами.

Первый эшелон — отряд под командованием майора А.Д. Коваленко в составе 40 человек — форсировал реку Западный Буг в ночь на 20 марта. К концу месяца отряд достиг района, расположенного в 6 километрах северо-восточнее города Остров-Любельский, где и остановился, ожидая прибытия основных сил бригады. Связавшись с членом ЦК ППР Яновским (Леоном Касманом) и с командующим Люблинским округом Армии Людовой полковником Метеком (Мечиславом Мочаром), майор Коваленко стал получать через них ценную разведывательную информацию и передавать ее в Москву. Одновременно его отряд развернул боевую деятельность на железных и шоссейных дорогах.

Второй эшелон — отряд под командованием майора Г.Ф. Мухина в составе 30 человек — переправился через Западный Буг в ночь на 27 марта в 15 километрах севернее города Влодавы и, совершив 200-километровый марш в сложных условиях степной полосы восточнее Люблина, 18 апреля вышел в район Липско-Яновских лесов, где установил контакт с бригадой Армии Людовой под командованием капитана Вицека (Игнатия Барковского)“ а также с другими польскими и советскими партизанскими отрядами. До прибытия главных сил отряд Мухина также деятельно занялся разведкой.

Третий эшелон численностью 136 человек во главе с заместителем командира по разведке майором И.П. Галигузовым форсировал Западный Буг 24 апреля в 10 километрах южнее города Влодавы. В составе этого отряда находилась часть штаба бригады. 1 мая эта группировка соединилась с отрядом Мухина.

Четвертый эшелон — основные силы бригады с тяжелым оружием и во главе с Николаем Архиповичем Проконюком — переправился через Западный Буг в ночь на 9 мая в 10 километрах севернее города Влодавы. На левом берегу партизаны разгромили во встречном бою подразделение немецкой полевой жандармерии.

12 мая эшелоны соединились.

Рейд подразделений бригады по территории Польши продолжался до 19 июля. За это время было проведено 11 встречных боев, осуществлено 23 диверсии, в которых был подорван и пущен под откос 21 вражеский эшелон и разрушено 3 железнодорожных моста. Было выведено из строя 38 фашистских танков, захвачено много оружия разного калибра и автомашин. Кроме того, по разведывательным данным бригады, Авиация Дальнего Действия Красной Армии (АДД) осуществила ряд воздушных налетов на военные объекты врага. Так, в частности, в

ночь на 17 мая 1944 года по целенаводке партизан АДД нанесла бомбовый удар по скоплению эшелонов противника на станции Хелм, в результате чего были разбиты два эшелона с живой силой и подвижный состав с горючим; уничтожены местная база горючего и крупный склад зерна; повреждено несколько паровозов, стоявших в депо.

Все это данные из архива, и цифры говорят сами за себя. Если посчитать, то получается, что „Охотники“ совершали приблизительно одну диверсию в неделю, уничтожали в педелю один эшелон, в день — 13 солдат и так далее…

Наверное, эти четыре месяца были кульминацией в боевой деятельности Николая Архиповича — в жизни каждого человека существует такой пик.

В конце мая в связи с предстоящим крупным летним наступлением Красной Армии Центр отдал приказ передислоцироваться в Липско-Яновские леса. Николай Архипович, тщательно оценив обстановку, решил провести бригадой стремительный марш в назначенный район по степной местности в обход города Люблина с востока. Чтобы дезинформировать противника, днем 27 мая бригада начала рейд в северо-западном направлении, а ночью резко повернула на юг и, обходя населенные пункты, броском двинулась к цели. Это было очень смело, и успех замысла Прокопюка зависел от скорости передвижения. Вот почему он сам лично торопил ночью бойцов.

1 июня 1944 года бригада в полном составе сосредоточилась в Липско-Яновском лесу. К тому времени в ней было 600 бойцов.

В начале июня 1944 года в этих лесах находились также советские партизанские соединения В. Карасева и В. Чепиги, отдельные отряды В. Пелиха, М. Наделина, С. Санкова, И. Яковлева, польско-советский отряд Н. Куницкого, польские партизанские бригады имени Земли Любельской и имени Ванды Василевской Гвардии Людовой, отряд Армии Крайовой под командованием Конара (Болеслава Усова). В общей сложности группировка насчитывала 3 тысячи человек. И никто не знал, что через неделю-две придется им вести жесточайшие боя в окружении. Но, разумеется, предполагали, потому что совокупность обстоятельств оказалась такой, что немцы неминуемо должны были принять меры к очищению этих мест от партизан. Во-первых, слишком уж быстро росло партизанское движение в восточных областях Польши, а во-вторых, территория эта постепенно превращалась в непосредственный оперативный тыл немецких войск на Восточном фронте.

6 июня Николай Архипович, связавшись с Центром по радио, попросил ускорить высылку людей для укомплектования группы

майора Коваленко, которая предназначалась к выходу на территорию Чехословакии, и параллельно сообщил: „Обстановка здесь такова, что задерживаться не придется; противник кровно заинтересован в занимаемом нами плацдарме на реке Сан и Вислеи, как свидетельствуют приготовления, намерен заняться нами всерьез“.

Решение Николая Архиповича покинуть Липско-Яновский лес было, безусловно, правильным: лучше несколько подорванных эшелонов, чем открытые бои с регулярными частями противника. Но было уже поздно, Немцы разработали операцию „Штурмвинд-1“ (на первом этапе) и „Штурмвинд-П“ (на втором этапе). И начали окружение.

7 июня в штабе Николая Архиповича собрались на совещание командиры, комиссары и начальники штабов всех отрядов, находившихся в Липском лесу. Присутствующие были в большей или меньшей мере осведомлены о карательной экспедиции и в связи с этим решили: действовать сообща, взаимно информировать друг друга об обстановке, не покидать лес в порядке односторонних решений, в затяжные бои не ввязываться в одиночку, чтобы не распылять сил, а под напором превосходящих сил противника отходить к деревне Лонжек — пункту общей концентрации партизанских отрядов в Липском лесу. Было также решено дать карателям бой, если это потребуется. Важно было поддержать престиж Польской рабочей партии в ее бескомпромиссной борьбе с фашистами.

Стычки начались 9 июня. Вплоть до 13 июня они носили характер боевого прощупывания партизанских сил, 11 июня определился замысел противника, пытавшегося замкнуть партизан в Липском лесу. Разгадав это намерение, партизанская группировка переместилась восточнее, в район Порытовой высоты на реке Бранев, где к рассвету 13 июня были заняты более выгодные в тактическом и оперативном отношении позиции.

В тот же день взяли в плен гауптмана, доставили в штаб, и Николай Архипович допросил его. Были получены сведения о составе немецкой карательной экспедиции и планах ее на ближайшее время. Наступление немцев было назначено на 14 июня.

Вечером 13-го было образовано объединенное командование польско-советской партизанской группировкой во главе с подполковником Прокопюком. Его заместителем стал майор В. Карасев. Тогда же были созданы объединенный штаб и госпиталь.

Со стороны немцев в карательной операции участвовали: 154-я резервная дивизия под командованием генерал-лейтенанта Альтрихтера, 174-я резервная дивизия под командованием

генерал-лейтенанта Эбергардта, часть 213-й охранной дивизии под командованием генерал-лейтенанта Решена, 4-й полк СС жандармерии, кавалерийский корпус, один моторизованный батальон СС жандармерии и несколько других частей вермахта, полиции и ВВС.

Три генерал-лейтенанта против одного подполковника! 30 тысяч карателей против 3 тысяч партизан!

Партизаны заняли круговую оборону, которая представляла собою эллипс и была разделена на 11 секторов — по количеству входивших в группировку формирований. К утру 14 июня были полностью завершены работы по оборудованию всех позиций, четко определены стыки и порядок связи как между соседними отрядами, так и всех отрядов и бригад со штабом объединенного командования.

Наряду с выделением тактических резервов партизанских отрядов и бригад был создан и резерв командования, который состоял из нескольких подразделений численностью от 15 до 120 человек.

Утром начался бой. Немцам сразу же удалось вклиниться в позиции партизан на стыке участков обороны отряда связи ЦК ППР и бригады имени Ванды Василевской. Создалось угрожающее положение, поскольку этот частный успех в начале боя не только нарушал общую систему обороны, но и мог оказаться решающим по своему психологическому воздействию. Леон Касман и его сосед справа майор Карасев прибыли на командный пункт и доложили Николаю Архиповичу о неспособности локализовать прорыв собственными силами. Николай Архипович бросил на ликвидацию прорыва 80 человек из оперативного резерва. Немцы не выдержали контратаки и отошли на исходные позиции.

В 12 часов дня образовался еще один прорыв в связи с потерями, понесенными 1-й ротой бригады Николая Архиповича. В прорыв было введено 120 человек резерва, и немцы были опять отброшены.

В 4 часа дня совершил подвиг младший лейтенант Михаил Петров. Он в свое время десантировался в тыл вместе с Николаем Архиповичем и сначала был командиром взвода разведки, а потом стал командовать 1-й ротой бригады. Так вот. С 9 утра Петров со своей ротой отбивал непрекращающиеся атаки усиленного полка эсэсовцев, поддерживаемых авиацией и сильным артиллерийско-минометным огнем. Атаки шли одна за другой. Перед сектором обороны образовалась гора трупов карателей. Около 16 часов в атаку поползли танкетки, а под их прикрытием подтянулась артиллерия, готовая стрелять прямой наводкой. Петров сосредоточил расчеты противотанковых ружей

на направлении движения танкеток и поставил бойцам задачу уничтожить вражеские машины наверняка. Последовал залп, танкетки остановились, одна из них запылала. В этот момент Михаил поднял свой первый взвод в контратаку, опрокинул эсэсовцев и с ходу овладел неприятельскими артиллерийской и минометной батареями. Партизаны доставили на свои позиции 75-мм орудие и зарядные ящики к нему и два 81-мм миномета с запасом мин. Развернув захваченное оружие, они открыли из него огонь по немцам. А Михаил тем временем преследовал карателей дальше. Однако вражеская пуля сразила героя. Заместитель Михаила Петрова Харитон Пономаренко предпринял еще одну контратаку, чтобы вынести из расположения немцев тело своего командира. Посмертно за этот бой Михаилу Петрову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Третий прорыв обороны случился около 23 часов на участке отрядов С. Санкова и М. Наделина. На ликвидацию прорыва Николай Архипович бросил взвод, одно отделение комендантского взвода, а также польский отряд Армии Крайовой — всего около 150 человек, опять же из оперативного резерва. Прорыв быстро был ликвидирован, восстановилось прежнее положение.

Чего же добились фашисты в течение 15 часов боев, в ходе 50 атак? Они потеряли три с половиной тысячи человек убитыми и ранеными, а партизаны — около 210 человек. Этот успех был прежде всего обеспечен умелой организацией, блестящим командованием партизанской группировкой. Сыграла свою роль оперативная информация, полученная от гауптмана, плененного накануне этих боев. Пользуясь ею, партизаны, например, дезориентировали фашистскую авиацию, выкладывая белые полотнища клиньями в сторону карателей, вследствие чего фашистские летчики сбрасывали бомбы на свои войска. А когда гитлеровцы белыми ракетами подавали сигнал воспрещения огня, партизаны присоединялись к этому фейерверку.

После войны битва 14 июня 1944 года войдет в историю как крупнейшее сражение партизан на польской земле.

Весьма значительной по своим последствиям явилась завершающая контратака на позициях бригады Николая Архиповича.

Противник начал атаку на фронте бригады одновременно с ударом в других секторах. Немцы уже чувствовали, что „захлебываются“, и предприняли последнюю в тот день попытку достигнуть перевеса. Под руководством начальника объединенного штаба старшего лейтенанта А. Горовича атака была отбита. Преследуя фашистов, партизаны вклинились более

чем на 300 метров в глубину и по фронту в расположение вражеских позиций и, пользуясь наступившей темнотой, закрепились в прорыве. Николай Архипович с нетерпением ждал этого момента, и когда ему доложили, что в кольце окружения образован достаточный коридор, он тотчас отдал приказ выводить из леса все блокированные партизанские отряды и эвакуировать госпиталь. Выход из окружения закончился в 01.00 час 15 июня. Заранее было решено переходить в Содьскую пущу.

Переход сопровождался, конечно же, целым рядом встречных боев. Особо острое столкновение произошло 15 июня у деревни Шелига, где партизаны разгромили вражескую группу преследования и полностью истребили два дивизиона его конницы. Но все же к исходу дня 18 июня группировка вступила в Сольскую пущу.

Три дня были относительно спокойными, и за это время на нескольких самолетах По-2 были эвакуированы тяжелораненые. 21 июня немцы вновь окружили партизан.

Николай Архипович и руководители других отрядов решили не доводить дело до нового сражения и покинуть блокированную пущу, поскольку, ввязываясь в подобные бои, партизаны не выполняли своей основной функции в борьбе с противником. Прорыв из повторного окружения планировалось провести в двух направлениях. Основной группе советских партизан необходимо было выйти на юго-восток, на территорию Львовской области, с тем чтобы принять самолеты и отправить раненых, а всем польским отрядам и нескольким советским, не обремененным ранеными, — прорываться на север, чтобы снова выйти в Липско-Яновские леса. 21 июня польско-советская группировка разделилась.

Николай Архипович назначил прорыв для своей группы на следующий день. Однако прошло двое суток, прежде чем удалось осуществить этот прорыв. В ночь на 24 июня в исключительно трудной ситуации партизаны пробили брешь в окружении, преодолели три линии вражеского заслона и с боем форсировали труднопроходимую, заболоченную речку Танев, чуть было не увязнув в ней. В прорыве бригада Николая Архиповича составляла левый фланг штурмующей колонны.

К вечеру 25 июня группировка достигла Янов-Львовского леса. Последующие тринадцать дней партизаны умело маневрировали между Япов-Львовским и Синявскими лесами, уклоняясь от главных сил противника и громя отдельные группы карателей во встречных боях.

8 июля в Янов-Львовском лесу удалось принять большой

транспортный самолет „Дуглас“. На этом самолете и нескольких По-2, прилетавших из-за линии фронта в период с 25 июня по 7 июля, были наконец эвакуированы все раненые.

Вслед за эвакуацией наступило новое разделение. Большинство отрядов вышло в обратный рейд на Люблинщину, где они вскоре соединились со вступившими на территорию Польши частями Красной Армии. Бригада же Николая Архиповича, соединение В. Карасева и польско-советский отряд под командованием Н. Кушщкого направились в Карпаты. 19 июля бригада Прокошока форсировала реку Сан в ее верхнем течении и обосновалась на горе Столы (высота 967). Здесь бригада была доукомплектована специальными десантами, прёдназначавшимися для действий в Чехословакии, и с 1 августа 1944 года начала свою деятельность на территории восточных районов Словакии.

Так закончилась для Николая Архиповича Прокопюка боевая его работа в Польше.

Весной 1944 года по инициативе Коммунистической партии Чехословакии была достигнута договоренность между Центральным Комитетом КПЧ и Центральным Комитетом ВКП(б) об оказании Советским Союзом помощи партизанской борьбе в Чехословакии, которая к этому времени стала приобретать характер боевых, наступательных действий. В мае 1944 года в Советском Союзе начали подготавливать специальные кадры из чехословацких патриотов. После кратковременного обучения в июле — августе несколько групп было переброшено на территорию Чехословакии. В их состав входили и советские партизаны. Всего было десантировано 24 организаторские партизанские группы, руководимые в основном чехами и словаками. Вслед за десантом на территорию Словакии перебазировалось несколько советских партизанских формирований. Клемент Готвальд в письме Центральному Комитету ВКП(б) отмечал: „Советские партизаны показали словацкому и чешскому народам, как нужно бить фашистов, они показали также, что в *этой* борьбе должны принять участие широкие народные массы“.

Рейд бригады Прокопюка в Чехословакии продолжался два месяца. Маневрируя в районе Снина, Гуменне, Медзилаборце на сравнительно небольшой территории, партизаны нарушали связь и снабжение врага, неожиданно появлялись в самых уязвимых для противника местах. Последний бой в Чехословакии бригада вела в тактическом взаимодействии с нашими наступавшими войсками. Это было в конце сентября. А предшествовали этому

бою такие события.

В последних числах сентября отряд подвергся особенно настойчивому преследованию противника. После тяжелого боя 24 сентября с частями 1-й танковой армии фашистов у села Зубно Николай Архипович принял решение выйти в расположение частей Красной Армии. Пробившись из окружения, утром 25 сентября отряд прибыл в район перевала Бескид. Вечером были захвачены четыре вражеских разведчика во главе с фельдфебелем из дивизионной группы „82“. По показаниям фельдфебеля, дивизионная группа „82“ представляла собою усиленный полк из остатков разбитой 82-й дивизии и имела задачу занять 26 сентября оборону на перевале Бескид. С этой целью утром 26-го один батальон должен был прибыть на перевал из села Телеповцы. Немец также сообщил, что батальон будет поддержан артиллерией 254-й дивизии из пунктов Телеповцы и Ольшинков. По получении этих сведений, приняв во внимание оперативное значение перевала Бескид, Николай Архипович изменил первоначальный свой план — выйти в расположение наших частей, он решил удержать хребет Бескид до подхода частей Красной Армии.

В ночь на 26 сентября силами своей бригады Прокопюк занял хребет на участке между высотами 811 и 909 общей протяженностью 2,9 километра и выслал разведчика, чтобы доложить советскому командованию о своем решении. Разведчик должен был служить проводником для наших частей. Он был уроженцем закарпатского села и хорошо ориентировался в горах.

Утром противник двинул свой батальон на хребет. К 11 часам немцы — около 200 человек — достигли линии обороны бригады Прокопюка. Но, не успев развернуться, они были смяты партизанами и обращены в бегство. На середине южного склона по немцам ударила еще и засада, и они скатились к селу Вышня Яблонка, увлекая за собой второй, следовавший за ним, эшелон. Операция закончилась к 14.00, и в этот день попыток к овладению хребтом Бескид противник больше не предпринимал.

Поскольку разведчик в назначенный срок не возвратился (позже стало известно, что он выполнил поставленную задачу), в ночь на 27 сентября Прокошок выслал вторую группу разведчиков в составе трех человек для установления связи с частями Красной Армии.

Утром бригада, занимавшая оборону на хребте, подверглась атакам немцев с запада, со стороны высот 698 и 909. Бой продолжался в течение всего дня, и в ходе него атаки пехоты врага чередовались с крупными артиллерийскими налетами. Партизаны отбили все атаки и продолжали удерживать занятую

позицию.

В 6 утра 28 сентября на хребет прибыли первый и второй батальоны 869-го полка 271-й дивизии под командованием старшего лейтенанта Пыхтина и капитана Полинюка. Батальонам была придана минометная батарея старшего лейтенанта Шушина из 496-го горновьюочного Остропольского дважды Краснознаменного полка Резерва Главного Командования. Первый батальон Николай Архипович расположил на западе, а второй на востоке хребта вместе со своими подразделениями.

В течение двух последующих суток партизаны при поддержке прибывшего пополнения удерживали свои позиции, несмотря на ожесточенные попытки противника занять хребет. Так, например, 28 сентября немцы предприняли 16 атак, причем две атаки были ночные. Наступлению пехоты всякий раз предшествовал артиллерийско-минометный налет.

Имея связь с 271-й дивизией, Николай Архипович получил от командира этой дивизии заверения, что к ним идет поддержка. Помощь необходима была потому, что прибывшие батальоны из-за своей малочисленности и слабости огневых средств не представляли собой существенной силы. Но вечером 29 сентября командир 271-й дивизии сообщил Николаю Архиповичу, что направленные ему части пробиться к хребту не могут, партизанам предлагалось самим изыскать пути к соединению с частями Красной Армии. Позиции на Бескиде было приказано оставить.

Николай Архипович составил из своих подразделений группу прорыва, а во втором эшелоне поставил кавалерийский эскадрон, который эвакуировал раненых. Замыкали колонну батарея Шушина и оба батальона 271-й дивизии.

Оторвавшись от противника незамеченными в 02.00 30 сентября, партизаны и красноармейцы после шестикилометрового марша перешли линию фронта в районе села Воля Михова. При этом группа прорыва стремительным ударом с тыла уничтожила пять дзотов, несколько пулеметных гнезд и минометную батарею противника. Эта операция заняла 15 минут, и в образовавшийся коридор вышли подразделения Прокопюка и части 271-й дивизии, эскадрон эвакуировал 50 раненых.

Всего в боях за хребет Бескид потери партизан составили 6 человек убитыми и 34 человека ранеными. Без вести при прорыве пропало 8 человек.

Обо всем происшедшем на хребте Бескид Николай Архипович доложил рапортом командующему 4-м Украинским фронтом генерал-полковнику И.Е. Петрову, тому самому Петрову, о котором впоследствии был написан роман „Полководец“.

Итак, 1 октября 1944 года бригада Николая Архиповича

соединилась с нашими войсками. Схватка на хребте Бескид была последним боем Прокопюка в Великой Отечественной войне.

290 бойцов и командиров бригады, созданной на базе спецгруппы „Охотники“, были награждены орденами и медалями. Кроме того, 75 человек удостоились наград Польской Народной Республики и 125 человек — Чехословацкой Социалистической Республики. Николаю Архиповичу Прокопюку было присвоено звание Героя Советского Союза.

С июля 1946 года по апрель 1948 года Николай Архипович возглавлял один из отделов Советской военной администрации в Германии. Потом его отозвали в Москву, где он продолжал службу на руководящей работе в МВД СССР. В 1950 году, находясь в звании полковника, он был уволен в запас по болезни.

Первое время после увольнения было самым тяжелым в его жизни, поскольку он не привык сидеть сложа руки. И хотя рядом была жена, Александра Антоновна, и многочисленные друзья не забывали его (тот же Илья Григорьевич Стариков), он все же долго чувствовал себя неуютно.

Но потом его избрали членом Советского комитета ветеранов войны и членом правления Общества советско-польской дружбы, Советского комитета солидарности с греческими демократами. Его посылали на международные конференции по проблемам движения Сопротивления: в 1959 и 1962 годах в Вену, в 1961 году в Милан. Затем в Варшаву, Никозию. Он много выступал в школах, на предприятиях, в воинских частях, в военных академиях и училищах, институтах. Словом, втянулся в общественную работу.

Летом вместе с Александрой Антоновной уезжал на отдых к Черному морю. Они купили „Победу“, и оба лихо водили автомашину. Сбылось то, о чем мечтали в войну и он и она: остаться в живых и быть вместе. В Крыму на пустом диком пляже они нередко вспоминали далекую Испанию и то, как в Испании вспоминали Крым. Смеялись. Когда врачи запретили ему отдыхать на юге, Александра Антоновна открыла прелестный уголок в Белоруссии. Они стали бывать там каждое лето. Шили в домике лесника, на опушке леса. Возле дома стояла высокая береза, а под ней были врыты в землю скамья и столик. Это место он очень любил. Здесь читал, обдумывал замыслы статей о партизанской войне, о движении Сопротивления. Вот только лес не очень-то привлекал его. Если он и ходил за грибами, за ягодами, то обязательно брал с собою деревенских детей и оправдывался при этом, что одному в лесу очень скучно. Но на самом-то деле причина была в другом — как только он входил в

лес, тотчас же на него наваливалась страшная усталость, похожая на ту, которую он испытал после хребта Бескид, когда вывел, наконец, бригаду в расположение нашей регулярной армии.

Кроме Ильи Григорьевича Старинова, он поддерживал отношения с С.А. Ковпаком, А.Ф. Федоровым, М.И. Наумовым, Г.М. Линьковым и другими прославленными партизанами. Вместе они вели большую пропагандистскую работу.

В середине 60-х годов Николай Архипович был приглашен главным консультантом на съемки четырехсерийного телефильма о советских чекистах „Операция „Трест“. В 1968 году в Доме кино состоялась премьера, на которой по традиции присутствовали режиссер, оператор, художник и актеры. Был там и Николай Архипович.

…Трудности суровых лет войны подорвали здоровье Николая Архиповича, но он не сдавался болезням до самых последних дней своей жизни. Умер он в возрасте семидесяти трех лет. В 21-м томе Большой Советской Энциклопедии Николаю Архиповичу Прокопюку посвящено несколько скупых строк. Но за ними стоит героическая жизнь солдата, патриота-интернационалиста, бесстрашного чекиста.

А. МОРОЗОВ
СТАНИСЛАВ АЛЕКСЕЕВИЧ ВАУПШАСОВ

Генерал Григорьев не заметил, как промелькнуло время. Уже глубокая ночь. Пора бы прилечь на час-другой здесь же, в кабинете, но есть еще одно дело, неотложное. Нельзя тянуть, как, впрочем, нельзя и спешить…

Шторы на окнах были опущены. В углу за стеклом тускло отсвечивали медные гирьки старинных часов. Свет от лампы под широким абажуром неярко падал на покрытый зеленым сукном стол, на массивную голубую чернильницу, стопку книг и газет, горку личных дел сотрудников управления.

Генерал хорошо знал этих людей. Отважные, боевые офицеры не вызывали сомнений. Один участвовал в гражданской войне и боролся с контрреволюцией под руководством Ф.Э. Дзержинского, другой героически дрался в боях с басмачами и на Халхин-Голе, третий отличился на закордонной работе. Стоит ли долго думать? Каждый выполнит любое задание. И все же Григорьев не торопился принять решение. Он еще и еще раз листал дела. Чтобы дать отдых воспаленным от бессонницы глазам, вставал, прохаживался, подходил к развернутой во всю стену карте. Всматривался, размышлял, чувствуя, как болью сжимается сердце. Грозный вал войны катился с запада на восток, под пятой фашистов горели, рушились советские города и села, страдали и гибли попавшие в неволю люди. Враг силен, идет напролом, не считаясь с потерями.

Генерал вернулся к столу, раскрыл папку: «Ваупшасов Станислав Алексеевич». С фотографии прямо в глаза смело и изучающе смотрел еще молодой человек — широкие плечи, высокий лоб, густые, вздыбленные брови, крепкий подбородок с ямочкой. Григорьев не раз встречался с этим чекистом, давал ему ответственные поручения и скорее «для порядка» просмотрел тщательно составленные документы. Вот автобиография. Родился в 1899 году, в местечке Грузджяй Ковенской губернии, в семье рабочего. Литовец. Член партии. Женат, двое детей — Феликс и Марат. В детские годы работал у помещика, потом был землекопом, арматурщиком, добровольно вступил в Красную Армию. Воевал сначала на Южном фронте, потом против Дутова и корпуса белочехов, с 1920 по 1925 год был командиром партизанского отряда в Западной Белоруссии… Григорьев

задумался, вспомнив, что именно отряд Ваупшасова в те годы напал на белопольский гарнизон в Столбцах, штурмом взял тюрьму и освободил томившихся там в ожидании расправы политзаключенных…Затем учеба в школе командного состава, служба в Минске и опять война, на этот раз в Испанки. И снова генерал задумался, вспомнил, как в дни падения республики, рискуя жизнью, Ваупшасов вывез архивы, которые не должны были попасть в руки франкистов, эвакуировал во Францию советских граждан…За доблесть, проявленную в боях с белофиннами, награжден именным оружием. Последний год — на загранработе. Знает языки — шведский, испанский, английский. Кратки, но емки фразы из характеристик: «Способен переносить любые трудности», «Дисциплинирован, энергичен, инициативен», «Храбр, решителен, скромен», «Пользуется авторитетом у товарищей».

Генерал еще раз взглянул на фотографию и, будто разговаривая с Ваупшасовым, сказал про себя: «Что ж, товарищ майор, учитывая твой опыт и высокие профессиональные качества…» Григорьев вызвал помощника:

— Какие новости с экспресса-три?

— Только что получена радиограмма. Вышел из Югославии в Турцию.

— Дайте знать Ваупшасову, чтобы он нигде не задерживался. По прибытии незамедлительно ко мне.

— Слушаюсь, товарищ генерал.

Григорьев прошелся раз-другой по кабинету, щелкнул выключателем и, не раздеваясь, зная, что скоро подниматься, лег на диван. Сквозь плотные шторы едва заметно пробивался рассвет,

…Поезд, в котором находились под надзором немцев советские дипломаты, внешнеторговые работники, буквально тащился по дорогам Европы. В Югославии его на целый месяц загнали в тупик и установили для пассажиров настоящий тюремный режим: из вагонов не выходить, окон не открывать. В поезде было много женщин, детей, появились больные. Ваупшасов как мог помогал людям. Вспоминая своих двух сыновей, возился с ребятишками. Изнывавшим без курева мужчинам добывал, обманув бдительность охранников, пачку-другую сигарет. В одной нашел записку: «Братья, товарищи! Югославия с вами». С этой запиской побывал во всех вагонах. У поезда стали все чаще собираться местные жители, их отгоняли, но они появлялись вновь, некоторые смельчаки держали большие плакаты: «Свободу советским дипломатам!» Наверное, это и заставило фашистов отправить наконец-то поезд дальше. Когда состав тронулся, люди

как бы обрели свободу, ожили, разговорились.

Ваупшасов вышел в коридор, открыл окно. Свежий ветер ударил в лицо. Мимо проплывали горы, подкрашенные предосенним багрянцем леса, голубые, сверкающие на солнце озера, увитые плющом и виноградом домики. Мир и покой. А что на Родине? Фашисты, сопровождавшие поезд, не разрешали покупать газеты, слушать радио, временами, ухмыляясь, бросали: «Русс капут». Ваупшасову стоило большого труда, чтобы не схватить одного особо наглого молодчика за шиворот и не двинуть ему как следует. Так он поступал нередко в молодости, когда встречался с подлецом. Возраст и опыт научили сдержанности в любых обстоятельствах. И сейчас при виде самодовольных охранников он только отворачивался, скрипя зубами: «Мы вам покажем капут, сволочи!»

Ночью Ваупшасов долго не мог уснуть. Думал, как странно устроен человек. Едет он сейчас по чужой земле, где даже стук колес кажется не таким, как на Родине, и вагон будто бы качается иначе, и звуки, доносящиеся извне, не те, и арест еще не снят, в любую минуту могут ворваться гитлеровцы и учинить расправу, и завтрашний день неизвестно что принесет, а думает почему-то о том, что не вяжется с сиюминутными переживаниями и событиями. Мысль уходит в далекое прошлое, и так ясно он видит пережитое, будто это было вчера или сегодня.

…Вот он с пятью сверстниками бежит наперегонки от своего хутора к соседнему. Три версты кажутся бесконечно длинными. Слышно, как колотится сердце, грудь будто разрывается. Трое отстали. Впереди самый старший и самый быстрый. «Неужели поддамся?». Чувствует Стасик, что есть у него силы, и это толкает его вперед. Косматая ветла у пруда — финиш. «Не уйдешь, не уйдешь», — задыхается Стасик и на какой-то метр опережает товарища. Тот едва не плачет: «Споткнулся я на последнем шаге». — «Зачем врешь? — Стасик глядит на соперника и готов с ним схватиться. — Вранье — последнее дело».

Стасика в поселке считают храбрым и сильным мальчиком. Ему это приятно слышать, и хочется доказать, что люди не ошибаются в нем. Он приносит на выгон веревку: «Кто трое против одного?» Ребятишки хватаются за один конец, он за другой. Сперва не выдюживал, даже падал, но поднимался и начинал все сызнова. И сколько ж было ликования и гордости, когда однажды одолел троих. Прослышал об этом отец и сказал: «У нас на Литве были богатыри. Может, и ты будешь? Богатырь Ваупшас. Здорово, а? А если без шуток, сооруди во дворе турник, больше бегай, плавай, прыгай, а главное, не чурайся физической работы. Набирайся, каждый день набирайся сил. Сильный и за

себя постоит, и слабого защитит».

Отец хороший был человек. Он многое повидал на своем веку, всю жизнь стремился к лучшему, но лучшего не нашел. Запомнился разговор. «Стас, что читаешь?» — «Про Америку. Про небоскребы. Вырасту — побываю. Прочитать — одно, увидеть — другое». Отец подсел, повертел книжку и посоветовал выкинуть ее. «Я там был. Сманили знакомые. Обещали золотые горы. И что же? А то, что хлебнул горя. Работы не нашел, жилья не имел, еле выбрался обратно. Америка хороша для богатых, для бедных и бесправных она хуже тюрьмы. Надо тут, на родной земле за что-то уцепиться».

Не нашел Стас такой зацепки. Пришел однажды домой и заявил родителям: «На панов больше работать не буду, уеду счастья искать». Мать — в слезы, а отец подумал-подумал и отпустил, спросил только, где искать в случае чего. «Сначала поеду в Ригу, — сказал Стас, — не устроюсь там, махну куда-нибудь дальше. Найдется же где-нибудь и для меня место…»

В Риге ничего подходящего Стас не нашел. Можно было устроиться разносчиком газет или посыльным, но что это за работа! Стас чувствовал себя сильным, закаленным и искал дело потяжелее и поинтереснее. С этой мыслью и подался в Москву. Пришлось помыкаться, пока не приняли землекопы. Вот где узнал, что такое настоящий труд. Тяжко, трудно. Но ведь сам хотел этого. Стас похудел, вытянулся, окреп и мало в чем в работе уступал взрослым. В минуту усталости, когда руки не держали лопату, кто-нибудь из них подходил к подростку, гладил по жестким волосам: «Отдохни, сынок. Посиди. На-ка вот, подкрепись», — протягивал французскую булочку. Стас отводил руку: «Я не голоден. И не очень устал. Так, чего-то голова немного кружится».

Осенью 1914 года, когда со всех сторон неслось «За веру, царя и отечество!», Стас решил идти на войну добровольцем и объявил об этом землекопам. Те посмеялись: «Давай, давай, без тебя там каши не сварят. Только подумай, для кого и для чего будешь воевать. За царя-батюшку? Куцый ты еще, парень. Ничего-то не понимаешь. Лучше покумекай, как паспорт получить, ныне беспаспортных гребут под гребенку». Кто-то предложил сходить к лефортовскому приставу: «Знаю его. За четвертную мать родную продаст». «Мать его нам не нужна, — сказал старшой артели, — а паспорт пускай выписывает. За деньгами, думаю, дело не станет. Скинемся, ребята».

Паспорт пристав выписал. С фамилией только напутал. Надо Ваушпас, а написал Ваупшасов. Но с этим мириться можно. Не мог тогда Стас знать, что в будущем ему придется сменить не

одну фамилию…

— Разрешите, товарищ генерал! — На пороге вытянулся в струнку Ваупшасов, бодрый, чисто выбритый, одетый в новую, с иголочки форму.

— Входи, дружище, входи, — генерал поднялся, подошел, пожал руку. — Пожалуйста, без формальностей. Садись.

Ваупшасов сел в кресло у стола. Григорьев за столом, поближе к телефонам.

— Как добрался?

— С приключениями. Через пять стран.

— Приключения знаю, — перебил генерал. — Дома был?

— Нет, с вокзала прямо сюда.

— Жена эвакуирована на восток. Адрес тебе дадут. С ней младший сын, старший со школой под Рязанью. Где воевать хочешь? На Украине, в Белоруссии? Ваушнасов понял, о какой войне идет речь.

— Белоруссия — моя вторая родина.

— Ну вот и хорошо. Договорились. Сейчас как никогда нужен твой опыт. Будем бить врага в его тылу. Но об этом после. Можешь денек отдохнуть. Проштудируй газеты, познакомься с положением на фронтах. Особо изучи выступление товарища Сталина от третьего июля. Завтра в десять ноль-ноль ко мне.

День Ваупшасов провел в библиотеке. Листал подшивки газет, изучал сводки Совинформбюро. Гигантская битва охватила огромные пространства. Враг топтал большую часть Украины, поглотил Литву, Латвию, Белоруссию, Молдавию, рвался к Ленинграду, к Москве. Газеты призывали к защите Отечества: «Остановить врага!», «Истребить ударные силы фашизма!»

…Нестерпимо долго тянулся вечер в пустой квартире. На столе лежал крупно исписанный запыленный лист: «Милый, так и не дождались тебя. А как ждали, как мы тебя ждали, представить не можешь. О нас не беспокойся. Будет все хорошо и, надеюсь, скоро опять будем вместе. Крепко-крепко целуем тебя». Защемило сердце. Альбом, где альбом? Так хочется посмотреть на всех. Снимались часто. Любимое фото под соснами, на берегу реки. Альбом хранился в нижнем ящике стола. Нет. Значит, взяли с собой.

Ваупшасов вышел на балкон. Всматриваясь в полутемную, притихшую Москву, вспоминал былое…

В предреволюционные годы здесь, в Москве, встретился он с одногодком, который стал ему па всю жизнь другом, Максимом Барташуком. Разговорились случайно, в чайной, друг другу

понравились. Оба вступали в жизнь и нуждались в поддержке. Максим костил каких-то арматурщиков, хотел пристроиться к ним в артель, а они на смех — куда тебе до нас, хил и слаб. Подняли с земли металлический прут, предложили согнуть, попробовал, да где там, пружинится и только. Выслушав Максима, Стас попросил его поставить локоть на стол. «Не знаю, чего ты там расслаб. Силы в тебе хоть отбавляй. Может, сходим вместе?»

В артели ребят встретил детина — рубаха чуть не лопалась от могучих мышц. «А, опять пришел, — узнал оп Максима, — видно, заело тебя. Это хорошо. Дружка привел, — оглядел с ног до головы Стаса, — посмотрим, чего он стоит». Подвел к аккуратно уложенным стопкой металлическим прутьям. «Выдюжишь — примем. Нам молодые нужны. Бери, парень, гни». Стас взял первый попавшийся прут, испробовал на вес — тяжелый, однако весело сказал: «В одно кольцо гнуть или в два?»

Когда Стасу нужно было что-то сделать на виду у людей, он умел как бы в комок собрать свою волю, сосредоточивался на одной мысли — не сплоховать, преодолеть, побороть. Так и сейчас. Он обвел взглядом насмешливые лица артельщиков и скомандовал: «Расступись пошире! Не мешай!» Не спеша скинул пиджак и по-хозяйски сложил его на бетонном кубе, потер рука об руку, цепко схватился за концы прута, весь напрягся. Скорее почувствовал, чем увидел, как прут медленно и неподатливо гнется, приобретая очертания круга. «Он, черт, может и сломать», — под смех всей артели выкрикнул кто-то из толпы. Старшой удовлетворенно кивнул головой: «Ладно, примем подсобником. Как, согласный?» Стас оделся, причесал взмокшие волосы, сдвинул на бок картуз, взглянул на артельщиков, как равный на равных: «Нет, несогласный. Что я один-то средь вас, стариков? Принимайте двоих. Мне товарищ нужен по годам. А силы у него не меньше, чем у меня». Старшой поворчал — другой бы в ноги поклонился, а этот условия выставляет. Стас и тут нашел, что сказать: «Кланяться, дядя, мы самому богу перестали, а тебе, рабочему человеку, за каким хреном нужны наши поклоны? Принимай и дело с концом». На том и порешили.

Рабочая школа… Она учила солидарности, стойкости и мужеству. Из нее Стас вынес любовь к трудовому человеку, ненависть к угнетателям, неприятие лести, угодничества, чинопочитания. В рабочей среде встретился Стас с людьми, которые дали ему в руки большевистскую листовку и газету, учили распознавать друзей и врагов, объяснили такие понятия, как классовая борьба, пролетарская революция, рабоче-крестьянское государство…

В дни Октября Стас и Максим добровольно записались в красногвардейскую дружину Лефортовского района. Получили оружие и встали на охрану революционного города. Пришлось побывать и под пулями.

Однажды им поручили обыскать особняк, где, как подозревали, спекулянты и мародеры устроили склад продовольствия. Явившись в дом, юные красногвардейцы обнаружили в нем лежащего на просторном диване старика. Объяснили, зачем пришли, предъявили документы, приступили к осмотру множества комнат и подсобных помещений. «Напрасно трудитесь, господа, — шаркал за ними старик, — живу здесь один. Жена давно умерла. Дети разлетелись по всему свету». «Извините, папаша, за беспокойство, — отвечал Стае, — ничего худого вам не сделаем. Посмотрим и уйдем».

Обшарили весь дом, ничего не нашли. Когда вернулись в гостиную, старик плюхнулся на свой диван. «Устал, господа, прошу прощения». И тут Стас вдруг подумал: а почему хозяин обитает в такой громадной пустой зале, холодной и неуютной? Есть же другие, небольшие комнаты, которые и топить гораздо легче, да и мебели там побольше. «Стой, — приказал себе Стае, — подумай хорошенько, не спеши уходить». Секунду помедлил, подошел к дивану: «Встаньте, пожалуйста». «Не могу. Я больной. Не имеете права». Друзья переглянулись, сдвинули диван со стариком в сторону, откинули потертый ковер. Сквозь щель в паркете тянулась веревочная петля. Подняв крышку лаза, Стас и Максим спустились по деревянной лесенке в большое подвальное помещение. В нем было сыро, душно и темно, лишь в одном месте слабо проникал свет из небольшого запыленного окна. Не сразу заметили кули с крупчаткой, сахаром, бочки с селедкой и маслом, ящики с чаем. Осматривая эти богатства, друзья отошли от лаза и вдруг услышали скрип ступеньки, он и спас им жизнь. Резко обернувшись, они увидели неясную фигуру человека со вскинутой рукой и тут же, как по команде, упали за мешки. Оглушающе прогремели револьверные выстрелы, пули просвистели где-то рядом. Стае, почти не целясь, ответил из своей винтовки и осторожно выглянул из-за мешка. На лестнице корчился раненый. Вытащили его наверх, где ахал и охал, бегая по гостиной, старик: «Откуда этот человек? Я не знаю этого человека». «Брось выкобениваться, — морщась, сказал раненый, — попался по дурости твоей. Почему сигнал не поставил?» Он оказался известным мародером и спекулянтом с неподходящей для его занятий фамилией Неелов.

Вот так несколько месяцев Стас и Максим, не разлучаясь ни на день, очищали город от всякой мрази. А осенью 1918 года по

призыву партии они записались добровольцами в 3-й отдельный московский батальон и отбыли на фронт.

Позже в одной из своих книг С.А. Ваупшасов вспомнит: «Тогдашний военный быт неоднократно уже описан: теплушка, „буржуйка“, чечевичная похлебка, конина. Основу фронтового пайка составляли полтора фунта хлеба, испеченного из ржаной муки с многочисленными питательными примесями. Хлебную пайку выдавали утром, и редко когда удавалось растянуть ее на весь день — большинство ужинало без хлеба. Надолго забыли мы и о чае и сахаре, пили пустой кипяток, иногда удавалось подсластить его случайно раздобытой крупинкой сахарина.

Но верно замечено, что не хлебом единым жив человек. Скудный быт наш облагораживался и компенсировался высоким духовным порывом. Что нам полуголодный красноармейский паек — мы всю кровь до последней капли готовы были отдать за преображенную Россию, за власть Советов!»

…Ваупшасов вглядывался в темноту. Где-то позванивали трамваи, прогрохотал поезд. Город дышал, город жил… «Интересно, — подумал Ваупшасов, — что утром скажет Григорьев, куда придется ехать? Сегодня Москва, а завтра?..»

Ваупшасову поручалось сформировать отряд особого назначения, которому надлежало скрытно перейти фронт и действовать в тылу врага вблизи Минска. Помимо боевых операций — уничтожение вражеских гарнизонов, эшелонов с войсками и техникой, разрушение железных дорог, мостов, телеграфа — нужно было еще связаться с действующими на территории Белоруссии партизанскими отрядами и подпольными группами, координировать их работу, знакомить попавших в неволю людей с положением на фронтах.

— Не к чему тебе объяснять, что за люди должны быть в отряде, — говорил генерал майору. — В Подмосковье сейчас готовятся кадры для засылки в тыл врага. Поезжай, знакомься, отбирай, кого хочешь. Тебе с ними воевать, тебе ими командовать. Бери наиболее опытных из командного состава, чтобы было кого на месте ставить во главе партизанских отрядов. Возьми непременно бойцов-белорусов, знающих города, села, леса республики. Действуй, товарищ Ваупшасов. Псевдоним тебе дадим Градов. Получишь на это имя документы. О формировании отряда и полной его экипировке доложишь… — генерал полистал календарь и сделал на одном из его листков запись, — …через две недели. И вот еще что. Обмундирование брать зимнее и летнее. Все самое добротное. Крыши над головой не будет.

Ваупшасов хорошо знал по опыту: хилым телом и слабым

духом в отряде делать нечего. Нужны настоящие мужчины, сильные и ловкие, смелые и дерзкие, решительные и твердые. Ваупшасов дневал и ночевал на базе, изучал и отбирал нужных людей. С одним и тем же человеком приходилось встречаться и дважды и трижды. Время требовало быстрых решений, но Ваупшасов знал, что в порученном ему деле нужна исключительная тщательность, всякая неосмотрительность впоследствии могла обернуться трудноразрешимыми проблемами.

В назначенный день Ваупшасов явился к генералу и доложил, что бойцы отобраны, экипированы и готовы к вылету.

— Погоди, товарищ Ваупшасов, — Григорьев вынул из папки бумагу, быстро прочел ее, — отправка ваша откладывается на неопределенное время. Враг на пороге Москвы. Отряд твой поступает в распоряжение командования второго полка мотострелковой бригады особого назначения НКВД. Желаю успеха. Надеюсь, скоро увидимся.

…И вот Ваупшасов стоит с бойцами на Красной площади. Куда ни поглядит, везде войска и войска, в полном боевом снаряжении. Они на марше, они готовы к атаке и, застыв в литых колоннах, ждут команды, чтобы двинуться на врага, занявшего позиции уже на близких подступах к Москве. В морозном воздухе тихо опускаются снежинки на шинели и полушубок, на шапки с красными звездочками. Покрыты снегом зубчатые стены Кремля, гордый храм Василия Блаженного. На величавой башне бьют куранты, все внимание на Мавзолей. В торжественной тишине звучит голос Сталина:

> — На вас смотрит весь мир как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. На вас смотрят порабощенные народы Европы, подпавшие под иго немецких захватчиков, как на своих освободителей. Великая освободительная миссия выпала на вашу долю, Будьте же достойными этой миссии!
>
> — Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Дмитрия Донского, Кузьмы Минина, Димитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!..

Слова обжигают, поднимают дух. «В бой, в бой!» — стучит сердце, и Ваупшасов крепче сжимает автомат.

— …Под знаменем Ленина — вперед к победе! — воскликнул Сталин, и через минуту войска пришли в движение, четко перестроились и, выбивая шаг по брусчатке, пошли на фронт. С праздничного Октябрьского парада — на передовые позиции.

Так после небольшого перерыва продолжилась военная биография Станислава Ваупшасова. Ему было чуть больше сорока лет, и добрую половину из них он отдал военной службе, да какой… Пожалуй, самой опасной, требующей особой бдительности, самопожертвования, исключительной выносливости, храбрости, таланта перехитрить, обескуражить и победить противника.

Ваупшасов ушел на фронт во главе батальона знаменитой ОМСБОН — Отдельной мотострелковой бригады особого назначения. Она отличалась высочайшей дисциплиной и организованностью. Комплектовалась из рабочих московских предприятий — автозавода имени Сталина, подшипникового и часового заводов. В распоряжение бригады были также посланы по решению ЦК партии и ЦК комсомола тысячи коммунистов и комсомольцев. В ней сражались и добровольцы-интернационалисты — испанцы, болгары, немцы, австрийцы, венгры, чехи, словаки, поляки. Отважными бойцами бригады были многие выдающиеся спортсмены страны, студенты столичных институтов. Старшими и младшими командирами были опытные чекисты, преподаватели спецшкол и академий, офицеры внутренних и пограничных войск. «Главное место в программе боевой подготовки, — писал впоследствии командир бригады полковник Орлов, — заняли минно-подрывное дело, изучение подрывной техники врага, тактика действий небольшими подразделениями, разведка, ночные учения, марш-броски, преодоление водных преград, топография, радиодело и прыжки с парашютами».

Батальон, которым командовал Ваушнасов, прославился боевыми рейдами в тылы немецких захватчиков. Он наносил ощутимые удары по вражеским коммуникациям, взрывал мосты, железные дороги, громил воинские части. Бойцы батальона обезвредили немало шпионских гнезд, пленили сотни немецких солдат и офицеров.

В горячих боях Ваупшасов все реже вспоминал, как готовился к походу в белорусские леса. Поэтому несколько неожиданной для него оказалась нашедшая его за сотни километров от столицы телеграмма генерала Григорьева: «Срочно прибыть в Москву».

В наркомат Ваупшасов явился, не заходя домой, как был — в почерневшем полушубке, стоптанных сапогах, обгорелой ушанке. Григорьев встретил его с улыбкой, взял под руку, подвел к карте:

— С великой победой под Москвой! Видишь, сколько красных флажков появилось? Каждый день новые прикрепляю. Как здоровье?

— Не жалуюсь, товарищ генерал. И от пули бог миловал, хотя головы вроде не прятал.

Григорьев позвонил, попросил принести чаю:

— Садись, Станислав Алексеевич. Позволим себе небольшую роскошь почаевничать. Отряд на этот раз тебе придется создать более мобильный. Я думаю, человек тридцать, не больше. Самолеты, чтобы не было лишнего шума, использовать не будем. Перейти через фронт помогут регулярные части. Надо перебазироваться по зимнику, до вскрытия рек. Как это будешь делать, подумай сам. Главным средством передвижения советую выбрать лыжи. Необходимы тренировки. Не откладывай этого дела. Комиссаром рекомендую Морозкина. Кадровый, опытный чекист. Занимайте с ним номер в гостинице «Москва», принимайте там людей. Это будет, так сказать, ваша первая партизанская база, только с ванной и телефоном, — генерал улыбнулся. — Ютиться в землянках, переходить из леса в лес, спать на еловых ветках тебе еще придется, да и не привыкать. Отдохнешь хоть здесь немного. Начальником штаба возьми капитана Лунькова. Не встречался с ним? В гражданскую воевал на Дальнем Востоке, после служил в погранвойсках. Сибиряк, охотник, привычный к лесной жизни. Начальником разведки и особого отдела мог бы быть Меньшиков. Он тоже из пограничников, дважды награжден орденами. Переводчиком…

— Переводчик у меня уже есть, товарищ генерал, — поспешил Ваупшасов.

— Кто таков?

— Австриец-эмигрант, фамилия его Добрицгофер. Старый член партии, участник антифашистского выступления рабочих в Вене в 1934 году. Был мастером на заводе. В Красную Армию вступил добровольно. Воевал со мной в одном батальоне. Громадного роста, могуч. Сапоги носит вот такие, — улыбаясь, Ваупшасов широко развел руки.

— Что ж, ладно. Теперь давай решать, где переходить фронт, — Григорьев снова подошел к карте.

…Старожил Торопца Кузьма Терентьевич Кузовкин вышел рано утром по хозяйству. Дошел до риги, стряхнул облепленный снегом замок и вдруг увидел сквозь редкий осинник какие-то

странные, похожие на привидения тени. Вытянувшись длинной цепочкой, они двигались по снежной целине, хотя левее была зимняя дорога; одни горбатились под тяжелыми мешками, другие тащили тоже, видать, тяжелые поклажи на чем-то скрепленных полозьях. «Немцы! — вздрогнуло сердце Кузьмы Терентьевича. — Десант! Окружают. Чего ж наши-то спят?» Он проводил взглядом почти уже скрывшихся среди деревьев лыжников и побежал в райком. Дежурный выслушал Кузовкина, сам разволновался и поднял с постели первого секретаря. Через сорок минут два грузовика с бойцами настигли лыжников в предрассветном пустынном поле.

— Стой! — крикнул высунувшийся из кабины молоденький лейтенант и дал очередь из автомата в воздух. — Бросай оружие!

От лыжников отделился снявший маскхалат человек с маузером на боку и со звездою на ушанке.

— Не поднимай панику, лейтенант. Сейчас разберемся.

Подкатила «эмка». Вышел плотный, в хорошо пригнанной форме военный.

— Неизвестные, товарищ полковник, — отрапортовал лейтенант. — Разрешите разоружить.

Задержанный стоял спокойно и внимательно смотрел на подъехавшего командира. А тот взглянул на лыжника раз-другой и вдруг кинулся обниматься.

— Станислав! Черт! Какой ветер занес тебя сюда?

— Лазарь Васильевич, — тискал в объятиях полковника Ваупшасов. — Что за встреча? Такое бывает только на войне или в сказках.

— Неизвестный, говоришь, — повернулся полковник к смущенному лейтенанту. — Очень даже известный. Еще когда тебя на свете не было, он уже был известный. Сними оцепление и возвращайтесь в город. А тебя, брат, я так не отпущу. Будем считать, что ты задержанный. Поворачивай своих людей, гостями будете. Мы тут после боев.

— Не могу. Спешу. Вот, посмотри, — протянул Ваупшасов вдвое сложенный лист бумаги.

В документе предписывалось всем воинским частям «оказывать всяческое содействие при исполнении важного задания командиру отряда особого назначения тов. Градову С.А.»

— Ясно, товарищ… Градов, — полковник вернул бумагу, отвел друга в сторону. — В тыл?

— Да.

— Завидую. Как бы я сейчас тряхнул стариной! Ты знаешь, я окончил Академию имени Фрунзе, командую стрелковой дивизией. В зимних боях много положили фрицев, но и они нас

потрепали. Тут на пополнении. Теперь вот что. Здесь, по центру, у немцев глубокая оборона. Держись правее километров на сорок-пятьдесят. Там у них сил меньше. Ну, всех благ тебе, эх, жалко, не потолковали. Есть много что сказать. Ни пуха…

— Кто это был, товарищ командир? — не вытерпел кто-то из бойцов, когда Ваупшасов прилаживал лыжи. Командир строго взглянул на любопытного и подозвал начальника разведки Меньшикова. Подождав, пока отряд растянулся цепочкой, чуть приотстал и сказал:

— Дали мы с тобой маху, Дмитрий Александрович. Запишем эту встречу себе в минус. Как могло случиться, что нас засекли? Кто был в разведке? В головном дозоре? Строго спросить за ротозейство. На первом же привале разобрать этот случай на всем отряде. Уже сейчас надо вести себя так, будто мы находимся по ту сторону фронта. Там подобный промах будет дорого стоить… На дневку остановимся в деревне. Пошли разузнать, что там, да смотри, чтоб опять…

Ваупшасов круто забрал в сторону, обогнал отряд и пошел первым. Ведущим он был с начала похода. Мороз ослабел, ночью было холоднее, но ветер, злой и пронизывающий, усилился, сек лицо, трепал полы халата.

— Кого это ты встретил, Станислав Алексеевич? — спросил скользивший за спиной комиссар Морозкин.

— Замечательного человека, — откликнулся Ваупшасов, — можно даже сказать, своего первого наставника. Как-нибудь расскажу.

На дневке полагалось спать, набираться сил для ночного перехода. Конечно, по освобожденной земле, когда линия фронта впереди, можно продвигаться и днем, но командир считал, что лучше приучать людей с первых минут отрядной жизни к типичным партизанским будням и законам — работать ночью, отдыхать днем.

…Большая деревня будто вымерла. Половина домов сожжена, половина — пустует. Здесь, видно по всему, зимовали гитлеровцы и, удирая, не успели все сжечь, как в других местах на пути отряда, где торчали лишь одни остовы печей. Разведчики обошли уцелевшие подворья, жителей не было.

Командир распорядился расставить посты, разместиться по избам и отдыхать.

— Воду употреблять только с разрешения врача, — ~так Ваупшасов называл фельдшера Лаврика. — Никакой пищи — хлеб, консервы и прочее, если где обнаружится — не брать. Минерам тщательно проверить все выбранные на постой дома.

Командир и комиссар остановились в маленькой хатенке. Расстелили на полу солому, легли в чем были. Усталость разлилась по телу, уснуть бы крепко, да перед глазами Лазарь Васильевич и его голос: «Как обидно! Сколько лет не виделись и не поговорили».

— Спишь? — спросил Ваупшасов.

— Нет, — ответил Морозкин. — Думаю. Хочу передлинией фронта провести собрание. Как считаешь? Спросим еще раз, не раздумал ли кто идти к фрицам в тыл.

— Правильная мысль, согласен. Слушай, ты хотел узнать, с кем я встретился. Так вот…

1919 год. Красная Армия освобождает города и села Белоруссии от иноземных захватчиков и внутренней контрреволюции. Станислав Ваупшасов участвует во взятии города Борисова, в подавлении белого мятежа в Гомеле, в разгроме банд мародеров и националистов. И вот в эти огневые дни вызвал его командир части:

— Вижу, как льнут к тебе бойцы. Умеешь ты поговорить с ними, всколыхнуть бодрым словом. Решили послать тебя на политические курсы. Будешь политработником.

Долго не соглашался Станислав, не хотел расставаться с друзьями-товарищами, да делать нечего — приказ есть приказ. Окончил курсы, узнал на них немало ценного и полезного. Понял, что надо прежде, чем решать, воздерживаться от опрометчивых суждений, в любых обстоятельствах держать себя в руках, личное подчинять общественному, быть добрым к людям и беспощадным к врагам.

В политической работе у него как-то сразу все заладилось. Он хорошо разбирался в оперативной обстановке, умел располагать к себе людей. На его простые и ясные беседы валом валили бойцы. Он стал хорошим политруком, а затем и батальонным комиссаром. И кто знает, как сложилась бы его военная судьба, если б не случай.

Поехал как-то осенью на армейское совещание. Слушал ораторов. И вдруг, как взрыв, на трибуну взлетел человек. Крепкий, будто налитый свинцом, на голове папаха с заломом, голос-колокол:

— Моя речь о партизанах. Мы действуем в тылу оккупантов. Впрочем, почему в тылу? Мы воюем на своей родной земле, захваченной пилсудчиками. Не даем им покоя ни днем, ни ночью. Они боятся каждой нашей хаты, каждого бугорка, каждого дерева. Громим их соединения, в боях добываем оружие, боеприпасы, продукты питания. И везде с нами народ. Нет ни одной деревни,

где не было бы наших сторонников, настоящих патриотов свободной, Советской Белоруссии.

Четко, по-военному, доложил, какой урон нанесли партизаны оккупантам, рассказал о своем отряде.

В перерыве Ваупшасов подошел к партизанскому вожаку. Звали его Лазарь Васильевич Гринвальд-Мухо. Белорус, в прошлом батрак, с 1918 года член партии. Сражался с немецкими захватчиками, был на Южном фронте, где получил тяжелое ранение. Мог бы демобилизоваться, но, немного поправившись, снова вступил в борьбу с врагами революции…

— Я решил, — сказал он Станиславу, — что полезнее всего буду в партизанском отряде. Теперь ясно, что оказался прав. Приходи к нам. Просись на самое горячее дело.

- И я пошел за ним, — закончил рассказ Вауп-шасов. Много позже, вспоминая своего старшего товарища, он напишет о нем: «Его светлый образ незабываем, он из тех людей, которые не просто мелькнут на дороге жизни, а резко, активно вторгаются в твою судьбу, сами своим появлением, обаянием своей личности настраивая тебя на крутой поворот биографии, на смелое, бескомпромиссное решение».

…Подходящее место для перехода через линию фронта искали долго, продвигаясь вдоль нее под аккомпанемент артиллерийских дуэлей. Иногда вдруг казалось, что все затихало, но тишина была обманчивой, враг не дремал и всякий раз отбрасывал смельчаков назад плотным заградительным огнем.

А время, драгоценное время уходило. Настал март, временами припекало солнце. Пойдет так дальше — разольются Западная Двина, Березина, другие реки, попробуй-ка тогда преодолей их. Бойцы заметно приуныли. Один не выдержал, подошел к Ваупшасову.

— Разрешите обратиться, товарищ командир?

— Разрешаю.

— Мы тут с ребятами покумекали и предлагаем прорываться с боем.

Ваупшасов построил отряд. Говорил просто, будто беседовал, стараясь убедить:

— Есть настроения перейти фронт с боем. Хорошие настроения. А что из этого получится? Лечь под пулями? Не за тем пришли. Отряд в полном составе должен дойти и дойдет до места базирования. Не прорываться будем, а переходить без потерь. И мы перейдем, обязательно обманем врага и перейдем.

Вечером в тот же день прибыли разведчики из находившегося по соседству батальона. Уже знаковый Ваупшасову командир

обрадовал:

— Сегодня проведем вас. Вроде нашли подходящую брешь на стыке двух фрицевых частей, там вы и проскочите. Проводит вас старшина Белов, — кивнул настоявшего рядом хмурого здоровяка, — он окрестные места как свои пять пальцев знает, из местных.

…Стемнело. Метет и завывает помощница-вьюга. Проводник, поминутно останавливаясь и прислушиваясь, вел отряд. Километра через три воткнул лыжные палки в снег, повернулся к Ваупшасову.

— Передовая позади, пронесло. Я назад. Вам прямо на запад. Первая деревня в нескольких километрах. По вчерашним данным, там немцев нет, да и староста, говорят, фрицам сапоги не лижет. Счастливо!

Шли всю ночь глухими перелесками, разведка впереди. На рассвете отряд втянулся в деревню. Разведчики уже установили дом старосты, постучались в занесенное снегом окно.

Староста — живой маленький старичок с твердым и смелым взглядом — понравился Ваупшасову. На вопрос, по желанию или по необходимости служит немцам, вскинул седую голову и с обидой ответил:

— К фашистам не нанимался, а служу обществу. Хочешь, спроси у людей.

— А и спросим. Комиссар, прикажи пройти по избам, собрать всех на митинг.

Ваупшасов подошел к печи, с которой сверкали две пары ребячьих глаз,

— Внуки?

— Они самые.

Достал из кармана едва початую плитку шоколада, протянул детям:

— Берите московский гостинец, не бойтесь, — погладил пацанов по вздернутым вихрам и повернулся к деду:

— Вот что, товарищ староста. Снаряди-ка к вечеру шесть подвод. Подвезешь нас к следующей деревне, какой — попозже скажу.

— Это можно, — старичок повеселел. — Ты, командир, за ребят своих не тревожься. Всех по избам определим, всех накормим и в дорогу чего-нибудь сыщем. А чтоб спали спокойно, дозорных выставлю.

— Дозорных не надо. Это уже наше дело…

Собравшиеся в школе сельчане окружили бойцов, расспрашивали их, но были настороже. «Кто знает, что за люди? Осенью были немцы, хвастались, что Москва ими взята,

подтверждали это и приходившие полицаи…».

Комиссар Морозкин встал за учительский столик, поправил фитиль лампы, чтоб было посветлее, и начал говорить. Он немного волновался, ведь первый раз выступал перед людьми, давно не слыхавшими правду о войне.

— Москва стоит крепко, 7 ноября на Красной площади состоялся парад наших войск. Товарищ Сталин сказал, что враг будет разбит… Москва дала по зубам фашистам так, что они сейчас не опомнятся, тысячи и тысячи их нашли свою смерть на полях Подмосковья.

Комиссар достал несколько номеров «Правды», зачитал последние сводки Совинформбюро, призвал не слушать немецких прислужников, не отдавать врагу ни хлеба, ни мяса, вредить ему на каждом шагу и ждать освобождения, верить в победу, она придет, обязательно придет.

Газеты пошли по кругу, люди бережно гладили их, не стесняясь слез. К Ваупшасову подошла сгорбленная, морщинистая старушка.

— Милый, не видал ли моего сынка? Миша Прокопчук его звать. Как ушел в первый день войны, так и весточки не подает. Не встречал ли где?

— Воюет, мать, воюет, — Ваупшасов обнял старушку. — Встречать не встречал, но уверен, бьет фашистов. Разобьет и вернется.

К командиру пробрался пожилой крестьянин, с усами, как у запорожца, чуть потянул за рукав, сказал тихо:

— Ты старосту нашего не тронь, он за нас.

— За кого это «за нас»?

— А за советских. Я в ездовые к вам назначен. Вечером повезу, куда скажете. И еще вот что. Отойдем-ка в сторонку, пошептаться надо.

То, что сообщил усатый, нарушало все планы отряда. Предполагалось идти тихо и незаметно, вражеские гарнизоны обходить, в открытые бои пока не вступать. А тут… В соседней деревне, километрах в пятнадцати, после карательных рейдов обосновалась группа полицаев. Живут в доме лесничества, беспробудно пьянствуют, терроризируют крестьян.

Подошел Морозкин.

— Чего задержался, командир? Хозяйка поесть приготовила.

— Давай посоветуемся. — Ваупшасов объяснил, в чем дело.

Помолчали, прохаживаясь по опустевшей комнате.

— Ударим? — утвердительно спросил комиссар.

— Нельзя их упускать, товарищи. Сколько подлости сотворили, сколько еще сотворят, — подхватил усатый.

— Вот и ладно, — заключил Ваупшасов. — Отбери мне, комиссар, человек десять, когда отдохнут, скажем, в восемнадцать ноль-ноль, съездим, посмотрим, как полицаи гуляют. А ты, дядя, проводишь нас.

— Стоит ли самому-то? — усомнился Морозкин. — Давай я или поручи кому другому.

— Нет… Хочу сам наказать предателей. А пока перекусим, да и поспать немного не мешает. Кто знает, когда еще отдохнуть удастся.

Двухэтажный дом лесничества стоял на краю деревни, вплотную к густому бору. Бойцы во главе с Вауп-залегли, присмотрелись. шасовым подошли незаметно, На высоком крыльце клевал носом, что-то бормоча, сильно подвыпивший часовой Ваупшасов шепнул лежавшему рядом бойцу:

— Обойди кругом дома и отвлеки его с противоположной стороны.

Боец растворился в темноте. Через несколько минут у крыльца раздался протяжный скрип. Ваупшасов привстал, готовый к броску.

— Какой черт?! — громыхнул затвором часовой и перегнулся через перила. Командир был уже на крыльце за спиной часового, коротко размахнулся и точно ударил полицая в затылок рукоятью своего ТТ. Тот обмяк и повалился…

— Тяни его к бору, быстро!

За дверью играла гармонь и грохали по полу сапоги. Часовой от удара потерял сознание, пришлось долго растирать его лицо снегом. Наконец он очнулся, в глазах, сразу протрезвевших, были удивление и страх.

— Тихо, тихо, — Ваупшасов склонился к полицаю. — Сколько там твоих собутыльников?

— Ша-ша-шашнадцать, — зубы выбивали дробь.

— Женщины есть?

— Б-были д-днем, щ-щас од-дна, д-для главного.

— Не силой держите?

— Н-нет. В-все время с н-ним. Ваупшасов распрямился:

— Этого связать, пусть пока отдохнет. Дом окружить, чтобы ни один гад не ушел.

Когда бойцы заняли оборону, Ваупшасов неслышно взошел на крыльцо и загрохотал прикладом автомата в дверь. В доме сразу все стихло, кто-то подошел к двери:

— Кирюха, ты?

— Кирюха твой уже опохмеляется. — Ваупшасов отскочил в сторону и прижался к стене. — Вы окружены. Выходите

поодиночке, оружие оставить в доме.

За дверью раздался выстрел, другой, пули прошили дверь. Через несколько секунд в окне рядом треснуло стекло, застучал пулемет. Ваушнасов, уже сбегая с крыльца и прыгая в снег, метнул навстречу вспышкам гранату. Громыхнул взрыв, в доме что-то обвалилось. Пулемет замолк, но тут же с левой стороны заговорил другой.

— Розум, полыхни-ка противотанковой, — крикнул командир.

Рослый парень приподнялся и во всю силу кинул в окно, откуда бил пулемет, гранату. Дом содрогнулся, осел, рухнул и мгновенно занялся пламенем.

Ваупшасов в свете бушующего огня зашагал к избам, где уже стояли разбуженные и испуганные люди.

— Не бойтесь, товарищи. Мы партизаны. Ведите в самую просторную избу, где поговорить можно.

— Расстрелять его, расстрелять, — требовали набившиеся в избу крестьяне.

Посередине стоял на коленях и часто моргал опухшими глазами полицай-часовой.

— Л-люди, д-добрые люди, — молил он, не находя других слов.

— Говорите, расстрелять, а за что? — спросил Ваупшасов. — Может, он ничего черного не успел сделать.

— Как же, не успел. Нюшку с нашей улицы снасильничал, — перебивали друг друга сельчане. — А лейтенанта кто выдал? По его доносу замучили фашисты совсем молоденького. Все искал парень своих.

— Товарищ командир, — боец протянул маленькую тетрадку. — У него взяли, подвиги свои, гад, чтобы не забыть, записывал.

Ваупшасов подошел к лампе, раскрыл тетрадку наугад, прочел: «В воскресенье был у гера Г., получил. 50 м. за девок»; «Партизан били плетьми, пытали огнем. Всех в яру под С.» Дальше читать не стал.

— Отведите, и подальше…

Когда вывели предателя, присел к столу:

— А теперь, дорогие товарищи, послушайте, что произошло под Москвой. Да вы рассаживайтесь, кому места хватит. Расскажу о нашей великой победе…

Так начался поход отряда С.А. Ваупшасова к Минску, поход мужественных людей, воспитанных на идеях самопожертвования, исполнения до конца своего долга перед Родиной. Преодолели

без малого тысячу километров. И ведь пробирались не налегке — на спине у каждого было по тридцать-сорок килограммов груза. Хороших дорог всячески избегали. Шли по грязи и хляби, через разливы рек, топкие болота. Самыми надежными и верными друзьями для «градовцев» были густые, почти непроходимые леса. Великой благодатью считали бойцы зайти в такую глушь и даль, где можно было, не боясь немецких карательных засад, разжечь костер, обсушиться.

Как-то один из бойцов, изнемогший от тяжести, предложил закопать в приметном месте часть оружия и боеприпасов, а потом вернуться за ними. Этого «рационализатора» без вмешательства командира ребята сами пристыдили. По возрасту все они годились Ваупшасову в сыновья и поэтому пытались иногда перехитрить своего «батю»: себе взять груза побольше, ему дать поменьше. Ваупшасов все видел: «Отставить. Если хотите уважить, прибавьте пяток килограммов». А здоровье у него было уже далеко не железное. Окопы гражданской, знойные дни испанской, лютые холода и болота белофинской войны надломили организм. На привалах, сняв с плеч мешок, он зачастую уходил в сторонку, присаживался спиною к сосне и так долго сидел, пытаясь унять боль в пояснице. Отсидевшись, с трудом выпрямлялся и возвращался к товарищам. Никто, даже отрядный фельдшер, не догадывался, как трудно приходится командиру.

Настоящими праздниками для бойцов были встречи с действующими партизанскими отрядами и воюющими группами красноармейцев, не сумевшими выйти из окружения. Белорусские леса, темные и тихие на первый взгляд, таили в себе могучую силу сопротивления…

Раннее утро. Светлеют лесные прогалины. Монотонно поскрипывает снег под лыжами бойцов особого отряда. Вдруг слух ловит что-то непривычное. Ваупшасов. Останавливается, прислушивается. Все отчетливее слышен топот коней.

— Всем рассредоточиться, залечь, оружие к бою! — приказывает командир.

Кто это может быть? Возможно, «самооборонцы», говорили о таких в Москве, навербованы из националистов по приказу наместника Гитлера в Белоруссии Кубе для борьбы с партизанами. Что ж, пусть сунутся.

Минута, другая, и вот конный вихрь на прогалине. Всадники кто в чем: одни в красноармейских шинелях, другие — в бурках, в папахах со звездочками. Один из них соскочил с коня, кинулся по следу:

— Тут они где-то. Не уйдут!

«Скорей всего свои», — решает Ваупшасов и выходит из-за густой ели.

— Кого потеряли, казаки?

— Должно быть, тебя, — подлетел конник с оголенным клинком. — Кто будешь?

— Прибери шашку и слезь с коня, — спокойно ответил Ваупшасов. — Я не привык разговаривать, задирая голову. Да не начните палить по дурости. Вы все на прицеле.

— Угрожаешь? — конник спрыгнул с седла, подошел вплотную. — Да знаешь ли, что я…

— Угомонись. Я командир особого отряда. Вот мое удостоверение, а ты показывай свое.

— Лейтенант Тихомиров, — конник отдал честь и полез в карман за документами.

Разговорились. Лейтенант в этих местах партизанил уже давно. Охотно показал на карте, где расположены вражеские гарнизоны, в каких деревнях немцы зимуют, где их нет и не может быть из-за дальности и бездорожья. Знал лейтенант и где базируются партизанские отряды. В один из них вызвался провести Ваупшасова.

…База — десятка три палаток и несколько землянок — выглядела вполне обжитой. Где-то в сосновом бору звенела пила, на расчищенной от снега полянке шли строевые занятия. Из штабной палатки вышел рослый командир, назвался майором Воронянским. Узнав, кто к нему прибыл, распорядился гостей развести по палаткам и землянкам, затопить баню, приготовить обед.

Ваупшасова и Морозкина командир пригласил к себе. В палатке потрескивала железная печка. У стенки стояла заправленная походная кровать. Возле слюдяного окошка торчал грубо сколоченный стол с развернутой картой. Воропянский предложил раздеться, представил комиссара Тимчука и начальника особого отдела Воронкова. Нежданных гостей чуть ли не ощупывал: настолько был удивлен, что они с Большой земли.

— Вот так номер, други мои, — говорил, вглядываясь в лица «москвичей». — Вы из столицы пробираетесь, а мы к столице собираемся двинуть.

— А может, Василий Трофимович, тут вместе будем фашистов бить? — Ваупшасов открыл дверцу печки, заглянул и невольно отпрянул — березовый жар полыхнул в лицо.

— Не могу, Станислав Алексеевич. Не хочу числиться без вести пропавшим, а то и хуже. Ни я, ни все мои товарищи. Будем прорываться. Поднакопим вот силы…

Ваупшасов понимал Воронянского. Наверное, так поступил бы и сам. Но ведь сколько людей погибнет при прорыве!

— Не могу тебя удерживать, командир, — Ваупшасов встал лицом к Воронянскому, — но ты подумай и посоветуйся с бойцами. Говоришь насчет неизвестности… Ты прав. Но это дело поправимое. Можем доложить Москве.

— Как? — вырвалось у Воронянского.

— Это моя забота. Напишешь о себе — такой-то, там-то, жду указаний. И скажи Тихомирову, пусть тоже пишет.

— Неужели рация?

— А ты что думал? Не голубей же с донесениями посылаем. Вечером собирай бойцов. Будем слушать Москву.

…А через несколько часов до предела взволнованный Воронянский с трудом подбирал слова, чтобы хоть как-то выразить свою радость:

— Станислав Алексеевич, дружище. Да понимаешь ли ты, что для меня сделал? Понимаешь, что это такое для меня и моих товарищей? — Он не выпускал из рук радиограмму, читал и перечитывал ее: «Майору Воронянскому, лейтенанту Тихомирову. Ваши вопросы рассмотрены. Остаться в тылу. Желаем успеха в борьбе с фашизмом».

Вечером радисты Лысенко и Глушков натянули антенну, вынесли громкоговоритель, и над притихшей, точно завороженной массой солдат, над темными лесами раздался голос:

— От Советского Информбюро… Продолжая наступление, наши войска освободили…

Что тут началось! Бойцы обнимали друг друга, кричали, смеялись. А когда командир призвал к тишине и зачитал радиограмму из Москвы, добавив, что отныне Родина знает о них, вся Белоруссия, наверное, услышала троекратное «Ура!». Откуда-то взялась гармонь, где-то отыскался гармонист, образовался сам собой круг, и пошла лихая пляска, на какую горазд только удалой русский человек.

У Воронянского оказались налаженными связи с несколькими партизанскими отрядами численностью от десяти до семидесяти человек. Решили пригласить их командиров на совет. Через два дня прибывшие партизаны собрались в командирской палатке. Одеты они были пестро: в истрепанных шинелях, обожженных фуфайках и тулупах. Оружие имели от немецких автоматов до охотничьих двухстволок. Партизаны рассказали, что живут больше у костров, продовольствием делятся местные жители, иногда удается захватить у немцев обоз. Бьют фашистов налетами, из засад. С дисциплиной терпимо, но есть случаи

беспечности, ранений из-за неумения обращаться с оружием. Все нуждаются в боеприпасах и медикаментах.

Ваупшасов, выступая, говорил по-военному четко, короткими фразами:

— Положим конец разобщенности. Мелкие отряды объединим. Определим зоны действий. Возьмем под контроль немецкие гарнизоны. Скоординируем каждодневные выходы на железные дороги. Взрывать пути, пускать под откос вражеские эшелоны — первейшая задача. Оружие, боеприпасы даст Большая земля. Сегодня же подберем площадку для приема самолета. О дисциплине. Никакой разболтанности, строгий воинский порядок. Мы договорились с товарищем Воронянским направить в каждый отряд опытного бойца с правами инструктора. Везде проводить строевые занятия, обучать обращению с огнестрельным и холодным оружием всех видов. Каждый боец должен уметь поставить и обезвредить мину, заложить взрывчатку. Завтра с вами проведут практические занятия минеры, топографы, связисты. Вы не сидели сложа руки. Я это знаю. Вас боятся немцы. Я это тоже знаю. Работать надо так, чтобы под ними земля горела. С населением — самые добрые отношения. Любой командир, каждый партизан — большевистский агитатор. Зашел в хату — расскажи, разъясни, всели веру в торжество нашего дела. Предателям никакой пощады. Но не допускайте огульности, злых наветов на честных людей. Есть горячие головы — считают всех старост пособниками немцев. Вы по опыту знаете, что это не так. Разбирайтесь в этом деле со всей тщательностью. К сожалению, нас тут немного. Задача номер один — связаться со всеми отрядами нашей округи. Позже проведем конференцию командиров, изберем военный совет, разработаем и примем партизанскую присягу. Для организации новых партизанских отрядов есть предложение послать уполномоченных в Червенский, Смолевичский, Пуховичский, Руденский, Заславский районы. Нужны товарищи, хорошо знающие эти места. Прошу подобрать кандидатуры по два человека в каждый район.

Ночью Ваупшасов радировал в Москву. Центр ответил: «Действия одобряем. Укажите координаты и время для выброса груза с самолета. Желаем успеха в борьбе с оккупантами».

Приемочная площадка была приготовлена в глухом лесу, с трех сторон ее окружали непроходимые болота. Сложили в разных концах площадки костры, приготовили бутылки с керосином. Потекли волнующие минуты ожидания. Непроглядный белый туман окутал лес, с болот тянуло сыростью. И вот едва слышный звук самолета.

— Зажигай, — скомандовал Ваупшасов. Команду передали по

цепи, и мгновенно в пятиконечном угольнике вспыхнули высокие сухие костры. С неба опускались на белых куполах огромные мешки — один, два… двенадцать. Самолет пролетел чуть ли не над головами, приветливо помахал крыльями. В мешках были тол, автоматы, цинковые коробки с патронами, кипы газет, ящики с консервами, галетами, махоркой — чего только не прислала родная Большая земля!

…К железной дороге вышли сумеречным днем, предельно усталые. Отряд сосредоточился на краю леса, метрах в пятидесяти от насыпи. Ваупшасов навел бинокль. Справа по полотну от видневшегося на переезде дома шел небольшого роста обходчик в брезентовом плаще с надернутым по самые глаза капюшоном и сумкой на боку, из которой торчали свернутые в трубки флажки. «Выясним-ка обстановку», — подумал командир. Обернулся, жестом подозвал бойца:

— Мигом к «железке», скрытно, навстречу обходчику, расспросишь его, что и как, главное — нет ли поблизости немцев. Если все в порядке, махнешь флажком, вон у него в сумке. Понял? Давай.

Все напряженно наблюдали, как боец стрелой проскочил к полотну и, пригибаясь, двинулся вдоль насыпи навстречу обходчику. Вот поравнялся с нам. Тот поднял голову, остановился как вкопанный, и вдруг тишину прорезал испуганный крик. Обходчик резко повернулся и бросился бежать к дому, размахивая руками. Оттуда, как из обоймы, посыпались солдаты в мышиных шинелях и касках. Боец растерянно оглянулся, словно ожидая приказа, затем решительно сдернул с плеча автомат, упал в снег и открыл огонь по немцам.

— Пропадет парень, — выдохнул Морозкин. Командир не колебался:

— Отряд, к бою! Десять человек навстречу противнику. Остальные скрытно по опушке к переезду. Окружить и уничтожить, ни один не должен уйти!

Схватка была короткой. Передовая группа отвлекла внимание взвода фашистов, густым огнем заставила залечь, остальные зашли немцам в тыл и закидали гранатами.

Вновь воцарилась тишина, Ваупшасов подозвал фельдшера:

— Потери есть?

— Двое раненых, один легко, а вот с Добрицгофером плохо. Навылет прострелена грудь, рана в плече, нуждается в полном покое.

Среди убитых немцев нашли обходчика… Подумали, что мертв, но когда повернули на спину, увидели крошечные,

наполненные животным страхом глазки, трясущиеся губы,

— Отпустите его, — брезгливо отвернулся Ваупшасов, — и скажите, донесет о нас немцам — из-под земли выкопаем. Пусть объяснит им, что в другой стороне пути проверял, вернулся, а все убиты.

Через несколько минут отряд перешел дорогу и углубился в лес. На наскоро сделанных носилках четверо бойцов с трудом несли великана Добрицгофера.

— Надо куда-то пристраивать Карла Антоновича, да побыстрее, — сказал Ваупшасов идущему рядом Меньшикову. — Так он долго не выдержит, да и нам с ним далеко не уйти.

Меньшиков достал карту:

— Все ближние деревни либо заняты немцами, либо ими строго контролируются. Чем ближе к Минску, тем прочнее заслоны. Но вот здесь, в трех километрах, живет лесник. Изба на отшибе. Может, с ним договоримся?

Лесник, хмурый и грозный на вид, встретил холодно:

— Чего надо?

Узнав, кто такие, сказал, кивнув на сбившихся в закутке жену и четверых детей, что лучше бы такие гости не захаживали. Донести он не донесет, а доглядят немцы — всю семью под корень вырежут.

Ваупшасов пригласил его выйти во двор, поговорить с глазу на глаз.

Присели под навесом, моросил дождь, вдалеке раскатывался гром.

— Как звать вас?

— Захар Алексеевич.

— Так вот, Захар Алексеевич. Понимаю вашу боязнь с нами дело иметь, но выхода нет. Придется раненого принять и выходить. Сделаем так, чтобы семью обезопасить. Вы хозяин леса, подумайте, как спрятать. Через месяц-другой встанет на ноги, мы за ним вернемся.

Бойцы отряда соорудили в чаще леса землянку, сбили топчан, застлали его, чем могли. Фельдшер заново сделал перевязку Добрицгоферу, оставил бинты, лекарства, подробно объяснил леснику, как ими пользоваться.

— Выздоравливай, Карл Антонович, и жди нас, — сказал на прощание Ваупшасов, нагнулся и поцеловал раненого.

Бледный, с запекшимися губами, Добрицгофер слегка кивнул головой: «Все понял».

Задерживаться было нельзя. Бой на дороге наверняка всполошил немцев. Не переставая моросил дождь. Ведущий выбирал лес пореже, где посуше, но часто попадались низины,

болотца, ноги вязли. Рядом с Ваупшасовым, как всегда, шел Морозкин.

— Буду жаловаться на тебя начальству, командир.

— А как ты это сделаешь, если все радиограммы в Центр идут от моего имени? — отшутился Ваупшасов. — В чем дело, комиссар? Чем недоволен?

— Не свое дело часто делаешь. Навстречу конникам вышел первым. Под пулемет полицаев бросился. Сейчас на насыпи во весь рост. Все сам да сам. Выдвигай других. Вон нас сколько.

— Эх, комиссар, комиссар, — возразил Ваупшасов. — Что я был бы за командир, если б наблюдал с горки в бинокль, как дерутся мои бойцы. Ты первый не подал бы мне руки. Но критику твою учту, хотя привычку ломать трудно. Давняя эта привычка, очень давняя…

20-е годы. Западная Белоруссия. Партизанский отряд молодого командира Ваупшасова смело нападает на вражеские гарнизоны, штурмует тюрьмы, освобождая политзаключенных, наказывает помещиков, притесняющих и мучающих крестьян. Пилсудчики назначают большую награду за голову Ваупшасова, громогласно заявляют, что отряд доживает последние дни. Надо узнать и расстроить планы врага. Но как? Командир наряжается в полицейскую форму, едет в уездный город, проникает на совещание полицейских чинов, слушает, как намерены его ловить. После совещания на банкете в ресторане подсаживается к столику начальника полиции города, в районе которого действует отряд. Тот уже пьян, размахивает руками, опрокидывая хрустальные рюмки: «Я этих партизан в гроб загоню! Скоро и следа их не останется в наших местах».

Через три дня Ваупшасов со своими бойцами перехватил на дороге «грозу партизан», возвращавшегося домой. Охрана разбежалась после первого же выстрела, начальник даже соскочить с тарантаса не успел. До чего же он был жалок — из открытого рта слюни текут, глаза полны страха, руки тянет вверх. «Только не убивайте, у меня жена, дети, — умолял он. — Отпустите, клянусь, уйду из полиции, а прикажете, совсем уеду из этих мест».

— Отпустил я его, комиссар, — заключил Ваупшасов. — Противен он мне был. Всю жизнь презираю людей с заячьими душами. Взял с него слово, что больше о нем не услышу. Через две недели проверили — ушел со службы, уехал из города.

По причине презрения к трусости и обходчика пожалел? — спросил Морозкин.

Тут дело другое. Обходчик запуган немцами. Заорал не по

разуму, а от страха. Разве у тебя поднялась бы рука расстрелять такого?

…Наступили сумерки. Дождь стих. Нашли для привала сосновый взгорок. Выставили посты. Наломали еловых веток под бока, развернули палатки, перекусили. Не прошло и получаса, как все бойцы спали. Ваупшасов и Морозкин обошли для порядка лагерь, проверили часовых, сами прилегли под сосной.

— Измотались люди, многие на пределе, — ворочаясь, сказал Ваупшасов. — Ты вот что, комиссар, назначь собрание на завтра, расскажу-ка я им, как воевал в Испании рядом с одним итальянским коммунистом, подлинным вожаком интернациональной бригады. Уже по возвращении в Москву узнал его настоящее имя — Пальмиро Тольятти. В самый нелегкий момент, когда и сил уже не оставалось и многие духом упали, сказал он мне: «Нам здесь трудно, очень трудно, Станислав, может быть, станет еще труднее. Не исключено даже, что фалангисты и их хозяева временно возьмут верх. Но самое важное для революционера — никогда не терять бодрости духа и веры в правоту того дела, за которое он борется». Как думаешь, Егор, помогут эти слова хлопцам?

— Наверняка, командир. Нужные и правильные слова. Слушай, а Ибаррури не приходилось тебе встречать?

Ваушнасов ответил не сразу, в памяти, будто зто было только вчера, зримо ожили те тревожные, незабываемые дни…

Чудная Испания! Благодатный край! Вечноголубое небо, солнечные блики моря, цветущий миндаль, неповторимые в своей старинной красе города. И тут же — все уродующая, разоряющая, испепеляющая война. Подняла голову фашистская гидра, призвала полчища чернорубашечников итальянского дуче, «чистокровных арийцев» немецкого фюрера, наемные орды марокканцев — и терзает молодую республику, пытаясь доставить ее на колени. Битва не на жизнь, а на смерть! В первых рядах героически отстаивают свободу и демократию республиканцы-коммунисты. Спешат им на помощь бойцы-интернационалисты. Среди них и Станислав Ваупшасов — военный советник Альфред. На него возлагается важная задача — организация диверсий во вражеском тылу. Учит в школах и на курсах «высшей математике» партизанской войны, готовит и засылает за линию фронта летучие боевые отряды. Они появляются всюду неожиданно, сеют панику, дезорганизуют противника, взрывают военные объекты, пускают под откос воинские эшелоны. Добытые секретные документы, карты

немедленно доставляются командованию. Наиболее важные операции «камарадо Альфред» возглавляет лично.

…Участок фронта под Гвадаррамой, всего в пятидесяти километрах от Мадрида. Ваупшасов со своей боевой группой в передовых траншеях, ищет удобное место для броска на ту сторону. В окоп врывается пожилой солдат, он буквально пляшет от радости; «Долорес, Долорес, нас навестила Пламенная!»

О, как любит народ свою великую дочь! В черном платье, с высоко поднятой головой, не пригибаясь под франкистскими пулями, обходит она защитников республики, для каждого находит приветливое слово, пригубит вино из солдатской фляжки, разделит горбушку хлеба, скажет просто, по-женски, как скучают по ним жены и дети, как ждут их с победой — и удесятеряются силы бойцов. Тесно обступают они свою любимицу, А она говорит горячо, страстно: «Никто никогда не мог до конца победить народ, который борется за свою свободу. Можно превратить Испанию в кучу развалин, но нельзя превратить испанцев в рабов… Вы говорите, у вас мало снарядов, — а чем боролись русские рабочие и крестьяне против своих фашистов и иностранных завоевателей? Они захватывали патроны и снаряды у противника… Придет время — и наше дело победит. Знамя демократической республики будет реять над всей Гвадаррамой, над минаретами Кордовы, над башнями Севильи».

Уже в темноте Долорес возвращается в Мадрид. Проводить ее вышли все, кроме часовых.

На этом участке фронта враг встретил особо упорное сопротивление республиканцев.

Не мог тогда Ваупшасов знать, что судьба вскоре снова сведет его с Пасионарией. Вдруг последовал неожиданный вызов с фронта в Барселонский горком партии, а потом и в ЦК. Попросили принять на себя новую, не менее важную обязанность — возглавить охрану членов Политбюро, и прежде всего Ибаррури, жизни которой открыто угрожали предатели народа. Поначалу Долорес, не привыкшая к опеке и контролю, протестовала, пыталась ускользнуть от Ваупшасова. Пришлось Станиславу Алексеевичу специально поговорить с ней. Объяснил, что жизнь ее принадлежит республике, она как член партии обязана подчиняться партийной дисциплине, и он, призванный гарантировать безопасность своей подопечной, выполнит поручение ЦК во что бы то ни стало. Долорес смирилась. С той поры Ваупшасов был рядом с ней, видел, с каким восторгом встречали ее везде простые испанцы, навсегда запомнил — высокую, гордую, с орлиным взглядом.

— А слышал бы ты, Морозкин, как она говорила, — продолжал свой рассказ Ваупшасов. — Горела сама, воспламеняла других. Факел, огонь! Кстати, ты знаешь, что ее сын Рубен учится у нас в военном училище? Готовится воевать с фашистами на советской земле, как мы воевали с франкистами на его родине,

Помолчали, думая всяк о своем. Небо усыпали звезды, неслышно раскачивались под ветром вершины сосен.

— Я вот о чем размышляю, Станислав Алексеевич, — заговорил комиссар. — Жизнь твоя соткана из событий одно другого ярче и значительней. Много стран повидал. А сколько разных людей прошло перед тобой. Знаешь, вот кончится война, начну писать я о тебе книгу.

Ваупшасов улыбнулся:

— Ну, брат, ты меня развеселил. Из тебя, может, и получится Фурманов, да я не Чапаев. Давай спать лучше, вставать скоро.

Утром Ваупшасову сообщили добрую весть. Группа партизан под началом подрывников Сермяжко и Усольцева подорвала около станции Жодино воинский эшелон немцев.

— Пятьдесят два вагона с техникой пущены под откос. Паровоз кверху колесами. Двадцать два фашиста убиты, столько же ранены. Движение на дороге остановлено.

Командир передал рапорт в Центр. Вскоре радисты приняли ответ: «Советское правительство благодарит славных партизан и желает им новых успехов и подвигов во славу нашей социалистической Родины. Представьте отличившихся к наградам».

По этому поводу выстроили отряд. Ваупшасов говорил негромко, бойцы ловили каждое слово:

— Москва рядом с нами. Она слышит нас, знает о нас. Ответим на ее привет и внимание двойным и тройным ударом по врагу. Не забывайте, что каждый разбитый здесь эшелон — это помощь нашей героической Красной Армии, ломающей хребет фашистскому зверю, там, на фронте.

В конце апреля 1942 года отряд Ваупшасова прибыл к месту назначения — в леса Логойского района, недалеко от Минска. Дошли без потерь, если не считать трех раненых. Сказались опыт командира, его предусмотрительность и чрезвычайная осторожность в условиях повышенной опасности. Он не допускал горячности, удерживал бойцов от неоправданного риска. Каждую, пусть самую малую операцию, продумывал во всех деталях, предугадывая любые возможные осложнения. И теперь не без

чувства гордости Ваупшасов вспоминал сказанные в Москве перед походом слова одного начальника: «Если доведешь, майор, свой отряд до Минска хотя бы в половинном составе, будешь героем». Отряд сохранен полностью, больше того, за время своего перехода вырос почти вдвое.

Отряд обосновался в удобном и надежном месте — таежный лес, с двух сторон топкие болота. Лагерь расположился на возвышенности, у чистейшего родника. Все бойцы, да и командиры тоже дружно взялись за лопаты, пилы, топоры. Звон, стук, грохот сваленных деревьев. И вот уже готова первая землянка — половина сруба в земле, половина сверху, с двумя выходами, с окнами, с дощатым полом, с двадцатью нарами. За ней другая, третья — к лету целый городок вырос: с кухней, пекарней, баней.

…Штабная землянка. Стены обтянуты парашютным шелком, полы остроганы, тяжелый стол окружен скамьями. Под потолком электрическая лампочка — горит от аккумулятора, снятого с трофейной машины. Ваупшасов прихватил планшетку и вышел на улицу. Присел на бревно, положил на колено блокнот и начал писать очередное донесение в Центр: «Установил связь с подпольным обкомом партии. Вошел в контакт с пятью новыми партизанскими отрядами. Объединенными силами за последние две недели разбито семнадцать эшелонов противника, взорвано девять железнодорожных мостов, разгромлено три немецких гарнизона и два волостных управления. Потери: трое убитых, семеро раненых. Проведена конференция командиров отрядов, избран военный совет северо-восточной зоны: председатель Градов, заместитель Воронянский, члены Тимчук, Долганов, Ясинович. Принят и размножен текст партизанской присяги. Груз с двух самолетов распределен по отрядам. Готовы принять новый самолет».

Через три часа радист расшифровал ответ: «Градову. В открытые бои не вступать. Беречь личный состав. Форсировать связь с городским подпольем, провести ряд диверсий на предприятиях, аэродроме, других объектах. Радируйте, что конкретно сделано по операции „Кабан“. Напоминаем, что в уничтожении Кубе состоит важная задача отряда. Всем бойцам и командирам привет и пожелание успехов в борьбе с фашистскими захватчиками».

Вечерело. Жара заметно спала. Теперь, получив задание Центра, Ваупшасов с еще большим нетерпением ждал приезда Воронянского, тот обещал прибыть еще с утра с нужным человеком, да, видно, что-то задержало. Но только Ваупшасов подумал, не послать ли кого узнать, в чем дело, скрипнула дверь

и на пороге появился Василий Трофимович.

— Здоров, Станислав Алексеевич, запоздал я, да не по своей вине. В Кущевку каратели нагрянули. Пока всех жителей в лес вывели, да фрицам прикурить дали, день и прошел. Вот, знакомься, Настя Богданова, я тебе о ней говорил.

Из-за спины Воронянского выглянула худенькая девушка лет семнадцати.

— Проходите, гости дорогие, садитесь, — Ваупшасов обнял партизанского командира, пожал маленькую девичью руку. — Ну что, Настя, потолкуем?

Девушка с тонкой шеей, по-мальчишечьи стриженная, в легкой ситцевой кофточке и босоножках, глядела как-то чересчур весело, казалась простодушной и беспечной, далекой от суровых забот войны.

— Так, Настенька, — приглядываясь к девушке, сказал Ваупшасов. — Объяснил тебе Василий Трофимович, в чем твоя задача?

— Объяснил, — девушка не спускала глаз с человека, о котором ходили легенды среди местных партизан.

— Как смотришь на то, что тебе поручается?

— Чего ж смотреть? Надо делать. Проскочу, как мышь.

— Одна не побоишься?

— Надо, так и одна.

Уже не первую неделю Ваупшасов и начштаба Луньков разрабатывали операцию «Просвет». Цель ее была проникнуть в Минск, нащупать связи с подпольными группами, чтобы вместе громить оккупантов. Как сделать это проще и эффективнее, избегая потерь? Надо было думать и думать. Решили: вместе с Настей пойдут еще четверо — Николай Кухаренок, Михаил Гуринович, Владимир Романов, Максим Воронков. Один из них с богатым чекистским опытом, другой тоже не раз бывал в критических ситуациях, к тому же свободно говорит по-немецки, третий вдоль и поперек знает город, у четвертого в Минске живут родные.

Утром следующего дня метрах в ста от лагеря стояли немецкий офицер с погонами обер-лейтенанта и трое неприметно одетых парней. Рядом с ними барышня — беззаботная улыбка, подведенные бровки, война не война, один раз живем.

— Желаю вам, друзья, полной удали, — Ваупшасов обнял всех. — Мужики, берегите Настю. На вас тройная ответственность — за вашу подругу, за успех дела и за себя.

Хрустнули под ногами сухие ветки, скрылись, помахав на прощание, разведчики, проснулись и стали славить на все голоса хороший день невидимые птицы. Ваупшасов прислонился к

дереву и вдруг… неведомая сила бросила его к земле; согнувшись дугою, он хотел сесть, но упал лицом в росную траву. Долго лежал, не в силах пошевельнуться. Наконец приподнял голову, увидел блесткую росинку на траве, дотянулся до нее, смочил губы. «Встать, немедленно встать!» — приказал себе, но спина, будто в цепком зажиме клещей, не разгибалась. Тогда он перевернулся, медленно сделал несколько движений вверх-вниз и, цепляясь за жесткую кору березы, кое-как встал на ноги. Нестерпимая боль разлилась по всей пояснице. Ваупшасов беспокойно огляделся: не видел ли кто? Лагерь еще спал, лишь сероватым столбиком поднимался в синее небо дымок над кухней. «Слава богу, — он не решался отойти от дерева, — обошлось и на этот раз. Хорош я был бы командир, если б кто увидел меня сейчас». Ваупшасов постоял еще с пяток минут, приходя в себя, шагнул раз-другой и, постепенно распрямляясь, пошел к лагерю.

— Стасин, что на завтрак? — как можно веселее крикнул он в открытое окно кухни.

— Баранина, товарищ командир, — отчеканил повар. «Молодцы, черти!» Ваупшасов вспомнил, что вчера трое бойцов под самым носом у немцев угнали и привели в лагерь целую отару овец. Войдя к себе, командир присел к столу из тесовых досок, вырвал лист из ученической тетрадки и написал: «Приказ № 25. За пригон овец в отряд в количестве 100 шт. из Будо-Гресского гарнизона противника бойцам оперативного взвода тт. Каляде Василию, Дудкину Евгению и Денисовичу Николаю объявляю благодарность. Командир отряда Градов».

Когда вешал приказ на доску, рядом со сводками Совинформбюро, сзади неожиданно раздался знакомый голос:

— Для продолжения службы прибыл, товарищ командир!

Ваупшасов оглянулся. Перед ним стоял Добрицгофер — улыбка во весь рот, ладонь под козырек.

— Карл Антонович! — Ваупшасов обнял переводчика, тот не остался в долгу, обхватил ручищами командира. Ваупшасова пронзила боль, он невольно вскрикнул,

— Что, ранен? — испугался Добрицгофер.

— С чего ты взял? Давай рассказывай.

— Жив, здоров. — Они устроились на бревне. — Лесник как о родном заботился, прямо санаторные условия создал. Два дня назад является Мацкевич с группой. Говорит: хватит, Карл Антонович, подушку давить, пора и за дело приниматься. Добрались без приключений.

— А где ребята, почему не доложились?

— Решили, что отдыхаете еще, пошли к повару. Последние

сутки, честно говоря, крошки во рту не было.

— Давай-ка и ты, Карл Антонович, на кухню, а потом сразу ко мне, вовремя вернулся. Будем заниматься Минском.

В архивах сохранилось рукописное донесение Ваупшасова о том, что представляла в те дни столица Белоруссии. Вот оно. «Минск превращен оккупантами в военно-административный и политический опорный пункт центральной армейской группировки гитлеровских войск. В Минске постоянно находится военный гарнизон, насчитывающий до пяти тысяч немецких солдат и офицеров. Здесь сосредоточены армейские резервы, сюда отводятся потрепанные на фронте части для пополнения и переформирования. В городе располагаются: штаб корпуса охраны тыла группы войск „Центр“, штаб карательного корпуса СС, управление войск СД, армейские и авиационные соединения, большая часть госпиталей. В сохранившихся крупных зданиях размещаются генеральный комиссариат Белоруссии во главе со ставленником Гитлера — гауляйтером Вильгельмом фон Кубе, созданный для управления оккупированной территорией Белоруссии и опирающийся на чудовищно большой аппарат гестапо, СД и полиции. Отделы последней размещены в бывшем доме Верховного Суда БССР. Полиция производит массовые обыски, грабит население, отбирая золото и ценные вещи. Рабочий день на предприятиях -10 часов. Рабочие получают 100 г. хлеба в день низкого качества. Промтоварных магазинов в городе нет, за исключением нескольких частных лавочек, торгующих красками и галантереей, и комиссионного магазина, торгующего награбленными у населения вещами. Основная масса населения голодает. На почве голода зимой свирепствовал тиф. Кино и театры не работают. На окраинах города полиция ежедневно устраивает облавы на молодежь мужского пола, задержанных отправляют в Германию. Для жителей от 15 до 35 лет введено обязательное донорство. Передвижение по улицам разрешается только в строго установленное время и по специальным пропускам… За неявку на регистрацию в гестапо — расстрел, за нежелание работать на немцев — расстрел. За появление на улице с наступлением темноты — расстрел».

…Разведчики, посланные в Минск, вернулись через неделю. Сходили не зря. Собрали много полезных сведений о режиме в городе, о воинских частях гарнизона, а главное — связались с верными и надежными людьми на предприятиях и в учреждениях Минска.

— Люди рвутся в бой, — докладывал Воронков. — Просят

помощи. Нуждаются в оружии, ждут от нас гранаты, взрывчатку. Я лично познакомился с братьями Сенько, Владимиром и Константином. Это смелые, отчаянные ребята. На свой страх и риск охотятся за немецкими офицерами, выслеживают и уничтожают их в парках, на пустынных улицах. Действуют самодельным холодным оружием. Просили снабдить их пистолетами и гранатами. Предостерег их от излишнего риска и горячности. Один из них имеет возможность устроиться шофером продовольственной базы с правом выезда за город. Так у нас может появиться машина для…

— … Кстати, — включился в разговор Романов, — такой машиной мы, можно сказать, уже располагаем. Меня свели с шофером городской управы Михаилом Ивановым. Парень под стать братьям Сенько. Берется выполнить любое поручение. Предложил вывезти меня из города через пропускной пункт, где его знают и обычно не останавливают. Думаю, что он сможет доставлять из лагеря в город взрывчатку.

— В городской управе есть и другой наш человек, — вновь заговорил Воронков. — Человек этот Кузьма Лаврентьевич Матузов. Был на фронте, тяжело раненным попал в плен. В управе пользуется доверием, имеет доступ к секретным документам. Часть из них передал нам. — Воронков открыл планшетку и вынул стопку документов, на печатях — орлы со свастикой в когтях. — Тут образцы всяких пропусков, удостоверений и несколько приглашений на банкет в столовую СД по случаю какого-то торжества. По идее, на этом банкете должен быть и Кубе.

Ваупшасов принял бумаги, полистал, разглядывая, и вдруг резко поднял голову:

— А нельзя ли нам туда попасть в качестве, ну, скажем, пиротехников? Могли бы устроить хороший фейерверк.

Настя не выдержала, вскрикнула с детской непосредственностью:

— Вот было бы здорово! Запомнили бы фашисты! Поднялся Гуринович.

— Разрешите, товарищ командир, по этому пункту доложить мне. Я занимался двумя объектами: столовой СД и аэродромом. В столовой работают официантками Капитолина Гурьева и Ульяна Козлова. К встрече со мной отнеслись настороженно. Не сразу пошли на откровенный разговор. А когда поверили, заявили, что согласны поджечь или взорвать заведение, где, по их словам, фашисты напиваются так, что их, как снопы, вязать можно. Я прямо спросил, могут ли девчата поставить мину где-нибудь в подходящем месте. Ответили: могут, да не знают, как с ней

обращаться. Обещал научить. То же самое готовы сделать и ждут нашей помощи уборщицы общежития летчиков Зоя Василевская и Александра Никитина. На вопрос, не побоятся ли пронести и поставить мину, ответили просто: «Боязно, конечно. Но война есть война. Пусть и наша доля будет в истреблении извергов».

Ваупшасов слушал разведчиков, а сам думал, глядя на них. Какие все ж они замечательные люди! Сколько в них мужества и отваги! Рассказывают так, будто вернулись из гостей. А ведь побывали в самой пасти врага, любой шаг мог быть последним. Но ни слова о том, как было трудно, опасно, страшно. И среди них нежная девчоночка — сидит, молчит, глядит широко распахнутыми глазами, и в них столько света, открытости, доверчивости. И захотелось вдруг командиру подняться, собрать их всех под руку, как под крыло, прижать к сердцу и сказать что-то дружески теплое, отечески ласковое…

Вошел радист. Попросил разрешения обратиться и положил перед командиром радиограмму (Центр запрашивал время приема самолета) и записку — задержан неизвестный человек, требующий встречи с командиром отряда.

Можете идти, — отпустил Ваупшасов радиста. — У вас все? — взглянул на Воронкова.

В основном. Добавлю лишь: все мы сожалеем, что мало сделали, и готовы в том же составе вернуться в город для теперь уже более конкретных дел. Я имею в виду выполнение различных акций. Думаю, что мы сейчас имеем возможность нанести оккупантам ощутимые удары. — Это верно, — согласился командир. — А работу вы провели немалую. Благодарю за службу. Но все, что сделано, это лишь часть того, что можно сделать. Отправить вас во второй раз не возражаю. Пойдете после дополнительной подготовки. Распределять обязанности не буду. Решите сами, кто за что возьмется. Завтра доложите. А сейчас отдыхать!

По тому, как задержанный вошел, как взглянул, как шагнул на середину комнаты, Ваупшасов понял, что перед ним военный. Догадка тут же подтвердилась, когда гость, вытянув руки по швам, представился:

— Бывший офицер «корпуса самообороны» Крушинский.

В маленькое оконце командирской землянки слабо проникал затемненный лесами свет. Ваупшасов неторопливо зажег жестяную лампу на столе и чуть отодвинул ее в сторону, стараясь получше рассмотреть пришельца.

— Того самого корпуса, что создан по указке Кубе для борьбы с партизанами?

— Так точно.

— И с какого же времени вы стали бывшим?

— Фактически давно, а формально со вчерашнего дня, когда ушел в леса.

— Что же вас привело к нам?

Лицо Крушинского не выражало ни растерянности, ни страха. Держался он так, будто попал к своим добрым товарищам.

— Давно искал связи с партизанами, — Крушинский взглянул на скамейку, давая понять, что предпочел бы вести беседу в менее официальной форме и обстановке. Ваупшасов не принял намека, однако ж счел нужным назвать себя:

— Я командир партизанского отряда. Цель вы достигли. Что дальше?

— Я намерен привести в ваше распоряжение подразделение, которым командую. Пятьдесят два человека. Пошлите со мной своих людей. Заверяю — никакой провокации, никакой игры. Только одно — перейти на вашу сторону.

— Как долго командуете подразделением?

— Три месяца. Все время ушло на формирование. Боев с партизанами не вели и вести не собирались. Если не считать трех кулацких сынков, которых берусь изолировать, все подразделение готово сложить оружие или, если поверите, повернуть его против немцев.

— Что за люди у вас под командой?

— В основном, молодежь, согнанная немцами подугрозой смерти.

— А вы?

— Служил в Красной Армии. Попал в плен по ранению. И сейчас еще не зажило, — Крушинский провел рукой по перевязанной шее. — Потом пришлось выбирать — концлагерь, разведшкола или «корпус самообороны».

— Садитесь и рассказывайте подробнее.

— Может, пусть напишет? — предложил до сих пор молчавший Меньшиков.

— А потом и напишет. Все, начиная с биографии. О корпусе детально.

Крушинский снял кепку, попросил нож, распорол подкладку и осторожно, чтобы не порвать, извлек свернутый листок бумаги.

— Это вам.

Писал заместитель начальника штаба «корпуса самообороны». Фамилии не называл. Предлагал встретиться. Назначал место, день и час. «В означенном районе буду находиться с инспекционными целями. Встреча желательна без охраны. Надеюсь заслужить прощение. Прошу верить как мне, так

и моему доверенному. Оба мы состоим в нелегальной организации офицеров корпуса и готовы служить Советской власти так же, как служили ей прежде».

Ваупшасов дважды прочел письмо, вглядываясь в каждое слово. Не потому, что неясен был смысл, а потому, что хотелось понять неизвестного корреспондента. Открыто, искренне действующий человек, пожалуй, не выговаривал бы условия. А тут желает перейти на нашу сторону, — размышлял Ваупшасов, — и боится, что я прибуду не один. Да нужно ли встречаться с таким? А почему нет? Ваупшасов пододвинул письмо Меньшикову и взглянул на «самооборонца»:

— Хорошо знаете этого человека?

— Достаточно, чтобы делиться сокровенными мыслями.

— Кто он?

— Бывший командир Красной…

— Бывший — живший, — перебил Ваупшасов. — Знаете, о чем он пишет?

— Да. Я готов вас проводить. Во всяком случае, имею такое поручение.

— Кто-нибудь знает, что вы отправились к партизанам?

— Никто, кроме…

— Это ясно, а в подразделении?

— Считают, что я в штабе корпуса.

— И последний вопрос. Кто вам показал сюда дорогу? Прежде чем ответить, Крушинский помолчал, покусывая нижнюю губу.

— Есть люди, которые так же доверяют мне, как и вам.

— А конкретно?

— Можно не называть?

— Ладно. Узнаем без вас. Товарищ Меньшиков, распорядись накормить, перевязать, устроить. Завтра, — обратился Ваупшасов к Крушинскому, — отправимся вместе. После переговоров с вашим другом побываю у вас. Хочу лично поговорить с вашими вояками.

…В этом домике на деревенской околице Ваупшасов уже бывал. Хозяйка была связана с партизанами и сейчас ласково говорила:

— Вы в нем, Станислав Алексеевич, не сомневайтесь. Он человек верный и не раз нам помогал.

— Посмотрим. Когда он должен быть?

— С минуты на минуту. Как явится, уйду. Не буду мешать. — Хозяйка взглянула в окно. — А вот и он. — Ваупшасов тоже посмотрел. От калитки стремительно шел молодой мужчина в военной форме. Войдя в дом, окинул все быстрым взглядом,

поздоровался и четким шагом приблизился к Ваупшасову:

— Вы Градов?

— Точно. А вы кто?

— Я писал вам письмо. Зовите пока Евгением. Рад, что встретились. Давно ожидал этой минуты, — заметно было, как у него перехватывало дыхание и слегка подрагивала правая щека.

— Вы садитесь, — Ваупшасов указал на стул и сел поодаль возле стола, накрытого белой скатертью. — Расскажите о себе.

Евгений потер рукой щеку:

— Тяжелые воспоминания.

— Что поделаешь, нужно.

— Я понимаю. Был жаркий бой. Последний патрон оставил для себя. Смалодушничал. В плену тоже выбрал не лучший путь. Но дальше не могу. Готов на все, лишь бы искупить вину.

— Чем можете нам помочь?

— Я штабной офицер. На первый раз вот, — он вынул из планшета пакет. — Здесь копии приказов, списки личного состава, дислокация частей. Сегодня к вам перейдет одно подразделение, а в ближайшие дни…

— Скажите, вы имеете доступ к Кубе?

— Нас приглашают иногда в его особняк на совещания. Оружие отбирают. Охрана многочисленная.

— Знаете кого-либо из его окружения?

— Немцы ни на какие контакты не идут. Наши из прислуги тоже запуганы, видно, и замуштрованы. А вот с библиотекаршей как-то разговорился. Эта дивчина, кажется, меньше боится.

— Вы можете познакомиться с ней поближе? — Постараюсь.

— Только осторожней. Не подведите ни ее, ни себя. Потом сведете ее с нашим человеком. Как и где, сообщу вам через связного. Перед вами открывается возможность вернуть себе солдатскую честь и звание советского патриота. Белорусский народ вынес приговор Кубе, Мы, партизаны, должны привести его в исполнение.

Евгений встал, вытянулся, глаза блестели:

— Товарищ Градов! Клянусь, при первой же встрече живым не уйдет. Буду считать целью своей жизни.

— Не горячитесь. Не такое это простое дело. Сначала выясните, где, когда бывает Кубе, часы выездов, номера и марки машин, маршруты. Сведения передайте немедленно. Подумайте, может, найдете и разработаете свои варианты акта возмездия. А пока до свидания.

— Спасибо за доверие, — пожал руку Евгений.

В соседней деревне во дворе школы двумя шеренгами стояли

вооруженные «самооборонцы». Крушинский и еще какой-то офицер отдали честь подошедшему Ваупшасову:

— Готовы к сдаче!

Ваупшасов встал лицом к строю, заговорил строго, пожалуй, даже сурово;

— Солдаты! Вы изъявили готовность перейти па сторону партизан. Но действительно ли готовы вы сбросить с себя позорную личину прислужников фашистов? Готовы ли вы с оружием в руках биться с топчущими нашу землю немецкими захватчиками? Готовы ли вы, не щадя жизни, насмерть бороться за Советскую Белоруссию, за наше социалистическое Отечество? Кто готов к борьбе с немецкими оккупантами, шаг вперед!

Шеренги дрогнули и точно выполнили команду.

— Товарищ Сорока! — Из группы сопровождавших Ваупшасова отделился бравый, чубатый партизан. — Забирай бойцов в свой отряд. По прибытии в лагерь приготовиться к приему партизанской присяги.

…Ульяна и Капитолина с трудом подняли пальму, стоявшую на перевернутой кадке, и опустили на пол. Потом приподняли кадку и, оглядываясь, с замиранием сердца уложили под нее тол, мину со взрывателем, установленным на восемь часов вечера. Пальму тяжело было снять, еще тяжелей поднять. Девушки напрягли все силы, но сбитый из досок конусообразный ящик с землей будто прирос к полу.

— Ну, Капонька, милая. Главное же сделали. Давай еще раз. Поднимем на коленки, а потом уж как-нибудь…

И снова вцепились в ящик девичьи руки. Водрузив в конце концов пальму на место, включили в зале свет и, тихо что-то напевая, начали уборку — снимали со столов запитые и запятнанные скатерти, встряхивали и расстилали накрахмаленные и белоснежные. Вскоре Ульяну отправили домой, а Капитолине велели остаться.

Часа в четыре дня в столовую явились с десяток эсэсовцев. Осмотрели весь зал, кухню, кладовки, буфеты, шкафы. Заглядывали под каждый стол и стул, открывали и проверяли все печи. Двое подошли к пальме. Капитолина стояла у дверей ни жива ни мертва: «Сейчас, сволочи, снимут пальму, опрокинут кадку, и всему конец». Нет, эсэсовцы прощупали железным шестом землю в ящике до самого дна и отошли…

К семи вечера стали съезжаться гости. Генералы, полковники, офицеры в чинах не ниже капитанского. Просторный зал, освещенный люстрами, сверкал и сдержанно шумел от разговоров не разошедшихся еще под винными парами офицеров. И по тому,

что никто не прикасался к рюмкам и фужерам, и по тому, что гул в столовой был ровный, спокойный, можно было догадаться, что ожидается приезд самого высокого начальства. Ровно в половине восьмого тучный генерал за главным столом постучал вилкой по фужеру и в наступившей тишине начал что-то говорить.

Капитолина незаметно выскользнула в коридор, накинула на плечи платок и вышла черным ходом, прихватив на всякий случай ведро с мусором. За углом стояла с открытой дверцей машина. Девушка юркнула в нее.

— Кубе там? — спросил шофер-подпольщик Иванов.

— Нет.

— Жаль, — машина сорвалась с места.

У дома Капитолины ее поджидали мать и сестренки с небольшими узелками в руках.

— Садитесь скорей, — Капитолина крепко прижала к себе девочек.

— Держитесь, родненькие, — бросил Иванов и покатил к городской окраине.

Около восьми вечера Иванов и Капитолина, выйдя из машины, стояли на пустынном шоссе, всматриваясь в темноту, в сторону Минска. Ровно в двадцать ноль-ноль издали донесся глухой, но мощный раскат, словно ударил гром, вспыхнуло и охватило ночное небо яркое пламя. Иванов рывком обхватил Капитолину, поцеловал, а она уткнулась лицом в его грудь и заплакала, вздрагивая всем телом…

Взрыв в столовой СД, в результате которого нашли свою смерть десятки фашистских офицеров и генералов, стал первым в ряду дерзких диверсий, осуществленных партизанами Ваупшасова в Минске. Вслед за тем на вагоноремонтном заводе были взорваны механический цех с дорогостоящими станками и котельная. Сожжен интернат и столовая для летчиков, при этом было уничтожено 40 и ранено около 30 оккупантов. Взорвались в воздухе два транспортных самолета с армейскими чинами на борту. Взлетели на воздух два склада боеприпасов. С помощью магнитных мин уничтожено было шесть бензоцистерн, пять паровозов в депо, двадцать автомашин в гаражах… На стенах Минска появились плакаты: оккупанты сулили 200 тысяч рублей тому, кто «укажет бандитов».

…Стоял тихий и теплый вечер. Стучал и стучал на высокой сосне красноперый дятел. Трава зеленая, но уже не такая сочная. Деревья нехотя роняли пожелтевшие листья. Вдоль лесной тропинки алели переспевшие ягоды земляники. Ваупшасов пригласил Меньшикова пройтись по лесу.

Вот уже полтора года мы с тобой, Дмитрий Александрович, обитаем в этих лесах, — заговорил Ваупшасов. — А что сделали? Сказать откровенно, не очень доволен я результатами, могли бы сделать гораздо больше.

— Не согласен, Станислав Алексеевич, не с тем, что можно сделать больше, а с тем, что сделали мало. Посудите сами. Наш отряд возрос больше, чем в десять раз. Разве это можно сбрасывать со счетов? Из отрядов, с которыми установили связь и которые создали вновь, можно уже сейчас скомплектовать одну, а то и две полноценные бригады. Что, скажете, не так? Мы отразили не менее двадцати атак карателей. Были настоящие сражения. И мы не дали себя разбить. Далее, помогли подпольному обкому партии внести в партизанское движение больше организованности, взаимодействия, дисциплины, порядка. Скольким бойцам Красной Армии, что были в окружении, помогли, можно сказать, вернуться в строй! Неужели вы забыли, как они этому радовались? И наконец самое главное: мы установили связь с городским подпольем. А что сделали там конкретно, вы знаете не хуже меня. Кроме того, рельсовая война, собрания в деревнях, а…

— Погоди, погоди, — рассмеялся Ваупшасов, что сним редко бывало. — Тебя послушать, так мы вродемолодцы?

— Молодцы не молодцы, а хлеб едим не даром.

— Хлеб, говоришь? Может, и так. Не даром. А в одном деле определенно даром.

— Догадываюсь.

— А раз догадываешься, то попробуй и тут позагибать пальцы. Не на плюсы, а на минусы. Пять дней наши косари косили траву вокруг дачи Кубе. Копен наставили много, а его ни разу не видели. Неделю лежали в канавах вдоль дороги, по которой он ездит за город. Так и не появился. Взрыв на вокзале. Убиты офицеры, а его среди них нет. Мина в машине. Машина взорвалась до того, как он сел в нее. Мина на дороге. Не доехал трех километров, вернулся. Он что, заговоренный? Нам с тобой по шапке надо дать за все эти промахи, если так можно их называть. Что с Евгением?

— Ищет подходы.

— Что с библиотекаршей?

— Я докладывал вам. Девушка настроена правильно. Имеет доступ в кабинет.

— Завтра пойду сам в город. Меньшиков остановился как вкопанный:

— Не разрешу. Подниму весь отряд. Разведка — мое дело, а не ваше.

— Смотри, какой ершистый!.. Успокойся, Дмитрий Александрович. Я не хотел тебя в чем-то упрекать. Уверен, что придавим «кабана».

— Разрешите мне завтра отправиться в Минск. Не вернусь до тех пор…

— Через неделю неожиданно вернулся. Худой, мрачный, со злобинкой в глазах. Кажется, никогда его не видел таким Ваупшасов.

— Что, опять осечка?

— Евгений погиб.

— Евгений? — Ваупшасов живо представил себе этого человека с резкими движениями, вздрагивающей щекой, не знавшего, как доказать свою готовность искупить вину перед народом. — При каких обстоятельствах?

— Не вытерпел. Пришел в генкомиссариат с просьбой пропустить по важному делу. Не вышло. Явился на другой день. Сумел проникнуть внутрь здания. Почти добрался до дверей кабинета Кубе. Был замечен, окружен. На приказ сдать оружие стал стрелять. Убил двух офицеров, застрелился сам.

— Жаль Евгения, — сказал Ваупшасов. — Теперь вся надежда на библиотекаршу. Уверен в ней?

— Да, — твердо сказал Меньшиков. — Нина сделает свое дело. Маломагнитку и брусок тола пронесла еще до этого случая. В восемь ноль-ноль двадцать третьего сентября, то есть завтра, должна вложить заряд в кресло Кубе.

— Ну, брат, сна у нас с тобой сегодня не будет. Меньшиков задумчиво походил по землянке и остановился перед командиром.

— Не получится, Станислав Алексеевич, будем штурмовать комиссариат. Все изучу, все учту, все трижды выверю и брошусь. Отберу самых яростных. Где хитростью, где силой сомнем, ворвемся, забросаем гранатами. Дотла, до пыли разнесем логово. Только разрешите.

— Что ж, — задумчиво сказал Ваупшасов, — если дело дойдет до этого, то и меня возьмешь с собой. Подумать только! Что не под силу нам, испытанным бойцам, может сделать одна-единственная слабенькая девушка. Удачи ей и славы!

— Я обратно, — Меньшиков натянул на голову картуз с лаковым козырьком. — Буду там, поближе.

— Ни пуха ни пера!

— К черту! — козырнул Меньшиков.

Ваупшасов встал до восхода солнца. Чуть поразмялся, глубоко вдыхая упоительно сладкий воздух, и зашагал к кухне. Каждое утро он вместе с поваром пилил и колол дрова. Командир

тщательно следил за своей физической формой. Зимой, когда было мало походов, делал лыжные пробежки. Не пропускал утренних зарядок в отряде. Обливался холодной водой, с ранней весны до поздней осени купался в лесных озерах.

У большой поленницы Ваупшасов и повар Стасин взвалили на козлы сосновое бревно и, поплевав на руки, взялись за пилу. Надреза сделать не успели, подскочил адъютант Малев, за ним радист Глушков,

— Кубе убит! — крикнул один.

— Кубе убит! — повторил другой.

— Что такое? — Ваупшасов отложил пилу, посмотрелна часы — половина шестого.

Немецкое радио только что передало: «Убит бандитами». Объявлен траур. Называют великим. Самым преданным нацистом. Личным другом Гитлера.

Ваупшасов быстро оделся и зашагал к штабной землянке. Он пока не понимал, что произошло, и надеялся, что сейчас явится кто-нибудь из города. Неужели Нина поставила заряд раньше? Навстречу с той же вестью: «Убит Кубе!» — спешно шли начштаба, комиссар. А через несколько минут забурлил весь лагерь. Бойцы собирались группами, и каждый по-своему выражал свои чувства:

— Наконец-то!

— Не ушел, гад, от расплаты!

— Пусть знают нашего брата! — Самого бы Гитлера так!

Ваупшасову передали радиограмму из Москвы: «По сообщению Лондонского радио, в Минске убит имперский комиссар Кубе. Проверьте, соответствует ли это действительности и кто исполнитель акта».

Первыми на взмыленных конях прискакали братья Сенько. Возбужденные, ликующие, перебивая друг друга, говорили, что Кубе растерзан в клочья, вылетел из своей постели, в городе настоящая паника среди немцев, бегают, мечутся, начались повальные обыски, аресты. Через час появился Меньшиков. Он сообщил, что по первым, уже проверенным сведениям, Кубе убит в своей спальне миной, положенной ему в постель горничной Еленой Мазаник. Ваупшасов тут же составил и отправил донесение в Центр.

— Откуда эта героиня? — спросил он у Меньшикова. — Из отряда «дяди Димы» — майора Федорова.

— Насколько ж мы с тобой опоздали?

— Да чего ж теперь считать?

— Это верно. Дело сделано. Чисто и хорошо. Вот что значит операцию проводить в разных вариантах. Получилось так, как

случается на железных дорогах, когда в одно и то же место приходят подрывники двух отрядов.

Через полчаса состоялось заседание Минского подпольного комитета партии, действовавшего на территории отряда Ваупшасова. Разработали меры, как вывести из-под удара подпольные группы города, утвердили текст воззвания к населению, которое заканчивалось словами:

> «…Грозный, но справедливый народный приговор белорусского народа над кровавым палачом Кубе приведен в исполнение.
>
> Народная месть настигнет всех палачей. Никакой террор не сломит всенародной борьбы с фашистскими захватчиками.
>
> Товарищи минчане! Приближается день вашего освобождения. Еще более усилим наши удары по оккупантам!
>
> Смерть фашистским захватчикам!»

16 июля 1944 года разрушенный, истерзанный, но не покорившийся врагу освобожденный Минск принимал парад своих славных сынов и дочерей — белорусских партизан. Тысячи и тысячи их прошли пусть не совсем чеканным шагом, но гордым, победным строем по улицам столицы Белоруссии. Бригады имени Ворошилова, Щорса, Чапаева, Чкалова, Кирова, «Штурмовая», 1, 2, 3 Минские, за ними спецотряд подполковника Станислава Алексеевича Ваупшасова…

Велик был вклад отряда в общее дело Победы. За двадцать восемь месяцев войны в тылу врага бойцы «Градова» подорвали 187 эшелонов с живой силой, техникой, боеприпасами. В боях, в результате диверсий было уничтожено свыше 14 тысяч немецких солдат и офицеров. Подпольные группы спецотряда совершили 57 крупных диверсий, из них 42 в Минске. Освободили 110 военнопленных.

Родина по заслугам оценила подвиги героев, наградив почти всех командиров, бойцов и подпольщиков спецотряда орденами и медалями СССР. Ордена Отечественной войны 1-й степени получили также Капитолина Гурьева и Ульяна Козлова. С.А. Ваупшасов был удостоен звания Героя Советского Союза.

Для многих «градовцев» минский парад стал завершением их боевого пути и началом самоотверженной работы по восстановлению спаленных врагом городов и сел Белоруссии. А военная работа их командира продолжалась….

Некоторое время С.А. Ваупшасов работает в Москве, в

центральном аппарате. Потом отправляется на Дальний Восток. Он участвует в сражениях против милитаристской Японии, а с наступлением мира становится начальником группы по очистке тыла в освобожденной Маньчжурии. «Мы обеспечивали, — напишет он после, — не только надежность коммуникаций и безопасность тыловых армейских учреждений, но и защищали мирных жителей от угрозы бандитизма и всевозможных эксцессов со стороны недобитых японских вояк. Китайское население встречало советских солдат-освободителей со слезами восторга на глазах. Оно было измучено многолетней иностранной оккупацией, полуголодным существованием, полнейшим социальным и политическим бесправием. Китайцам бывшей японской вотчины Маньчжоу Красная Армия принесла на своих штыках свободу, мир, национальную независимость, справедливость и счастье».

Много сил и энергии Ваупшасов отдал налаживанию мирной жизни в столице Маньчжурии городе Хайларе, который кишел бродягами, уголовниками, оставленными иностранными разведками шпионами. Надо было не только ловить преступников, но и заботиться о том, чтобы прокормить население, принять и разместить вернувшихся беженцев. Здесь, в Хайларе, Ваупшасов не раз встречался с белоэмигрантами, которые, стремясь искупить свою вину перед Родиной, дрались с врагом вместе с бойцами Красной Армии. «Родина у человека одна, — говорил один из них Ваупшасову. — Большевики спасли Россию от порабощения иностранцами. За это мы вас благодарим и чистосердечно помогаем…»

После возвращения в Москву С.А. Ваупшасов получает не менее ответственное и опасное задание. На этот раз его путь лежит в родную Литву. Обстановка в республике складывалась очень напряженной. Активизировалась подрывная деятельность буржуазно-националистического подполья, вооруженных банд кулаков, помещичьих сынков, полицаев времен фашистской оккупации и прочего антисоветского отребья. Им удалось втянуть в свою паутину где силой, а где ложью и некоторых простых крестьян, в основном политически незрелую молодежь. Изолировать, наказать закоренелых преступников, оторвать от них заблуждавшихся, обманутых — выполнить эту нелегкую задачу предстояло С.А. Ваупшасову и его соратникам — Б.Я. Пищику, И.И. Головинову, Г.Г. Лебедеву, А.Д. Гришечкину.

Очутившись в знакомых местах, хорошо зная язык и обычаи, прекрасно разбираясь в психологии своих соотечественников, Ваупшасов вложил в борьбу с националистическим подпольем весь жар сердца и опыт народного борца, вспоминает Б.Я. Пищик.

Не с одной бандой расправились чекисты под его руководством в Алитусском, Паневежском и других районах Литвы. Но больше всего ему доставляла удовлетворение не стрельба в ответ на бандитские атаки, а умелая политическая работа. Командированный в Аникщайский район на Виленщине, он столкнулся со следами зверств банды, которой руководил бывший офицер буржуазной армии, махровый контрреволюционер. Но были сведения и о том, что в банде не все единодушны, напротив, существуют серьезные разногласия. Можно было, конечно, выследить бандитов и уничтожить. Ваупшасов пошел иным путем. Он просидел все ночь над текстом обращения к ним: «Вы совершаете тягчайшее преступление, убивая мирных, честных людей… Тешить себя иллюзиями, будто народная власть недолговечна, или внутри страны произойдут какие-либо изменения, удобные вам и господам империалистам — вашим хозяевам, совершенно бессмысленно!.. Мне хочется надеяться, что вы поймете, какое горе приносите литовскому народу… Если вы действительно любите свой народ, если у вас осталась хоть капля совести и чести, вы поймете все, что я написал вам в этом коротком письме, и откликнитесь на него…»

Затем следовали условия легализации, обещание амнистии и возможности трудиться на благо Родины. Через некоторое время банда почти в полном составе сдалась властям. Спустя много лет встречал Ваупшасов в Вильнюсе некоторых из легализованных тогда людей. Все они честно трудились, обзавелись семьями, растили детей. Этим своим успехом он очень дорожил.

По свидетельству Г.Г. Лебедева, Ваупшасов был прекрасный советчик и в оперативных делах, и в анализе политической ситуации, и в трудном деле воспитания только еще складывавшегося коллектива чекистов. Он прислушивался к мнению каждого работника и тактично, не унижая самолюбия подчиненного, поправлял ошибочные выводы и предложения. Его опыт партизанской и подпольной борьбы позволял ему предугадывать намерения бандитских главарей, а значит, и правильно организовывать операции. Каждая операция готовилась им чрезвычайно тщательно. Как умный и опытный режиссер, он не упускал мельчайших деталей, вплоть до настроений и самочувствия бойцов, и что самое главное — лично проверял знание каждым отведенной ему роли и места в предстоящем бою.

Вспоминает И.И. Головинов: «Во время поездок по уездам приходилось часто останавливаться на хуторах. Станислав Алексеевич не упускал возможности поговорить по душам с крестьянами. Он как-то умел расположить к себе собеседников, и

зачастую крестьяне рассказывали ему то, что не всегда можно было добыть оперативным путем».

В Литве С.А. Ваупшасов прослужил до середины 50-х годов, когда пришла пора выходить в отставку…

Москва. Десятиэтажный дом на Ленинском проспекте. Нас сердечно встречает Анна Сидоровна Ваупшасова. Маленькая, энергичная, с ясными глазами, она помнит мельчайшие детали пережитого.

— Приехали мы из Литвы в Москву. Получив отставку, прожил Станислав Алексеевич неделю или две тихо-спокойно: книги читал, мне по хозяйству помогал. Потом, гляжу, оделся по-парадному, взял портфель. «Все, мать, — говорит, — отдохнул, пора и за дело браться». Все дни проводил в архивах, вечерами писал. Поработает до часа ночи, видит, что я не сплю, ляжет и скажет: «Если проснешься, разбуди меня часика в четыре. Утречком, на свежую голову, легко пишется». Трудился исступленно, забывал поесть-попить. Я уж тут следила, то чайку подам, то чуть не силком заставлю покушать.

Анна Сидоровна проводит в кабинет Станислава Алексеевича. Светлая комната, ничего лишнего. В углу стол, на нем бюсты В.И. Ленина и Ф.Э. Дзержинского. На стене портрет хозяина, на раме внизу медная пластинка с гравированной надписью: «Дорогому другу и соратнику по партизанской борьбе Герою Советского Союза Станиславу Алексеевичу Ваупшасову — от бывших партизан». Анна Сидоровна поясняет:

— Друзья купили картину на выставке и подарили мужу.

Анна Сидоровна и сын Феликс Станиславович берегут все, что связано с жизнью отважного чекиста. Они показывают десятки фотографий, различные дипломы, грамоты…ЦК ВЛКСМ выражает С.А. Ваупшасову «сердечную благодарность за большую и плодотворную работу. по коммунистическому и военно-патриотическому воспитанию молодежи, за активную помощь в организации социалистического соревнования комсомольцев и молодежи„…Учащиеся Марьиногорской школы Пуховичского района Минской области избрали С.А. Ваупшасова почетным членом своей пионерской организации, а дирекция наградила грамотой „за большую работу по воспитанию молодежи на боевых традициях…"…Пионеры и школьники Белоруссии прислали стихи:

Ваше мужество — тверже стали.
Ваша слава — в огне знамен.
Вам за мир, что в боях отстояли,

— "Дзякуй" наш и земной поклон.

На почетном месте в архиве подписанное Юрием Владимировичем Андроповым приветствие С.А. Ваупшасову по случаю его 75-летия: «Вся ваша сознательная жизнь является примером беззаветного служения нашей великой Родине, образцом бесстрашия и мужества в борьбе с врагами Советской Отчизны. От всей души желаем Вам многих, многих лет жизни, крепкого здоровья, большого счастья, новых успехов в Вашей общественной и литературной деятельности. Передайте, пожалуйста, наилучшие пожелания Вашей семье».

— …Беспокойный он у нас был, — неторопливо говорит Анна Сидоровна. — Работает-работает за столом, вдруг взглянет на часы, и нет его. То в парк в Измайлово на встречу с молодежью, то в совет ветеранов войны, то в воинскую часть, а то в поход со школьниками по местам боев в Подмосковье. Любил людей, общительный бил, без народа жить не мог. Чужую боль, как свою, чувствовал. Вот, посмотрите, — Анна Сидоровна осторожно разворачивает пожелтевший лист бумаги:

> «…Прочитав заявление ТАСС… в отношении позиция Советского правительства по суэцкому вопросу, я полностью разделяю изложенную в нем линию правительства, что советские люди никогда не были и не будут пассивными зрителями международного разбоя, когда колониальные государства силой оружия пытаются подавить народы Востока, борющиеся за свою независимость.
>
> Считаю своим долгом, долгом коммуниста принять непосредственное участие в этой борьбе. Прошу зачислить меня в число добровольцев, пожелавших принять участив в борьбе египетского народа с англо-французскими и израильскими агрессорами… Думаю, что могу быть там полезным…
>
> Герой Советского Союза Ваупшасов С.А.
>
> 13 ноября 1956 года».

— Ответили, — вспоминает Анна Сидоровна, — поблагодарили. Слава богу, не успел уехать, — улыбается она, — кончилась война.

Бережно хранится в семье книга Д. Ибаррури «Единственный путь» с дарственной надписью автора, побывавшего у Ваупшасова в гостях. Собрано немало газетных статей о герое-чекисте, документы о том, что в честь С.А. Ваупшасова названа одна из

новых улиц Минска, его имя присвоено передовой пограничной заставе. И письма, несколько ящиков писем со всех концов страны, доходившие даже с такими надписями на конвертах: «Москва, адресное бюро, С.А. Ваупшасову», «Москва, десятиэтажный дом близ Ленинского проспекта, С.А. Ваупшасову». Не было ни одного письма, на которое Станислав Алексеевич при всей его занятости не ответил бы либо добрым советом, либо просто благодарностью.

В кабинете много книг. Отдельно хранятся собственные, изданные на русском, литовском, немецком, французском, португальском, венгерском, арабском и других языках. Первая — «Огни мщения». Вышла в Вильнюсе в 1955 году. Вторая — «Партизанская хроника» — была издана в Москве в 1959 году. Через шесть лет в Минске печатается новая книга: «На разгневанной земле». Еще через три года «Политиздат» выпустил мемуары С.А. Ваупшасова «На тревожных перекрестках. Записки чекиста». Предисловие к ним написал П.К. Пономаренко, в годы войны первый секретарь ЦК КП Белоруссии и начальник Центрального штаба партизанского движения при Ставке Верховного Главнокомандования. Называя С.А. Ваупшасова человеком удивительной судьбы и отмечая, что из сорока лет, отданных службе в Советской Армии и органах государственной безопасности, он двадцать два года провел в окопах, в подполье, в лесах, в походах и сражениях, П.К. Пономаренко причислил этого воина «к славной когорте коммунистов-чекистов, которые в годы Великой Отечественной войны по приказу партии направились на оккупированную врагом территорию для выполнения заданий и организации там всенародной партизанской борьбы с гитлеровскими захватчиками».

В 1976 году родные, друзья и товарищи проводили Станислава Алексеевича Ваупшасова в последний путь. На алых подушечках несли 'Звезду Героя Советского Союза, четыре ордена Ленина, два ордена Отечественной войны, орден Красного Знамени, орден Трудового Красного Знамени Белоруссии. Так высоко Родина оценила заслуги человека большого мужества, борца за счастье и благополучие людей, написавшего однажды в своей биографии простые *и* удивительные слова: «Личной жизни для себя не признавал и не признаю».

notes

Примечания

1

В 1921 г. все осужденные по делу «Тактического центра» — были по амнистии освобождены из заключения.

2

Екаб — латышская транскрипция имени Яков.

3

Улица, где расположены аристократические кварталы Лондона

4

Полиция центральной части Лондона

5

Всероссийское демократическое совещание проведено было в целях ослабления нараставшего в России общенационального кризиса и укрепления позиций буржуазного Временного правительства.

6

Искосол — исполком Совета солдатских депутатов 12-и армия, находившийся в руках меньшевиков и эсеров.

Г.И. Благонравов — комиссар Петропавловской крепости;

8

В.Д. Бонч-Бруевич — комендант района Смольный-Таврический, председатель Комиссии по борьбе с погромами, бандитизмом и контрреволюцией.

9

Десятилетиями позже мир узнает из архивов, что, например, правительство Великобритании 21 декабря 1917 г. приняло меморандум, в котором говорилось: «Мы должны показать большевикам, что не собираемся принимать какое-либо участие во внутренних делах России и что всякая мысль, будто мы сочувствуем контрреволюции, глубоко ошибочна; в то же время провинциальным правительствам и их армиям (т. е. белым. — *В. Ш.)* должны быть предложены деньги, агенты и офицеры». И далее: «…это должно делаться как можно более скрытно, чтобы избежать, насколько возможно, обвинений в том, что мы готовим войну против большевиков».

10

Латвия по Брестскому договору, от 3 марта 1918 г. фактически была поглощена Германией.

11

Седрик- один из героев «Айвенго» В. Скотта

12

М. Я. З е л и к м а н — секретарь губкома и член губернского ревкома в Туле.

13

В 1970 г. вышла книга Ф. К. Кравченко «Под именем Шмидхена», и тогда мы узнали, что Шмидхен и Ян Янович Буйкис — одно и то же лицо

14

Мировой политики

15

Марин (V век).

16

Так называлась разведка панской Польши. Контрразведка называлась дефензивой

17

Гаски (презрительно) — русский (чеч.).

Нохчий — чеченцы, (чеч.).

19

Во избежание возможных недоразумений следует оказать, что за период существования корпуса в нем был не один старший советник. Старшими советниками в разное время и по разным вопросам были С.А. Ваупшасов, Н. К. Патрахальцев,И. Г. Старинов, В. А. Троян и другие.

В частности, одной из причин игнорирования нашей военной теорией партизанских форм борьбы были установки, согласно которым исключалась возможность ведения войны на своей территории.